

Научно-теоретический журнал

**Вестник
Санкт-Петербургского
университета МВД России**

№ 2 (94) апрель – июнь 2022 г.

Scientific-theoretical journal

**Vestnik
Sankt-Peterburgskogo universiteta
MVD Rossii**

№ 2 (94) April – June, 2022

Федеральное государственное казённое образовательное учреждение
высшего образования
«Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России

№ 2 (94) апрель – июнь 2022 г.

«Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» – рецензируемый научно-теоретический журнал, в котором публикуются оригинальные статьи по юридическим, педагогическим, психологическим проблемам.

Издаётся с марта 1999 года. Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. Выходит один раз в квартал. Языки журнала – русский и английский. Территория распространения: зарубежные страны, Российская Федерация.

Издание перерегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: ПИ № ФС77-80421 от 17 февраля 2021 г.

ISSN 2071-8284.

Решением ВАК Минобрнауки России от 29 марта 2022 года журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» включен в Перечень ВАК по следующим специальностям:

- 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки.
- 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.
- 5.3.3 – Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика.
- 5.3.9 – Юридическая психология и психология безопасности.
- 5.8.1 – Общая педагогика, история педагогики и образования.
- 5.8.7 – Методология и технология профессионального образования.

Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных *Ulrich's Periodicals Directory*.

Распространяется на территории Российской Федерации по подписке. Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» – 36631.

Ответственность за содержание статей, изложенных в них фактов несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – Г. Н. Голядкин, И. А. Шадрина, Л. М. Букина, Е.В. Пономарева.

Адрес редакции, издателя и типографии: Россия, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1. Тел. 8 (812) 730-26-96. E-mail: vestnik@univermvd.ru.

Подписано в печать 18.06.2022 г. Дата выхода в свет 30.06.2022 г. Формат 60 x 84/8 Печать офсетная. Объём 30,0 п.л. Тираж 200 экз. 1-й завод 100 экз. Заказ № 124 от 20.06.2022. Отпечатано в типографии Санкт-Петербургского университета МВД России. Тел. 8 (812) 744-00-97 Цена свободная.

© «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России», 2022.

Federal State Budget Institution for higher education
«Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation»

Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii

№ 2 (94) April – June, 2022

«Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» is a peer-reviewed scientific-theoretical journal that publishes original articles on legal, pedagogical, and psychological problems.

Journal is published since March, 1999. Founder and publisher – Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Journal is published on quarterly basis in Russian and English. Distribution territory: foreign countries, Russian Federation.

The scientific-theoretical journal «Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii». The edition is reregistered in the Federal Service for Supervision of Communications, Informational Technologies and Media Control (PI No. FS77-80421 of 17 February 2021).

ISSN 2071-8284.

In accordance with the order of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of March 29, 2022, the scientific-theoretical journal «Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» is included in the current list of leading peer-reviewed scientific journals and publications published in the Russian Federation, in which the main scientific results of dissertations for the academic degree of a doctor and candidate of science must be published, in the following groups Scientific specialties:

- 5.1.1 – Theoretical and historical legal sciences.
- 5.1.2 – Public legal (state legal) sciences.
- 5.1.3 – Private legal (civilistic) sciences.
- 5.1.4 – Criminal science.
- 5.3.3 – Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics.
- 5.3.9 – Legal psychology and security psychology.
- 5.8.1 – General pedagogy, history of pedagogy and education.
- 5.8.7 – Methodology and technology of professional education.

Journal is included in the system of the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and in *Ulrich's Periodicals Directory*.

It is distributed on the territory of the Russian Federation (subscription index on the catalog of Agency «Pressa Rossii» – 36631).

The journal is peer-reviewed.

The authors of scientific articles bear responsibility for the content of the articles, the facts presented in them. The opinion of the editorial board may not coincide with the point of view of the authors of the publications. Reference to the scientific-theoretical journal «Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» is obligatory when reprinting or reproducing in whole or in part its materials.

Editors: G. N. Golyadkin, I. A. Shadrina, L. M. Bukina, E. V. Ponomareva.

Address of editorial, publisher and printinghouse: 1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation. Tel. (812) 730-26-96. E-mail: vestnik@univermvd.ru.

Signed to print 18 June 2022. Date of publishing 30.06.2022. Format 60 x 84/8. Offset printing. Volume 30,0 p.p. Circulation 200 copies 1st issue 100 copies. Order № 124 (20.06.2022). Printed in the printing-office of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Tel. 8 (812) 744-00-97. The price is free.

Главный редактор – Каверина Л. В., кандидат филологических наук
(Россия, Санкт-Петербург).

Редакционная коллегия

Травников А. В. – председатель редакционной коллегии (Россия, Санкт-Петербург)
Бавсун М. В. – заместитель председателя редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Астафичев П. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Балахонский В. В., доктор философских наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Бекетов О. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)
Болдырев В. А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Бучакова М. А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Омск)
Васильева И. В., доктор психологических наук, доцент (Россия, Тюмень)
Вахнина В. В., доктор психологических наук, доцент (Россия, Москва)
Гейжан Н. Ф., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Гельдибаев М. Х., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Гривенная Е. Н., доктор педагогических наук, доцент (Россия, Краснодар)
Дозорцева Е. Г., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
Ерофеева М. А., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)
Ескина Л. Б., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Илакавичус М. Р., доктор педагогических наук (Россия, Санкт-Петербург)
Каплунов А. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Коваленко В. И., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Белгород)
Коларич Драгана, доктор юридических наук, профессор (Республика Сербия, Белград)
Кубышко В. Л., кандидат педагогических наук (Россия, Москва)
Латышов И. В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Мещерякова Е. И., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Воронеж)
Миялькович Саша, доктор безопасности, профессор (Республика Сербия, Белград)
Муттилайнен Веса Петтери, доктор общественных наук (Финляндская Республика, Тампере)
Нижник Н. С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Никифоров Г. С., доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Николаева Т. Г., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Никуленко А. В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Пастушеня А. Н., доктор психологических наук, профессор (Республика Беларусь, Минск)
Рузакова О. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Сафонов А. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Сердюк Н. В., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)
Слепцов И. В., кандидат юридических наук (Казахстан, Костанай)
Стрельникова Ю. Ю., доктор психологических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Тюнин В. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Ульянина О. А., доктор психологических наук, доцент (Россия, Москва)
Ухов В. Ю., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Химичева О. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Цветков В. Л., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
Цветков И. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Честнов И. Л., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Чечётин А. Е., доктор юридических наук, профессор (Россия, Барнаул)
Шаранов Ю. А., доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Шахматов А. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Editor in Chief – Kaverina L. V., Candidate of Philological Sciences
(Russia, Saint Petersburg)

Editorial Board

Travnikov A. V., Chairman of an Editorial Board (Russia, Saint Petersburg)
Bavsun M. V., Vice-chairman of an Editorial Board, Doctor of Juridical Sciences, Professor
(Russia, Saint Petersburg)
Astafichev P. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Balakhonsky V. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Beketov O. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Omsk)
Boldyrev V. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)
Buchakova M. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Omsk)
Vasilieva I. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Tyumen)
Vakhnina V. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)
Geyzhan N. F., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Geldibaev M. Kh., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Grivennaya E.N., Doctor of Pedagogical Sciences, Docent (Russia, Krasnodar)
Dozorcheva E. G., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Erofeeva M. A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Eskina L. B., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Ilakavichus M. R., Doctor of Pedagogical Sciences (Russia, Saint Petersburg)
Kaplunov A. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Kovalenko V. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Belgorod)
Kolarich Dragana, LLD (Republic of Serbia, Belgrade)
Kubyshko V. L., Candidate of Pedagogical Sciences (Russia, Moscow)
Latyshov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)
Mescheryakova E. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Voronezh)
Mijalkovich Sasha, PhD, Professor (Republic of Serbia, Belgrade)
Mutttilainen Vesa Petteri, Doctor of Social Sciences (Finland, Tampere)
Nizhnik N. S., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Nikiforov G. S., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Nikolaeva T. G., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Nikulenko A. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)
Pastushenya A. N., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Republic of Belarus, Minsk)
Ruzakova O. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Safonov A. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Serdyuk N. V., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Sleptsov I. V., Candidate of Juridical Sciences (Kazakhstan, Kostanay)
Strelnikova J. Y., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)
Tyunin V. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Ul'yanina O. A., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)
Ukhov V. Y., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Khimicheva O. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Cvetkov V. L., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Tsvetkov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)
Chestnov I. L., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Chechetin A. E., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Barnaul)
Sharanov Y. A., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)
Shakhmatov A. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Авдеев В. А., Авдеева О. А.</i> Преступление как уголовно-правовая категория: соотношение доктринально-методологического и законотворческого подходов (ретроспективный анализ)	10
<i>Бредихин А. Л., Удальцов А. А.</i> Пётр Великий и его эпоха: взгляд из XXI века	18
<i>Хвостова А. В.</i> «Механизм действия права»: содержание понятия	24
<i>Чукаев Т. О.</i> Омnipотенция «общественного права» в оценке М. М. Шпилевского	31
<i>Шавеко Н. А.</i> К вопросу о причинах отмены телесных наказаний	42
<i>Шамак С. А.</i> Средства массовой информации – основное оружие информационных войн против России	47

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Гоглева К. Ю.</i> К вопросу о специфике использования средств специализированного конституционного контроля Конституционного Суда Российской Федерации в механизме разрешения публично-правовых конфликтов	56
<i>Каплунов А. И., Ухов В. Ю.</i> Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения)	62

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Савельева М. В.</i> Компенсация за моральный вред, причинённый незаконным уголовным преследованием: использование судами оценочных понятий при определении её размера	75
<i>Старосельцева М. М., Цуканов О. В.</i> Проблемы гражданско-правовой ответственности при нарушении интеллектуальных прав собственности в сети интернет	84

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Арутюнян Д. А., Головкин О. Е.</i> Цифровизация процессуальных действий: путь к ускорению и удешевлению производства по уголовному делу	89
<i>Бражин Ю. Ю.</i> Теоретико-прикладное исследование служебно-экономических преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение»: сущность и содержание	95
<i>Брянская Е. В.</i> Возвращаясь к вопросу о целесообразности следственных судей в процессе доказывания по уголовному делу	101
<i>Бугера М. А.</i> Борьба с хищениями сотовых телефонов и персональных данных, содержащихся в них: проблемы и пути решения	108
<i>Григорова И. А.</i> Уголовно-правовая охрана территориальной целостности Российской Федерации	114
<i>Гринберг С. А.</i> Организационно-управленческие меры противодействия организованным формам профессиональной преступности в условиях современного мегаполиса	129
<i>Ильин И. С.</i> Ближайшие последствия демонстративно-протестной преступности	135
<i>Кузьмин Н. А., Завьялов И. А.</i> Особенности оперативно-розыскной деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел по раскрытию преступлений прошлых лет	141

<i>Лебедь А. Л.</i> Мониторинг показателей деятельности комиссий по соблюдению требований к служебному поведению гражданских служащих и урегулированию конфликта интересов (на материалах Ленинградской области)	149
<i>Шашуро С. В.</i> Правовые режимы юбилейных медалей СССР и Российской Федерации: уголовно-правовой аспект	158

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Мудрик А. В., Никитская Е. А.</i> Сообщество микросоциумов как социально-педагогический феномен: предварительные результаты исследования	166
---	-----

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Вашкевич А. В., Бантюков И. Б.</i> Музейные пространства МВД как форма воспитания и образования сотрудников органов внутренних дел	172
<i>Илакавичус М. Р., Самойлова Т. А.</i> Проблема выбора методологии в исследованиях иноязычной подготовки в организациях высшего образования МВД России	184
<i>Кипреев С. Н.</i> Формирование патриотизма у курсантов образовательных организаций МВД России в процессе повседневной деятельности	191
<i>Хыбыртов Р. Б.</i> Педагогические технологии повышения эффективности обучения сотрудников полиции приёмам рукопашного боя	199

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГНОМИКА

<i>Гайдамашко И. В., Бабичев И. В.</i> Модель психологического сопровождения подготовки юных спортсменов	203
<i>Куликов М. Л., Науменко С. В.</i> Особенности психологической подготовки лыжника-гонщика	210

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

<i>Арефьева О. В.</i> Теоретические подходы к определению лжи в контексте специального психофизиологического исследования с применением полиграфа кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации	215
<i>Злоказов К. В.</i> Влияние уголовного наказания на взаимодействие преступника с социальным окружением	225
<i>Зуева Е. Г., Барина М. Г.</i> Индивидуально-психологические особенности сотрудников правоохранительных органов, влияющие на психологическую готовность к действиям в экстремальных условиях	233

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Avdeev V. A., Avdeeva O. A.</i> Crime as a criminal-legal category: the ratio of doctrinal-methodological and legislative approaches (retrospective analysis)	10
<i>Bredikhin A. L., Udaltsov A. A.</i> Peter the Great and his era: a view from the 21st century	18
<i>Khvostova A. V.</i> «The mechanism of action of the law»: the scope of the concept	24
<i>Chukaev T. O.</i> Omnipotence of «public law» in the assessment of M. M. Shpilevsky	31
<i>Shaveko N. A.</i> Why corporal punishment was abolished?	42
<i>Shamak S. A.</i> Mass media is the main weapon of information wars against Russia	47

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Gogoleva K. Yu.</i> To the question of the specific use of the means of specialized constitutional control of the Constitutional Court of the Russian Federation in the mechanism of resolution of public law conflicts	56
<i>Kaplunov A. I., Ukhov V. Y.</i> Current problems of administrative and administrative procedural law (Sorokin Readings)	62

PRIVATE LEGAL (CIVILISTIC) SCIENCES

<i>Saveleva M. V.</i> Compensation for non-pecuniary damage caused by illegal criminal prosecution: the use of evaluative concepts by the courts when determining its amount	75
<i>Staroseltseva M. M., Tsukanov O. V.</i> Problems of civil liability in case of violation of intellectual property rights on the Internet	84

CRIMINAL SCIENCE

<i>Harutyunyan D. A., Golovkin O. E.</i> Digitalization of procedural actions: the way to accelerate and reduce the cost of criminal proceedings	89
<i>Brazhin Yu. Yu.</i> Theoretical and applied research of the white-collar crimes in the sphere of implementation of the national healthcare project: its nature and scope	95
<i>Bryanskaya E. V.</i> Revisiting a question of the expediency of investigating judges in the evidentiary procedure in a criminal case	101
<i>Bugera M. A.</i> Fighting theft of cell phones containing personal data: problems and solutions	108
<i>Grigороva I. A.</i> Criminal and legal protection of the territorial integrity of the Russian Federation	114
<i>Grinberg S. A.</i> Organizational and management measures in countering organized forms of professional crime in a modern metropolis	129
<i>Ilyin I. S.</i> Immediate consequences of the crimes connected to protest actions	135
<i>Kuzmin N. A., Zavyalov I. A.</i> Features of the investigative activities performed by police units detecting cold cases	141
<i>Lebed A. L.</i> Monitoring of performance indicators of commissions on compliance with the requirements for official conduct of civil servants and resolving conflicts of interest (on the materials of the Leningrad region)	149

<i>Shashuro S. V.</i> Legal regimes of anniversary medals of the USSR and the Russian Federation: criminal and legal aspects	158
--	-----

**GENERAL PEDAGOGY,
HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION**

<i>Mudrik A. V., Nikitskaya E. A.</i> The community of microsociums as a socio-pedagogical phenomenon: preliminary results of the study	166
---	-----

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF PROFESSIONAL EDUCATION

<i>Vashkevich A. V., Bantyukov I. B.</i> Museum spaces of the Ministry of Internal Affairs as a form of training and education of police officers	172
<i>Ilakavicius M. R., Samoylova T. A.</i> The problem of choosing a methodology in research on foreign language training in higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia	184
<i>Kipreev S. N.</i> Promotion of patriotism among cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia in their daily activities	191
<i>Khybyrtov R. B.</i> Pedagogical technologies of increasing effectiveness training hand-to-hand combat skills to police officers	199

**LABOR PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY,
COGNITIVE ERGONOMICS**

<i>Gaidamashko I. V., Babichev I. V.</i> Model of psychological support for the training of young athletes	203
<i>Kulikov M. L., Naumenko S. V.</i> Features of psychological training of a ski racer	210

LEGAL PSYCHOLOGY AND SECURITY PSYCHOLOGY

<i>Arefieva O. V.</i> Theoretical approaches to the definition of lies in the context of a special psychophysiological study using a polygraph of candidates for service in the internal affairs bodies of the Russian Federation	215
<i>Zlokazov K. V.</i> The impact of criminal punishment on interaction of an offender with social environment	225
<i>Zueva E. G., Barinova M. G.</i> Individual psychological characteristics of law enforcement officers affecting the psychological readiness for action in extreme conditions	233

Теоретико-исторические правовые науки

Научная статья
УДК 340.1
doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-10-17

Вадим Авдеевич Авдеев

доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0002-8614-6996>, vadim.avdeevich@mail.ru

*Югорский государственный университет
Российская Федерация, 828012, Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16*

Ольга Анатольевна Авдеева

доктор юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0002-5771-4237>, Avdeeva_O_A@mail.ru

*Восточно-Сибирский институт МВД России
Российская Федерация, 664028, Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110*

Преступление как уголовно-правовая категория: соотношение доктринально-методологического и законотворческого подходов (ретроспективный анализ)

Аннотация: Цель исследования. В современный период ключевым направлением является обеспечение государственной, общественной и личной безопасности. Новизна темы исследования состоит в постановке проблемы, связанной с раскрытием особенностей регламентации понятия преступления и образующих его признаков на разных этапах государственно-правового строительства с учётом политико-правовых, социально-экономических и социокультурных факторов. Пристальное внимание сосредоточено на взаимосвязи правовых ценностей, научной доктрины и правоприменительной деятельности при разработке дефиниции преступления. *Методологию исследования* образует совокупность общенаучных и научно-научных методов, обусловивших комплексный подход к изучению уголовно-правовой политики в сфере законодательного оформления преступления как правовой категории и образующих его признаков. *Результатом* проведённого исследования является раскрытие юридической природы преступления, его сущностных свойств и признаков как социально-правового негативного явления; определение тенденций нормативно-правовой регламентации дефиниции понятия преступления; установление особенностей современной российской законодательной формулы определения понятия преступления. Показана взаимообусловленность

реализуемой российской уголовно-правовой политики и законодательной формулы понятия преступления на разных этапах формирования и развития отечественной государственности как происходящими политико-правовыми и социально-экономическими преобразованиями, так и достижениями в теоретико-правовой и уголовно-правовой доктрине на национальном и международном уровнях. *Выводы и заключения:* сформулированы выводы о факторах, инспирирующих законодательную регламентацию понятия преступления. Определены доктринальные основы законодательного оформления понятия и признаков преступления. Аргументированы положения относительно особенностей регламентации формальных и материальных признаков преступления как уголовно-правовой категории.

Ключевые слова: правовая политика, уголовно-правовая политика, уголовный закон, преступление, уголовный проступок

Для цитирования: Авдеев В. А., Авдеева О. А. Преступление как уголовно-правовая категория: соотношение доктринально-методологического и законотворческого подходов (ретроспективный анализ) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 10–17; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-10-17.

Vadim A. Avdeev

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-8614-6996>, vadim.avdeevich@mail.ru

Yugra State University

16, Chekhov str., Khanty-Mansiysk, 828012, Russian Federation

Olga A. Avdeeva

Dr. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-5771-4237>, Avdeeva_O_A@mail.ru

East Siberian Institute of the MIA of Russia

110, Lermontova st., Irkutsk, 664028, Russian Federation

Crime as a criminal-legal category: the ratio of doctrinal-methodological and legislative approaches (retrospective analysis)

Abstract: Currently the key direction of criminal policy is to ensure state, public and personal security. *The novelty* of the research consists in characterization of the concept of criminal offence and its constituent features at different historical stages, considering political, legal, socio-economic and socio-cultural factors. The authors pay special attention to the relationship of legal values, scientific doctrine and law enforcement activities in the development of the definition of crime. *The methodological basis* of the study is a set of general and special scientific methods that lead to a comprehensive approach to the study of criminal law policy in the field of legislative definition of a crime as a legal category and its constituent features. *As a result* of the research the authors explore the legal nature of the crime, its essential properties and characteristics as a negative social and legal phenomenon, and show the trends in the regulatory process. The article shows the interdependence of the criminal law policy implemented in Russia and the legislative formula of the concept of crime at different stages of the formation and development of the national statehood, both by the ongoing political, legal and socio-economic transformations, and by the achievements in the theoretical and legal and criminal law doctrine at the national level. *Conclusions.* The authors offer an explanation to the factors that inspire the legislative regulation of the concept of crime and determine the tendencies of the legislative formalization of the concept and signs of crime in the domestic and foreign science of criminal law. Finally, the authors suggest a perspective on the correlation of formal and material signs of a crime as a criminal legal category.

Keywords: legal policy, criminal law policy, criminal law, crime, criminal offense

For citation: Avdeev V. A., Avdeeva O. A. Crime as a criminal-legal category: the ratio of doctrinal-methodological and legislative approaches (retrospective analysis) // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – P. 10–17; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-10-17.

Введение

Прогрессивное поступательное развитие мирового сообщества и национальной государственности в контексте реализации принятой в 2015 г. Концепции устойчивого развития общества на период до 2030 г. актуализирует основные направления правовой политики, связанные с решением 17 целей и 169 задач, обеспечивающих формирование условий для «стабильной и фактической реализации общесоциальных и правовых благ». Вследствие этого Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 утверждению подлежала Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, исходя из содержания которой следует, что одной из угроз на современном этапе является неуклонный рост показателей отдельных видов преступности, посягающих на личную, общественную и государственную безопасность.

В этой связи стоит обратить внимание на данные официальной статистики МВД России, свидетельствующие о росте в 2019–2020 гг. абсолютных показателей зарегистрированной преступности на 1,63 % и 0,98 % соответственно. При этом сохраняется тенденция роста числа зарегистрированных преступлений (2018 г. – 1991532; 2019 г. – 2024337; 2020 г. – 2044221). В 2021 г., несмотря на снижение абсолютного показателя преступности на 1,9 % (2004404), одновременно наметился существенный рост причинённого преступлением вреда. Нельзя не подчеркнуть степень и тяжесть негативных последствий совершённых преступлений физического, морального и материального характера. В 2021 году по сравнению с 2020 годом более чем в полтора раза возрос нанесённый преступлениями материальный ущерб. Так, если в 2020 г. материальный ущерб составил 512,83 млрд рублей, то в 2021 г. – 834,47 млрд рублей.

Реализация на внутригосударственном, межгосударственном и национальном уровнях Концепции устойчивого развития общества на период до 2030 г. и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. требует поиска и внедрения качественно новых технологий в сфере правового воздействия, направленных на осознание общесоциальной и юридической ценности правового регулирования, обладающего совокупностью методов и средств для обеспечения охранительно-регулятивной, восстановительной, компенсационной, информационно-ориентационной, культурно-исторической и иных функций, содействующих гармонизации правотворческой, правореализационной, правоприменительной и правоинтерпретационной деятельности.

В процессе совершенствования юридической техники, направленной на прогнозирование и экстраполирование состояния преступности, выявление условий и причин возникновения новых видов угроз, детерминирующих новые виды преступности и создающих препятствия для эффективной реализации

механизма правового регулирования, существенную роль играет консолидация ресурсов, обеспечивающих правотворческую и правореализационную деятельность [1, с. 54–56]. Совершенствование законодательных основ правового регулирования уголовно-правовых средств противодействия новым угрозам и вызовам в условиях глобализации должно основываться на активизации таких принципов правотворческого процесса, как научность, законность, профессионализм и апробированность внедряемых институтов уголовного права с учётом имеющегося в национальной правовой системе правового опыта их реализации¹. Исходя из значимости позитивизируемого обществом социально-правового опыта, особого внимания заслуживает анализ доктринально-методологических и практико-реализационных основ формирования одной из основополагающих категорий в механизме уголовно-правового регулирования – понятия преступления.

Кроме того, повышенный интерес российской научной юридической общественности к изучению правового опыта регламентации понятия преступления обусловлен правовой политикой РФ по совершенствованию норм отраслевого законодательства в контексте наметившейся либерализации уголовного законодательства, повлекшей разработку законопроекта, представленного 13 октября 2020 г. в рамках Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка”». В качестве стратегической задачи обозначено принятие в целях гуманизации уголовного законодательства мер по снижению репрессивности уголовного закона, содействующих созданию и поддержанию благоприятного делового климата. Вследствие этого предлагается ввести в уголовный закон категорию «уголовный проступок» и распространить её действие на «преступления небольшой тяжести против собственности и отдельные преступления небольшой и средней тяжести в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, не связанные с применением насилия либо с угрозой его применения, а равно с противоправной деятельностью организованных групп либо с причинением особо крупного ущерба или иных тяжких последствий». Исходя из этого, предлагается ввести в УК РФ статью 151, регламентирующую понятие уголовного проступка как «преступления небольшой тяжести, совершённого лицом впервые, за которое Уголовным

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (рег. № 22-28-20133) и Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

кодексом РФ не предусмотрено наказание в виде лишения свободы». Необходимо заметить, что высказанные в законопроекте предложения вызвали неоднозначную оценку. Учёные и практики, с одной стороны, отмечают позитивность предлагаемых мер по либерализации уголовного закона, с другой стороны, указывают, что наличие ряда проблемных вопросов отраслевого и межотраслевого характера требует дополнительного обоснования высказанных предложений как на доктринальном уровне, так и на уровне реализации уголовного закона [2; 6; 9].

Описание исследования и результаты

Приступая к исследованию правового опыта, стоит отметить, что преступление как уголовно-правовая категория претерпевает длительный процесс формирования и эволюции на доктринальном и законодательском уровнях. Анализ процесса законодательского оформления понятия преступления позволил обратиться к источникам права древнерусской государственности, когда до становления отечественной юридической науки на правотворческом уровне поэтапно по мере возникновения необходимости закрепляются уголовно-правовые институты и их дефиниции. Так, термин «преступление» впервые закреплён в Двинской уставной грамоте 1398 г. Однако законодательное оформление преступления как уголовно-правовой категории не сопровождалось дефиницией данного понятия. В основу был положен подход законодателя, используемый на первых этапах формирования древнерусского права, когда в Русской Правде Краткой, Пространной и Сокращенной редакций, представлявшей собой систематизацию отраслевых норм, в оборот был введён термин «обида», ведущим признаком которой признавалось причинение потерпевшему в лице главы государства, органов государственной власти, должностных лиц и подданных государства физического, материального или морального вреда. С принятием в 1497 г. Судебника, а затем Соборного уложения 1649 г. законодатель вместо обиды и преступления использует термин «лихое дело».

Переход государственности к просвещённому абсолютизму predetermined становление научных, в том числе юридических школ, активно изучающих зарубежный опыт регламентации уголовно-правовых институтов. В частности, Пётр I в Именном Указе от 24 декабря 1714 г., вновь вводя в оборот термин «преступление», закрепляет его дефиницию как «ослушание царской воли», влекущее «приключение» вреда и убытков государству, последствием которого является наказание. В Артикуле Воинском 1715 г. закреплению подлежали такие понятия как «преступление» и «преступитель», сущность которых заключается в нарушении закона. Уголовно наказывались преступители правил, установленных государством во избежание причинения убытков и вреда (арт. 104, 117, 202).

В развитие законодательного подхода к понятию преступления Екатерина II в Манифесте 1763 г. и «Наказах» подчёркивает значимость принципа законности в праве. Вследствие этого дефиниция понятия преступления стала содержать указание на такие признаки, как: 1) «ослушание царской воли»; 2) установление запрета на его совершение непосредственно в законе, вызывающем у подданных «боязнь»; 3) цель, преследующую «благо общества». Примечательно, что согласно Уставу благочиния или полицейскому от 8 апреля 1782 г. совершаемые в обществе противозаконные деяния – «запрещения» в уголовно-правовом аспекте стали обозначать «уголовными преступлениями» (ст. 191–232).

В эпоху Просвещения в процессе реализации правотворческого процесса активному изучению подлежало зарубежное законодательство. В результате совершенствование отечественного уголовного законодательства в XVIII–XIX вв. сопровождалось активным внедрением в национальную правовую систему зарубежной правовой мысли о преступлении. Исходя из положений французской Декларации прав и свобод человека и гражданина от 26 августа 1789 г., лишь закон может воспрещать вредные для общества деяния. Не воспрещённые законом действия являются дозволенными, что исключает принуждение к не предписываемому законом действию (ст. 5). На основании УК Франции 1810 г. преступлением предписывалось считать деяние, караемое мучительными или позорящими наказаниями (ст. 1). В УК Королевства Баварии 1813 г. понятие преступления ориентировало правоприменителя на антисоциальную направленность деяния, вследствие чего к преступлениям следовало относить умышленные нарушения закона, находящиеся под угрозой наказания из-за размера злонаправленности.

В процессе поэтапной эволюции российского законодательства, сопряжённой с внедрением правового опыта зарубежных стран, в первой половине XIX в. в книге первой тома XV Свода законов Российской империи 1832 г. – «О преступлениях и наказаниях вообще» к преступлению относили всякое деяние, запрещённое законом под страхом наказания. Между тем, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (глава первая – «О существе преступлений и проступков и о степенях вины») законодатель к преступлению причисляет всякое нарушение закона, посягающее на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей или же на права или безопасность общества или частных лиц (ст. 1). Под проступком же понималось нарушение правил, предписанных для охранения определённых законами прав и общественной или личной безопасности или пользы (ст. 2). За преступления и проступки виновные по мере важности оных подлежали наказаниям уголовным или исправительным (ст. 3). Законодатель ориентирует в ст. 4 правоприменителя на соблюдение таких

признаков преступления, как противозаконность и наказуемость, дополняя их в ст. 5 признаком виновности лица, совершившего деяние с умыслом или без такового.

В начале XX в. под воздействием политико-правовых и социально-экономических преобразований принимается Уголовное уложение 1903 г., определяющее в ст. 1 «преступное деяние» как деяние, воспрещённое во время его учинения законом под страхом наказания. Признание совершенного деяния преступным предусматривало назначение восьми видов наказания, к числу которых относили денежную пеню; арест; заключение в исправительном доме, тюрьме или крепости; ссылку на поселение и каторгу; смертную казнь. С учётом разграничения преступных деяний на три категории регламентации подлежали: 1) «тяжкие преступления», за которые предусматривалось назначение смертной казни, каторги или ссылки на поселение; 2) «преступления», к которым стали относить преступные деяния, совершение которых влекло назначение наказания в виде заключения в исправительном доме, крепости или тюрьме; 3) «проступки», представляющие собой преступные деяния, наказываемые арестом или денежной пеней. Таким образом, определение понятия преступления в российском законодательстве XIX – начала XX в. содержало два образующих его признака – формальный и материальный. Формальный признак заключался в противоправности деяния, материальный признак – в общественной его опасности.

Развитие уголовно-правовой доктрины в области регламентации преступления как уголовно-правовой категории связано с трудами известного итальянского учёного Ч. Беккариа (1738–1894), который под истинным мерилom преступления понимал «принесённый» им вред [3, с. 226]. Французский учёный Жозеф Л.-Э. Ортолан (1802–1873) считал, что преступлением следует считать деяние, являющееся любым нарушением уголовного закона [10]. Немецкий юрист Рудольф фон Иеринг (1818–1892) рассматривал преступление как утверждённое законодательством вредоносное посягательство на жизненные условия общества. С начала XIX в. активное осмысление понятия преступления происходит и в отечественной юридической науке. Например, В. Д. Спасович рассматривает преступление как деяние, запрещённое уголовным законом, при этом подчёркивая достаточность формального определения понятия преступления для юриста-практика, гражданина и недостаточность – для науки [13, с. 19, 83–84]. А. Ф. Кистяковский предлагал считать преступлением нарушение закона, установленного для ограждения благосостояния и безопасности граждан. Примечательно, что Н. С. Таганцев в развитие предложенных в отечественной уголовно-правовой науке дефиниций ориентировал законодателя на юридические свойства и признаки и рассматривал преступление как

нарушение заповедей или норм права, велений авторитетной воли, регулирующей юридические отношения в целях свободной деятельности каждого [14]. Г. И. Солнцев, акцентируя внимание на справедливости уголовного закона, писал, что преступлением является воспрещаемое положительными законами деяние, нарушающее безопасность государства и частных граждан и влекущее для преступника правомерное наказание. Н. Д. Сергиевский считал, что под преступлением стоит понимать действие человека, нарушающее нормы правового порядка. При этом преступным является то деяние, которое причиняет или заключает опасность причинения вреда обществу и частным лицам [12, с. 257]. С. Будзинский писал, что существенным признаком преступления следует считать его содержание, которое представляет деяние, имеющее форму как действия, так и бездействия [4, с. 55]. Синтезируя предложенные в XIX в. отечественными учёными дефиниции преступления как уголовно-правовой категории, можно сделать следующие выводы. Преступление представляет собой деяние, выраженное в форме действия или бездействия, направленное на нарушение права, установленного в форме закона, влекущее наказание, ограничивающее «непременную свободу воли лица», его совершившего.

Новый этап законотворческой деятельности в области регламентации понятия преступления как уголовно-правовой категории наметился в период советского государственного правового строительства. Примечательно, что содержание ст. 5 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 г., определяющее преступление как нарушение охраняемого уголовным правом порядка общественных отношений, подлежало дополнению содержанием ст. 6, в соответствии с которым к преступлению предписывалось относить как действие, так и бездействие, опасное для данной системы общественных отношений. При этом в дефиниции понятия преступления, содержащемся в данных статьях, отсутствовало указание на признак виновности, который, в свою очередь, получил закрепление в ст. 12, согласно которой вина в форме небрежности, легкомыслия и заранее обдуманного намерения выступала обстоятельством, влияющим на меру наказания.

В Уголовном кодексе РСФСР, принятом ВЦИК 24 мая 1922 г. и введённом в действие с 1 июня 1922 г., наряду со структурным разграничением двух – Общей и Особой – частей качественно новый подход наметился в регламентации понятия преступления, под которым стали понимать всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку (ст. 6). Общественная опасность заключалась в совершении вредных для общества или «серьёзно угрожающих» общественному правопорядку действий (ст. 7). Регламентируя две формы вины – умысел и неосторожность, законодатель устанавливает

назначение наказания исключительно за виновно совершённые действия (ст. 11).

Постановлением ВЦИК от 22 ноября 1926 г. введению в действие с 1 января 1927 г. подлежал Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г., в котором в качестве задачи констатировалась охрана государства и правопорядка от общественно опасных действий (преступлений) путём применения к совершившим лицам мер социальной защиты (ст. 1). Общественно опасным считалось действие (бездействие) против советского строя или нарушающее правопорядок (ст. 6). Не являлось преступлением подпадающее под действие определённой статьи действие, лишённое общественной опасности, в силу отсутствия вредных последствий и малозначительности (примечание к ст. 6).

Анализируя нормы уголовного законодательства РСФСР, М. Д. Шаргородский писал, что в основу понятия преступления был положен материальный признак [16, с. 42-43]. Н. Д. Дурманов, поддерживая данную точку зрения, считал, что материальная формула понятия преступления была отражена как в законодательстве, так и находила претворение в судебной практике [8, с. 248–249]. Действительно, материальный признак, связанный с общественной опасностью действия или бездействия, угрожающего охраняемой системе общественных отношений, признавался одним из основополагающих в механизме уголовно-правового регулирования. Следует также отметить выделение в понятии преступления формального признака, заключающегося в противоправности деяния, направленного на нарушение регулируемого государством порядка общественных отношений и формализованного в уголовном законе запрета.

Качественно новый этап в регламентации понятия преступления связан с принятием Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, утверждённых Законом Верховного Совета СССР от 25 декабря 1958 г. В результате новеллизации уголовно-правовых норм, регламентируемых в I–IV разделах, под преступлением стали понимать предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на общественный и государственный строй, собственность, личность, правопорядок. Не являлось преступлением действие или бездействие, содержащее признаки предусмотренного уголовным законом деяния, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности (ст. 7).

На основании Закона Верховного Совета РСФСР от 27 октября 1960 г. в действие с 1 января 1961 г. был введён УК РСФСР, в котором в ст. 7 преступлением признавалось предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на общественный строй, его экономическую и политическую системы, собственность, личность, правопорядок. Согласно ст. 3 УК РСФСР уго-

ловной ответственности подлежало только виновное в совершении преступления лицо.

Стоит заметить, что совершенствование советского уголовного законодательства в регламентации понятия преступления сопровождалось активной дискуссией по данному вопросу среди учёных и практиков, в ходе которой подчёркивалась целесообразность включения в само определение понятия преступления таких признаков деяния, как виновность, наказуемость и аморальность [5, 7]. В противовес данной позиции С. А. Домахин писал, что для признания виновности самостоятельным признаком преступления отсутствуют основания, так как уголовная противоправность деяния содержит данный признак и уголовный закон относит к преступным лишь виновные деяния. Б. С. Утевский считал, что дискуссионной выглядит позиция относительно наказуемости как признака преступления в силу того, что наказание есть следствие совершения преступления [15, с. 42]. А. А. Пионтковский утверждал, что излишним является указание в определении понятия преступления признака аморальности ввиду того, что противоправность деяния свидетельствует о противоречии деяния нормам нравственности и не требует дублирования в указанной формуле [11, с. 33–34]. В частности, аморальность, вступая в противоречие с одной из основных форм общественного сознания, свидетельствует о безнравственном поведении человека. Нарушение принципов и общепринятых норм поведения имеет место при совершении любого правонарушения (дисциплинарного проступка, гражданско-правового деликта, административного правонарушения). Вследствие этого аморальность поведения лица не является характерным признаком преступления, требующим закрепления в уголовном законе.

Модернизация политико-правовой и социально-экономической систем, наметившаяся на рубеже 80–90-х гг. XX в., сопровождалась принятием Постановлением Верховного Совета СССР от 2 июля 1991 г. Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик и введением их в действие с 1 июля 1992 г. за исключением регламентирующей основания применения смертной казни статьи 40, наделяемой юридической силой с момента опубликования акта. Анализ Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г. свидетельствует, что законодатель, руководствуясь нормами международного права, использует новый подход к определению преступления, рассматриваемого как виновно совершённое общественно опасное деяние (действие или бездействие), запрещённое уголовным законом под угрозой наказания (ст. 8). Исходя из определения, следует, что виновность, общественная опасность, противоправность и наказуемость являются обязательными признаками, необходимыми для отграничения преступления от иных видов противоправных посягательств. К малозначительным деяниям следовало от-

носить деяние, которое формально содержало признаки преступления, но не являлось общественно опасным.

Дальнейшая новеллизация уголовного законодательства предопределила регламентацию в Уголовном кодексе РФ законодательной формулы, признающей преступлением виновно совершённое общественно опасное деяние, запрещённое настоящим Кодексом под угрозой наказания (ч. 1 ст. 14 УК РФ). Анализируя данное определение с учётом выявленного правового опыта, можно заключить, что современный подход законодателя к дефиниции понятия преступления разработан в соответствии с такими принципами законотворческого процесса, как научность и профессионализм, отвечает правилам юридической техники и характеризуется закреплением в данной дефиниции разработанных в процессе развития национального механизма уголовно-правового регулирования на доктринальном и правотворческом уровнях ключевых признаков и свойств данного социально-негативного явления.

В понятии преступления отражены такие значимые свойства и признаки, как антисоциальная направленность поведения лица, его совершившего, влекущая причинение морального, физического и материального вреда участникам общественных отношений и охраняемому уголовным законом правовому порядку и характеристика поведенческого акта, существенные свойства которого позволяют отграничить преступление от иных видов правонарушений. Главенствующая роль в определении существенных свойств преступления отводится степени и характеру общественной опасности, противоправности, виновности и наказуемости деяния. Современный подход законодателя к дефиниции понятия преступления отличается комплексностью и сопровождается детальной регламентацией понятия вины, соучастия в преступлении, неоконченного преступления, видов множественности и категорий преступления, лиц, подлежащих уголовной ответственности, а также обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Заключение

Резюмируя сложившиеся в процессе эволюции национальной правовой системы законодательные подходы к понятию преступления и предлагаемые дефиниции в контексте современной модернизации уголовного законодательства, следует отметить, что действующая формула регламентации понятия преступления, закреплённая в ст. 14 УК РФ, основывается на имеющихся достижениях теоретико-правовой и уголовно-правовой доктрины, отражающих правовые постулаты, учитывающие взаимосвязь правовых и социальных идеалов и ценностей на внутригосударственном и международном уровнях, правовом опыте российской

законодательной техники и правоприменительной деятельности.

Существенным признаком, отличающим преступление от иных видов и форм противоправной деятельности человека, является его общественная опасность, которая складывается из двух составляющих – наступления негативных последствий, связанных с совершением данного деяния (действия или бездействия), и оценки законодателем их характера и степени для действующей и охраняемой уголовным законом системы общественных отношений.

Признак виновности в соответствии со ст. 5 УК РФ ориентирует правоприменителя на привлечение к уголовной ответственности за виновно совершённые общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия. Преступление понимается как деяние, характеризующееся сознательно-волевым поведением человека, имеющим активное или пассивное в реальности проявление, в результате которого наносится вред либо имеет место угроза причинения вреда общественным отношениям, охраняемым уголовным законом. Преступность деяния в свою очередь служит основанием для наказуемости деяния. Юридические границы уголовной противоправности, виновности и наказуемости деяния предопределяются уголовно-правовой политикой государства, направленной на охрану интересов государства, общества и личности, обеспечение правового порядка, социальных и общеправовых ценностей.

Необходимо подчеркнуть, что формирование вышеуказанных признаков и свойств преступления как негативного социального явления в системе правонарушений претерпело значительную модификацию с учётом развития государственности, потребностей государства и общества, определяющих правотворческий процесс, а также становления и развития юридической науки, позволяющей на доктринально-методологическом уровне обосновать отличие преступлений от иных негативных явлений, носящих правонарушающий характер, влекущих последствия, связанные с нарушением установленного государством правопорядка, изменением либо деструкцией позитивированных общественных отношений.

На основании изложенного представляется, что вышеуказанные особенности правовой регламентации понятия преступления, содержащего полный перечень присущих ему отличительных от иных видов правонарушений признаков и свойств, заведомо исключают необходимость внесения каких-либо изменений, в том числе введения дополнительной категории «уголовный проступок» во избежание возникновения коллизий и противоречий на законодательном уровне и в сфере реализации норм уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права.

Список литературы

1. Авдеева О. А., Авдеев В. А. Теоретико-методологические основы правовой оценки негативных последствий как основания реализации юридической ответственности // Юридический мир. – 2019. – № 7. – С. 54–58.
2. Баумштейн А. Б., Понятовская Т. Г. Уголовный проступок: есть ли необходимость введения? // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2019. – № 9 (6). – С. 68–74.
3. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. – Москва: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1939. – 464 с.
4. Будзинский С. Начала уголовного права. – Варшава: Тип. И. Яворского, 1870. – 362 с.
5. Вавилов К. К. О наказуемости как признаке понятия преступления // Правоведение. – 1964. – № 1. – С. 164–165.
6. Васильева Д. Д. Некоторые вопросы реализации уголовного проступка в современном законодательстве // Вестник современных исследований. – 2021. – № 5–4 (43). – С. 8–10.
7. Герцензон А. А. Понятие преступления в советском уголовном праве. – Москва: Госюриздат, 1955. – 55 с.
8. Дурманов Н. Д. Понятие преступления / Акад. наук СССР. Ин-т права. – Москва; Ленинград: 2-я типография Издательства Академии наук СССР, 1948 (Москва). – 311 с.
9. Кибальник А. Г. Уголовный проступок и его правовые последствия // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 65–68.
10. Ortolan J. L. E. Cours de legislation penale comparee. Introduction. – Т. I. – Paris: Joubert, 1839. – 235 p.
11. Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. – Москва: Госюриздат, 1961. – 666 с.
12. Сергиевский Н. Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям: Часть общая. – 7-е изд. – Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1908. – 385 с.
13. Спасович В. Учебник Уголовного права. – Т. I. – Выпуск первый. – Санкт-Петербург: В типографии Иосифата Огризко, 1863. – 178 с.
14. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. – Часть Общая. – Т. I. – Тула: Автограф, 2001. – 800 с.
15. Утевский Б. С. Некоторые вопросы дальнейшего развития теории уголовного права // Советское государство и право. – 1963. – № 6. – С. 42–44.
16. Шаргородский М. Д. Предмет и система уголовного права // Советское государство и право. – 1941. – № 4. – С. 42–43.

References

1. Avdeyeva O. A., Avdeyev V. A. Teoretiko-metodologicheskiye osnovy pravovoy otsenki negativnykh posledstviy kak osnovaniya realizatsii yuridicheskoy otvetstvennosti // Yuridicheskiy mir. – 2019. – № 7. – S. 54–58.
2. Baumshcheyn A. B., Ponyatovskaya T. G. Ugolovnyy prostupok: yes' li neobkhdimost' vvedeniya? // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. – 2019. – № 9 (6). – S. 68–74.
3. Bekkaria Ch. O prestupleniyakh i nakazaniyakh. – Moskva: Yuridicheskoye izdvtel'stvo NKYu SSSR, 1939. – 464 s.
4. Budzinskiy S. Nachala ugolovnogogo prava. – Varshava: Tip. I. Yavorskogo, 1870. – 362 s.
5. Vavilov K. K. O nakazuyemosti kak priznake ponyatiya prestupleniya // Pravovedeniye. – 1964. – № 1. – S. 164–165.
6. Vasil'yeva D. D. Nekotoryye voprosy realizatsii ugolovnogogo prostupka v sovremennom zakonodatel'stve // Vestnik sovremennykh issledovaniy. – 2021. – № 5–4 (43). – S. 8–10.
7. Gertsenzon A. A. Ponyatiye prestupleniya v sovetskom ugolovnom prave. – M.: Gosyurizdat, 1955. – 55 s.
8. Durmanov N. D. Ponyatiye prestupleniya / Akad. nauk SSSR. In-t prava. – Moskva; Leningrad: 2-ya tipografiya Izdatelstva Akademii nauk SSSR, 1948 (Moskva). – 311 s.
9. Kibal'nik A. G. Ugolovnyy prostupok i yego pravovyye posledstviya // Ugolovnoye pravo. – 2017. – № 4. – S. 65–68.
10. Ortolan J. L. E. Cours de legislation penale comparee. Introduction. – Т. I. – Paris: Joubert, 1839. – 235 p.
11. Piontkovskiy A. A. Ucheniye o prestuplenii po sovetskomu ugolovnomu pravu. – Moskva: Gosyurizdat, 1961. – 666 s.
12. Sergiyevskiy N. D. Russkoye ugolovnoye pravo. Posobiye k lektsiyam: Chast' obshchaya. – 7-ye izd. – Sankt-Peterburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1908. – 385 s.
13. Spasovich V. Uchebnik Ugolovnogogo prava. – Т. I. – Vypusk pervyy. – Sankt-Peterburg: V tipografii Iosofata Ogrizko, 1863. – 178 s.
14. Tagantsev N. S. Russkoye ugolovnoye pravo. – Chast' Obshchaya. – Т. I. – Tula: Avtograf, 2001. – 800 s.
15. Utevskiy B. S. Nekotoryye voprosy dal'neyshego razvitiya teorii ugolovnogogo prava // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – 1963. – № 6. – S. 42–44.
16. Shargorodskiy M. D. Predmet i sistema ugolovnogogo prava // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – 1941. – № 4. – S. 42–43.

Статья поступила в редакцию 16.03.2022; одобрена после рецензирования 04.04.2022; принята к публикации 06.04.2022.

The article was submitted March 16, 2022; approved after reviewing April 04, 2022; accepted for publication April 06, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Обзорная статья

УДК 94(47)

doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-18-23

Алексей Леонидович Бредихин

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0001-5906-5966>, axel_b@mail.ru

Андрей Александрович Удальцов

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0003-2286-817X>, oudaltsov@mail.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Пётр Великий и его эпоха: взгляд из XXI века

Обзор Международной научно-теоретической конференции, посвящённой 350-летию со дня рождения Петра I

Аннотация: Настоящий научный обзор освещает содержание и итоги Международной научно-теоретической конференции «Пётр Великий и его эпоха: взгляд из XXI века (к 350-летию со дня рождения Петра I)», прошедшей 31 марта 2022 года в Санкт-Петербургском университете Министерства внутренних дел Российской Федерации. В статье описывается ход мероприятия, состав его участников, содержание представленных выступлений и общие выводы докладчиков. В ходе работы конференции затронуты вопросы влияния личности Петра I на развитие российской государственности и общества в целом, особенности реформ государственного аппарата и административного управления, военная реформа Петра I, правовые преобразования Петра I, создание полицейских и правоохранительных органов Петром I, взаимоотношения государства и общества петровской эпохи, состояние экономики, а также широкий круг других вопросов.

В работе конференции приняли участие ведущие учёные образовательных и научных организаций системы МВД России, Минобрнауки России, ФСИН России, научно-педагогические работники образовательных и научных организаций Республики Беларусь, научно-педагогические работники и обучающиеся Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации и других образовательных учреждений, представители общественности.

Ключевые слова: Пётр I, научная конференция, реформы Петра I, Санкт-Петербургский университет МВД России, кафедра истории государства и права

Для цитирования: Бредихин А. Л., Удальцов А. А. Пётр Великий и его эпоха: взгляд из XXI века // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 18–23; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-18-23.

Alexey L. Bredikhin

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0001-5906-5966>, axel_b@mail.ru

Andrey A. Udaltsov

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0003-2286-817X>, oudaltsov@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Peter the Great and his era: a view from the 21st century

Review of the International scientific and theoretical conference dedicated to the 350th anniversary of the birth of Peter I

Abstract: Present review covers the events and results of the International academic conference «Peter the Great and his era: a view from the XXI century (tribute to 350th anniversary of Peter I) held on 31 of March 2022 in St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The report lists the participants, describes the program of the conference, and touches the content of the presentations and the concluding observations in a nutshell. In the course of the conference, the participants have discussed a personal influence of the Peter the Great on the development of Russian state and society as a whole, the specifics of the government and military reform started by Peter the Great, his legal reformation, creation of the police and law enforcement, inter-relationships between the state and society of his era, as well as the economic development and a wide range of adjacent topics. The leading researchers from the universities and other scientific organizations belonging to the Ministry of Internal Affairs, Ministry of Education, Federal Penitentiary Service of Russia, as well as educators and researches from the republic of Belarus, lecturers and students from St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, representatives of the other schools, and general public have taken part in the conference.

Keywords: Peter I, academic conference, Peter the Great reforms, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, history of state and law department

For citation: Bredikhin A. L., Udaltsov A. A. Peter the Great and his era: a view from the 21st century // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – С. 18–23; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-18-23.

31 марта 2022 года кафедрой истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России проведена Международная научно-теоретическая конференция «Пётр Великий и его эпоха: взгляд из XXI века», приуроченная к 350-летию со дня рождения Петра I. Конференция проходила в очном формате с возможностью участия докладчиков посредством видеоконференцсвязи.

Учитывая роль Петра I в истории России, государственно-правовом развитии нашего государства, тема не теряет своей актуальности, о чём свидетельствует интерес, проявленный исследователями к конференции. В её работе приняли участие ведущие учёные, образовательные и научные организации системы МВД России, Минобрнауки России, ФСИН России, научно-педагогические работники образовательных и научных организаций Республики Беларусь, научно-педагогические работники и обучающиеся Санкт-Петербургского университета МВД России и других образовательных учреждений.

В ходе работы конференции были затронуты вопросы влияния личности Петра I на развитие российской государственности, особенности реформ государственного аппарата, военная реформа Петра I, правовые преобразования Петра I, создание полицейских органов Петром I, а также широкий круг других вопросов.

Свои доклады на конференцию представили более 70 исследователей из 21 образователь-

ного учреждения. Среди участников – доктора и кандидаты наук, сотрудники образовательных и иных организаций, а также обучающиеся высших учебных заведений.

Открытию конференции предшествовал просмотр видеоролика, представившего достопримечательности города на Неве, на которых оставила свой отпечаток петровская эпоха. В сюжете появлялись вопросы, на которые участникам предстояло ответить в ходе работы конференции.

С приветственным словом к участникам конференции обратился начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент Кирилл Витальевич Злоказов, который отметил особую актуальность темы и схожесть международного положения России времён Петра I и современной России.

Пленарное заседание открыла профессор кафедры истории и теории Уфимского юридического института МВД России, доктор юридических наук, почетный работник высшего профессионального образования Роза Гафаровна Буканова с докладом «Соотношение теории и практики в государственной деятельности Петра Великого». Учёный отметила стремление Петра I познавать новое и применять на практике последние достижения мировой научной мысли и сделала вывод, что модернизация системы государственной власти и управ-

ления в Российской империи в первой четверти XVIII в. была основана на новейших для того времени мировых достижениях теории и практики государственного строительства и глубоким знанием Петром Великим системы управления в России и за рубежом. Отдельные моменты своего доклада она пояснила, отвечая на вопросы участников конференции.

Профессор кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, **доктор исторических наук, доцент, заслуженный работник Высшей школы Пётр Дмитриевич Николаенко** в рамках доклада «*Пётр Великий – главный реформатор России*» обозначил предысторию, суть и содержание основных государственных преобразований, начатых Петром I, и их значение для России. Выступающий предположил, что реформы Петра I не имеют аналогов в нашей истории, поэтому называть Петра I главным реформатором России не будет большим преувеличением.

Следующим докладчиком стал доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России **Павел Евгеньевич Соборнов – кандидат исторических наук, доцент**, который выступил с докладом по теме «*Пётр Великий и его реформы в советской историко-правовой науке 1930–1940-х годов: из истории отечественной историографии*». Он отметил, что период 1930–1940-х годов занимает значимое место в формировании отечественных историографических традиций изучения реформ в системе государственного устройства Российского государства первой четверти XVIII в. Взгляды на феодально-крепостническую классовую сущность системы государственного управления, возникшую в первой четверти XVIII века, составляют с 1940-х годов основную историографическую традицию изучения петровских реформ. Если говорить о преемственности в развитии историко-правовой науки дореволюционного и советского времени, то следует признать факт, что научные публикации 1930–1940 годов по истории проведения преобразований Петра Великого в России восстановили преемственность представителей дореволюционной историко-правовой науки, изучавших петровские реформы.

Доклад «*Место Сената в структуре государственного управления России при Петре I*», представленный **Анастасией Викторовной Данчевской, доцентом кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, кандидатом исторических наук**, касался изучения опыта создания Петром I Сената как центрального органа управления государством, подчинявшегося царю. Сделан вывод, что за 14 лет правления Петра I функции и состав Сената неоднократно подвергались изменениям, что привело к преобразованию его из управляющего органа в контролирующей.

Начальник кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России, **доктор юридических наук, доцент Татьяна Ев-**

геньевна Грязнова представила тему «*Пётр Великий и его реформы: взгляд П. Н. Милюкова*». По её мнению, следуя традициям государственной школы, П. Н. Милюков представил государство важнейшим двигателем исторического процесса, подчеркнув устойчивое доминирование политических институтов над экономикой и социальной структурой. Подчеркивая «искусственный» характер реформ, Милюков обратил внимание на общность путей эволюции Запада и России, хотя и несколько запаздывающих у нас.

Татьяна Львовна Матиенко, профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент в своем докладе «*Сотские и десятские в полицейской системе Российской империи*» обратилась к вопросу наделения населения полицейскими функциями в истории России и отметила, что такая практика хоть и восходит к периоду Древнерусского государства, но конкретизируется в качестве его прямой обязанности с учреждением регулярной полиции в 1718 г. и закрепляется изначально в «Пунктах, данных генерал-полицимейстеру Дивьеру для руководства», а затем в правовых актах полицейского законодательства XVIII – начала XX вв., в форме десятичной полицейской повинности.

Евгений Леонидович Поцелуев, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ивановского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент выступил с докладом «*Учреждение Прокуратуры Петром I и её современное состояние*», подготовленным в соавторстве с **Ольгой Владимировной Кузьминой, кандидатом юридических наук, доцентом**, первым проректором, заведующей кафедрой уголовного права и процесса Ивановского государственного университета. Учёный с использованием нормативного материала, дореволюционной, советской и современной учебной и научной литературы провёл комплексный анализ возникновения российской прокуратуры: причины, цели, задачи, функции, компетенцию и её эволюцию. Относительно заявленной темы сделаны следующие выводы. Во-первых, образование фискалитета и прокуратуры было вызвано объективными причинами: необходимостью борьбы со взятками, кражами и хищениями казенных денег и имущества, другими преступлениями; пополнением казны за счёт штрафных санкций, конфискации имущества и т.п. Во-вторых, история отечественной прокуратуры доказывает важность, значение, востребованность этого властного института в государстве практически независимо от формы правления, формы государственного устройства и государственного режима; от типа государства – феодального, буржуазного, социалистического. В-третьих, налицо тенденции как сохранения надзорных функций, уголовного преследования, поддержания государственного обвинения в суде и др., так и изменение: изъятие следствия из прокуратуры и усиление ее правозащитной функции.

Доцент кафедры истории Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена **Дмитрий Николаевич Копелев, доктор исторических наук, доцент** представил доклад на тему *«Геополитическая программа Петра Великого в 1721–1725 гг.: прорыв в Мировой океан»*. В своём выступлении он анализирует проблему геополитической программы Петра Великого по проведению широкой экспансии в Мировом океане в 1721–1725 гг., предусматривавшей закрепление Российской империи в Атлантике, Индийском, Северном Ледовитом и Тихом океанах и отмечает, что формирование подобных геополитических замыслов демонстрирует комплексность внешнеполитических подходов императора, способных превратить Россию из случайного эпизодического «игрока» на мировой арене в полноправного участника большой геополитической игры, способного разговаривать с партнёрами с позиции силы. Внезапная смерть Петра Великого в январе 1725 г. нарушила планы борьбы за Мировой океан, которые при всей их, на первый взгляд, «разбросанности», недостаточной продуманности и авантюризме обнаруживают единую имперскую логику. Воплощение столь масштабной государственной мечты неминуемо подталкивало колониальную экспансию и заставляло Петра строить военно-морской флот, проводить модернизацию страны и широкомасштабную технологическую революцию, создавать новые управленческие кадры и внедряться в систему мировой экономики.

С докладом *«Юности честное зерцало»: руководство по правилам поведения светского юношества в эпоху Петра I»* выступила **Руфина Рушановна Олейник, старший преподаватель кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России, кандидат исторических наук**, которая затронула вопросы воспитания подрастающего поколения в Петровской Руси. Выпущенный под руководством императора в свет еще 4 февраля 1717 г. свод правил поведения для юношей и девушек привилегированного сословия «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению» стал первым учебником по правилам поведения, этическим нормам в России. Он не теряет своей актуальности и сегодня.

Вопросы оценки военной реформы Петра I рассмотрены в статье *«Северная война» как отражение успешности военной реформы российской армии»*, представленной на конференцию белорусскими учёными **Александром Ивановичем Лойко, заведующим кафедрой философских учений УО «Белорусский национальный технический университет»**, доктором философских наук, профессором, и **Ларисой Егоровной Лойко, доцентом кафедры философии и идеологической работы Академии МВД Республики Беларусь, кандидатом философских наук**. Авторы пришли к выводу, что исторический опыт создания сильного государства на основе военных реформ стал важным фактором для сохранения Россией ведущей

роли не только в европейском, но и международном масштабе, и этот опыт стал актуальным в начале XXI столетия и для Союзного государства России и Белоруссии.

Научное сообщение **Александра Владимировича Панфильца, доцента кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидата исторических наук, доцента** на тему *«Деяния Петра Великого в трудах историков XIX века (к 350-летию со дня рождения Петра I)»* исследует оценки петровской эпохи историками XIX века. А. В. Панфилец отметил, что в трудах знаменитых историков прошлого Н. М. Карамзина, В. О. Ключевского, Н. И. Костомарова, С. М. Соловьёва перед нами предстает разноречивый портрет самодержца Российской империи – Петра Великого в его великих деяниях, заблуждениях, ошибках и противоречивости.

Своё видение церковной реформы Петра I представил **Павел Юрьевич Цветков, священник Евангелическо-лютеранской церкви Святой Елизаветы, магистр богословия** (г. Кронштадт) в докладе *«Влияние церковной реформы Петра I на взаимоотношение общества и церкви»*, который предположил, что церковная реформа в целом негативным образом сказалась на авторитете церкви в обществе того времени.

Александр Борисович Фёдоров, доцент кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, кандидат исторических наук, доцент выступил с докладом *«Датский учёный Ханс Баггер о реформах Петра Великого»*, посвящённым анализу книги датского историка Х. Баггера «Реформы Петра Великого», в которой он рассматривает подходы, позиции и точки зрения наиболее известных российских дореволюционных и советских учёных, зарубежных исследователей второй половины XIX – 70-х гг. XX в. на петровские преобразования первой четверти XVIII в. Книга является заметным вкладом в историографию истории петровской эпохи, знакомство с ней желательно для всех, кто относится к изучению истории России с большим вниманием.

В заключительной части конференции была предоставлена возможность выступить молодым исследователям.

Денис Андреевич Чумазов, курсант 1-го курса Института подготовки сотрудников для органов предварительного расследования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя рассмотрел тему *«Майорские канцелярии» первой четверти XVIII в.: первый орган предварительного следствия или субъекты розыскного процесса в России?»* Он исследовал правовой статус «майорских канцелярий», образованных в первой четверти XVIII века в России для противодействия распространившейся в то время коррупции. Автор акцентировал внимание на научных дискуссиях по оценке «майорских канцелярий» и обосновал суждение, что они являлись чрезвычайными и временными

субъектами розыскного процесса и поэтому, несмотря на узость компетенции (расследование только финансовых преступлений), не могут рассматриваться как органы предварительного следствия в его строгом понимании.

Милана Рустамовна Герфанова, курсант 3-го курса факультета подготовки следователей Уфимского юридического института МВД России выступила с докладом «**Причины и предпосылки проведения реформы государственного аппарата императором Петром I**», где отметила, что к числу объективных причин следует отнести комплекс проблем, стоявших перед Россией на рубеже XVII–XVIII вв.: низкий уровень развития экономики, отсутствие промышленности, внешней торговли, слаженного внутреннего рынка; внешняя угроза со стороны европейских государств; беспокойная обстановка внутри государства; армия, не способная справиться с внешней угрозой из-за отсталого технического оснащения; зависимость от специалистов-иностранцев в области военного дела, мануфактурного производства.

Большой интерес вызвал доклад **курсанта 1-го курса факультета подготовки сотрудников для подразделений по работе с личным со-**

ставом Санкт-Петербургского университета МВД России Ксении Васильевны Малышевой «Окно в прошлое: след Петра Великого в истории Великих Лук», в котором проанализирована роль Петра Великого в становлении и развитии города Великие Луки, в постройке Великолукской крепости во время Северной войны за выход к Балтийскому морю, что сыграло важную роль в защите северо-западных рубежей нашего Отечества.

Итоги конференции были подведены начальником кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, **кандидатом юридических наук, доцентом Андреем Александровичем Удальцовым**, который рассказал об аудитории, в которой проходила научная конференция – тематическом лекционном зале «История полиции Российской империи», открытом как выставочный комплекс к 300-летию российской полиции в 2018 году, поблагодарил участников за подготовку докладов и выступления, активное участие в научной дискуссии, отметил высокий уровень представленных материалов, а также напутствовал молодое поколение исследователей.

Список литературы

1. **Анисимов Е. В.** Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века / Российская академия наук, Институт российской истории, Санкт-Петербургский филиал. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1997. – 331 с.
2. **Лебедев В.** Административные реформы Петра I // Борьба классов. – 1936. – № 12. – С. 109–116.
3. **Милюков П. Н.** Государственное хозяйство России в связи с реформой Петра Великого // Журнал Министерства народного просвещения. – 1890. – Кн. IX. – С. 1–107.
4. **Сизиков М.И.** История полиции России (1718-1917). Становление и развитие общей регулярной полиции в России XVIII в.– Москва: АПО, 1992. – 66 с.
5. **Ефремова Н. Н.** Система прокурорского надзора, фискалитет и регулярная полиция и их взаимодействие с судебными органами / История суда и правосудия в России: в 9 т. / отв. ред. В. В. Ершов, В. М. Сырых. – Т. 3: Судостроительство и судопроизводство в период становления и развития абсолютизма (конец XVII – середина XIX века) : монография / отв. ред. С. А. Колунтаев. – Москва: Норма, 2019. – С. 330–333.
6. **Копелев Д. Н.** Битва портуланов: забытые и малоизвестные страницы военно-морской истории XVI–XIX столетий. – Санкт-Петербург: Крига, 2019. – 623 с.
7. **Лотман Ю. М.** Беседы по русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начала XIX века). – Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2008. – 412 с.
8. **Баггер Ханс.** Реформы Петра Великого : обзор исслед. / пер. с дат. В. Е. Возгрина. – Москва: Прогресс, 1985. – 199 с.
9. **Ахмедов Ч. Н. О., Федоров А. Б.** «Майорские» следственные канцелярии в контексте истории российского уголовного процесса / Российская полиция: три века служения Отечеству : материалы юбилейной Международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции / под редакцией Н. С. Нижник. – Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 417–420.
10. **Орлов В. В.** Окно в исчезнувший мир. Великие Луки. – Великие Луки: Издательство Сергея Маркелова, 2012. – 183 с.

Reference

1. **Anisimov Ye. V.** Gosudarstvennyye preobrazovaniya i samoderzhaviye Petra Velikogo v pervoy chetverti XVIII veka / Rossiyskaya akademiya nauk, Institut rossiyskoy istorii, Sankt-Peterburgskiy filial. – Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin, 1997. – 331 s.
2. **Lebedev V.** Administrativnyye reformy Petra I // Bor'ba klassov. – 1936. – № 12. – S. 109–116.
3. **Milyukov P. N.** Gosudarstvennoye khozyaystvo Rossii v svyazi s reformoy Petra Velikogo // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. – 1890. – Kn. IX. – С. 1–107.

4. *Sizikov M. I.* Istoriya politsii Rossii (1718–1917). Stanovleniye i razvitiye obshchey regulyarnoy politsii v Rossii XVIII v. – Moskva: APO, 1992. – 66 s.
5. *Yefremova N. N.* Sistema prokurorskogo nadzora, fiskalitet i regulyarnaya politsiya i ikh vzaimodeystviye s sudebnymi organami / Istoriya suda i pravosudiya v Rossii: v 9 t. / otv. red. V. V. Yershov, V. M. Syrykh. – T. 3: Sudoustroystvo i sudoproizvodstvo v period stanovleniya i razvitiya absolyutizma (konets XVII – seredina XIX veka) : monografiya / otv. red. S. A. Koluntayev. – Moskva: Norma, 2019. – S. 330–333.
6. *Kopelev D. N.* Bitva portulanov: zabytyye i maloizvestnyye stranitsy voyenno-morskoy istorii XVI–XIX stoletiy. – Sankt-Peterburg: Kriga, 2019. – 623 s.
7. *Lotman Yu. M.* Besedy po russkoy kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachala XIX veka). – Sankt-Peterburg: Iskusstvo-SPb, 2008. – 412 s.
8. *Bagger Khans.* Reformy Petra Velikogo : obzor issled. / per. s dat. V. Ye. Vozgrina. – Moskva: Progress, 1985. – 199 s.
9. *Akhmedov Ch. N. O., Fedorov A. B.* «Mayorskiye» sledstvennyye kantselyarii v kontekste istorii rossiyskogo ugolovnogo protsessa / Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu : materialy yubileynoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchonnoy 300-letiyu rossiyskoy politsii / pod redaktsiyey N. S. Nizhnik. – Sankt-Peterburg, Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 417–420.
10. *Orlov V. V.* Okno v ischeznuvshiy mir. Velikiye Luki. – Velikiye Luki: Izdatel'stvo Sergeya Markelova, 2012. – 183 s.

Статья поступила в редакцию. 16.03.2022; одобрена после рецензирования 04.04.2022; принята к публикации 15.04.2022.

The article was submitted March 16, 2022; approved after reviewing April 04, 2022; accepted for publication April 15, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 340.12
doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-24-30

Анастасия Вячеславовна Хвостова

адъюнкт

<https://orcid.org/0000-0001-7344-4882>, anastasiya_hvostova97@mail.ru

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Российская Федерация, 117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

«Механизм действия права»: содержание понятия

Аннотация: В данной научной статье рассматривается проблема интерпретации понятия «механизм действия права», анализируются и систематизируются различные точки зрения по вопросу о его содержании. Рассматривая существующие в правовой науке представления о действии права, характере связи действия права и активности субъектов права, автор приходит к выводу, что механизм действия права некорректно отождествлять с системой правовых средств, используемых субъектами для достижения правозначимых целей. Обосновывается, что механизм действия права представляет собой последовательность стадий, отражающих логику движения от возникновения правозначимого интереса до его осуществления с помощью правовых средств, среди которых особая роль отводится легитимному государственному принуждению. Раскрываются характеристики механизма действия права, наиболее значимые для понимания его специфики. Во-первых, представление о его содержании даёт описание стадий названного механизма (которыми автор предлагает считать манифестацию права, приобщение к праву, индивидуальное правовое регулирование и реализацию права). Во-вторых, отличие механизма действия права от механизма действия иных социальных регуляторов позволяет лучше понять изучение импульса, приводящего в действие рассматриваемый механизм, и его движущей силы.

Ключевые слова: право, функции права, правовые средства, действие права, механизм действия права

Для цитирования: Хвостова А. В. «Механизм действия права»: содержание понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 24–30; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-24-30.

Anastasiya V. Khvostova

Graduate

<https://orcid.org/0000-0001-7344-4882>, anastasiya_hvostova97@mail.ru

Kikot Moscow University of the MIA of Russia

12, Akademika Volgina str., Moscow, 117997, Russian Federation

«The mechanism of action of the law»: the scope of the concept

Abstract: The article deals with the challenges that arise when we try to comprehend the concept of «mechanism of law». The author analyzes and systematizes various points of view on the issue of its scope. Considering the ideas existing in legal science about the action of law, the nature of the relationship between the action of law and the activity of legal subjects, the author concludes that it is incorrect to identify the mechanism of action of law with the system of legal remedies used by subjects to achieve legally significant goals. It is proved that the mechanism of law is a sequence of stages reflecting the logic of the movement from the emergence of a legitimate interest to its implementation by legal measures, among which a special role is assigned to legitimate state coercion. The author reveals the most significant characteristics of the mechanism of action of law. Firstly, an idea of its scope allows us to describe the stages of the named mechanism (which the author proposes to consider the manifestation of law, familiarization with law, individual legal regulation and the implementation of law). Secondly, the difference between the mechanism of action of law and the mechanism of action of other social regulators makes it possible to better understand the study of the impulse that activates the mechanism in question and its driving force.

Keywords: law, functions of law, legal remedies, action of law, mechanism of action of law

For citation: Khvostova A. V. «The mechanism of action of the law»: the scope of the concept // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – P. 24–30; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-24-30.

Понятие «механизм действия права» является одним из базовых в отечественной теории права. При этом единого мнения относительно содержания данного понятия в юридической науке не сложилось. В теоретико-правовых исследованиях механизм действия права рассматривается в контексте анализа проблем правореализации, правового регулирования и воздействия, функциональной и ценностной характеристики права, его эффективности. Уточнение содержания рассматриваемого понятия значимо не только в теоретическом плане, но и в практическом: решать задачи, связанные с оптимизацией правового регулирования и повышением эффективности права в целом, можно лишь при условии ясного и чёткого понимания того, что собой представляет механизм действия права.

Для того чтобы дать рассматриваемому понятию точную интерпретацию, первоначально необходимо уяснить, что такое «действие права», так как в юридической литературе встречаются различные точки зрения по данному вопросу.

Существенный вклад в исследование понятия «действие права» внесли такие учёные, как С. С. Алексеев, В. И. Гойман, В. Н. Кудрявцев, В. П. Казимирчук.

Профессор С. С. Алексеев, фактически отождествляя действие права с его реализацией¹ [2, с. 18], в то же время связывает его с процессами, характеризующими право в более широком плане, в его движении «сообразно заложенным в нем потенциям и закономерностям»². Такими процессами выступают правовое регулирование, правовое воздействие, влияние права на общественные отношения.

В. И. Гойман в монографии, посвящённой методологическому анализу действия права, даёт более широкое определение, согласно которому действие права – это «обусловленное социально-экономическими условиями, потребностями и интересами людей свойство (способность) права в определённой среде оказывать информативное и ценностно-мотивационное воздействие на личность, общности людей и вследствие этого обеспечивать соответственно целям, принципам и предписаниям права правомерный характер их деятельности и поступков, достижение цивилизованными средствами фактических результатов и на этой основе способствовать утверждению реального господства права в общественных отношениях» [3, с. 45–46].

¹ Алексеев С. С. Азы права: азбука права для всех / Собрание сочинений. – Т. 8: учебники и учебные пособия. – Москва: Статут, 2010. – С. 344.

² Там же. – С. 316.

В. С. Нерсесянц под действием права понимает «совокупность всех форм проявления его юридической силы», при этом подчеркивая, что «понятие действия права... выражает динамику права, процесс его реального регулятивного воздействия на уже урегулированные общественные отношения»³.

Авторами справедливо подчеркивается множество значимых для понимания действия права моментов: и то, что действие права – это характеристика права в его динамике, и социальная обусловленность действия права, и его неразрывная связь с регуляцией общественных отношений. Однако сформулированные определения представляются не совсем точно передающими суть действия права как того, в отношении чего принято говорить о специфическом механизме: очевидно, что, рассуждая о механизме действия права, исследователи подразумевают далеко не «механизм путей и форм влияния права», не «механизм свойства (способности) права» и не «механизм совокупности форм проявления юридической силы права». В этой связи, чтобы иметь возможность уточнить содержание понятия «механизм действия права», на наш взгляд, действие права необходимо рассматривать в несколько ином ракурсе.

В русском языке существительное «действие» традиционно используется для обозначения либо единичного акта, служащего проявлением активности субъекта, либо процесса, в рамках которого функционирование чего-либо (выполняемая чем-либо или кем-либо работа) оказывает влияние, воздействие на объект (или объекты). Принимая это во внимание, полагаем не только возможным, но и целесообразным согласиться с теми исследователями, которые исходят из интерпретации действия права в качестве особого процесса, в котором проявляется присущая праву способность влиять на субъектов права и их поведение⁴ [11, с. 184–185].

При этом стоит согласиться с В. Н. Кудрявцевым и В. П. Казимирчуком, которые отмечают, что действие права обнаруживается как в правоотношениях, так и вне правоотношений⁵. Их мнение справедливо уже потому, что, действуя, право осуществляет не только нормативно-регулирующее, но и психологическое, воспитательное, информационное воздействие.

³ Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: учебник. – Москва: Норма: Инфра-М, 1999. – С. 475; Коновалова И. О. Механизм действия частного права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Коновалова Ирина Олеговна. – Москва: РУДН, 2016. – С. 13.

⁴ Малахов В. П. Общая теория права и государства. К проблеме правопонимания: учебник. – Москва: Юнити-Дана: Закон и право, 2013. – С. 116–120.

⁵ Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. Современная социология права: учебник. – Москва: Юрист, 1995. – С. 87.

Поскольку и правовые отношения, и поведение их участников являются результатом знакомства с правом, его осмысления и принятия, постольку, в частности, нельзя оставлять без внимания того, что действие права среди прочего «характеризует процессы интеграции права и личности»⁶. Если понятие «действие права» рассматривать в качестве охватывающего собой среди прочего всё, что связано с воздействием права на человека в процессе его правовой социализации, то, значит, действие права действительно обнаруживается не только в правовых отношениях, но и вне этих отношений.

Не допуская безосновательного сужения объёма понятия «действие права», в то же время вряд ли целесообразно придерживаться необоснованно широкой интерпретации названного процесса.

Так, существует мнение, что действие права представляет собой качественную, деятельностную характеристику всех элементов правовой системы общества по реализации функций права, посредством определённых форм, методов и способов нормативно-регулирующего воздействия [8, с. 19]. Указанное определение совершенно точно отражает тот факт, что действие права предполагает его теоретическое осмысление как качественной характеристики права в его функционировании. Тем не менее действие права составляет не одновременное функционирование всех его элементов, а функционирование только тех элементов правовой системы общества, без которых достижения определённого результата, ассоциирующегося с эффективностью права, представляется невозможным.

Г. М. Лановая под действием права понимает «процесс, связанный с любым осуществляемым правом влиянием на среду, в которой оно воспроизводится и функционирует» [6, с. 5]. Однако право не действует само по себе, а существует и функционирует постольку, поскольку в нем есть потребность у конкретных субъектов: именно субъекты приводят в действие имеющийся в праве инструментарий, и делают они это для достижения вполне определённых правозначимых целей и решения стоящих перед ними задач. Значит, действие права нельзя отождествлять с оказываемым им влиянием на среду.

В. П. Малахов обоснованно утверждает, что действие права есть его проявление, связанное с достижением какой-либо цели⁷. Уточняя, что действует не право в целом, а его отдельные элементы, автор предлагает учитывать в характеристике действия права субъектов действия и цель.

В обоснование своей позиции В. П. Малахов указывает на то, что действуют те, кто приводит отдельные элементы права в действие – законодатель, правоприменитель, гражданин и т. д. Это же справедливо подчёркивает

В. В. Лапаева, которая пишет, что «право само не действует, действуют люди – в соответствии с правом или нарушая его»⁸.

Видится, что в аспекте вопроса о действии права данный подход является справедливым, поскольку в реальности действуют субъекты посредством права, а не элементы самого права как системы. В этой связи стоит признать, что на действие права оказывают существенное влияние характеристики субъектов права, связанные с осознанием правовой действительности и себя в ней, способностью к правовой активности, а также способностью руководить своими действиями и делать правовой выбор.

Активность субъектов права может быть интеллектуально-волевой, состоящей в восприятии и усвоении права и, следовательно, неразрывно связанной с изменением правового сознания, а также практической, выражающейся в использовании правовых средств для достижения того или иного правозначимого результата.

Необходимо упомянуть о мнении, согласно которому действие права предлагается рассматривать как «комплексную характеристику результатов претворения правовых предписаний в жизнь, в реальное поведение участников правоотношений на основе процессов интеграции регламентирующего влияния права и иных нормативных и ненормативных факторов, влияющих на взаимосвязи людей»⁹. Несмотря на то, что действие права всегда связано с достижением определённого результата, все же считать действием то, к чему приводит функционирование права, вряд ли возможно.

Анализ разных точек зрения показывает, что различия в понимании действия права обуславливаются прежде всего разнообразием функциональных проявлений права, а также средств и объектов оказываемого им воздействия. В зависимости от того, на какие функциональные проявления, средства и / или объекты переносится акцент в исследовании действия права, в его интерпретацию привносятся определённые специфические моменты.

Принимая во внимание те аспекты, на которых справедливо акцентируют внимание сторонники различных подходов к интерпретации действия права, последнее можно определить как процесс, сущностью которого является изменение под влиянием права реальности, в которой право функционирует, а внешними проявлениями – интеллектуально-волевая и / или практическая активность субъектов, стремящихся к достижению правовыми средствами правозначимых целей и меняющих своими действиями правовую реальность.

Поскольку действие права является специфическим процессом, понятие «механизм» должно употребляться в том же значении, в каком оно используется в описании любого другого

⁶ Головкин Р. Б., Колесникова О. Д., Третьякова О. Д. Актуальные проблемы теории правового регулирования : учебное пособие. – Москва: Юрайт, 2020. – С. 14.

⁷ Малахов В. П. Указ. соч. – С. 120.

⁸ Лапаева В. В. Социология права. – Москва: Норма: Инфра-М, 2014. – С. 224.

⁹ Головкин Р. Б., Колесникова О. Д., Третьякова О. Д. Указ. соч. – С. 15.

процесса, а именно – для обозначения внутренней логики этого процесса¹⁰. Там, где ставится вопрос о механизме действия права, далеко не всегда под ним понимается его внутренняя логика. Например, Р. Р. Акчурин под механизмом действия права предлагает понимать «взятую в единстве совокупность социально-правовых средств, рассматриваемую во взаимосвязи с социальной деятельностью людей, их интересами и потребностями и связанную с обеспечением достижения целей этой деятельности» [1, с. 15]. Если действие права – это процесс, то механизм действия права не может быть совокупностью средств. Когда под механизмом действия права понимают систему средств, фактически ведут речь об инструментарии, который используют субъекты права, а не о характеристике самого действия права. Представляется, что в данном случае характеристика действия права как процесса подменяется характеристикой самого права. При этом в фокусе внимания исследователя оказываются именно свойства права, значимые в рамках подхода, который в юридической науке принято называть инструментальным [7, с. 11].

Характеристику права в рамках инструментального подхода, в качестве специфической системы средств, используемых в правозначимой деятельности различных видов, нельзя отождествлять с характеристикой механизма его действия. В первом случае право описывается с точки зрения его содержания (система элементов), а во втором – динамики (функционирование элементов).

Кроме того, считаем не совсем корректным в применении к праву говорить о «социально-правовых средствах», потому что право – один из социальных регуляторов, и таких правовых средств, которые одновременно не являлись бы социальными, не существует.

Представляется спорным тот факт, что механизм действия права следует рассматривать в его связи с социальной деятельностью людей. Социальная деятельность разнообразна и не может быть сведена к правовой активности человека, так как к социальным средствам регулирования помимо правовых относятся моральные, религиозные, корпоративные, политические и иные нормы.

Понимая под механизмом действия права совокупность стадий, отражающих логику функционирования права, определить содержание рассматриваемого понятия невозможно, не выяснив, из каких стадий действие права состоит.

Вопрос о выделении в механизме действия права различных этапов (стадий) в юридической науке решается неоднозначно, оставляя дискусионным. Так, В. Н. Кудрявцев полагает, что «понятие механизма действия права... относится к двум последним этапам правового регулирования – возникновению и реализации правоотношений» [4, с. 68]. В. А. Ленчик в механизме действия права выделяет стадии

правообразования, правотворчества, правореализации¹¹. А. А. Редько в рассматриваемом механизме выделяет шесть стадий, среди которых: правовая инициатива (инициатива изменения правил поведения, ещё не возведённых в статус закона), нормотворческая инициатива и нормотворчество, административные процедуры (обсуждение, принятие, обнародование) нормативного правового акта, институциональный этап (этап подведомственности), реализация нормы и анализ правоприменительной практики с целью последующей обоснованной правовой инициативы [9, с. 72].

На наш взгляд, ни с одним из указанных мнений нельзя согласиться безоговорочно.

Что касается мнения В. Н. Кудрявцева, то проведенный анализ различных аспектов содержания понятия «действие права» свидетельствует, что право начинает действовать гораздо раньше момента возникновения правоотношений.

В. А. Ленчик не учитывает, что действие права охватывает собой не только нормативное, но и индивидуальное регулирование (например, осуществляемое посредством индивидуальных правовых договоров в частном праве). Кроме того, спорным является выделение правообразования и правотворчества в качестве самостоятельных этапов действия права, с учётом, что правотворчество чаще всего рассматривается в качестве завершающего этапа правообразования¹² [10, с. 39].

Что касается точки зрения А. А. Редько, то, во-первых, представляется недостаточно аргументированным выделение в качестве самостоятельных стадий действия права наряду с нормотворческой инициативой и нормотворчеством «правотворческой инициативы», а также «административных процедур нормативных правовых актов»: судя по тому описанию, которое им даётся, в данном случае речь идёт о составляющих правотворчества, а не о самостоятельных этапах действия права. Во-вторых, неудачным представляется именовать один из этапов действия права «этапом подведомственности». Очевидно, в данном случае автор подразумевает не столько саму подведомственность, сколько её определение, уточнение. Происходящее при определении подведомственности перераспределение предметов ведения между органами публичной власти и их должностными лицами вряд ли можно признать этапом механизма действия права, в действительности оно представляет собой операцию, имеющую утилитарный смысл для решения вопроса о субъекте юридического производства, следовательно, о нём уместно говорить лишь как об одном из правовых средств, причем отнюдь не универсальном для механизма действия права. В-третьих, применяемым субъектами права

¹¹ Ленчик В. А. Механизмы действия права: дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ленчик Влада Александровна – Москва: Академия управления МВД России, 2002. – С. 15.

¹² Проблемы теории права и правореализации : учебник / отв. ред. Л. Т. Бакулина. – Москва: Статут, 2017. – С. 48–49.

¹⁰ Коновалова И. О. Указ. соч. – С. 15.

средством, а не самостоятельным этапом механизма действия права, является также «анализ правоприменительной практики с целью последующей обоснованной правовой инициативы». Названное средство не универсально, так как действие права далеко не всегда включает в себя правоприменение.

На наш взгляд, механизм действия права включает следующие стадии: 1) стадию манифестации права – процесс, результатом которого выступает появление «позитивного права»; 2) стадию приобщения к праву – процесс включения субъекта в правовой контекст, отражение позитивного права в его правосознании, осмысления его; 3) стадию индивидуального регулирования – процесс уточнения содержания прав и обязанностей посредством заключения договоров, одностороннего выражения воли или правоприменения; 4) стадию реализации права – процесс претворения в жизнь участниками правоотношения их субъективных прав и обязанностей.

Содержанием стадии манифестации права являются формулирование и формализация тех правовых идей и принципов, которые имплицитно существуют как часть правовой культуры, но не реализуются в качестве общеобязательных норм, не будучи выражены конкретным и формализованным языком.

Выделяя данную стадию в качестве самостоятельной, мы исходим из того, что «вначале общественная практика «рождает» определённые формы социально-правовых действий, из которых выкристаллизовываются типичные для данных условий, массовые образцы поведения и деятельности, которые затем получают закрепление в законодательстве (позитивном праве)» [3, с. 24]. При этом право часто начинает оказывать воздействие на реальность уже в процессе формирования «массовых образцов поведения и деятельности», т. е. до того, как будет принят и вступит в юридическую силу конкретный закон, легализующий сформировавшуюся правовую практику (в том числе, например, судебную практику, сложившуюся на основе интерпретации общеправового принципа или законодательного положения, допускающего двоякую интерпретацию).

Выделение в качестве второй стадии приобщения субъектов к праву обусловлено тем, что действие права в реальности является действием его субъектов. Воздействие права на правовую реальность возможно только при условии восприятия права правосознанием людей, осмысления ими содержания права и формирования особого отношения к нему.

Стадию индивидуального регулирования следует рассматривать в качестве факультативной, поскольку она имеет место только тогда, когда правоотношение не может возникнуть иначе как на основе договора (купля-продажа), одностороннего волеизъявления лица (наследование по завещанию) или правоприменительного акта (реализация уголовной ответственности). Правоприменение при этом

представляется целесообразным рассматривать в качестве одной из форм индивидуального правового регулирования, предшествующей исполнению, использованию или соблюдению правовой нормы носителем субъективных прав и юридических обязанностей.

Реализация права является завершающей стадией механизма действия права и состоит в непосредственном претворении в жизнь правозначимого интереса, посредством реализации в рамках правоотношения его участниками субъективных прав и юридических обязанностей. Примечательно, что реализация права может рассматриваться не только как часть действия права, но и как его конечный результат. Тем не менее важно понимать, что право действует не для того, чтобы действовать, и его целью является не правореализация сама по себе, а осуществление того признаваемого правом интереса, для обеспечения которого право функционирует.

Поскольку механизм действия права принципиально отличается от механизмов действия иных социальных регуляторов (морали, религии, традиции), для его понимания недостаточно просто указать на последовательность сменяющих друг друга стадий. В рамках анализа рассматриваемого механизма большое значение имеет уяснение его качественной специфичности.

Характеристика механизма как процесса предполагает указание прежде всего на импульс, приводящий этот механизм в действие [5, с. 65]. Иными словами, для того чтобы определить, чем специфичен механизм действия права в качественном плане, важно понимать, что «запускает» его. Кроме того, важно иметь представление о «движущей силе» рассматриваемого процесса, так как с этой точки зрения механизм действия права также принципиально отличается от механизма действия других социальных регуляторов. Здесь следует пояснить, что импульс в нашем понимании – это побудительный момент, толчок, благодаря которому право начинает действовать (субъект права активизируется, начинает использовать доступные ему правовые инструменты, тем самым право приводится в действие); движущая сила – постоянно действующая сила, благодаря которой приданная праву динамика сохраняется, и оно остаётся действующим на протяжении длительного времени.

В механизме действия морали «импульсом» является совесть, в механизме действия религии – вера, а что «запускает» право?

Функционирование права предполагает реализацию не только правовых норм, но и правовых идей и принципов, требований правовой политики, т. е. всего того, что составляет потенциал права. Из этого следует, что право начинает действовать еще до того, как начинает «работать» конкретная правовая норма. С учётом того, что действие права – это всегда деятельность вполне определённых субъектов, использующих его инструментарий, представляется возможным в качестве «импульса», приводящего право в действие, рассматривать интерес.

Именно интересы, маркируемые в качестве правозначимых, приводят в действие в праве все его элементы, вне зависимости от того, идёт ли речь о правотворчестве или о реализации права. Они, с одной стороны, определяют массовое правосознание, систему правовых ценностей, правовую политику государства, законодательство. С другой стороны, будучи обусловленными потребностями людей и формируя их мотивы, интересы определяют логику любых поступков и решений участников правоотношений – как физических, так и юридических лиц.

Для понимания качественного своеобразия механизма действия права также важно понимать, чем обеспечивается в нём движение к реализации интереса. И здесь следует учитывать то, что, с одной стороны, действенность права обеспечивается стремлением государства упорядочить общественные отношения любой ценой, а с другой, признанием этого стремления нормальным – социально одобряемым или социально приемлемым.

Стремление государства наиболее эффективно урегулировать все сферы общественной жизни, нуждающиеся в упорядочивании с помощью права, обуславливает поиск наиболее действенного инструмента, обеспечивающего безусловную реализацию потенциала права. Таким инструментом оказывается легитимное принуждение. Собственно, именно легитимное государственное принуждение оказывается той «движущей силой», которая отличает механизм действия права от механизма действия других социальных регуляторов.

Первоначально в праве отражается стремление к справедливости и порядку, упорядоченности и гармонизации общественных отношений. В этом плане право не отличается от иных социальных регуляторов. Особенностью права является обеспеченность государственным принуждением, при этом эффективным в праве оказывается лишь то государственное принуждение, которое легитимируется обществом.

В целом можно выделить две ситуации реализации правозначимых предписаний силой государственного принуждения в условиях, когда для реализации интересов одного субъекта требуется ограничить интересы другого субъекта: во-первых, когда субъект реализует правовую норму своим собственным поведением, осознавая непреодолимость силы государства, и во-вторых, когда государство собственными действиями помимо воли субъекта добивается от него определённого поведения посредством применения легитимного принуждения.

Достижение субъектами права желаемого результата основано главным образом на признании его силы и принятии принуждения как легитимного, что подразумевает признание справедливости такого принуждения, его целесообразности и, как следствие, готовность субъекта быть ограниченным. Указанное может быть следствием либо добровольного сознательного выбора, либо вынужденного. Вынужденное подчинение праву может быть связано с наличием страха перед угрозой наказания, а также боязнью разорвать социальные связи, которые делают невозможным удовлетворение индивидом собственных потребностей, реализуемых в обществе за счёт его ресурсов. В случаях, когда указанный выбор является осознанным и добровольным, подчинение подкрепляется признанием, что существенно влияет на эффективность и действенность права.

Подводя итог проведённому анализу, полагаем возможным сделать следующие выводы.

Действие права представляет собой процесс, сущностью которого является изменение под влиянием права реальности, в которой право функционирует, а внешними проявлениями – интеллектуально-волевая и/или практическая активность субъектов, стремящихся к достижению правовыми средствами правозначимых целей и меняющих своими действиями правовую реальность.

Механизм действия права некорректно отождествлять с системой правовых средств, используемых субъектами права для достижения правозначимых целей. Механизм действия права – это последовательность стадий, отражающих логику движения от возникновения правозначимого интереса до его осуществления с помощью правовых средств, среди которых особая роль отводится легитимному государственному принуждению.

Стадиями механизма действия права являются манифестация права, приобщение к праву, индивидуальное регулирование и реализация права. Каждая из стадий характеризуется специфической интеллектуально-волевой и / или практической активностью субъектов, влекущей за собой правозначимые последствия.

Изучение механизма действия права имеет как теоретическую, так и практическую значимость, так как его понимание необходимо для успешного решения задач, связанных с урегулированием юридически значимого поведения субъектов права, стабилизацией общественных отношений, установлением правопорядка в обществе и повышением эффективности действия права.

Список литературы

1. Акчурина Р. Р. Механизм действия права: понятие и особенности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2017. – № 1 (28). – С. 14–16.
2. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиск и решения. – Москва: Норма, 2001. – 752 с.
3. Гойман В. И. Действие права (Методологический анализ) : монография: – Москва: Академия МВД России, 1992. – 182 с.

4. Кудрявцев В. Н. Право и поведение. – Москва: Юридическая литература, 1978. – 191 с.
5. Лановая Г. М. Механизмы действия современного права // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 3. – С. 64–67.
6. Лановая Г. М. Проблема типологизации современного права. – Москва: ИГ «Граница», 2012. – 143 с.
7. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. – Москва: Юрист, 2005. – 250 с.
8. Мамычев А. Ю., Сухомлинов А. С. Действие права и правовые действия в контексте обеспечения законности и правопорядка: теоретико-концептуальный анализ // Юрист-Правоведъ. – 2009. – № 5. – С. 18–22.
9. Редько А. А. Соотношение механизма действия права и правовой инициативы в современной России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2018. – № 4 (33). – С. 68–73.
10. Семенова О. В. Правотворчество и правообразование: соотношение понятий / Правовая система России: история и современность : сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа: Аэтерна, 2019. – С. 38–40.
11. Чуцаев А. И. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация. – Москва: Проспект, 2013. – 304 с.

References

1. Akchurin R. R. Mekhanizm deystviya prava: ponyatiye i osobennosti// Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskiye nauki. – 2017. – № 1 (28). – S. 14–16.
2. Alekseyev S. S. Voskhozhdeniye k pravu. Poiski i resheniya. – Moskva: Norma, 2001. – 752 s.
3. Goyman V. I. Deystviye prava (Metodologicheskiy analiz): monografiya: – Moskva: Akademiya MVD Rossii, 1992. – 182 s.
4. Kudryavtsev V. N. Pravo i povedeniye. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1978. – 191 s.
5. Lanovaya G. M. Mekhanizmy deystviya sovremennogo prava // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2011. – №3. – S. 64–67.
6. Lanovaya G. M. Problema tipologizatsii sovremennogo prava. – Moskva: IG «Granitsa», 2012. – 143 s.
7. Mal'ko A. V. Stimuly i ogranicheniya v prave. – Moskva: Yurist», 2005. – 250 s.
8. Mamychev A. Yu., Sukhomlinov A. S. Deystviye prava i pravovyye deystviya v kontekste obespecheniya zakonnosti i pravoporyadka: teoretiko-kontseptual'nyy analiz // Yurist»-Pravoved». – 2009. – № 5. – S. 18–22.
9. Red'ko A. A. Sootnosheniye mekhanizma deystviya prava i pravovoy initsiativy v sovremennoy Rossii // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2018. – № 4 (33). – S. 68–73.
10. Semenova O. V. Pravotvorchestvo i pravooobrazovaniye: sootnosheniye ponyatiy / Pravovaya sistema Rossii: istoriya i sovremennost': sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Ufa: Aeterna, 2019. – S. 38–40.
11. Chuchayev A. I. Uголовно-правовое воздействие: ponyatiye, ob'yekt, mekhanizm, klassifikatsiya. – Moskva: Prospekt, 2013. – 304 s.

Статья поступила в редакцию 18.02.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 07.06.2022.

The article was submitted February 18, 2022; approved after reviewing June 06, 2022; accepted for publication June 07, 2022.

Научная статья
УДК 340.12
doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-31-41

Тимур Омарович Чукаев

<https://orcid.org/0000-0002-0611-192X>, timurchukaev@yandex.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Омnipотенция «общественного права» в оценке М. М. Шпилевского

Аннотация: Актуальность реконструкции и интерпретации взглядов отечественного правоведа Михаила Михайловича Шпилевского (1837–1883) обусловлена теоретической и практической значимостью проблем, касающихся поиска ответов на острые вопросы построения в современной России правового государства, в котором обеспечение эффективного взаимодействия общества и органов государственной власти является основополагающим. В статье охарактеризована интерпретация «общественного права» М. М. Шпилевского, развитие М. М. Шпилевским положений концепции «общественного права» В. Н. Лешкова. Центральным тезисом М. М. Шпилевского являлось утверждение, что «общественное право» выступает гарантом свободного участия лиц в удовлетворении общественных интересов, так как общество – важнейший компонент системы государственного управления. Основными методами исследования стали общенаучные (прежде всего исторический и системный) и специальные (историко-правовой и сравнительно-правовой). Применялся метод реконструкции и интерпретации правовых идей. Сделан вывод, что М. М. Шпилевский обосновал необходимость выделения общества как самостоятельного субъекта государственного управления; «общественное право» охарактеризовал как часть правовой системы России, альтернативу полицейскому праву, субъективное право общества на удовлетворение своих интересов. Теоретическое наследие М. М. Шпилевского ещё должно получить осмысление и оценку в контексте достижений современной юридической науки.

Ключевые слова: М. М. Шпилевский, В. Н. Лешков, «общественное право», полицейское право, община, источники права, закон, распоряжения

Для цитирования: Чукаев Т. О. Омnipотенция «общественного права» в оценке М. М. Шпилевского // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 31–41; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-31-41.

Timur O. Chukaev

<https://orcid.org/0000-0002-0611-192X>, timurchukaev@yandex.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Omnipotence of «public law» in the assessment of M. M. Shpilevsky

Abstract: The relevance of the reconstruction and interpretation of the views of the Russian jurist Mikhail Mikhailovich Shpilevsky (1837–1883) is due to the theoretical and practical significance of the answers to the acute questions of building a rule of law in modern Russia basing on the effective interaction between society and public authorities. The article describes the interpretation of «public law» by M. M. Shpilevsky, the development of the provisions of the concept of «public law» by V. N. Leshkov by M. M. Shpilevsky. The central thesis of M. M. Shpilevsky's claim was that «public law» acts as a guarantor of the free participation of individuals in serving the public interests, since society is an essential component of the public administration system. The main research methods were general scientific (primarily historical and systematic) and special (primarily historical-legal and comparative-legal) methods. The method of reconstruction and interpretation of legal ideas has been used. The author concludes that M. M. Shpilevsky justified the need to distinguish society as an independent subject of public administration; he characterized «public law» as part of the legal system of Russia, as an alternative to police law, as a subjective right of

society to serve its interests. The theoretical legacy of M. M. Shpilevsky has yet to be comprehended and evaluated in the context of the achievements of modern legal science.

Keywords: M. M. Shpilevsky, V. N. Leshkov, «public law», police law, community, sources of law, law, orders

For citation: Chukaev T. O. Omnipotence of «public law» in the assessment of M. M. Shpilevsky // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – P. 31–41; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-31-41.

Состояние современной теоретической юриспруденции свидетельствует о росте интереса учёных, государственных и общественных деятелей к опыту государственного управления в Российской империи [1, с. 141–163; 2, с. 43–48; 3, с. 57–72; 4, с. 1–51; 5, с. 94–106; 6, с. 138–145; 7, с. 267–296; 8, с. 67–71; 9, с. 149–156; 10, с. 186–195], вопросам обеспечения во внутренней жизни Российской империи режима законности и функционирования механизмов поддержания правопорядка на разных этапах исторического развития России [11–37]. В контексте поиска самобытных начал развития отечественного государства и права, а также «кризиса либералистически-западнических моделей организации законодательной и публичной ветвей власти»¹, в настоящее время усиливается внимание к полицейско-правовой теории и концепции «общественного права» [38, с. 127–136; 39, с. 68–71; 40, с. 203–223; 41, с. 132–135; 42, с. 230–232; 43, с. 84–95; 44, с. 155–157; 45, с. 39–47; 46, с. 300–305; 47, с. 294–299; 48, с. 65–67], предметом которых являлись источники, субъекты, формы эффективного правового регулирования общественных отношений.

Оформление идеи «общественного права» в российской политико-правовой мысли

Идея «общественного права» получила оформление в России в XIX в. Государственно-правовая система Российской империи во второй половине XIX в. претерпела многочисленные реформы, охватившие практически все сферы общественной жизни. Трансформация системы управления государством, определившая вектор дальнейшего развития страны и перспективы её совершенствования, стали предметом осмысления отечественных правоведов, в числе которых был профессор Новороссийского (Одесса) университета, доктор полицейского права Михаил Михайлович Шпилевский (1837–1883).

В историю российской политико-правовой мысли М. М. Шпилевский вошёл как учёный, концентрировавший внимание на поиске Россией путей самобытного развития, месте общества в системе управления государством, развитии основных положений концепции «общественного права» [18, с. 3–21]. И хотя в названии своих работ М. М. Шпилевский, в отличие от основоположника концепции «общественного права»

Василия Николаевича Лешкова (1810–1881)², термин «общественное право» не использовал, в текстах своих произведений он развивал идеи, касающиеся места общественности в управлении государством и фактически являлся продолжателем идей В. Н. Лешкова.

Из всех произведений М. М. Шпилевского наиболее полно идеи об «общественном праве» изложены в работе «Полицейское право как самостоятельная отрасль правоведения» (1875)³.

Развитие науки полицейского права к XIX в. достигло значительных успехов. В Российской империи во второй половине XIX в. уже оформилась национальная полицейско-правовая юридическая теория (полицистика) – система знаний, включающая в себя и вопросы, касающиеся управления государством и отношений между государственными органами, обществом и личностью. Уже сложился понятийно-категориальный аппарат полицейского права, были предприняты попытки определения его предмета, системы и методов. Расцвет полицейского права был связан с творчеством видных юристов, в числе которых состояли И. Е. Андреевский, Н. Н. Белявский, Э. Н. Берендтс, Н. Х. Бунге, С. В. Ведров, В. М. Гессен, Н. А. Грифцов, В. Ф. Дерюжинский, А. И. Елистратов, В. В. Ивановский, В. Н. Лешков, И. Т. Тарасов, П. Н. Шеймин, М. М. Шпилевский, Н. Д. Яворский, И. И. Янжул. Российская полицистика демонстрировала многообразие подходов к рассмотрению проблем управления государством и плюрализм оценок полицейской практики [34, с. 750–758; 35, р. 1826–1834].

Несмотря на наличие множества трудов по полицейскому праву, «серьёзных, специальных сочинений по истории полицейского права не существует, большинство учёных ограничиваются самым беглым очерком исто-

² Лешков В. Н. О Законах благоустройства и благочиния, или что такое полиция // Москвитянин. – 1843. – Ч. III. – № 5–6; Лешков В. Н. Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века. – Москва: Университетская типография, 1858; Лешков В. Н. Русские основы права. – Москва: Тип. Бахметева, 1863; Лешков В. Н. Полицейское право. – Часть 1. Благоустройство. – Выпуск 1, 2 и 3 курса, читанного в Университете св. Владимира профессором Н. Х. Бунге. – Киев, 1869 г. I. Исторический очерк экономических учений. II. Наша средняя история общественного права с Петра Великого, ее характер и разделение. – Москва: Университетская типография, 1874; Лешков В. Н. Общественное право народонаселения. – Москва: Университетская типография, 1875; Лешков В. Н. Общественное право. – Москва: Университетская типография, 1880–1881.

³ Шпилевский М. М. Полицейское право как самостоятельная отрасль правоведения. – Одесса: Тип. Ульриха и Шульце, 1875.

¹ История правовых учений России. – Том II. XVIII–XIX вв.: учебник / под ред. В. В. Сорокина, А. А. Васильева. – Москва: Юрлитинформ, 2014. – С. 291.

рического развития полицейской науки», – сожалел М. М. Шпилевский⁴, подчёркивая, что критический взгляд оппонентов способствует аргументации авторской позиции, выявлению проблемных мест в выдвигаемых положениях и определению преемственности идей и теорий. Признавая влияние теорий одних учёных на формирование воззрений других мыслителей и практику государственно-правового и общественного развития, пренебрежение к результатам мыслительной деятельности других учёных М. М. Шпилевский называл либеральным нигилизмом, а «непризнание новых идей и невнимание ко всем вновь возникшим потребностям, вызвавшим эти идеи», – консервативным нигилизмом⁵.

Анализируя историю полицейского права, М. М. Шпилевский пришёл к выводу, что в развитии полицейской науки во второй половине XIX в. наступил кризис: не все предложенные полицейским правом теоретические конструкции были применимы в реальной жизни; не все важные социальные проблемы полицейстикой были решены. Но полицейское право, «настолько необходимая наука, у которой в качестве предмета выступают прогресс и развитие общества, не могла погибнуть в таком кризисе»⁶. М. М. Шпилевский полагал, что выходом из кризиса является обращение к идее «общественного права».

Идея «общественного права» в XIX в. уже получила разработку в трудах В. Н. Лешкова⁷, который обращал внимание на то, что в историческом прошлом очевидны важнейшие субъекты развития: «частный гражданский элемент» (индивидуумы, частные лица), «общий политический союз» (государство) и «государственное общество». Государство и индивидуум находятся в сложных отношениях, детерминантом которых является конфликт их интересов. Средой, в которой возможно достижение консенсуса частных и государственных интересов, является общество, которое фактически устраняет антагонизм частного и публичного. Общество В. Н. Лешков рассматривал как самостоятельный субъект государственного управления. Оцени-

вая роль общественности в решении социально значимых вопросов на различных этапах исторического развития отечественного государства, В. Н. Лешков подчёркивал, что вопросы благосостояния русского народа, как правило, решались «не сверху вниз, а снизу вверх»: начинались усилиями частных лиц, «переходили в руки общества» и только после этого окончательно решались правительством. Регулирование социальных отношений, по Лешкову, происходит посредством выработки правил поведения, которые закрепляют «права обществ или общества относительно государства и права частных лиц относительно общества и государства, с обоюдными обязанностями»⁸. Система таких правил относилась к «общественному праву», которое, как полагал В. Н. Лешков, в отличие от полицейского права, отражает право общества на развитие и сохранение его интересов при содействии и под надзором правительства⁹. «Общественное право», по Лешкову, учитывает специфику местного управления и распространяется не только на сферу исполнительную деятельность, но и на общественную самоорганизованность.

«Общественное право» в интерпретации М. М. Шпилевского

М. М. Шпилевский получил высшее образование в Московском университете, где, будучи учеником В. Н. Лешкова, в 1859 г. успешно окончил юридический факультет¹⁰. Преподавал в школе межевых топографов, а в 1869 г. уехал в Одессу. В сентябре 1869 г. Шпилевский был назначен на должность доцента по кафедре полицейского права в Новороссийском университете (Одесса). В 1871 г. направлен в научную командировку в Москву и Петербург. Активно сотрудничал с В. Н. Лешковым. По возвращении в Новороссийский университет успешно защитил магистерскую диссертацию на тему «Политика народонаселения в царствование Екатерины II» и утверждён в степени магистра полицейского права¹¹. В 1875 г. в Московском университете М. М. Шпилевский защитил докторскую диссертацию на тему «Полицейское право как самостоятельная отрасль правоведения», был утверждён в степени доктора и занял должность экстраординарного профессора по кафедре полицейского права¹². Исследование в рамках докторской диссертации послужило основой

⁴ Там же. – С. 49. – репринтная копия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bibliard.ru> (дата обращения: 18.01.2021).

⁵ Там же. – С. 52. – репринтная копия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bibliard.ru> (дата обращения: 18.01.2021).

⁶ Там же. – С. 56. – репринтная копия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bibliard.ru> (дата обращения: 18.01.2021).

⁷ Лешков В. Н. Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века. – Москва: Тип. Бахметева, 1858; Лешков В. Н. Русские основы права. – Москва: Тип. Бахметева, 1863; Лешков В. Н. Полицейское право. – Часть 1. Благоустройство. Выпуск 1, 2 и 3 курса, читанного в Университете св. Владимира профессором Н. Х. Бунге. Киев. 1869 г. I. Исторический очерк экономических учений. II. Наша средняя история общественного права с Петра Великого, ее характер и разделение. – Москва: Университетская типография, 1874; Лешков В. Н. Общественное право народонаселения. – Москва: Университетская типография, 1875; Лешков В. Н. Общественное право. – Москва: Университетская типография, 1880–1881.

⁸ Лешков В. Н. Общественное право. – Москва: Университетская типография, 1880–1881. – С. 91.

⁹ Лешков В. Н. Полицейское право. – Часть 1. Благоустройство. – Выпуск 1, 2 и 3 курса, читанного в Университете св. Владимира профессором Н. Х. Бунге. – Киев, 1869. – I. Исторический очерк экономических учений. II. Наша средняя история общественного права с Петра Великого, её характер и разделение. – Москва: Университетская типография, 1874. – С. 35.

¹⁰ Шпилевский Михаил Михайлович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – Т. 82. – Санкт-Петербург, 1907. – С. 327.

¹¹ Шпилевский Михаил Михайлович // Русский биографический словарь: в 25 т. – Санкт-Петербург, Москва, 1896–1918. – С. 478.

¹² Там же.

компаративного анализа полицейского и общественного права, проведённого Шпилевским.

М. М. Шпилевский рассматривал «общественное право» с разных сторон: и как систему норм, регулирующих общественные отношения, и как практику их реализации, и как совокупность субъективных прав. М. М. Шпилевский под общественным правом понимал «не только те противоположения, которые формулируются и фиксируются законодательной властью, но и те, которые вырабатываются непосредственно народной жизнью и сознательной деятельностью юристов и охраняются силой народного обычая и авторитета науки»¹³.

Систему норм, составляющих содержание «общественного права», М. М. Шпилевский разделял на общую и особенную части: общая часть представляла собой совокупность норм, закрепляющих общие основные начала взаимодействия субъектов в социуме, а особенная часть содержала характеристику отдельных институтов «общественного права», которые осуществляли регулирование социальной жизни и охрану общественных отношений¹⁴.

Для характеристики «общественного права» с различных сторон М. М. Шпилевский в общей части описывал «формальное общественное право», «определяющее общественное право», «материальное общественное право», «охранительное общественное право», «процессуальное общественное право». Такой подход отражал стремление автора охарактеризовать «общественное право» с формальной, материальной и процессуальной сторон. Системный подход к описанию «общественного права» потребовал от исследователя анализа его природы, в связи с чем в общей части М. М. Шпилевский выделил три раздела, посвящённых источникам, «органам» (субъектам, продуцирующим право) и формам «общественного права».

Об источниках «общественного права»

Основной источник «общественного права» – народная жизнь. Право вырабатывается естественным путём в результате развития общества на определённой территории государства. «Общественное право» – «не только противоположения, которые формулируются и устанавливаются законодательной властью, но и те, которые вырабатываются в ходе жизнедеятельности народа»¹⁵. Нормы, возникающие в условиях социального развития, сначала фиксируются обществом и только приобретают официальную юридическую форму¹⁶.

М. М. Шпилевский вступал в дискуссию с теми, кто считал, что «народ участвует в создании права только на первоначальных ступенях развития народной жизни и только в форме традиционного обычая». Полагая такой подход некорректным, М. М. Шпилевский считал, что участие народа в создании права не ограничивается выработкой обычая – эффективной модели общественного поведения [49, с. 36–37]. На всех этапах создания обязательных предписаний принимают участие различные институты: общество, органы законодательной ветви власти, наиболее компетентные правоведаы.

О субъектах «общественного права»

М. М. Шпилевский продолжал развивать мысль В. Н. Лешкова, что важнейшими элементами системы «общественного права» являются «деятели, общество, или народ»¹⁷.

Приводя перечень субъектов «общественного права», В. Н. Лешков выделял их отличия от субъектов гражданского и государственного права: «Есть в общественном праве свои лица или субъекты, предметы права и способы приобретения – свои права и законы как установительные, так и охранительные; только всё это в другом количестве, с другим характером и другим значением, нежели в гражданском или государственном праве. Субъектами “общественного права” являются, прежде всего, семейства, общины, сословия, вообще органические соединения, представляющие собой весь народ и всё население, все общество, к которому частные лица принадлежат не отдельными своими действиями, а всей жизнью и от которого получают не одно гражданское, а полное человеческое значение. Так, незаконнорождённые, нищие, сумасшедшие, арестанты, не имеющие вовсе или многих прав в быту гражданском, восстанавливаются в своих правах по “общественному праву”»¹⁸.

В числе органов социальной деятельности М. М. Шпилевский называл отдельные лица с их частными силами и средствами, светские и духовные корпорации с их личными силами и имущественными средствами и государство со своими служебным персоналом и финансовыми средствами. Несмотря на декларацию отличий субъектов «общественного права», их перечень, приводимый и В. Н. Лешковым, и М. М. Шпилевским, не отличался от списка субъектов права иных отраслей права. Отличие их можно увидеть только в том, какое место в регулировании общественных отношений в определённой области имеют перечисленные субъекты. В «общественном праве» важную роль играют социальные корпорации; в частном праве – отдельные лица; в государственном праве – государство или правительство. При

¹³ Шпилевский М. М. Полицейское право, как самостоятельная отрасль правоведения. Одесса: Тип. Ульриха и Шульце, 1875. – С. 167. – репринтная копия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bibliard.ru> (дата обращения: 18.01.2021).

¹⁴ Там же. – С. 83. – репринтная копия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bibliard.ru> (дата обращения: 11.02.2022).

¹⁵ Там же. – С. 167. – репринтная копия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bibliard.ru> (дата обращения: 18.01.2021).

¹⁶ Там же. – С. 165. – репринтная копия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bibliard.ru> (дата обращения: 18.01.2021).

¹⁷ Там же. – С. 177. – репринтная копия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bibliard.ru> (дата обращения: 18.01.2021).

¹⁸ Лешков В. Н. Русский народ и государство / сост., предисл., примеч. А. Д. Каплина / отв. ред. О. А. Платонов. – Москва: Институт русской цивилизации, 2010. – С. 45.

этом В. Н. Лешков и М. М. Шпилевский подчёркивали, что в решении каждого из вопросов «общественного права» участвуют и частные лица, и общины, или общества, и государство¹⁹. Характеристики индивидуумов и общин как субъектов «общественного права», данные В. Н. Лешковым и М. М. Шпилевским, стали важным вкладом в развитие представлений о роли личности и общества в управлении государством. Охарактеризовав роль общины в организации самоуправления, учёные описали общину как политико-юридическое учреждение, имеющее «юридическую определённую»²⁰, как основу политико-правовой организации общества, «первичную форму» общественной жизни русского народа²¹. Обоснованные в рамках «общественного права» положения, характеризующие роль общины и местного самоуправления в решении социально значимых вопросов, легли впоследствии в основу муниципального права, обусловив его оформление как самостоятельной отрасли права.

С народом как субъектом «общественного права» учёные связывали представления о субъективных правах, характеризовали «общественное право» как совокупность субъективных прав народа: права народа на бытие; на прогрессивное развитие; на природу, обладание ею и, в первую очередь, право на землю; право на самозащиту, охрану своих прав и т. д.²²

О форме «общественного права»

«Органы» – субъекты, продуцирующие право, по Шпилевскому, – «народ, государственная власть и сословие юристов». Поэтому «общественное право» проявляется в форме обычаев, законов и научных положений²³ и выступает как обычное право, положительное и научное.

1. Обычай является последствием исторического развития общества, в ходе которого в результате многократного повторения определяются наиболее эффективные модели поведения – «предтеча нормы права» [18, с. 5–11].

2. Выработанные обществом правила поведения получили закрепление в «положительном законе». Все законы М. М. Шпилевский разделял на три вида: основные (конституционные), обыкновенные (общеправовые) и распоряжения. В каждом из видов законов могли быть изложены положения «общественного права».

Основные законы закрепляли основания личной и социальной свободы, которые составляют начала «общественного права» в конституционных государствах. Как пример таких

законов М. М. Шпилевский рассматривал конституционные хартии.

Законы общеправовые могли существовать в виде отдельных законов, а также собраний и сводов законов, уложений. При рассмотрении вопроса о возможности кодификации норм «общественного права» М. М. Шпилевский опирался на аргументы немецких и французских учёных, которые считали невозможным и неудобным кодифицировать нормы «общественного права»²⁴.

Особый вид закона – распоряжение – широко использовался в практике регулирования общественных отношений в России. М. М. Шпилевский констатировал, что распоряжения различались в зависимости: от содержания предписаний; от органа, уполномоченного создавать правовые предписания; от круга лиц, обязанных исполнять нормы права. Наиболее распространёнными в России являлись административные распоряжения, которые отражали специфику взаимоотношений государственных органов и личности²⁵. Административные распоряжения представляют собой подробные правила, распорядительные меры, необходимые для реализации прав и выполнения обязанностей.

Различная практика использования законов и распоряжений при регулировании общественных отношений в различных национальных правовых системах позволила М. М. Шпилевскому определить их специфику:

– правовые системы, в которых распорядительная форма изложения правовых предписаний преобладает над законодательной (такие системы существовали в период абсолютной монархии, когда разделение власти на ветви отсутствовало; отличия юридической силы закона и распоряжения были минимальными (закон и правительственное распоряжение фактически имели одинаковую юридическую силу); порядок издания законов и распоряжений был одинаковым; правомерность административной деятельности не обеспечивалась);

– правовые системы, в которых законодательная форма изложения правовых предписаний преобладает над распорядительной (такие системы существовали в английской и американской истории; многочисленные законы отличались чрезвычайно подробной регламентацией поведения субъектов права; кодификация таких норм сопряжена с большим числом трудностей, и основной формой систематизации становится консолидация; возможности административного произвола минимизированы; деятельность государственных органов должна соотноситься с правовыми предписаниями; администрация

¹⁹ Там же. – С. 61.

²⁰ Гасаналиев А. Ш. Формирование основных институтов административного права и административно-правовая мысль России XIX – начала XX веков: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01: Гасаналиев Айгум Шапиевич. – Махачкала, 1999. – С. 77.

²¹ Там же. – С. 78.

²² Там же.

²³ Дергилёва С. Ю. Государственно-правовые воззрения А. И. Елистратова: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Дергилёва Светлана Юрьевна. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 98.

²⁴ Шпилевский М. М. Полицейское право, как самостоятельная отрасль правоведения. – Одесса: Тип. Ульриха и Шульце, 1875. – С. 165. – репринтная копия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bibliard.ru> (дата обращения: 13.09.2021).

²⁵ Там же. – С. 163. – репринтная копия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bibliard.ru> (дата обращения: 18.01.2021).

стремится расширить свои регулятивные полномочия)²⁶.

3. Источником «общественного права», по М. М. Шпилевскому, являются *положения, выработанные в результате научных исследований наиболее квалифицированными правоведами*²⁷. Главной целью научных исследований является поиск наиболее эффективных вариантов построения организационной системы взаимодействия общества и государства, а также оптимизация управленческих процессов.

Характеризуя концепцию «общественного права», М. М. Шпилевский подчёркивал, что учение включает в себя совокупность юридических норм, определяющих правоотношения различных общественных союзов, государственных учреждений, а также частных лиц [50, с. 26–30]. Однако при рассмотрении способов решения конкретных вопросов общественной жизни, предложенных М. М. Шпилевским, получалось, что интересы отдельной человеческой личности Шпилевский отождествлял с интересами всего народа²⁸ и рассматривал «общественное право» как международно-общественное или межгосударственное право. Международное общественное право, регулирующее отдельные отношения между народами, может служить необходимым дополнением права общественного, регулирующего социальные отношения внутри государства.

М. М. Шпилевский сделал вывод, что основная задача «общественного права» не ограничивается установкой обязательных для исполнения правил поведения; учение гарантирует право свободного участия народа в деле развития и охраны общественных интересов [51, с. 118–121]. В качестве аргумента автор указывал, что подобное свободное и добровольное участие частных лиц в деле развития

общественного прогресса составляет его необходимое условие. В обеспечении социальной свободы М. М. Шпилевский видел задачу дозволильных норм «общественного права», формировавших его основную часть.

Таким образом, М. М. Шпилевский развил концепцию «общественного права», основоположником которой являлся В. Н. Лешков. Важным вкладом М. М. Шпилевского в развитие отечественной мысли о государстве и праве его современники сочли произведённый им историографический обзор проблемы и анализ научной литературы, посвящённой полицейскому праву²⁹, а исследователи XXI в. – расширение предмета полицейского права и акцентирование внимания на роли общества в государственном управлении [20, с. 764–780; 24, с. 69–72].

М. М. Шпилевский обосновал необходимость выделения общества как самостоятельного субъекта государственного управления. «Общественное право» он охарактеризовал как часть правовой системы России, альтернативу полицейскому праву, субъективное право общества на удовлетворение своих интересов.

Концепция «общественного права» до настоящего времени вызывает неоднозначные оценки. Несмотря на это, взгляды В. Н. Лешкова и М. М. Шпилевского при определении «русских основ права» были признаны фундаментальными и являлись важным источником для анализа вопросов, касающихся возникновения и развития отечественного правоведения. Многие положения концепции «общественного права» составили теоретическую основу муниципального права, теории гражданского общества и требуют учёта при определении перспектив развития государственно-правовых явлений [52, с. 133–138; 53, р. 01015].

Теоретическое наследие М. М. Шпилевского ещё должно получить оценку в контексте достижений современной юридической науки.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. – С. 167. – репринтная копия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bibliard.ru> (дата обращения: 26.02.2022).

²⁸ Там же. – С. 131. – репринтная копия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bibliard.ru> (дата обращения: 18.01.2021).

²⁹ Ивановский В. В. Учебник административного права (Полицейское право. Право внутреннего управления.). – 3-е изд. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1908. – С. 39–40. – репринтная копия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bibliard.ru> (дата обращения: 18.01.2021).

Список литературы

1. Ляскович Т. Г., Нижник Н. С., Силкин Н. Н. Становление, эволюция и современное состояние полиции России как предмет научных исследований // *Юридическая наука: история и современность*. – 2018. – № 12. – С. 141–163.
2. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Полиция и гражданское общество: направления и формы партнерского взаимодействия (по материалам международной конференции) // *Гражданское общество в России и за рубежом*. – 2018. – № 4. – С. 43–48.
3. Нижник Н. С. Эффективная деятельность правоохранительных органов – требование современности // *Труды Академии МВД Республики Таджикистан*. – 2018. – № 4 (40). – С. 57–72.
4. Нижник Н. С., Сидоренко Н. С. Полицейская деятельность: три века служения полиции Отечеству // *Полицейская деятельность*. – 2018. – № 5. – С. 1–51.
5. Нижник Н. С. Полиция – субъект правоохранительной деятельности современного государства // *Вестник Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Баримбека Бейсенова*. – 2018. – № 4. – С. 94–106.
6. Нижник Н. С., Нудненко Л. А. Российская полиция: три века служения Отечеству // *Государство и право*. – 2019. – № 6. – С. 138–145.
7. Нижник Н. С. Адъюнкты Санкт-Петербургского университета МВД России: научно-исследовательская деятельность в контексте 300-летия полиции России / *Правоохранительная деятельность органов внутренних*

дел в контексте современных научных исследований [Электронный ресурс] : материалы Международной научно-практической конференции / сост. Э. Х. Мамедов. – Электрон. дан. (3,78 Мб). – Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2019. – С. 267–296.

8. *Нижник Н. С., Нудненко Л. А.* Международная научная конференция «Российская полиция: три века служения Отечеству» // Административное право и процесс. – 2019. – № 3. – С. 67–71.

9. *Нижник Н. С.* Российская полиция: три века служения Отечеству (об участии учёных Академии управления МВД России в юбилейной международной научной конференции) // Труды Академии управления МВД России. – 2019. – № 1 (49). – С. 149–156.

10. *Нижник Н. С., Нудненко Л. А.* История Российской империи в контексте теоретико-правового анализа (к 300-летию Российской империи) // Государство и право. – 2021. – № 11. – С. 186–195.

11. *Дергилева С. Ю.* Концепция правового государства А. И. Елистратова // Мир юридической науки. – 2013. – № 10–11. – С. 23–29.

12. *Егоров Н. Ю.* Проблемы правоприменительной деятельности в теоретическом наследии И. Т. Тарасова / Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе : материалы Международной научно-практической конференции / под общ. ред. В. А. Сосова. – Краснодар: Издательский дом – Юг, 2014. – С. 592–595.

13. *Никифорова С. А.* Проблемы управления государством – предмет научных исследований Э. Н. Берендтса / Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе : материалы Международной научно-практической конференции / под общ. ред. В. А. Сосова. – Краснодар: Издательский дом – Юг, 2014. – С. 589–591.

14. *Егоров Н. Ю.* Российская полицейстика в лицах: Иван Трофимович Тарасов // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 6. – С. 801–812.

15. *Егоров Н. Ю.* Учение И. Т. Тарасова об исключительном и военном положении в государстве как теоретическое основание исследований государственно-правовых систем в условиях военного времени / Великая Отечественная война: нравственные аспекты и историческое наследие : материалы межвузовской научно-практической конференции курсантов, слушателей и студентов / под общ. ред. Н. С. Нижник. – Ч. 2. – Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2015. – С. 354–360.

16. *Козинникова Е. Н.* Государственно-правовая концепция национальной безопасности В. М. Гессена – теоретическое наследие российской полицейстики / Актуальные проблемы юридической науки, практики и высшего образования : II Ежегодные научные чтения, посвящённые памяти Почётного президента Санкт-Петербургской юридической академии профессора Зыбина Станислава Фёдоровича. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская юридическая академия, 2015. – С. 113–117.

17. *Козинникова Е. Н.* Обеспечение безопасности как условие и результат правоприменительной деятельности (по работам В. М. Гессена) / Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе : II Ежегодные научные чтения, посвящённые памяти Почётного президента Санкт-Петербургской юридической академии профессора Зыбина Станислава Фёдоровича. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская юридическая академия 2015. – С. 821–824.

18. *Нижник Н. С.* Российская полицейстика – наука и искусство управления государством / Вопросы государства и права : сборник научных статей / под общ. ред. Л. В. Карнаушенко. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. – С. 3–21.

19. *Нижник Н. С.* Российская полицейстика о дискурсивном и институциональном наследии эпохи полицейского государства / Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе : материалы Международной научно-практической конференции / под общ. ред. В. А. Сосова. – Краснодар: Издательский дом – Юг, 2015. – С. 41–55.

20. *Нижник Н. С.* Российская полицейстика: основные этапы становления и развития // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 6. – С. 764–786.

21. *Козинникова Е. Н.* Российская полицейстика в лицах: Владимир Матвеевич Гессен // Genesis: исторические исследования. – 2016. – № 6. – С. 96–107.

22. *Козинникова Е. Н.* В. М. Гессен об исключительном положении как чрезвычайном правовом режиме Российской империи в конце XIX – начале XX века / Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) : материалы XIV международной научно-теоретической конференции / под ред. Н. С. Нижник: в 2 т. – Т. I. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская юридическая академия, 2017. – С. 75–79.

23. *Козинникова Е. Н.* Исключительное положение как чрезвычайный правовой режим (опыт анализа нормативных актов и работ полицейстов Российской империи конца XIX – начала XX века) // Genesis: исторические исследования. – 2017. – № 11. – С. 87–95.

24. *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю.* Государство и право в теоретико-правовых воззрениях А. И. Елистратова. – Москва: Юрлитинформ, 2017. – 376 с.

25. *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю.* Теоретическое наследие А. И. Елистратова как источник изучения истории становления государственного управления в советской России / Источниковедение советского государства и права: классификация, виды и конкретные источники изучения : материалы круглого стола / отв. ред. С. В. Кодан. – Екатеринбург: Наука, 2017. – С. 48–58.

26. *Козинникова Е. Н.* Чрезвычайный правовой режим как особая среда полицейской деятельности / Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс] : материалы юбилейной Международной научной конференции, посвящённой 300-летию российской полиции / под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). – Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2018. – С. 137–141.

27. *Нижник Н. С.* Взаимоотношения власти, общества и личности как предмет полицейско-правовой теории / Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс] : материалы юбилейной Международной научной конференции, посвящённой 300-летию российской полиции / под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). – Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2018. – С. 239–250.
28. *Никифорова С. А.* Э. Н. Берендтс о государстве и праве в начале XX века / Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс] : материалы юбилейной Международной научной конференции, посвящённой 300-летию российской полиции / под ред. Н. С. Нижник. – Электронные данные (19,6 Мб). – Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2018. – С. 323–330.
29. *Тарасов Н. К.* Закрепление в законодательстве Российской империи конца XIX – начала XX века представлений о сущности феномена «принуждение» / Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс] : материалы юбилейной Международной научной конференции, посвящённой 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург / под ред. Н. С. Нижник. – Электронные данные (19,6 Мб). – Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2018. – С. 336–340.
30. *Нижник Н. С.* Аксиологическое обоснование правового дискурса полицейского государства / Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования : сборник научных трудов. – Минск: Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2019. – С. 155–163.
31. *Нижник Н. С.* Полицистика: основные этапы развития полицейско-правовой теории в России / Российская полиция: три века служения Отечеству : сборник статей Юбилейной международной научной конференции / под ред. В. Л. Кубышко: в 2 ч. – Ч. 1. – Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – С. 220–240.
32. *Нижник Н. С., Никифорова С. А.* Государство и право в теоретико-правовых воззрениях Э. Н. Берендтса. – Москва: Юрлитинформ, 2019. – 232 с.
33. *Козинникова Е. Н.* Полицейский надзор как мера обеспечения чрезвычайного правового режима исключительного положения в оценке российских полицейстов конца XIX – начала XX века // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2020. – № 2 (26). – С. 106–112.
34. *Нижник Н. С., Дергилева С. Ю.* Полицейско-правовая теория конца XIX – начала XX века о личности – субъекте публично-правовых отношений в полицейском государстве // *Nomothetika: Философия. Социология. Право.* – 2020. – Т. 45. – № 4. – С. 750–760.
35. *Nizhnik N. S.* Police-law theory on the regulation of public relations in the police state / *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS: International Scientific and Practical Conference.* – Veliky Novgorod, 2021. – P. 1826–1835.
36. *Козинникова Е. Н.* «Положение чрезвычайной охраны» как форма чрезвычайного правового режима в Российской империи в конце XIX – начале XX веков / Актуальные проблемы полицейского права : материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 10-летию вступления в силу Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» / пред. редкол. В. А. Гусев. – Омск: Омская академия МВД России, 2021. – С. 28–32.
37. *Права человека: между прошлым и будущим* / под ред. Н. В. Варламовой, Т. А. Васильевой, Н. В. Колотовой. – Москва: Норма, 2021. – 448 с.
38. *Бельский К. С.* Выдающийся русский учёный-полицист В. Н. Лешков // *Государство и право.* – 1996. – № 1. – С. 127–136.
39. *Чукаев Т. О.* Василий Николаевич Лешков: вклад в развитие теории управления государством / Личность в русской истории, науке, культуре и литературе: сборник статей. – Москва: Московский финансово-юридический университет МФЮА, 2015. – С. 68–71.
40. *Тесля А. А.* Василий Николаевич Лешков и его теория «общественного права» как попытка альтернативы «полицейскому праву» // *Социологическое обозрение.* – 2015. – Т. 14. – № 3. – С. 203–223.
41. *Чукаев Т. О.* Российская полицистика XIX века: В. Н. Лешков об особенностях российской национальной правовой системы // *Вопросы государства и права.* – 2015. – № 4. – С. 132–135.
42. *Чукаев Т. О.* Самоорганизация общества как фактор обеспечения внутренней безопасности (по работам В. Н. Лешкова) / Актуальные проблемы юридической науки, практики и высшего образования : II Ежегодные научные чтения, посвящённые памяти Почётного президента Санкт-Петербургской юридической академии профессора Зыбина Станислава Фёдоровича. – Санкт-Петербург: СПбЮА, 2015. – С. 230–232.
43. *Чукаев Т. О.* Российская полицистика в лицах: Василий Николаевич Лешков // *Genesis: исторические исследования.* – 2016. – № 6. – С. 84–95.
44. *Чукаев Т. О.* Проблемы взаимосвязи государства и общества в теоретическом наследии В. Н. Лешкова // *Вестник Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.* – 2016. – № 3. – С. 155–157.
45. *Чукаев Т. О.* Концепция «общественного права» – элемент полицейско-правовой теории России XIX века // *Полицейская деятельность.* – 2017. – № 5. – С. 39–47.
46. *Понкратова И. Е.* Проблемы определения сущности и детерминант правопорядка в теоретико-правовом наследии В. Н. Лешкова / Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс] : материалы юбилейной Международной научной конференции, посвящённой 300-летию российской полиции / под ред. Н. С. Нижник. – Электронные данные (19,6 Мб). – Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2018. – С. 300–305.
47. *Чукаев Т. О.* «Общественное право», «государственное право», «полицейское право»: соотношение понятий в теоретико-правовом учении В. Н. Лешкова / Российская полиция: три века служения Отечеству

[Электронный ресурс] : материалы юбилейной Международной научной конференции, посвящённой 300-летию российской полиции. / под ред. Н. С. Нижник. – Электронные данные (19,6 Мб). – Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2018. – С. 294–299.

48. Чукаев Т. О. Вопросы соотношения общественного права с иными отраслями права в отечественной теоретико-правовой мысли / Актуальные проблемы полицейского права : материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 10-летию вступления в силу Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» / пред. редкол. В. А. Гусев. – Омск: Омская академия МВД России, 2021. – С. 65–67.

49. Чукаев Т. О. Историко-теоретические предпосылки формирования института гражданского общества // Закон и право. – 2020. – № 3. – С. 36–38.

50. Чукаев Т. О. Народ и органы государственной власти: анализ взаимодействия и сотрудничества в теоретическом наследии В. Н. Лешкова // *Advances in Law Studies*. – 2018. – Т. 6. – № 3. – С. 26–30.

51. Чукаев Т. О. М. М. Шпилевский: характеристика общественного права как этапа развития полицейского права / Актуальные проблемы полицейского права: материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию со дня образования Омской академии МВД России. – Омск: Омская академия МВД России, 2020. – С. 118–121.

52. Нижник Н. С., Алиев Я. Л. Доктрина юридического прогнозирования: определение сценариев развития государственно-правовых явлений / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : Международная научно-практическая конференция / под общ. ред. А. И. Каплунова. – Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2021. – С. 133–138.

53. Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Aliev Ya. L., Astafichev P. A., Kvitchuk A. S. State and law: transformation vectors in modern conditions / SHS Web of Conferences: IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium». – Kaliningrad, 2021. – P. 01015.

References

1. Lyasovich T. G., Nizhnik N. S., Silkin N. N. Stanovleniye, evolyutsiya i sovremennoye sostoyaniye politsii Rossii kak predmet nauchnykh issledovaniy // *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. – 2018. – № 12. – С. 141–163.

2. Nizhnik N. S., Nudnenko L. A. Politsiya i grazhdanskoye obshchestvo: napravleniya i formy partnerskogo vzaimodeystviya (po materialam mezhdunarodnoy konferentsii) // *Grazhdanskoye obshchestvo v Rossii i za rubezhom*. – 2018. – № 4. – С. 43–48.

3. Nizhnik N. S. Effektivnaya deyatelnost' pravookhranitel'nykh organov – trebovaniye sovremennosti // *Trudy Akademii MVD Respubliki Tadzhikistan*. – 2018. – № 4(40). – С. 57–72.

4. Nizhnik N. S., Sidorenko N. S. Politseyskaya deyatelnost': tri veka sluzheniya politsii Otechestvu // *Politseyskaya deyatelnost'*. – 2018. – № 5. – С. 1–51.

5. Nizhnik N. S. Politsiya – sub'yekt pravookhranitel'noy deyatelnosti sovremennoy gosudarstva // *Vestnik Karagandinskoy akademii MVD Respubliki Kazakhstan im. Barimbeka Beysenova*. – 2018. – № 4. – С. 94–106.

6. Nizhnik N. S., Nudnenko L. A. Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu // *Gosudarstvo i pravo*. – 2019. – № 6. – С. 138–145.

7. Nizhnik N. S. Ad'yunkty Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii: nauchno-issledovatel'skaya deyatelnost' v kontekste 300-letiya politsii Rossii / *Pravookhranitel'naya deyatelnost' organov vnutrennikh del v kontekste sovremennykh nauchnykh issledovaniy [Elektronnyy resurs]: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* / sost. E. Kh. Mamedov. – Elektron. dan. (3,78 Mb). – Sankt-Peterburg: SPbU MVD Rossii, 2019. – С. 267–296.

8. Nizhnik N. S., Nudnenko L. A. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu» // *Administrativnoye pravo i protsess*. – 2019. – № 3. – С. 67–71.

9. Nizhnik N. S. Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu (ob uchastii uchenykh akademii upravleniya MVD Rossii v yubileynoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii) // *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*. – 2019. – № 1(49). – С. 149–156.

10. Nizhnik N. S., Nudnenko L. A. Istoriya Rossiyskoy imperii v kontekste teoretiko-pravovogo analiza (k 300-letiyu Rossiyskoy imperii) // *Gosudarstvo i pravo*. – 2021. – № 11. – С. 186–195.

11. Dergileva S. Yu. Kontseptsiya pravovogo gosudarstva A. I. Yelistratova // *Mir yuridicheskoy nauki*. – 2013. – № 10–11. – С. 23–29.

12. Yegorov N. Yu. Problemy pravoprimeritel'noy deyatelnosti v teoreticheskom nasledii I. T. Tarasova / *Aktual'nyye problemy prava i pravoprimeritel'noy deyatelnosti na sovremennom etape: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* / pod obshch. red. V. A. Sosova. – Krasnodar: Izdat. dom – Yug, 2014. – С. 592–595.

13. Nikiforova S. A. Problemy upravleniya gosudarstvom – predmet nauchnykh issledovaniy E. N. Berendtsa / *Aktual'nyye problemy prava i pravoprimeritel'noy deyatelnosti na sovremennom etape: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* / pod obshch. red. V. A. Sosova. – Krasnodar: Izdat. dom – Yug, 2014. – С. 589–591.

14. Yegorov N. Yu. Rossiyskaya politseistika v litsakh: Ivan Trofimovich Tarasov // *Genesis: istoricheskiye issledovaniya*. – 2015. – № 6. – С. 801–812.

15. Yegorov N. Yu. Ucheniye I. T. Tarasova ob isklyuchitel'nom i voyennom polozhenii v gosudarstve kak teoreticheskoye osnovaniye issledovaniy gosudarstvenno-pravovykh sistem v usloviyakh voyennogo vremeni / *Velikaya Otechestvennaya voyna: npravstvennyye aspekty i istoricheskoye naslediyе: materialy mezhvuzovskoy*

- nauchno-prakticheskoy konferentsii kursantov, slushateley i studentov / pod obshch. red. N. S. Nizhnik. – Ch. 2. – Sankt-Peterburg: SPbUMVD Rossii, 2015. – S. 354–360.
16. *Kozinnikova Ye. N.* Gosudarstvenno-pravovaya kontsepsiya natsional'noy bezopasnosti V. M. Gessena – teoreticheskoye nasledie rossiyskoy politseistiki / Aktual'nyye problemy yuridicheskoy nauki, praktiki i vysshego obrazovaniya: II Yezhegodnyye nauchnyye chteniya, posvyashchonnnyye pamyati Pochetnogo prezidenta Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii professora Zybina Stanislava Fodorovicha. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskaya yuridicheskaya akademiya, 2015. – S. 113–117.
17. *Kozinnikova Ye. N.* Obespecheniye bezopasnosti kak usloviye i rezul'tat pravoprimeritel'noy deyatelnosti (po rabotam V. M. Gessena) / Aktual'nyye problemy prava i pravoprimeritel'noy deyatelnosti na sovremennom etape: II Yezhegodnyye nauchnyye chteniya, posvyashchonnnyye pamyati Pochetnogo prezidenta Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii professora Zybina Stanislava Fodorovicha. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskaya yuridicheskaya akademiya 2015. – S. 821–824.
18. *Nizhnik N. S.* Rossiyskaya politseistika – nauka i iskusstvo upravleniya gosudarstvom / Voprosy gosudarstva i prava: sbornik nauchnykh statey / pod obshch. red. L. V. Karnaushenko. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2015. – S. 3–21.
19. *Nizhnik N. S.* Rossiyskaya politseistika o diskursivnom i institutsional'nom nasledii epokhi politseyskogo gosudarstva / Aktual'nyye problemy prava i pravoprimeritel'noy deyatelnosti na sovremennom etape: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / pod obshch. red. V. A. Sosova. – Krasnodar: Izdat. dom – Yug, 2015. – S. 41–55.
20. *Nizhnik N. S.* Rossiyskaya politseistika: osnovnyye etapy stanovleniya i razvitiya // Genesis: istoricheskiye issledovaniya. – 2015. – № 6. – S. 764–786.
21. *Kozinnikova Ye. N.* Rossiyskaya politseistika v litsakh: Vladimir Matveyevich Gessen // Genesis: istoricheskiye issledovaniya. – 2016. – № 6. – S. 96–107.
22. *Kozinnikova Ye. N.* V. M. Gessen ob isklyuchitel'nom polozhenii kak chrezvychaynom pravovom rezhime v rossiyskoy imperii v kontse XIX – nachale XX veka / Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoye sostoyaniye, perspektivy razvitiya (navstrechu 300-letiyu rossiyskoy politsii): materialy XIV mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii / pod red. N. S. Nizhnik: v 2 t. – T. I. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskaya yuridicheskaya akademiya, 2017. – S. 75–79.
23. *Kozinnikova Ye. N.* Isklyuchitel'noye polozheniye kak chrezvychaynyy pravovoy rezhim (opyt analiza normativnykh aktov i rabot politseistov Rossiyskoy imperii kontsa XIX – nachala XX veka) // Genesis: istoricheskiye issledovaniya. – 2017. – № 11. – S. 87–95.
24. *Nizhnik N. S., Dergileva S. Yu.* Gosudarstvo i pravo v teoretiko-pravovykh vozzreniyakh A. I. Yelistratova. – Moskva: Yurlitinform, 2017. – 376 s.
25. *Nizhnik N. S., Dergileva S. Yu.* Teoreticheskoye nasledie A. I. Yelistratova kak istochnik izucheniya istorii stanovleniya gosudarstvennogo upravleniya v sovetsskoy Rossii / Istochnikovedeniye sovetsskogo gosudarstva i prava: klassifikatsiya, vidy i konkretnyye istochniki izucheniya: materialy kruglogo stola / otv. red. S. V. Kodan. – Yekaterinburg: Nauka, 2017. – S. 48–58.
26. *Kozinnikova Ye. N.* Chrezvychaynyy pravovoy rezhim kak osobaya sreda politseyskoy deyatelnosti / Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu [Elektronnyy resurs]: materialy yubileynoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu rossiyskoy politsii / pod red. N. S. Nizhnik. – Elektronnyye dan. (19,6 Mb). – Sankt-Peterburg: SPbU MVD Rossii, 2018. – S. 137–141.
27. *Nizhnik N. S.* Vzaimootnosheniya vlasti, obshchestva i lichnosti kak predmet politseysko-pravovoy teorii / Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu [Elektronnyy resurs]: materialy yubileynoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu rossiyskoy politsii / pod red. N. S. Nizhnik. – Elektronnyye dan. (19,6 Mb). – Sankt-Peterburg: SPbU MVD Rossii, 2018. – S. 239–250.
28. *Nikiforova S. A. E. N.* Berendts o gosudarstve i prave v nachale XX veka / Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu [Elektronnyy resurs]: materialy yubileynoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu rossiyskoy politsii / pod red. N. S. Nizhnik. – Elektronnyye dan. (19,6 Mb). – Sankt-Peterburg: SPbU MVD Rossii, 2018. – S. 323–330.
29. *Tarasov N. K.* Zakrepleniye v zakonodatel'stve Rossiyskoy imperii kontsa XIX – nachala XX veka predstavleniy o sushchnosti fenomena «prinuzhdeniye» / Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu [Elektronnyy resurs]: materialy yubileynoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu rossiyskoy politsii. Sankt-Peterburg / pod red. N. S. Nizhnik. – Elektronnyye dan. (19,6 Mb). – Sankt-Peterburg: SPbU MVD Rossii, 2018. – S. 336–340.
30. *Nizhnik N. S.* Aksiologicheskoye obosnovaniye pravovogo diskursa politseyskogo gosudarstva / Chelovek i pravo: problema tsennostnykh osnovaniy pravovogo regulirovaniya: sbornik nauchnykh trudov. – Minsk: Akademiya Ministerstva vnutrennikh del Respubliki Belarus', 2019. – S. 155–163.
31. *Nizhnik N. S.* Politseistika: osnovnyye etapy razvitiya politseysko-pravovoy teorii v Rossii / Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu: Sbornik statey Yubileynoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii / pod red. V. L. Kubysheko: v 2 ch. – CH. 1. – Moskva: Akademiya upravleniya Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2019. – S. 220–240.
32. *Nizhnik N. S., Nikiforova S. A.* Gosudarstvo i pravo v teoretiko-pravovykh vozzreniyakh E. N. Berendtsa. – Moskva: Yurlitinform, 2019. – 232 s.
33. *Kozinnikova Ye. N.* Politseyskiy nadzor kak mera obespecheniya chrezvychaynogo pravovogo rezhima isklyuchitel'nogo polozheniya v otsenke rossiyskikh politseistov kontsa XIX – nachala XX veka // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – № 2(26). – S. 106–112.

34. Nizhnik N. S., Dergileva S. Yu. Politseysko-pravovaya teoriya kontsa XIX – nachala XX veka o lichnosti – sub»ekte publichno-pravovykh otnosheniy v politseyskom gosudarstve // Nomothetika: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. – 2020. – T. 45. – № 4. – S. 750–760.

35. Nizhnik N. S. Police-law theory on the regulation of public relations in the police state / European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS: International Scientific and Practical Conference. – Veliky Novgorod, 2021. – P. 1826–1835.

36. Kozinnikova Ye. N. «Polozheniye chrezvychaynoy okhrany» kak forma chrezvychaynogo pravovogo rezhima v Rossiyskoy imperii v kontse XIX – nachale XX vekov / Aktual'nyye problemy politseyskogo prava: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 10-letiyu vstupleniya v silu Federal'nogo zakona ot 7 fevralya 2011 g. № 3-FZ «O politсии» / pred. redkol. V. A. Gusev. – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2021. – S. 28–32.

37. Prava cheloveka: mezhdru proshlym i budushchim / pod red N. V. Varlamovoy, T. A. Vasil'yevoy, N. V. Kolotovoy. – Moskva: «Norma», 2021. – 448 s.

38. Bel'skiy K. S. Vydayushchiysya russkiy uchenyy-politseist V. N. Leshkov // Gosudarstvo i pravo. – 1996. – №. 1. – S. 127–136.

39. Chukayev T. O. Vasilij Nikolayevich Leshkov: vklad v razvitiye teorii upravleniya gosudarstvom / Lichnost' v russkoy istorii, nauke, kul'ture i literature: sbornik statey. – Moskva: Moskovskiy finansovo-yuridicheskiy universitet MFYuA, 2015. – S. 68–71.

40. Teslya A. A. Vasilij Nikolayevich Leshkov i yego teoriya «obshchestvennogo prava» kak popytka al'ternativy «politseyskomu pravu» // Sotsiologicheskoye obozreniye. – 2015. – T. 14. – № 3. – S. 203–223.

41. Chukayev T. O. Rossiyskaya politseistika XIX veka: V. N. Leshkov ob osobennostyakh russiyskoy natsional'noy pravovoy sistemy // Voprosy gosudarstva i prava. – 2015. – № 4. – S. 132–135.

42. Chukayev T. O. Samoorganizatsiya obshchestva kak faktor obespecheniya vnutrenney bezopasnosti (po rabotam V. N. Leshkova) / Aktual'nyye problemy juridicheskoy nauki, praktiki i vysshego obrazovaniya: II Yezhegodnyye nauchnyye chteniya, posvyashchonnyye pamyati Pochetnogo prezidenta Sankt-Peterburgskoy juridicheskoy akademii professora Zybina Stanislava Fodorovicha. – Sankt-Peterburg: SPbYUA, 2015. – S. 230–232.

43. Chukayev T. O. Rossiyskaya politseistika v litsakh: Vasilij Nikolayevich Leshkov // Genesis: istoricheskiye issledovaniya. – 2016. – № 6. – S. 84–95.

44. Chukayev T. O. Problemy vzaimosvyazi gosudarstva i obshchestva v teoreticheskom nasledii V. N. Leshkova // Vestnik Moskovskogo oblastnogo filiala Moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni V. Ya. Kikoty. – 2016. – № 3. – S. 155–157.

45. Chukayev T. O. Kontseptsiya «obshchestvennogo prava» – element politseysko-pravovoy teorii Rossii XIX veka // Politseyskaya deyatel'nost'. – 2017. – № 5. – S. 39–47.

46. Ponkratova I. Ye. Problemy opredeleniya sushchnosti i determinant pravoporyadka v teoretiko-pravovom nasledii V. N. Leshkova / Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu [Elektronnyy resurs]: materialy yubileynoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu russiyskoy politsii / pod red. N. S. Nizhnik. – Elektronnyye dan. (19,6 Mb). – Sankt-Peterburg: SPbU MVD Rossii, 2018. – S. 300–305.

47. Chukayev T. O. «Obshchestvennoye pravo», «gosudarstvennoye pravo», «politseyskoye pravo»: sootnosheniye ponyatiy v teoretiko-pravovom uchenii V. N. Leshkova / Rossiyskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu [Elektronnyy resurs]: materialy yubileynoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu russiyskoy politsii. / pod red. N. S. Nizhnik. – Elektronnyye dan. (19,6 Mb). – Sankt-Peterburg: SPbU MVD Rossii, 2018. – S. 294–299.

48. Chukayev T. O. Voprosy sootnosheniya obshchestvennogo prava s inymi otraslyami prava v otechestvennoy teoretiko-pravovoy mysli / Aktual'nyye problemy politseyskogo prava: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 10-letiyu vstupleniya v silu Federal'nogo zakona ot 7 fevralya 2011 g. № 3-FZ «O politсии» / pred. redkol. V. A. Gusev. – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2021. – S. 65–67.

49. Chukayev T. O. Istoriko-teoreticheskiye predposylki formirovaniya instituta grazhdanskogo obshchestva // Zakon i pravo. – 2020. – № 3. – S. 36–38.

50. Chukayev T. O. Narod i organ gosudarstvennoy vlasti: analiz vzaimodeystviya i sotrudnichestva v teoreticheskom nasledii V. N. Leshkova // Advances in Law Studies. – 2018. – T. 6. – № 3. – S. 26–30.

51. Chukayev T. O. M. M. Shpilevskiy: kharakteristika obshchestvennogo prava kak etapa razvitiya politseyskogo prava / Aktual'nyye problemy politseyskogo prava: mat-ly mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 100-letiyu so dnya obrazovaniya Omskoy akademii MVD Rossii. – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2020. – S. 118–121.

52. Nizhnik N. S., Aliyev Ya. L. Doktrina juridicheskogo prognozirovaniya: opredeleniye stsenariyev razvitiya gosudarstvenno-pravovykh yavleniy / Aktual'nyye problemy administrativnogo i administrativno-protsessual'nogo prava (Sorokin'skiye chteniya): mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya / pod obshch. red. A. I. Kaplunova. – Sankt-Peterburg: SPbU MVD Rossii, 2021. – S. 133–138.

53. Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Aliyev Ya. L., Astafichev P. A., Kvitchuk A. S. State and law: transformation vectors in modern conditions / SHS Web of Conferences: IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium». – Kaliningrad, 2021. – P. 01015.

Статья поступила в редакцию 03.03.2022; одобрена после рецензирования 31.03.2022; принята к публикации 05.04.2022.

The article was submitted March 03, 2021; approved after reviewing March 31, 2022; accepted for publication April 05, 2022.

Научная статья
УДК 343.01
doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-42-46

Николай Александрович Шавеко

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0002-5481-7425>, shavekonikolai@gmail.com

Институт философии и права УрО РАН

Российская Федерация, 426034, Ижевск, ул. Ломоносова, д. 5

К вопросу о причинах отмены телесных наказаний

Аннотация: Автором анализируются причины повсеместной отмены телесных наказаний, в основном на протяжении XIX–XX вв. Обосновывается тезис, что появление телесных наказаний и смертной казни происходит одновременно и по одинаковым причинам, связанным с усилением государственной власти и узурпацией ею полномочий решать вопросы жизни и смерти. Далее делается вывод, что существуют три главных довода против телесных наказаний: неэффективность, несправедливость, негуманность. Проводятся аналогии с доводами против смертной казни. Кроме того, отмечается связь тенденции к отмене телесных наказаний и смертной казни со стремлением ограничить злоупотребления государственной власти. Вместе с тем выявляется особая нормативная роль уголовно-правового принципа гуманизма, а также особое понимание человеческого достоинства, к которому отсылает данный принцип. Утверждается, что значение человеческого достоинства в контексте уголовно-правового принципа гуманизма не совпадает с тем значением, в котором упоминается человеческое достоинство в других правовых нормах и к которому отсылают политические философы. В результате делается вывод, что гуманизм как особое отношение к человеческому телу не имеет прямой связи с критериями справедливого наказания.

Ключевые слова: телесные наказания, членовредительские наказания, смертная казнь, экономия уголовно-правовой репрессии, гуманизм, справедливость, наказание

Для цитирования: Шавеко Н. А. К вопросу о причинах отмены телесных наказаний // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 42–46; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-42-46.

Nikolai A. Shaveko

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0002-5481-7425>, shavekonikolai@gmail.com

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

5, Lomonosov str., Izhevsk, 426034, Russian Federation

Why corporal punishment was abolished?

Abstract: The author analyzes reasons for the widespread abolition of corporal punishment, which took place mainly during the 19th-20th centuries. The work lays grounds to the hypothesis that the appearance of corporal punishment and the death penalty occurs simultaneously and for the same reasons associated with the strengthening of state and its usurpation of power to resolve issues of life and death. Drawing analogies from the death penalty discourse, the author concludes that there are three main arguments against corporal punishment: inefficiency, injustice, inhumanity. In addition, the author assumes that there exists a link between the trend towards the abolition of both the corporal punishment and the death penalty, and the desire to limit the abuse of state power. At the same time, author reveals a special normative role of the criminal law principle of humanism, as well as a distinct meaning of human dignity to which this principle refers. The meaning of human dignity in the context of the criminal law principle of humanism does not coincide with the meaning which is given to human dignity in other legal norms, as well as in the works of political philosophers. As a result, humanism understood in a context of a special relation to the human body has no direct connection to the criteria of the just punishment.

Keywords: corporal punishment, death penalty, cost of punishment, humanism, justice, punishment

For citation: Shaveko N. A. Why corporal punishment was abolished? // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – P. 42–46; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-42-46.

Введение

В современных западных обществах, равно как и в российском обществе, попытки найти аргументы против телесных уголовных наказаний уже не являются актуальными. В большинстве западноевропейских стран такие наказания были отменены в течение XIX века, в Российской империи окончательно это произошло в начале XX столетия. Вместе с тем общественные дискуссии о допустимости телесных наказаний не прекратились полностью, а лишь переместились в область школьного и внутрисемейного воспитания (кроме того, телесные наказания сохраняются в уголовном праве многих мусульманских стран). Так или иначе, подобно смертной казни, телесные наказания (даже в качестве формы воспитания детей) постепенно теряли свою популярность и ограничивались в течение XIX–XX вв. Чем же тогда может быть сегодня актуально обращение к данной теме? На наш взгляд, о телесных наказаниях полезно задуматься хотя бы для того, чтобы прояснить ценности, которые стоят за массовым неприятием данных наказаний. Такому прояснению ценностей и будет посвящена данная статья.

Сегодня множество научных исследований обосновывают тезис о неэффективности телесных наказаний детей. Общественность же чаще апеллирует к неправильности физического насилия как такового. Таким образом, мы имеем два тезиса – о неэффективности и негуманности. Заметим, что это аргументы против телесных наказаний в принципе совпадают с аргументами против смертной казни. Так, о неэффективности говорят и в отношении смертной казни, и в отношении телесных наказаний. Кроме того, имеется некоторое сходство между принципом гуманности, направленным на избежание физических страданий, и принципом приоритета человеческой жизни, исключающим смертную казнь. Существует ещё и третий тезис, также совпадающий для смертной казни и телесных наказаний – это тезис о несправедливости. Дело в том, что как приговоры к смертной казни, так и приговоры к телесным наказаниям не могут быть пересмотрены после исполнения наказания, а кроме того, не всегда соответствуют принципу экономии средств уголовно-правовой репрессии.

Исторический экскурс

Поскольку доводы против телесных наказаний и против смертной казни схожи, нас не должно удивлять, что отмена и телесных наказаний, и смертной казни происходила повсеместно в одно и то же время, а именно на протяжении XIX–XX вв., причём во многом на фоне стремления ограничить государственные полномочия и утвердить идеал правового государства.

Но что более интересно, появление телесных наказаний и смертной казни также происходит одновременно и по одинаковым причинам. Рассмотрим подробнее данный тезис на примере отечественной истории.

Так, Русская Правда – главный правовой памятник Киевской Руси – не знает смертной казни. Повесть временных лет упоминает лишь то, что Владимир ввёл смертную казнь за «разбой» (умышленное убийство) по совету церковнослужителей, но очень скоро изменил своё решение. Соответствующий отрывок получил противоречивые толкования в научной литературе [4]. Конечно, существовавшие в Киевской Руси кровная месть, судебный поединок (поле), ордалии, а также такое специфическое наказание, как «поток и разграбление», часто приводили к смерти виновного. Однако о смертной казни говорить всё же не приходится, так как наказание исходило не от государства. Точно так же Русская Правда практически не знает телесных наказаний. Она лишь упоминает о возможности ударить мечом того, кто первый нанёс удар, о возможности господина бить закупа, но лишь «про дело», а также о возможности бить холопа, ударившего свободного человека (но это последнее наказание может быть заменено компенсацией морального вреда – «взяти гривна кунъ за соромъ»¹). Как справедливо указывается в научной литературе, в подобных случаях «речь ещё не идёт о настоящем уголовном наказании» [7, с. 185]. Действительно, снова наказание пока что исходит не от государства. Однако другие исследователи обращают внимание на многочисленные летописные примеры телесных наказаний, а также на статьи Русской Правды, которые запрещают мучить смерда «безъ княжа слова»² (не означает ли это, что по княжескому слову мучения все же могли иметь место?) [3, с. 18–19]. Так или иначе, если телесные наказания и существовали в Киевской Руси, чего утверждать мы достоверно не можем, то они были неразвиты. По всей видимости, и в отношении телесных наказаний, и в отношении смертной казни действовали одни и те же причины, а именно слабость публичной власти, отсутствие у неё полномочий на решение таких вопросов.

Первым правовым памятником, официально предусматривающим телесное наказание (в данном случае клеймение), исходящее от государства, является Двинская уставная грамота 1397 г. – та самая, которая впервые официально устанавливает и смертную казнь. Далее, подобно смертной казни, телесные наказания расширяют сферу своего применения и становятся всё более разнообразными. Это сопровождается изменением представлений о самом преступлении: теперь это не просто «обида» (частного лица), но и «лихое дело» (имеющее общественную опасность) – термин, встречающийся в Псковской судной грамоте 1467 г. и Судебнике 1497 г. Таким образом, появление телесных наказаний, подоб-

¹ Русская правда (Пространная редакция) // Библиотека литературы Древней Руси. – Т. 4. – Санкт-Петербург: Наука, 1997. – С. 506–508.

² Там же. – С. 494, 508.

но появлению смертной казни, прямо связано с усилением государственного аппарата и его роли в регулировании общественных отношений, что сопровождалось усилением социального неравенства и классовой борьбы [6, с. 23]. Князь должен был стать как минимум «отцом» для своего народа, чтобы ему было позволено покушаться на тела своих подданных, хотя сами по себе эти тела не были неприкосновенными изначально.

Как представляется, возвышение института государства изменило и сам смысл наказаний. Кровная месть была именно мезтью, возмездием членов враждующих и ничем не связанных родов. Представления об обществе в современном смысле в период военной демократии и раннефеодальной монархии отсутствовали, ведь объединение под началом княжеской власти имело лишь военно-оборонительное, а не экономическое или культурное значение. Со временем функции публичной власти возрастали, в результате появилось и представление о всестороннем единстве – обществе. Пока оно не было национальным государством, но не было это уже и простой совокупностью соседствующих и иногда сотрудничающих друг с другом племён. Соответственно возникло представление о государстве как об институте, охраняющем некий в той или иной степени взаимовыгодный общественный порядок. Первоначально, устанавливая систему наказаний, государство заимствовало мстительную логику талиона. Правда, в соответствии с новыми реалиями эквивалентное воздаяние (в т. ч. в виде смертной казни и телесных наказаний) мыслилось теперь не столько мезтью, сколько наиболее оптимальным средством устрашения (превенции). По этому принципу талиона уже не следовали строго, ибо преобладающим принципом стало устрашение, в своей кульминации означающее церемониальную публичную демонстрацию недопустимости посягательства на абсолютную власть монарха. Однако последняя не сразу стала абсолютной, поэтому наказание воспринималось всё же не столько как посягательство на монарха, сколько как посягательство на сам государственно-властный порядок. И в последующем самодержцы сами стремились создать «регулярное государство», основанное на твёрдости закона, а не на изменчивом своеволии. Таким образом, понимание наказания как воздаяния в Средние века сменяется пониманием его как гаранта определённого общественного порядка, и это же понимание сохраняется в Новое Время. В этой связи кажется натянутой точка зрения М. Фуко на средневековые жестокости как на месть преступнику со стороны государя – чувство или долг / принцип мести, существующие в душе последнего, если и играли какую-то роль, то лишь второстепенную.

В свою очередь идея ограничения телесных наказаний, как представляется, могла возникнуть в Новое Время по двум причинам: 1) борь-

ба народных масс с деспотичной государственной властью, закрепившей, рьяно охранявшей и со временем усиливавшей тесно связанное с ней социальное неравенство (оспаривались при этом не сами телесные наказания, а доведённая до абсолюта воля монарха и применение уголовной репрессии в нарушение личных и политических прав человека); 2) осознание самим государством, дошедшим уже до крайней жестокости, ограниченной эффективности телесных наказаний, стремлением государства надзирать, а не наказывать (Ч. Беккариа, например, пытался лишь продемонстрировать неразумность чрезмерно жестоких наказаний с точки зрения общей и частной превенции [1, с. 162–166]; аналогичная позиция у Фуко [9, с. 93–95], а Ш. Монтескье ссылаясь на практику, которая показала, что «в странах, где наказания не жестоки, они производят на ум гражданина не менее сильное впечатление, чем самые жестокие наказания – в других странах» [5, с. 80]). Впрочем, мыслителями высказывалось и другая причина, не связанная с интересами конкретных социальных групп, а имеющая непосредственное отношение к самой теории справедливости: невозможность отменить, «вернуть вспять» несправедливо наложенное телесное наказание [2, с. 255–256]. И всё же, чтобы телесные наказания были не только ограничены в своей жестокости, но и полностью устранены, требовалась дополнительная причина, а именно, изменение отношения к человеческому телу как к таковому.

Дело не только и не столько в том, как думает Фуко, что вместо тела власть с целью повышения эффективности наказания начала воздействовать на душу человека, отсюда и «родилась тюрьма». Ведь на душу можно воздействовать и телесными наказаниями, что власть и делала во все времена (представления человека о «душе» вообще одни из самых древних и родились отнюдь не в эпоху Просвещения). Стали неэффективны публичные наказания? Но можно наказывать тело и непублично: «Каторжные работы никогда не демонстрировались, и всё-таки люди представляли себе, что это такое» [8]. Имеется риск злоупотребления со стороны исполнителей? Но над последними можно установить строгий контроль. Телесные наказания кажутся чрезмерно жестокими? Но их жестокость можно регулировать (например, ограничить количество ударов кнутом или сделать сам кнут менее болезненным, либо прибегать к не болезненным телесным наказаниям, таким как членовредительство под анестезией). Физически увечные люди – обуза для общества? Но далеко не каждое физическое увечье лишает человека возможности содержать самого себя, тем более сегодня труд носит, как правило, интеллектуальный характер. Конечно, сам довод о неэффективности телесных наказаний остаётся и после всего сказанного, но отнюдь не в контексте противопоставления души и тела, как это имеет место у Фуко.

Идея гуманизма

Ключевым фактором отмены телесных наказаний методом исключения оказываются, помимо осознания самим государством их неэффективности, идеи гуманизма (см., напр., ст. 7 УК РФ). Здесь следует отметить, что гуманизм как уголовно-правовой принцип имеет два аспекта, первый из которых заключается в экономии средств уголовно-правовой репрессии, являясь логичным следствием теории справедливого наказания, а второй состоит в особых представлениях о человеческом достоинстве, не допускающих физических страданий. Очевидно, что в отмене телесных наказаний решающую роль сыграл второй аспект. Не случайно телесные наказания первоначально отменялись лишь в отношении благородных сословий, для которых честь была одной из главных ценностей. Крушение сословной системы стало причиной того, что защищаться стали честь и достоинство каждого человека. Физические страдания вступили в противоречия с новыми идеями. А это означает, что Фуко неправ, когда полагает, что ссылок на гуманизм учёные лишь отмахнулись от проблемы поиска причин отмены телесных наказаний; нет, именно гуманизм и был одной из главных таких причин. Сегодня во многих странах мира применяется принудительная химическая кастрация педофилов: безболезненное воздействие на тело вызывает гораздо меньше возражений, и в случае принудительного лечения общественно опасных сексуальных отклонений может быть отождествлено с привычными методами химиотерапии. То же самое можно сказать и применительно к животным: стерилизация и кастрация, совершаемые под анестезией, безболезненный убой скота – допускаются и приветствуются, жестокое обращение с животными – в один случаях – наказывается (ст. 5.7 КоАП г. Москвы, ст. 245 УК РФ), в других, по крайней мере, вызывает протесты зоозащитников. Иными словами, неприятие физических страданий – вот одна из главных причин отмены телесных наказаний. (Особое отношение к телу проявляется не только в виде осуждения преднамеренного причинения физических страданий, но и в некотором консерватизме нравов, который не допускает даже безболезненное негативное воздействие на тело.)

Это новое отношение к телу с трудом сочетается с современными представлениями и теории справедливости, которые отсылают к свободе и равенству, реже к братству, но едва ли примеряют данные понятия к суждениям о видах уголовных наказаний. Отчасти это обусловлено тем, что дискуссии о допустимости телесных наказаний сегодня практически неактуальны, отчасти – ограниченностью самой теории. Конечно, мыслители говорят о человеческом достоинстве, это же понятие фигурирует в важнейших международных правовых доку-

ментах, ограничивающих телесные наказания, но определения человеческого достоинства, как правило, слабо соотносятся с недопустимостью телесных наказаний. Так, понятие человеческого достоинства обычно имеет некоторую двойственность: с одной стороны, человек обладает свободой воли, способен делать выбор между добром и злом, и в этом состоит его достоинство, с другой же стороны, достойным человеком называют только такого, который делает выбор в пользу добра [10, с. 310–313]. Данная двойственность понятия человеческого достоинства выражается и в правовых нормах. Так, унижением человеческого достоинства считается, с одной стороны, отрицание за человеком как моральным существом возможности свободного выбора, самореализации и всестороннего развития (см. напр., ст. 7, ч. 2 ст. 21 Конституции РФ, преамбулу, ст. 1, 5, 22, 23 Всеобщей декларации прав человека), с другой стороны, действие, которое даёт необоснованный повод усомниться в соответствии морального облика конкретного человека принятым в обществе стандартам (ст. 5.61 КоАП РФ, ст. 128¹ УК РФ, ст. 152 ГК РФ). Но как сказанное соотносится с пониманием телесных наказаний как унижающих человеческое достоинство? Ведь членовредительское или иное болевое наказание само по себе не отрицает человека как рационального агента и не является оскорбительным суждением о нравственных качествах человека. Гораздо больше вопросов в этом отношении вызывают всё ещё существующие смертная казнь и её главная альтернатива – пожизненное тюремное заключение: оба этих наказания, в отличие от наказаний телесных, полностью лишают человека возможности распоряжаться своей жизнью, и в этом плане противны его достоинству в том понимании, которое отстаивают западные теории прав человека.

Заключение

С учётом изложенного следует признать, что главной идеологической причиной отмены телесных наказаний стал аспект уголовно-правового принципа гуманизма и то понимание гуманизма, которое весьма слабо связано с представлениями о справедливости. Что касается аргументов против телесных наказаний, которые связаны с ней, то таковыми являются, как и в случае со смертной казнью: возможность судебной ошибки, неисправимого злоупотребления властью, несоответствие принципу экономии средств уголовно-правовой репрессии, а также неэффективность соответствующего вида наказания (сложно назвать справедливым наказание, которое не достигает своей цели). Однако аргумент о негуманности стоит явно особняком, не имея прямого отношения к общим идеалам свободы, равенства и братства, являясь «особой» ценностью, применимой исключительно к телесным и т. п. наказаниям.

Список литературы

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. – Москва: Стелс, 1995. – 304 с.
2. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. – Москва: Росспэн, 1998. – 416 с.
3. Евреинов Н. Н. История телесных наказаний в России. – Белгород: Пилигрим, 1994. – 235 с.
4. Жильцов С. В. Смертная казнь в праве Древней Руси и юрисдикция Великого князя в её применении // Правоведение. – 1997. – № 4. – С. 47–52.
5. Монтескье Ш. О духе законов. – Москва: Мысль, 1999. – 674 с.
6. Размахов К. Е. Болезненные телесные наказания в российском уголовном праве // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 9. – С. 22–24.
7. Размахов К. Е. Телесные наказания в Российском государстве допетровского периода // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 4 (48). – С. 184–189.
8. Соловьев Э. Ю. Переосмысление талиона. Карательная справедливость и юридический гуманизм // Новый мир. – 2004. – № 1. – С. 123–142.
9. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – Москва: Ad Marginem, 1999. – 480 с.
10. Шавеко Н. А. О правах и достоинстве человека // Юридическая наука в современном мире: Россия и Болгария : монография / под общ. ред. Е. А. Фроловой. – Москва: Проспект, 2020. – С. 308–320.

References

1. Bekkaria Ch. O prestupleniyakh i nakazaniyakh. – Moskva: Stels, 1995. – 304 s.
2. Bentam I. Vvedeniye v osnovaniya npravstvennosti i zakonodatel'stva. – Moskva: ROSSPEN, 1998. – 416 s.
3. Yevreinov N. N. Istoriya telesnykh nakazaniy v Rossii. – Belgorod: Piligrim, 1994. – 235 s.
4. Zhil'tsov S. V. Smertnaya kazn' v prave Drevney Rusi i yurisdiksiya Velikogo knyazya v yeye primeneniі // Pravovedeniye. – 1997. – №4. – S. 47–52.
5. Montes'ye Sh. O dukhe zakonov. – Moskva: Mysl', 1999. – 674 s.
6. Razmakhov K. Ye. Boleznennyye telesnyye nakazaniya v rossiyskom ugovolnom prave // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2015. – № 9. – S. 22–24.
7. Razmakhov K. Ye. Telesnyye nakazaniya v Rossiyskom gosudarstve dopetrovskogo perioda // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2018. – № 4 (48). – S. 184–189.
8. Solov'yev E. Yu. Pereosmysleniye taliona. Karatel'naya spravedlivost' i yuridicheskiy gumanizm // Novyy Mir. – № 1. – 2004. – S. 123–142.
9. Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdeniye tyur'my. – Moskva: Ad Marginem, 1999. – 480 s.
10. Shaveko N. A. O pravakh i dostoinstve cheloveka // Yuridicheskaya nauka v sovremennom mire: Rossiya i Bolgariya : monografiya / pod obshch. red. Ye. A. Frolovoy. – Moskva: Prospekt, 2020. – С. 308–320.

Статья поступила в редакцию 07.06.2021; одобрена после рецензирования 31.03.2022; принята к публикации 04.04.2022.

The article was submitted June 07, 2021; approved after reviewing March 31, 2021; accepted for publication April 04, 2022.

Научная статья
УДК 340.12
doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-47-55

Славяна Алексеевна Шамак
кандидат юридических наук
<https://orcid.org/0000-0003-0552-6346>, nikiforova.slavyana@mail.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Средства массовой информации – основное оружие информационных войн против России

Аннотация: Статья посвящена проблеме информационной войны против России, осуществляемой с помощью средств массовой информации. Актуальность статьи обусловлена возрастающим интересом исследователей к средствам массовой информации, распространяющим фейковые данные о политической деятельности России. Целью исследования явился комплексный анализ алгоритма проведения информационной войны зарубежными странами с помощью средств массовой информации на примере опыта прошлых лет (финляндский вопрос) и настоящего времени (украинский вопрос). Для достижения поставленной цели были использованы диалектико-материалистический, общенаучные и специальные методы правовых исследований. В ходе работы были проанализированы зарубежные вырезки из газет, журналов, программ конференций, листовки, впервые введённые в научный оборот по финляндскому вопросу. В исследовании осуществлён комплексный анализ взглядов профессора Э. Н. Берендтса, зарубежной прессы, финских и шведских учёных на правовой статус Великого княжества Финляндского в Российской империи. Также была проанализирована фейковая информация по украинскому вопросу, распространяющаяся из зарубежных газет, журналов, интернет-сайтов, каналов радио и телевидения. По данным проблемам сделаны выводы, приведены примеры, изучены причины возникновения конфликтов и способы их устранения.

Ключевые слова: средства массовой информации, информационная война, фейк, русофобия, финляндский вопрос, Российская империя, Э. Н. Берендтс

Для цитирования: Шамак С. А. Средства массовой информации – основное оружие информационных войн против России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 47–55; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-47-55.

Slavyana A. Shamak
Cand. Sci. (Jurid.)
<https://orcid.org/0000-0003-0552-6346>, nikiforova.slavyana@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Mass media is the main weapon of information wars against Russia

Abstract: The article is dedicated to the problem of the information war against Russia carried out by the mass media. The relevance of the article lies in the growing interest of researchers exploring the fake news about Russian political stance. The aim of the study is a comprehensive analysis of the information warfare algorithm used by foreign countries based on the past cases (the Finnish issue) and the present (Ukrainian issue). To achieve this goal the author used dialectical materialistic, general scientific and special methods of legal research. In the course of the study the author analyzed clippings from foreign newspapers, magazines, conference programs, leaflets on the Finnish issue first introduced into scientific circulation. The author carried out a comprehensive analysis of the views of E. N. Berendts, foreign press, Finnish and

Swedish scientists on the legal status of the Grand Duchy of Finland in the Russian Empire. The author offers the insights on the information warfare, the views on the causes of the conflicts and ways to eliminate them.

Keywords: mass media, information warfare, fake, russophobia, Finnish question, Russian Empire, E. N. Berendts

For citation: Shamak S. A. Mass media is the main weapon of information wars against Russia // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – P. 47–55; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-47-55.

Российская Федерация сегодня существует в обстановке различных экономических и политических санкций со стороны зарубежных стран. Иностранные государства провоцируют конфликты по искусственно созданным поводам, беспрестанно распространяют ложную информацию, используют русофобские материалы, направленные на дискредитацию России и расшатывание ее статуса на международной арене.

Эффективным оружием масштабного оповещения выступают средства массовой информации. Закон «О средствах массовой информации» констатирует, что в Российской Федерации под средством массовой информации понимается «периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)»¹.

В эпоху глобальных конфликтов с помощью СМИ можно воздействовать на сознание широкого круга лиц, влиять на психику множества людей, вселять чувства страха, тревоги и ненависти. В распространении информации активно участвуют различные социальные сети и блоги – один из наиболее доступных способов распространения контента.

Использование ноу-хау распространения сведений нужного характера с помощью средств массовой информации принадлежит не XXI в. Задолго до этого, с момента возникновения СМИ, уникальную способность передавать информацию для достижения своих целей использовали и государственные деятели, и крупные корпорации, и частные лица. Эффективность воздействия СМИ на информированность населения и воздействие на общественное сознание в мировой истории была доказана многократно [1, с. 3–6; 2, с. 32–33; 3; 4].

Средства массовой информации являются главным оружием противостояния в информационных войнах. Информационные войны имеют типичный сценарий. Они пошагово: 1) создают подрыв авторитета государства на международной арене; 2) приводят к сбою работы всего государственного механизма; 3) вносят противоречия между обществом и государством,

способные привести к свержению власти; 4) порождают внешнюю и внутреннюю фобию по отношению к определенному субъекту – конкретному государству. Информационные войны в отношении к России порождают русофобию.

Термин «руссофобия» вошёл в речевой оборот ещё в XIX в. Руссофобия – это «социальное и политическое явление, состоящее в негативном отношении к России, к русским, русской идеологии, русской культуре, русскому языку, порождающимся антироссийской пропагандой, подразумевающей умышленное распространение недостоверной, ложной информации в виде преувеличений и извращений»².

Один из примеров информационных войн иностранных государств с Россией относится к концу XIX – началу XX в., когда в сфере государственного управления России возник «финляндский вопрос» – искусственно созданный конфликт между Российской империей и Великим княжеством Финляндским по поводу правового статуса Финляндии в составе Российской империи.

В начале XX в. Российская империя, общая площадь которой составляла 22,4 млн кв. километров, была второй по величине территории державой в мире. На административно-территориальной карте имперской России были зафиксированы 81 губерния, 20 областей, 931 город, а также генерал-губернаторства, в которые объединялись отдельные губернии и области (Варшавское, Иркутское, Киевское, Московское, Приамурское, Степное, Туркестанское, Финляндское)³. На территории Российской империи проживали свыше 100 народов⁴.

Иностранные государства стремились ослабить позиции Российской империи на международной арене. С учётом того, что военные действия приводят к большим человеческим и экономическим потерям, противники России для противостояния выбирали информационную борьбу, которая без многочисленных человеческих жертв была способна внести разлад в систему государственного управления. Политики зарубежных стран хорошо понимали, что дисбаланс в управлении Российской империей

² Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный: В 2 т. – Т. 2. – Москва: Терра, 2013. – С. 59.

³ Население Империи по переписи 28-го января 1897 года по уездам. – Санкт-Петербург: Центр. стат. ком. М-ва вн. дел, 1897. – С. 25.

⁴ Новая Российская энциклопедия / под ред. А. Д. Непелова, В. И. Данилова-Данильяна, В. М. Караева и др.: В 12 т. – Т. 1. – Москва: Инфра-М, 2006. – С. 283–284.

¹ О средствах массовой информации : Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (в ред. от 1 июля 2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 марта 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27. – Ч. I. – Ст. 5059.

может вызвать межнациональная рознь и претензии какой-либо из национальных окраин на особый статус в имперском государстве. Такой окраиной Российской империи могло стать Великое княжество Финляндское, а поводом для нападков на Россию – «финляндский вопрос». Именно «финляндский вопрос» был использован иностранными правительствами для пропаганды русофобии, шовинизма посредством, прежде всего, искажения информации в СМИ на территории Финляндии и зарубежных стран.

Территория Финляндии вошла в состав Российской империи после русско-шведской войны 1808–1809 гг. Финские земли, завоеванные Россией в ходе русско-шведской войны, по Фридрихсгамскому мирному трактату и Манифесту, заключённому между Российской империей и Шведским королевством в 1809 г.⁵, вошли в состав имперской России. Вхождение новых территорий в состав имперской России было закреплено Манифестом «О именовании старой и новой Финляндии совокупно Финляндиею» 1811 г.⁶ Российским императором Финляндии был дарован особый статус – статус автономного Великого княжества Финляндского.

Великое княжество Финляндское получило широкие права автономного существования. Административно-территориальное устройство Финляндии учитывало особенности её исторического и культурного развития. Финляндия состояла из губерний, в числе которых были: Або-Бьёрнеборгская, Вазаская, Выборгская, Кюпиоская, Нюландская, Тавастгусская, Улеборгская, Санкт-Михельская губернии. Столицей Великого княжества Финляндского первоначально был город Або (Турку), а с 1812 г. – Гельсингфорс (Хельсинки)⁷. Особенности социально-экономического развития Финляндии, отличающегося от российского, отражала сословная структура Великого княжества Финляндского. Структуру российского общества составляли дворянство, духовенство, городские обыватели и сельские обыватели, а сословную структуру Финляндии – рыцарство, дворянство, духовенство, бюргерство (горожане) и крестьяне⁸.

Исследования современных учёных – М. Б. Аверина [5], С. Б. Баландина⁹, А. Ю. Бахту-

риной¹⁰, И. В. Бельской¹¹, С. В. Кодана [6], О. Куусинена¹², В. В. Стольников¹³, С. А. Февралёва [7] – свидетельствуют, что именно во время нахождения Финляндии в составе России начали складываться основы финской государственности.

Процессу оформления финской государственности способствовали: наличие у княжества широкой автономии; управление на основе собственных законов; наличие между Россией и Финляндией таможенной границы; особое положение финской армии (запрещалось выводить войска за пределы территории Финляндии); наличие у Финляндии экономической самостоятельности [8, с. 72–73].

Несмотря на существование цензуры [9, с. 172–180; 10, с. 79–82; 11, с. 326–364; 12, с. 54–58; 13], в периодических изданиях Великого княжества Финляндского во второй половине XIX в. стали появляться националистические статьи. Идейной основой для подобных публикаций послужила программа финского философа, писателя и журналиста И. Л. Снельмана, который стремился разбудить национальное самосознание и боролся за создание Финляндии как суверенного государства [14, с. 177–179]. Данные идеи были поддержаны финскими учёными Р. Ф. Германсоном¹⁴, И. Р. Даниельсон-Кальмари¹⁵, Л. Мехелиным¹⁶, Я. Нордстрём и И. В. Росенборгом¹⁷.

Сторонники Й. Л. Снельмана пропагандировали свою «правду» в газетах «Litteraturblad far allman medborgerlig bildning», «Keski-Suomi», «Satakunta», «Imarinen», «Nameen Sanomat», «Laatokka», в журналах и на конференциях. Они открыто заявляли мировой общественности, что «Финляндия является отдельным государством, которое терпит издевательства и желает скорейшего освобождения от российского гнёта» [14, с. 176–180].

Вопрос о правовом статусе Финляндии в Российской империи – «финляндский вопрос» – стал центром международных дискуссий. Негодования И. Л. Снельмана и других «патриотов» мгновенно были подхвачены зарубежными

⁵ О заключении мира между Россией и Швецией. С приложением мирного трактата, заключённого в Фридрихсгайме 5/17 сентября : Манифест от 1 октября 1809 г. // Полное собрание законов Российской империи Собрание 1-е. (Далее – ПСЗ-1). – Т. XXX. – № 23883. – С. 1186–1194.

⁶ О именовании старой и новой Финляндии совокупно Финляндиею : Манифест от 11 декабря 1811 г. // ПСЗ-1. – Т. XXXI. – № 24907. – С. 1023.

⁷ Новая Российская энциклопедия / под ред. А. Д. Непипелова, В. И. Данилова-Данильяна, В. М. Караева и др. : В 12 т. – Т. 1. – Москва: Инфра-М, 2006. – С. 300.

⁸ Там же.

⁹ Баландин С. Б. Государственно-правовое положение Великого княжества Финляндского в составе Российской империи: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Баландин Сергей Борисович. – Москва, 2012. – 184 с.

¹⁰ Бахтурина А. Ю. Государственное управление западными окраинами Российской империи (1905 – февраль 1917) : дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Бахтурина Александра Юрьевна. – В 2 т. – Т. 1. – Москва, 2006. – 303 с.

¹¹ Бельская И. В. Национальный вопрос в Государственной Думе Российской империи (1906–1917 гг.) : дис. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / Бельская Инна Владимировна. – Москва, 2001. – 181 с.

¹² Куусинен О. Финляндия без маски. – Москва: Госполитиздат, 1943. – 80 с.

¹³ Стольников В. В. Разработка и реализация политики Российской империи в отношении национальных окраин в XVI–XVIII вв. : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Стольников Владимир Викторович. – Москва, 2005. – 205 с.

¹⁴ Германсон Р. Ф. Государственное положение Финляндии. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1892. – 131 с. (вып. 1); 283 с. (вып. 2).

¹⁵ Даниельсон-Кальмари Р. Соединение Финляндии с Российской державой. – Гельсингфорс : Тип. И. К. Френкеля и сына, 1890. – 172 с.

¹⁶ Мехелин Л. К вопросу о Финляндской автономии и основных законах. – Берлин, Тип. Розенталя и К^о, [1903]. – 170 с.

¹⁷ Бахтурина А. Ю. Указ. соч. – С. 34.

странами: «финляндский вопрос» включался в повестку дня международных конференций и комиссий в различных европейских государствах¹⁸, при освещении работы которых активно использовались журналы, газеты, листовки.

Анализ периодической печати зарубежных стран и информации, полученной в результате работы с фондами Российского государственного исторического архива и Государственного архива Российской Федерации, свидетельствует о таком состоянии «финляндского вопроса» в 1905–1917 гг.

В Швеции средства массовой информации предупреждали финское население, а вместе с ним и всю мировую общественность, что в Финляндию посланы многочисленные русские агенты, которые якобы собирали информацию об отношении финнов к России, о внутренней политике Финляндии [8, с. 72–73]. По данным, представленным Гельсингфорсом в шведскую газету, донесения разведчиков направлялись напрямую к председателю Совета министров Российской империи¹⁹. Шведские СМИ утверждали, что так Россия готовилась к реализации плана полного ограничения автономии Финляндии и русификации финского населения, которые сделали бы культурное и национальное развитие финнов невозможным²⁰.

Средства массовой информации Германии (в частности, газеты и журналы «Schriften des Vereins für Sozialpolitik», «Die Soziale Praxis», «Deutsche Zeitung», «Kölnische Zeitung», «Handels- und Machtpolitik», «Volkszeitung, der Montag», «The Saturday Review», «Grundriß der allgemeinen Volkswirtschaftslehre») несли миру вести о «массовых и безжалостных расправах» российского правительства с финляндским народом²¹.

В Швейцарии организовывались конференции и конгрессы, посвященные «финляндскому вопросу», рекомендовавшие Международному бюро мира, находившемуся в Берне, создать комиссию для разрешения «финляндского вопроса»²². Особое значение для активизации дискуссий по этому вопросу имело выступление финского государственного деятеля Л. Мехелина с докладом «К вопросу о финляндской автономии и основных законах»²³ на Международном конгрессе мира, проходившем во французском Руане в 1903 г.²⁴

В Великобритании проходили съезды, центральным вопросом на которых было положение угнетенных наций и рас²⁵. Британские сред-

ства массовой информации обращали внимание читателей на положение финского населения, «лишенного» политических и социальных прав [8, с. 85]. На съезды в Лондон приглашались финские националисты, которые муссировали тему угнетения и высказывались о необходимости свержения монархической власти, утверждая, что «красное знамя будет поднято не до половины шеста, как было 1905 г., а до самой верхушки»²⁶.

Соединенные Штаты Америки выражали «сочувствие финскому народу в его борьбе за свободу и независимость против русского самодержавия»²⁷. Для «поддержки» финского народа американское правительство присылало в Финляндию газеты, журналы и листовки с осуждением национальной политики Российской империи²⁸.

«Tokyo asahi shimbun», национальная газета Японии, регулярно печатала статьи об «угнетении» финляндского народа в Российской империи²⁹.

Реакцией Российской империи на развернутую информационную войну было изменение в начале XX в. внутренней политики в отношении Великого княжества Финляндского: автономия была ограничена, определен механизм реализации управленческих решений центра на «национальной периферии» [15; 16; 17]. Со стороны российского правительства были предприняты реальные шаги для того, чтобы определить четкий механизм реализации общегосударственного законодательства и нормативных правовых актов, действовавших только на территории Финляндии. Был поставлен вопрос об упразднении собственной армии Финляндии, которая не была обязана защищать прочие границы империи и в худшем случае могла обратить оружие против России. Компетенции генерал-губернатора Финляндии были расширены, предприняты попытки использовать русский язык как язык официального делопроизводства [18].

Политика Российской империи, касающаяся ограничения автономии Финляндии, вызывала недовольство финского населения, заявления о вмешательстве России во внутреннее управление Финляндии [19, с. 459–460; 8, с. 86–87; 20, р. 1826–1834], споры о пределах вмешательства государства в частную жизнь [21, с. 314–316; 22, с. 239–245; 23, с. 155–162; 24, с. 326–364].

На фоне острых дискуссий в начале XX в. сформировались различные подходы к оценке правового статуса Великого княжества Финляндского и системы управления Финляндией:

– оформившуюся в Финляндии модель управления «уния» в Великом княжестве Финляндском видели финские государственные, по-

¹⁸ Никифорова С. А. Государственно-правовые воззрения Э. Н. Берендтса : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Никифорова Славяна Алексеевна. – Санкт-Петербург, 2019. – С. 109.

¹⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 499. – Оп. 2. – Д. 48. – Л. 36, 73.

²⁰ Там же. – Л. 36, 74.

²¹ Там же. – Л. 20–24.

²² Там же. – Л. 34.

²³ Мехелин Л. Указ. соч.

²⁴ Kaarnola J. Rauhanliikkeen olemus ja tavoite // Rauhanliikkeen ja maanpuolustus. – Helsinki, 1930. – S. 38–40.

²⁵ ГАРФ. – Ф. 499. – Оп. 2. – Д. 48.

²⁶ Там же. Л. 51–52; Российский государственный исторический архив. – Ф. 1361. – Оп. 1. – Д. 38. – Л. 7–9.

²⁷ ГАРФ. – Ф. 499. – Оп. 2. – Д. 48. – Л. 12.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. – Л. 31.

литические и общественные деятели Р. Ф. Германсон³⁰, И. Р. Даниельсон³¹, Л. Мехелин³², Я. Нордстрём, И. В. Росенборг, Й. В. Снельман³³, а также российские либеральные обществоведы А. В. Романович-Славатинский³⁴, Б. Н. Чичерин³⁵, Д. В. Философов³⁶, В. И. Ленин, борющийся за право финского народа за самоопределение³⁷;

– оформившуюся в Финляндии модель управления «инкорпорированная провинция» в Великом княжестве Финляндском видели российские правоведы А. С. Алексеев³⁸, Э. Н. Берендтс³⁹, В. Данилевский⁴⁰, Н. О. Куплеваский⁴¹, П. Н. Коркунов⁴², С. А. Котляровский, Ф. Ф. Мартенс⁴³, Н. С. Таганцев⁴⁴ и др. [5, с. 9].

Особое место в дискуссиях ученых по «финляндскому вопросу» занимал Эдуард Николаевич Берендтс [25, с. 828–843], который в 1904–1904 гг. занимал пост помощника статс-секретаря-министра по делам Великого княжества Финляндского⁴⁵ и являлся видным специалистом в области финляндского права. Э. Н. Берендтс осуществил исследование «финляндского вопроса», результаты которого нашли отражение на страницах его работ, в числе которых «Об источниках финляндского права»⁴⁶; «Об автономии Балтийских губерний, Польши и Финляндии»⁴⁷; «Кое-что о совре-

менных вопросах»⁴⁸; «Über Grenzmarkenpolitik und finnländische Frage insbesondere»⁴⁹; «К финляндскому вопросу»⁵⁰; «По поводу воззваний иностранных учёных относительно прав Финляндии»⁵¹; «К вопросу о правовом положении Финляндии»⁵¹; «К вопросу о юридической силе шведских основных законов в Финляндии»⁵².

Э. Н. Берендтс аргументировано доказывал своим оппонентам, как российским, так и зарубежным, что правовой статус Великого княжества Финляндского, закрепленный законами Российской империи, соответствует статусу инкорпорированной провинции, а не статусу отдельного государства [26; 27].

Однако реальное правовое положение Финляндии в составе Российской империи иностранных провокаторов не интересовало, у них был свой интерес в данной проблеме. «Отношение прессы к финляндскому вопросу было красноречивым примером утраты способности оценивать беспристрастно политические события. Шведская пресса жестоко осуждала политику русского правительства в отношении Финляндии, называя её политикой русификации. Германия осуждала Россию, но защищала германизацию Познани, северного Шлезвига. Англия и Венгрия не обращали внимания на свой Ирландский вопрос», – констатировал Э. Н. Берендтс⁵³.

Вражда, вылившаяся в русофобию, создавалась искусственно, это неоднократно подчеркивал Э. Н. Берендтс [28]. Фенноманами «финляндский вопрос» разжигался посредством формирования ненависти ко всему русскому с целью нарушения территориальной целостности России и выхода Финляндии из состава Российской империи. Откровенные провокации зарубежными недругами осуществлялись для ослабления позиций России на международной арене. В самой же Российской империи «данная проблема являлась средством отвлечения сил революционно настроенных масс от разрушения неограниченной монархии», – объяснял Э. Н. Берендтс⁵⁴.

Поскольку Великое княжество Финляндское управлялось особыми законами, на его тер-

³⁰ Германсон Р. Ф. Указ. соч.

³¹ Даниельсон-Кальмари Р. Указ. соч.

³² Мехелин Л. Указ. соч.

³³ Бахтурина А. Ю. Указ. соч. – С. 34.

³⁴ Романович-Славатинский А. В. Система русского государственного права в его историко-догматическом развитии. Сравнительно с государственным правом Западной Европы. Ч. 1: Основные государственные законы. – Киев: Тип. Г. Л. Фронцкевича, 1886. – 299 с.

³⁵ Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. – Ч. I: Общее государственное право. – Москва: Типо-литография Выс. утв. т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1894. – 482 с.

³⁶ Баландин С. Б. Указ. соч. – С. 10.

³⁷ Куусинен О. Указ. соч. – С. 12.

³⁸ Алексеев А. С. Русское государственное право. Конспект лекций. 3-е изд. – Москва: Изд. студента Н. Иващенко, 1895. – 527 с.

³⁹ Берендтс Э. Н. К вопросу о правовом положении Финляндии. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский клуб общественных деятелей, 1910. – 16 с.

⁴⁰ Давневский П. Н. Об источниках местных законов некоторых губерний и областей России. – Санкт-Петербург: Тип. И. Фишона, 1857. – 79 с.

⁴¹ Куплеваский Н. О. Справка о мнениях 25-ти русских учёных, специалистов права, по вопросу о юридическом положении Финляндии в составе Русской Империи. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1910. – 40 с.

⁴² Коркунов Н. М. Сравнительный очерк государственного права иностранных держав. – Ч. 1. Санкт-Петербург: Тип. М. Меркушева, 1906. – 163 с.

⁴³ Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. – Т. 1. – Санкт-Петербург: Тип. Министрства путей сообщений (А. Бенке), 1882. – 418 с.

⁴⁴ Таганцев Н. С. По поводу предстоящего введения особого уложения для Великого Княжества Финляндии. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1910. – 25 с.

⁴⁵ Никифорова С. А. Указ. соч. – С. 105–106.

⁴⁶ Берендтс Э. Н. Об источниках финляндского права. Первая лекция по финляндскому праву, читанная ординарным профессором Императорского С.-Петербургского университета Э. Н. Берендтсом // Журнал Министерства юстиции. – 1901. – Декабрь. – № 10. – С. 121–140.

⁴⁷ Берендтс Э. Н. Об автономии Польши и Финляндии (Публичные лекции читанные 27 января и 2 февраля 1906 г.) // Северянин. – 1906. – 16 марта. – № 12. – С. 2–3.

⁴⁸ Берендтс Э. Н. Кое-что о современных вопросах. – Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1907. – 158 с.

⁴⁹ Berendts E. Über Grenzmarkenpolitik und finnländische Frage insbesondere, Rede, gehalten am 14. I. 1907. St.Petersburg 1907.

⁵⁰ Берендтс Э. Н. К Финляндскому вопросу: Статьи по поводу речи члена Государственной Думы П. Н. Милокова: 13 мая 1908 года при рассмотрении запросов по Финляндскому управлению. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1910. – 52 с.

⁵¹ Берендтс Э. Н. К вопросу о правовом положении Финляндии.

⁵² Берендтс Э. Н. К вопросу о юридической силе шведских основных законов в Финляндии // Журнал Министерства юстиции. – 1915. – № 2. – С. 1–72.

⁵³ Берендтс Э. Н. Об автономии Балтийских губерний, Польши и Финляндии. (Публичные лекции, читанные 27 января и 2 февраля 1906 г.) Продолжение // Северянин. – 1906. – 17 марта. – № 13. – С. 2–3.

⁵⁴ Там же.

ритории российские полицейские органы свои функции не осуществляли [29; 30]. Это давало возможность подпольщикам и революционерам вести активную работу на территории Финляндии. В начале XX в. в условиях активизации революционного движения в России революционно настроенные элементы целенаправленно разжигали русско-финский конфликт [8, с. 86–87]. Э. Н. Берендтс полагал, что основой конструктивного взаимодействия имперского государства и его частей могла быть только политика двустороннего компромисса⁵⁵.

Компромисс со стороны обоих государств, по утверждению Э. Н. Берендтса, «во-первых, являлся важнейшим способом согласования интересов различных социальных групп, во-вторых, выступал как мирное средство установления внутрисоциального общения между Российской империей и ее национальной окраиной. Все это предполагало, с одной стороны, сохранение Российской империей автономного положения Великого княжества Финляндского, всех законов и установлений. С другой стороны, предполагало признание Финляндии себя частью Российской империи, в которой вся территория едина для защиты от международного вооруженного вмешательства, где подданные обладают одинаковыми правами, а общеимперские законы обладают большей юридической силой, чем законы местные»⁵⁶.

В дальнейшем отношения между Финляндией и Россией в стадию консенсуса так и не перешли. Правовой статус Великого княжества Финляндского в составе Российской империи оставался постоянным вплоть до Октября 1917 г., когда была поставлена точка в обсуждениях «финляндского вопроса» после приобретения Финляндией самостоятельности как суверенного государства. Финляндия получила независимость и со временем нашла себе защитника в лице нацистской Германии⁵⁷.

По схожему сценарию сегодня ведётся информационные нападки на Россию, поводом для которых послужила специальная военная операция на территории Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики. С помощью СМИ иностранные государства осуществляют подрыв авторитета Российской Федерации на международной арене; разжигают противоречия между российским обществом и государственной властью; провоцируют граждан на несанкционированные митинги и демонстрации; рассылают информацию, порождающую внешнюю и внутреннюю русофобию.

С началом российской специальной военной операции на территории ДНР и ЛНР в укра-

инских и иных зарубежных интернет-источниках аккумулируется ложная информация: о массовых обстрелах Вооружёнными Силами Российской Федерации жилых районов Харькова, Одессы, Киева; о массовой сдаче в плен российских военнослужащих; о числе погибших и сдавшихся в плен российских военных; о размещении техники Вооружённых Сил Российской Федерации во дворах жилых домов; о потерях России в боевой и живой силе; об отношении российских военнослужащих к мирным жителям Украины и т. д.

Перечисленные примеры фейковой информации многочисленны. Созданы целые фабрики и лаборатории по созданию такого рода ложных сведений, и чем они безумнее и невероятнее, тем быстрее передаются в социальных сетях, получают поддержку, расылку, репосты, а также усиливают чувство русофобии⁵⁸. Но не так страшна внешняя русофобия, как её проявления среди граждан России. Причинами появления внутренней ненависти ко всему русскому выступают: западное влияние; произвол должностных лиц, их вседозволенность и безнаказанность; отсутствие адекватного наказания за «вредные» теории и их распространение.

Сегодня по поводу специальной военной операции на территории ДНР и ЛНР активно высказываются российские медийные личности, которые призывают общество к митингам, демонстрациям, распространяют ролики внутренней русофобии, говорят о том, что им «стыдно называть себя русскими».

Государство должно активно реагировать на провокационные акции, не только ужесточать ответственность за данные действия, но и опровергать ложную информацию, блокировать каналы распространения фейковых новостей и воспитывать в подрастающем поколении чувство патриотизма. А отношения между Российской Федерацией и Украиной так же, как и при решении «финляндского вопроса», можно улучшить только с помощью двустороннего компромисса.

История знает немало примеров незаслуженной ненависти иностранных государств к Российской Федерации, к русскому народу. Распространение ложной информации ведётся безостановочно. У европейских государств Россия никогда не вызывала чувства уважения, но территориальное могущество, сила русского оружия и патриотизм народа порождали страх. Уроки прошлых лет необходимо использовать сегодня не только для решения конфликтов, но и для приумножения мощи России на международной арене.

⁵⁵ Никифорова С. А. Указ. соч. – С. 109.

⁵⁶ Берендтс Э. Н. Об автономии Балтийских губерний, Польши и Финляндии. – С. 2–3.

⁵⁷ Куусинен О. Указ. соч. – С. 10–12.

⁵⁸ Машковцев Анастас. Фабрика украинских фейков ещё дышит. Пропагандисты пытаются очернить Россию, но их быстро разоблачают [Электронный ресурс] // Сайт «360». – 2022. – 2 марта. – <https://360tv.ru/news/tekst/fabrika-ukrainskih-fejkov/> (дата обращения: 20.03.2022).

Список литературы

1. Засурский Я. Н. Роль средств массовой информации в обществе // Вестник МГУ. Сер. 10: Журналистика. – 1995. – № 2. – С. 3–6.
2. Косоруков А. А. Публичная сфера и цифровое управление современным государством. – Москва: МАКС Пресс, 2019. – 316 с.
3. Шарков Ф. И., Силкин В. В. Коммуникология: теория и практика массовой информации. – Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2021. – 159 с.
4. Каргаполова Е. В. Социология массовых коммуникаций в цифровом обществе. – Москва: Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, 2022. – 603 с.
5. Аверин М. Б. Великое княжество Финляндское и Царство Польское в государственном механизме Российской империи (середина 60-х годов XIX в. – 1881 год). – Москва: Юрист, 2003. – 159 с.
6. Кодан С. В. Местное законодательство в юридической политике Российского государства в XIX веке // Российский юридический журнал. – 2003. – № 1 (37). – С. 122–124.
7. Кодан С. В., Февралёв С. А. Местное право Великого княжества Финляндского в правовой системе Российской империи: интеграция, источники, трансформация (1808–1917 г.) // NB: Вопросы права и политики. – 2013. – № 3. – С. 258–259.
8. Нижник Н. С., Никифорова С. А. Государство и право в теоретико-правовых воззрениях Э. Н. Берендтса. – Москва: Юрлитинформ, 2019. – С. 72–73.
9. Востриков П. П., Королев Б. И. Государственная цензурная политика в отношении периодической печати в России во второй половине XIX – начале XX вв. // Власть. – 2015. – № 4. – С. 178–182.
10. Патрушева Н. Г. Цензурные учреждения Российской империи и система карательной цензуры в начале XX века // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2016. – Т. 213. – С. 79–84.
11. Культуральные исследования права / под общ. ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2018. – 466 с.
12. Нижник Н. С., Сидоренко Н. С. Политический дискурс образа полиции в социалистической печати России начала XX века // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2019. – № 1 (41). – С. 54–60.
13. Патрушева Н. Г., Гринченко Н. А. История цензурных учреждений в России в XIX – начале XX века // Открытый текст: электронное периодическое издание. – <http://opentextnn.ru/censorship/russia-until-1917/institutions/patrusheva-n-g-grinchenko-n-a-istorija-cenzurnyh-uchrezhdenij-v-rossii-v-hih-nachale-xx-veka/> (дата обращения: 20.03.2022).
14. Колесников Д. Е. Фенномания как система взглядов Й. В. Снельмана // Общество. Коммуникации. Образование. – 2010. – № 4. – С. 177–181.
15. Кэмпбелл Е. И. «Единая и неделимая Россия» и «инородческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. – Москва, 2001. – // <http://www.km.ru/referats/16C6ADBEDAAB4E80B223246023CDF406> (дата обращения: 20.03.2022).
16. Мейнандер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. – Москва: Весь Мир, 2008. – 286 с.
17. Никифорова С. А. Э. Н. Берендтс о государственной концепции управления на местах / Актуальные проблемы полицейского права : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию вступления в силу Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» / пред. редкол. В. А. Гусев. – Омск: Омская академия МВД России, 2021. – С. 222–225.
18. Никифорова С. А. Россия – Великое княжество Финляндское: специфика отношений в оценке Э. Н. Берендтса / Право и государство: проблемы методологии, теории и истории : материалы Международной научно-практической конференции, 10 мая 2018 г. / ред.: Л. В. Карнаушенко, И. В. Яблонский, Г. П. Курдюк. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. – С. 317–324.
19. Козинникова Е. Н. О принципах разделения властей и единства государственной власти в концепции правового государства В. М. Гессена / Современные проблемы общей теории права : материалы Международной научной конференции. – Алматы: Казахстан, 2016. – С. 458–465.
20. Nizhnik N. S. Police-law theory on the regulation of public relations in the police state // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. International Scientific and Practical Conference. – Veliky Novgorod, 2021. – P. 1826–1835.
21. Егоров Н. Ю. О модели эффективно функционирующих органов исполнительной власти в полицейском государстве (по работам И. Т. Тарасова) / Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: материалы юбилейной Международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции / под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 314–318.
22. Нижник Н. С. Взаимоотношения власти, общества и личности как предмет полицейско-правовой теории / Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс] : материалы юбилейной Международной научной конференции, посвященной 300-летию российской полиции / под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 239–250.

23. *Нижник Н. С.* Аксиологическое обоснование правового дискурса полицейского государства / Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования : сборник научных трудов : материалы V Международной научной конференции, состоявшейся в Академии МВД. – Минск: Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2019. – С. 155–163
24. Права человека: между прошлым и будущим / под ред. Н. В. Варламовой, Т. А. Васильевой, Н. В. Колотовой. – Москва: Норма, 2021. – 448 с.
25. *Никифорова С. А.* Российская полицистика в лицах: Эдуард Николаевич Берендтс // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 6. – С. 828–843.
26. *Никифорова С. А.* Модель взаимоотношений имперского государства и его части в теоретическом наследии Э. Н. Берендтса / Государственное развитие Республики Казахстан: отечественный и международный опыт : материалы Международной научно-практической конференции. – Алматы: ООИИРП Алматинской академии МВД Республики Казахстан, 2015. – С. 356–362.
27. *Никифорова С. А.* Э. Н. Берендтс о роли органов местного самоуправления в механизме управления Российского государства в конце XIX – начале XX века // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2017. – № 1. – С. 24–27.
28. *Никифорова С. А.* Проблемы управления государством – предмет научных исследований Э. Н. Берендтса / Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе : материалы Международной научно-практической конференции / под общ. ред. В. А. Сокова. – Краснодар: Издат. дом – Юг, 2014. – С. 589–591.
29. *Нижник Н. С.* Правоохранительная система Российской империи: эволюция в дискурсе истории российской государственности / Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности : материалы Всероссийской научно-практической конференции / редкол.: Ю. В. Сапронов, Т. Ю. Пантелева, Н. В. Винникова, А. С. Пеструилов, К. С. Смирнова, Л. Г. Литвяк, В. М. Палий, М. Р. Кангезов. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. – С. 134–140.
30. *Козинникова Е. Н.* О полномочиях полиции Российской империи в условиях чрезвычайного правового режима (по работам В. М. Гессена) / Юридическая наука и практика : альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. – Вып. 5. – Ч. 2. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2017. – С. 66–68.

References

1. *Zasurskiy Ya. N.* Rol' sredstv massovoy informatsii v obshchestve // Vestnik MGU. Ser. 10: Zhurnalistika. – 1995. – № 2. – S. 3–6.
2. *Kosorukov A. A.* Publichnaya sfera i tsifrovoye upravleniye sovremennym gosudarstvom. – Moskva: MAKS Press, 2019. – 316 s.
3. *Sharkov F. I., Silkin V. V.* Kommunikologiya: teoriya i praktika massovoy informatsii. – Moskva: Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya «Dashkov i K^o», 2021. – 159 s.
4. *Kargapolova Ye. V.* Sotsiologiya massovykh kommunikatsiy v tsifrovom obshchestve. – Moskva: Rossiyskiy ekonomicheskiy universitet imeni G. V. Plekhanova, 2022. – 603 s.
5. *Averin M. B.* Velikoye knyazhestvo Finlyandskoye i Tsarstvo Pol'skoye v gosudarstvennom mekhanizme Rossiyskoy imperii (seredina 60-kh godov XIX v. – 1881 god). – Moskva: Yurist, 2003. – 159 s.
6. *Kodan S. V.* Mestnoye zakonodatel'stvo v yuridicheskoy politike Rossiyskogo gosudarstva v XIX veke // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2003. – № 1 (37). – S. 122–124.
7. *Kodan S. V., Fevralov S. A.* Mestnoye pravo Velikogo knyazhestva Finlyandskogo v pravovoy sisteme Rossiyskoy imperii: integratsiya, istochniki, transformatsiya (1808–1917 g.) // NB: Voprosy prava i politiki. – 2013. – № 3. – S. 258–259.
8. *Nizhnik N. S., Nikiforova S. A.* Gosudarstvo i pravo v teoretiko-pravovykh vozzreniyakh E. N. Berendtsa. – Moskva: Yurlitinform, 2019. – S. 72–73.
9. *Vostrikov P. P., Korolev B. I.* Gosudarstvennaya tsenzurnaya politika v otnoshenii periodicheskoy pechati v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. // Vlast'. – 2015. – № 4. – S. 178–182.
10. *Patrusheva N. G.* Tsenzurnyye uchrezhdeniya Rossiyskoy imperii i sistema karatel'noy tsenzury v nachale XX veka // Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. – 2016. – T. 213. – S. 79–84.
11. Kul'tural'nyye issledovaniya prava / pod obshch. red. I. L. Chestnova, Ye. N. Tonkova. – Sankt-Peterburg: Aleteyya, 2018. – 466 s.
12. *Nizhnik N. S., Sidorenko N. S.* Politicheskiy diskurs obraza politsii v sotsialisticheskoy pechati Rossii nachala XX veka // Trudy Akademii MVD Respubliki Tadzhikistan. – 2019. – № 1 (41). – S. 54–60.
13. *Patrusheva N. G., Grinchenko N. A.* Istoriya tsenzurnykh uchrezhdeniy v Rossii v KHIKH – nachale XX veka // Otkrytyy tekst: elektronnoye periodicheskoye izdaniye. – <http://opentextnn.ru/censorship/russia-until-1917/institutions/patrusheva-n-g-grinchenko-n-a-istoriya-cenzurnyh-uchrezhdenij-v-rossii-v-hih-nachale-xx-veka/> (data obrashcheniya: 20.03.2022).
14. *Kolesnikov D. Ye.* Fennomaniya kak sistema vzglyadov Y. V. Snel'mana // Obshchestvo. Kommunikatsii. Obrazovaniye. – 2010. – № 4. – S. 177–181.
15. *Kempbell Ye. I.* «Yedinaya Rossiya» i «inorodcheskiy vopros» v imperskoy ideologii samoderzhaviya // Prostranstvo vlasti: istoricheskiy opyt Rossii i vyzovy sovremennosti. – Moskva, 2001. – // <http://www.km.ru/referats/16C6ADBEDAAB4E80B223246023CDF406> (data obrashcheniya: 20.03.2022).

16. *Meynander Kh.* Istoriya Finlyandii. Linii, struktury, perelomnyye momenty. – Moskva: Ves' Mir, 2008. – 286 s.
17. *Nikiforova S. A. E. N.* Berendts o gosudarstvennoy kontseptsii upravleniya na mestakh / Aktual'nyye problemy politseyskogo prava : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 10-letiyu vstupleniya v silu Federal'nogo zakona ot 7 fevralya 2011 g. № 3-FZ «O politсии» / pred. redkol. V. A. Gusev. – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2021. – S. 222–225.
18. *Nikiforova S. A.* Rossiya – Velikoye knyazhestvo Finlyandskoye: spetsifika otnosheniy v otsenke E. N. Berendtsa / Pravo i gosudarstvo: problemy metodologii, teorii i istorii : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 10 maya 2018 g. / red.: L. V. Karnaushenko, I. V. Yablonskiy, G. P. Kurdyuk. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 317–324.
19. *Kozinnikova Ye. N.* O printsipakh razdeleniya vlastey i yedinstva gosudarstvennoy vlasti v kontseptsii pravovogo gosudarstva V. M. Gessena / Sovremennyye problemy obshchey teorii prava : materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. – Almaty: Kazakhstan, 2016. – S. 458–465.
20. *Nizhnik N. S.* Police-law theory on the regulation of public relations in the police state // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. International Scientific and Practical Conference. – Veliky Novgorod, 2021. – P. 1826–1835.
21. *Yegorov N. Yu.* O modeli effektivno funktsioniruyushchikh organov ispolnitel'noy vlasti v politseyskom gosudarstve (po rabotam I. T. Tarasova) / Rossiyskaya politсия: tri veka sluzheniya Otechestvu [Elektronnyy resurs]: materialy yubileynoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu rossiyskoy politсии / pod red. N. S. Nizhnik. – Elektronnyye dan. (19,6 Mb). – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 314–318.
22. *Nizhnik N. S.* Vzaimootnosheniya vlasti, obshchestva i lichnosti kak predmet politseysko-pravovoy teorii / Rossiyskaya politсия: tri veka sluzheniya Otechestvu [Elektronnyy resurs] : materialy yubileynoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 300-letiyu rossiyskoy politсии / pod red. N. S. Nizhnik. – Elektronnyye dan. (19,6 Mb). – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 239–250.
23. *Nizhnik N. S.* Aksiologicheskoye obosnovaniye pravovogo diskursa politseyskogo gosudarstva / Chelovek i pravo: problema tsennostnykh osnovaniy pravovogo regulirovaniya : sbornik nauchnykh trudov : materialy V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, sostoyavsheysya v Akademii MVD. – Minsk: Akademiya Ministerstva vnutrennikh del Respubliki Belarus', 2019. – S. 155–163
24. Prava cheloveka: mezhdum proshlym i budushchim / pod red. N. V. Varlamovoy, T. A. Vasil'yevoy, N. V. Kolotovoy. – Moskva: Norma, 2021. – 448 s.
25. *Nikiforova S. A.* Rossiyskaya politseistika v litsakh: Eduard Nikolayevich Berendts // Genesis: istoricheskiye issledovaniya. – 2015. – № 6. – S. 828–843.
26. *Nikiforova S. A.* Model' vzaimootnosheniy imperskogo gosudarstva i yego chasti v teoreticheskom nasledii E. N. Berendtsa / Gosudarstvennoye razvitiye Respubliki Kazakhstan: otechestvennyy i mezhdunarodnyy opyt : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Almaty: OONIIRIR Almatinskoy akademii MVD Respubliki Kazakhstan, 2015. – S. 356–362.
27. *Nikiforova S. A. E. N.* Berendts o roli organov mestnogo samoupravleniya v mekhanizme upravleniya Rossiyskogo gosudarstva v kontse XIX – nachale XX veka // Munitsipal'naya sluzhba: pravovyye voprosy. – 2017. – № 1. – S. 24–27.
28. *Nikiforova S. A.* Problemy upravleniya gosudarstvom – predmet nauchnykh issledovaniy E. N. Berendtsa / Aktual'nyye problemy prava i pravoprimenitel'noy deyatel'nosti na sovremennom etape : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / pod obshch. red. V. A. Sosova. – Krasnodar: Izdat. dom – Yug, 2014. – S. 589–591.
29. *Nizhnik N. S.* Pravookhranitel'naya sistema Rossiyskoy imperii: evolyutsiya v diskurse istorii rossiyskoy gosudarstvennosti / Aktual'nyye problemy prava i pravoprimenitel'noy deyatel'nosti : materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / redkol.: Yu. V. Sapronov, T. Yu. Panteleyeva, N. V. Vinnikova, A. S. Pestruirov, K. S. Smirnova, L. G. Litvyak, V. M. Paliy, M. R. Kangezov. – Krasnodar: Krasnodarskiy universitet MVD Rossii, 2018. – S. 134–140.
30. *Kozinnikova Ye. N.* O polnomochiyakh politсии Rossiyskoy imperii v usloviyakh chrezvychaynogo pravovogo rezhima (po rabotam V. M. Gessena) / Yuridicheskaya nauka i praktika : al'manakh nauchnykh trudov Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii. – Vyp. 5. – Ch. 2. – Samara: Samarskiy yuridicheskii institut FSIN Rossii, 2017. – S. 66–68.

Статья поступила в редакцию 21.03.2022; одобрена после рецензирования 06.04.2022; принята к публикации 08.04.2022.

The article was submitted March 21, 2022; approved after reviewing April 06, 2022; accepted for publication April 08, 2022.

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научная статья
УДК 342
doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-56-61

Ксения Юрьевна Гоглева

<https://orcid.org/0000-0002-9177-9114>, goglevakseniya@gmail.com

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д.1*

К вопросу о специфике использования средств специализированного конституционного контроля Конституционного Суда Российской Федерации в механизме разрешения публично-правовых конфликтов

Аннотация: Предлагаемая читателю научная статья посвящена вопросу специфики использования средств специализированного конституционного контроля Конституционного Суда Российской Федерации в механизме разрешения публично-правовых конфликтов. Задача данной статьи состоит в том, чтобы исследовать взаимосвязь норм конституционного права России в области судебного конституционного контроля, осуществляемого специализированным судебным органом – Конституционным Судом Российской Федерации, и управление конфликтами, проистекающими из публично-правовых взаимоотношений, посредством рассмотрения как теории, так и практики федерального конституционного судопроизводства. Основываясь на примерах нормоконтрольной деятельности специализированного юрисдикционного контрольного органа, автор данной статьи производит аналитические заключения и выводы относительно возможности и эффективности устранения выявляемой неопределённости правового регулирования различных сфер жизнедеятельности общества, в том числе заключающейся в «коллизии» и «пробельности» отечественного законодательства, «легальными», «мирными» средствами. Особое внимание уделено вопросу анализа теоретической сложности рассмотрения юридических конфликтов, проистекающих из публично-правовых отношений, ввиду их «смешанной» природы, включающей в себя как правовые, так и внеправовые элементы, основанные на политических конфронтациях или проистекающие из национальных конфликтов, а следовательно, не связанных исключительно с правом.

Ключевые слова: публично-правовой конфликт, судебный конституционный контроль, юридическая конфликтология, юридизация правоотношений, Конституционный Суд Российской Федерации, правовая коллизия, пробел в праве

Для цитирования: Гоглева К. Ю. К вопросу о специфике использования средств специализированного конституционного контроля Конституционного Суда Российской Федерации в механизме разрешения публично-правовых конфликтов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 56–61; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-56-61.

Ksenia Yu. Gogoleva

<https://orcid.org/0000-0002-9177-9114>, goglevakseniya@gmail.com

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

To the question of the specific use of the means of specialized constitutional control of the Constitutional Court of the Russian Federation in the mechanism of resolution of public law conflicts

Abstract: The following work addresses the issues of the specifics of using the means of specialized constitutional control of the Constitutional Court of the Russian Federation in the mechanism of resolving public law conflicts. The purpose of this article is to explore the relationship between the norms of the constitutional law of Russia in the field of judicial constitutional review carried out by a specialized judicial body - the Constitutional Court of the Russian Federation, and the management of conflicts arising from public law relations, by considering both the theory and practice of federal constitutional jurisprudence. Based on examples of normative control activities of a specialized jurisdictional control body, the author of this article makes analytical conclusions regarding the possibility and effectiveness of eliminating the identified uncertainty in the legal regulation of various spheres of society, including the “conflict” and “gaps” of domestic legislation, by “legal”, «peaceful» means. Particular attention is paid to the issue of analyzing the theoretical complexity of the considered legal conflicts arising from public law relations, due to their «mixed» nature, which includes both legal and extra-legal elements based on political confrontations or arising from national conflicts, and therefore not related exclusively to law.

Keywords: public law conflict, judicial constitutional control, legal conflictology, the Constitution of the Russian Federation, the Constitutional Court of the Russian Federation, legal collision

For citation: Gogoleva K. Yu. To the question of the specific use of the means of specialized constitutional control of the Constitutional Court of the Russian Federation in the mechanism of resolution of public law conflicts // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – P. 56–61; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-56-61.

Люди участвуют в конфликтах.
Агрессия, война, насилие, по-видимому,
приравняются к нормальным
человеческим условиям

А. Тидвелл

Веру в право, как подчёркивают в своей работе К. В. Арановский и С. Д. Князев [1, с. 22], люди обрели из опыта жизни, из выводов о могуществе и необратимости применения норм закона. Это слово в различных мировых языках (латинское *lex*, древнегерманское *lagu*, романогерманское *law*, французское *loi*, испанское *ley*, итальянское *legg*) происходит от глаголов лежать, положить: протоиндоевропейского *leg-*, латинского *lectus*, французского *lize* и т.д., вплоть до английского *lie*. Данная взаимосвязь просле-

живается и в наименованиях различных правовых актов организационно-распорядительного характера: с глаголами «лежать», «класть» - положение, законоположение, уложение, уклад, с глаголом «ставить» - установления, уставы, что имеет не только сематическое, но и прагматическое значение в понимании сущности содержания данных понятий в ее неотъемлемой взаимосвязи с признаком «давности существования».

В славянских языках слово «закон» восходит к праславянскому *zakonъ «закон», которое

образовано с помощью приставки за «за - «от *kopъ «предел, начало, конец, граница», производного от глагола *kenti/*kъnti «появляться, наступать». Первоначально, как предполагают этимологи, оно имело значение: «то, с чего все начинается, на чем все основывается»¹.

В период активных законодательных реформ, при стремительной смене законодательства правила теряют законный смысл, и, следовательно, общество перестает «чувствовать закон» [1, с. 22] и соблюдать его, что неизбежно порождает возникновение публично-правовых конфликтов.

Современные правовые концепции можно условно разбить на три «лагеря»: естественное право, позитивное право и реализм. Комментируя теорию естественного права, американские исследователи философии права Финберг и Колеман цитируют св. Фому Аквинского: «Закон есть не что иное, как установление разума для продвижения общего блага..., сделанный тем, кто заботится о сообществе, и обнародованный» [8, с. 2], концептуально солидарны с ними и отечественные исследователи [5, с. 7–11]. Позитивистский взгляд на понимание философии права фокусируется на том аспекте, что право есть распоряжение общепризнанными сводами правил, и власть обеспечивает их соблюдение [5, с. 7–11; 6, с. 180–188]. Реализм имеет дело с субъективным влиянием на формирование правовых установлений конкретных сторон, участвующих в отправлении закона [8, с. 1–8; 3, с. 54–57].

Однако во всех современных парадигмах концепция права как инструмента управления конфликтом, возникающим из публично-властных взаимоотношений, неизбежна, а судебное разбирательство, в рамках которого осуществляется судебный конституционный контроль, является основным легальным процессом, связанным с разрешением публично-правовых конфликтов, которые выступают предметом исследования в данной статье.

Всестороннее рассмотрение юрисдикции [2, с. 81–88] (обязательности обращения к юридическим средствам в целях прекращения либо разрешения противоборства) конфликтов, происходящих из властно-правовых взаимоотношений в отечественной правовой системе, невозможно без оценки взаимосвязи применения норм конституционного права Российской Федерации (в частности, в рамках осуществления специализированного конституционного контроля, осуществляемого Конституционным Судом Российской Федерации по предметам своего ведения) и управления конфликтом, так как

«современные теоретики конфликтов отошли от изучения правил и систем к изучению самих споров» [9, с. 15].

Процесс урегулирования конфликта, происходящего из публично-правовых отношений с использованием средств судебного конституционного контроля, происходит с позиции права и заключается в легальном побуждении одного из противоборствующих субъектов права к юридическому действию, выгодному другому субъекту или третьей стороне, путём издания императивного предписания, обладающего общеобязательным для исполнения характером на территории Российской Федерации (что не только прямо указано в ст. 6 Федерального конституционного закона Российской Федерации от 21 июля 1994 г. № 1 – ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», но и подтверждается правовой позицией самого специализированного органа конституционного правосудия, изложенной в его правовых позициях (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2001 года № 65 «По ходатайству полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе об официальном разъяснении определения Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 года по запросу группы депутатов Государственной Думы Российской Федерации отдельных положений конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия – Алания и Республики Татарстан»).

Следует отметить, что различные по содержанию публично-правовые противоречия требуют и специальных средств их разрешения, что предусмотрено различными основаниями осуществления судебного конституционного контроля в Российской Федерации, а именно:

1. Рассмотрение Конституционным Судом России дел о соответствии Конституции Российской Федерации нормативных актов органов публичной власти различного уровня (Глава IX Федерального конституционного закона Российской Федерации 21 июля 1994 г. № 1 – ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации») в целях указания на необходимость устранения имеющихся правовых коллизий и восполнения пробелов права [4, с. 131].

2. Судебный конституционный нормоконтроль соответствия не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации Конституции России (Глава X Федерального конституционного закона Российской Федерации 21 июля 1994 г. № 1 – ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

3. Рассмотрение дел по спорам о компетенции между федеральными органами государственной власти; органами государственной власти субъектов Федерации; а также между

¹ Сичинава Н. Г. Слово «закон» в древности и сегодня [Электронный ресурс] // Сайт «Ассоциация лингвистов-экспертов Юга России». – 2013. – 15 нояб. – Режим доступа: http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw3/sichinava_ng.html (дата обращения: 02.06.2022).

ними (Глава XI Федерального конституционного закона Российской Федерации от 21 июля 1994 г. № 1 № 1 – ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

4. Судебное разбирательство по предмету индивидуальных и коллективных жалоб граждан Российской Федерации, а также их объединений на нарушение конституционных прав и свобод (Глава XII Федерального конституционного закона Российской Федерации от 21 июля 1994 г. № 1 № 1 – ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

5. Установление возможности исполнения решений межгосударственных органов и иностранных или международных судов, налагающих обязанности на Российскую Федерацию (Главы XIII 1, XIII 2 Федерального конституционного закона Российской Федерации от 21 июля 1994 г. № 1 – ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

6. Официальное толкование Конституции Российской Федерации (Глава IV Федерального конституционного закона Российской Федерации от 21 июля 1994 г. № 1 – ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации») и т.д.

Однако, несмотря на различия в форме осуществления, рассмотренные формы судебного конституционного контроля являются «мирными средствами» разрешения публично-правовых конфликтов, проистекающими из легальных правовых оснований, хотя и не без использования элемента силы «государственного понуждения», которому спорящие силы обязаны подчиниться, что предопределяет их юридическую природу.

Особая сложность рассмотрения юридических конфликтов, проистекающих из публично-правовых отношений, заключается в том, что большинство из них имеет «смешанную» природу (то есть имеет и правовые, и внеправовые элементы, основанные на политических конфронтациях или национальных конфликтах²), а не является «чисто» правовыми, то есть связанными исключительно с правом (например, устранение противоречия нормативных актов³) [10, с. 125–128]. Причём многие из этих элементов вообще не подпадают под сферу воз-

можного регулирования, а значит, и разрешения легальными средствами, используемыми в рамках современных правоотношений, так как не все социальные отношения могут быть объективно юридическими в виду неучастия в них воли человека как таковой⁴.

Существуют также области общественных отношений, которые по своему характеру могут подпадать под правовое регулирование, но пока законодательно не урегулированы и требуют юридического закрепления (правовые пробелы [11, с. 48–52], пробелы в праве и т. д.). При этом правовое закрепление часто имеет место сначала в судебной практике, в отдельных судебных решениях и только затем – в нормативных актах (так называемая «преюдиция судебных решений» [12, с. 31; 13, с. 349]), как это зачастую происходит с правовыми позициями, изложенными в Постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации, изданных в рамках судебного конституционного контроля⁵.

Таким образом, публично-правовой конфликт может выражать абсолютно справедливое притязание на изменение правового порядка и охрану конституционного строя, порождающее в результате своего разрешения в рамках применения специальных юридических процедур и технологий устранение имеющихся правовых коллизий и пробелов законодательного регулирования, ибо даже «в море законов человек зачастую оказывается незащищен» [14, с. 35].

– 25.5.1, ч. 1 ст. 30.12 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации выступили предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации, в ходе которого оспаривалась правомерность недопущения обжалования на законной основе постановления по делу об административном правонарушении в части применения дополнительного наказания в виде конфискации предмета совершения правонарушения (торгового судна, законно перемещенного через таможенную границу России) у лица, не владеющего им на основании права собственности, собственником данного имущества. В результате рассмотрения данной жалобы решение было вынесено в пользу заявителя и вышеуказанные положения, за исключением ст. 25.1 – 25.5.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, были признаны неконституционными и подлежащими пересмотру путем внесения соответствующих поправок в федеральное законодательство // Российская газета от 5 октября 2021 г. – № 227 (8578).

⁴ Лазарев В. В. Действие права. Реализация права. Теория государства и права: учеб. под ред. В. К. Бабаева. – Москва: Эксмо, 1999. – С. 35.

⁵ См., например, Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.04.2011 г. № 6 - П «По делу о проверке конституционности части 1 ст. 3.7 и части 2 ст. 8.28 Кодекса об административных правонарушениях в связи с жалобой Общества с ограниченной ответственностью «Стройкомплект» // СЗ РФ. – 2011. – № 19. – Ст. 2769; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 ноября 2020 г. № 45 – П, в котором Конституционный Суд РФ указал на целесообразность внесения в действующее административное законодательство дополнений, направленных на устранение некоторого правового пробела в урегулировании порядка указания религиозными организациями своего официального полного наименования при осуществлении деятельности в жилых помещениях // СЗ РФ. – 2020. – № 46. – Ст. 7378.

² См., напр.: «О проверке конституционности Закона Республики Ингушетия «Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой» и Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой в связи с запросом Главы Республики Ингушетия», не только фактически пересмотревшее решение Конституционного Суда Республики Ингушетия от 30 октября 2018 г., но и, в некоторой степени, предварившее постановку вопроса о целесообразности существования органов конституционной юстиции субъектов федерации: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 06 декабря 2018 г. // СЗ РФ. – 2018. – № 51. – Ст. 8095.

³ См., например, Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 октября 2020 г. № 41 – П, в рамках которого ст. 3.7, в ч. 4, во взаимосвязи со ст. 25.1

Список литературы

1. *Арановский К. В., Князев С. Д.* Правление права и правовое государство в соотношении знаков и значений : монография. – Москва: Проспект, 2016. – 256 с.
2. *Баранова М. В.* Правовая коммуникация государства и общества в условиях перманентной юридикации отношений: специфика, проблемы, тренды / Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт : сборник трудов Международной научной конференции, Воронеж, 11–12 сентября 2020 г. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2020. – С. 81–88.
3. *Груздев В. С.* Перспективы реализма в современной философии права и теории права // Мировые тенденции развития науки, образования, технологий : сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции / под общ. ред. Е. П. Ткачевой. – Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2021. – С. 54–57.
4. *Денисенко В. В.* Коллизии правовых актов и способы их разрешения (теоретико-правовой аспект) : монография. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2005. – 131 с.
5. *Карнаушенко Л. В.* Соотношение теории естественного права и теории позитивного права // Философия права. – 2021. – № 1 (96). – С. 7–11.
6. *Степанова А. А., Хафизов Э. Д.* Методология позитивизма в анализе сущности понятий «право» и «власть» // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. – 2021. – № 1. – С. 180–188.
7. *Fienberg J., Coleman J. (Eds.) / J. Fienberg, J. Coleman // Philosophy of Law (9th ed.). Belmont: Wadsworth. Publishing P., 2013. 1056 p.*
8. *Lang M.* Introduction to Law and its Relationship to Conflict Analysis. Distributed Learning Course Material / M. Lang // Victoria: Royal Roads University, 2001. – 117 p.
9. *MacFarlane J. (Ed.).* Dispute Resolution: Reading and Case Studies / J. MacFarlane (Ed.) // Toronto: Edmond Montgomery Publication Limited, 1999. – P. 15.
10. *Курмаева Т. И., Худойкина Т. В.* Юридический конфликт: понятие и природа // Научный аспект. – 2015. – № 2-2. – С. 125–128.
11. *Татаринов С. А.* Полномочия Конституционного Суда Российской Федерации по преодолению конституционно-правовых пробелов // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – № 3. – С. 48–52.
12. *Алексеева Т. М.* Свойства res judicata в контексте решений Европейского суда по правам человека: соотношение и пределы действия // Юридический вестник Самарского университета. – 2021. – Т. 7. – № 1. – С. 29–39.
13. *Амбалова С. М.* О соотношении преюдиции и обязательности судебных актов: некоторые теоретико-практические аспекты / Проблемы эффективности права в современной России : материалы Международной научно-практической конференции: в 2 т., Краснодар, 7 октября 2016 года. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2016. – С. 347–355.
14. *Худойкина Т. В.* Юридическая конфликтология: от исходных позиций теории до практики разрешения и предупреждения юридического конфликта. – Саранск: Издательство Мордовского университета, 2001. – 392 с.

References

1. *Aranovskii K. V., Knyazev S. D.* Pravlenie prava i pravovoe gosudarstvo v sootnoshenii znakov i znachenii: monografiya / K. V. Aranovskii, S. D. Knyazev // Moskva: Prospekt, 2016. – 256 s.
2. *Baranova M. V.* Pravovaya kommunikatsiya gosudarstva i obshchestva v usloviyakh permanentnoi yuridizatsii otnoshenii: spetsifika, problemy, trendy / M. V. Baranova / Pravovaya kommunikatsiya gosudarstva i obshchestva: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt: sbornik trudov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Voronezh, 11–12 sentyabrya 2020 goda. – Voronezh: Avtonomnaya nekommercheskaya organizatsiya po okazaniyu izdatel'skikh i poligraficheskikh uslug «NAUKA-YUNIPRESS», 2020. – S. 81–88.
3. *Gruzdev V. S.* Perspektivy realizma v sovremennoi filosofii prava i teorii prava / Mirovye tendentsii razvitiya nauki, obrazovaniya, tekhnologii: sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii / Pod obshch. red. E. P. Tkachevoi. – Belgorod, 2021. – S. 54–57.
4. *Denisenko V. V.* Kollizii pravovykh aktov i sposoby ikh razresheniya (teoretiko-pravovoi aspekt): monografiya. – Voronezh: Voronezhskii gos. un., 2005. – 131 s.
5. *Karnaushenko L. V.* Sootnoshenie teorii estestvennogo prava i teorii pozitivnogo prava // Filosofiya prava. – 2021. – № 1 (96). – S. 7–11.
6. *Stepanova A. A., Khafizov E. D.* Metodologiya pozitivizma v analize sushchnosti ponyatii «pravo» i «vlast'» // Aktual'nye problemy gosudarstva i obshchestva v oblasti obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina. – 2021. – № 1. – S. 180–188.
7. *Fienberg J., Coleman J. (Eds.) / J. Fienberg, J. Coleman // Philosophy of Law (9th ed.). Belmont: Wadsworth. Publishing P., 2013. – 1056 p.*
8. *Lang M.* Introduction to Law and its Relationship to Conflict Analysis. Distributed Learning Course Material / M. Lang // Victoria: Royal Roads University, 2001. – 117 p.
9. *MacFarlane J. (Ed.).* Dispute Resolution: Reading and Case Studies / J. MacFarlane (Ed.) // Toronto: Edmond Montgomery Publication Limited, 1999. – P. 15.

10. *Kurmaeva T. I., Khudoikina T. V.* Yuridicheskii konflikt: ponyatie i priroda // Nauchnyi aspekt. – 2015. – № 2-2. – S. 125–128.

11. *Tatarinov S. A.* Polnomochiya Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii po preodoleniyu konstitutsionno-pravovykh probelov // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. – 2020. – № 3. – S. 48–52.

12. *Alekseeva T. M.* Svoistva res judicata v kontekste reshenii Evropeiskogo suda po pravam cheloveka: sootnoshenie i predely deistviya // Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta. – 2021. – Т. 7. – № 1. – S. 29–39.

13. *Ambalova S. M.* O sootnoshenii preyuditsii i obyazatel'nosti sudebnykh aktov: nekotorye teoretiko-prakticheskie aspekty / Problemy effektivnosti prava v sovremennoi Rossii: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 2 tomakh, Krasnodar, 07 oktyabrya 2016 g. – Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 2016. – S. 347–355.

14. *Khudoikina T. V.* Yuridicheskaya konfliktologiya: ot iskhodnykh pozitsii teorii do praktiki razresheniya i preduprezhdeniya yuridicheskogo konflikta // Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta, 2001. – 392 s.

Статья поступила в редакцию 22.03.2022; одобрена после рецензирования 24.05.2022; принята к публикации 06.06.2022.

The article was submitted March 22, 2022; approved after reviewing May 24, 2022; accepted for publication June 06, 2022.

Обзорная статья
УДК 342.9
doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-62-74

Андрей Иванович Каплунов

доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0001-7298-8730>, and-kaplunov@yandex.ru;

Владимир Юрьевич Ухов

доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0001-6935-9941>, spb-u-mvd.kaf-ap@yandex.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) Международная научно-практическая конференция (25 марта 2022 г., Санкт-Петербург)

Аннотация: 25 марта 2022 г. в Санкт-Петербургском университете МВД России прошло пленарное заседание Международной научно-практической конференции («Сорокинские чтения»), посвящённой памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Юрия Ефремовича Аврутина в связи с 75-летием со дня рождения.

Ко дню конференции был издан в электронном виде сборник её материалов, включающий 152 статьи, отражающие содержание научных докладов и сообщений, в подготовке которых приняли участие 166 авторов из 49 научных и образовательных организаций, в том числе 8 авторов из четырёх зарубежных государств (Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Узбекистан, Азербайджанской Республики), 23 доктора юридических наук, 89 кандидатов юридических наук, 8 сотрудников практических органов внутренних дел Российской Федерации.

На пленарном заседании состоялся обмен мнениями по проблемным вопросам модернизации публичного управления, административного и административно-процессуального права, по теоретическим и прикладным проблемам совершенствования законодательства об административных правонарушениях и административно-юрисдикционной деятельности, по проблемам обеспечения безопасности и общественного порядка, совершенствования полицейской и иной правоохранительной деятельности, а также подведены итоги конференции.

Ключевые слова: публичное управление, административное и административно-процессуальное право, законодательство об административных правонарушениях, административно-юрисдикционная деятельность, полицейская и иная правоохранительная деятельность

Для цитирования: Каплунов А. И., Ухов В. Ю. Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 62–74; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-62-74.

Andrey I. Kaplunov

Dr. Sci. (Jurid.), Professor
<https://orcid.org/0000-0001-7298-8730>, and-kaplunov@yandex.ru

Vladimir Yu. Ukhov

Dr. Sci. (Jurid.), Professor
<https://orcid.org/0000-0001-6935-9941>, spb-u-mvd.kaf-ap@yandex.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Current problems of administrative and administrative procedural law (Sorokin Readings) International scientific and practical conference (March 25, 2022, Saint Petersburg)

Abstract: On March 25, 2022 the Saint-Petersburg University of MIA of Russia held a plenary meeting of the International scientific and practical conference (Sorokin readings), dedicated to the memory of Yuri Efremovich Avrutin, doctor of law, professor, honored scientist of the Russian Federation, honored lawyer of the Russian Federation, and the 75th anniversary of his birth.

By the day of the conference, a collection of its materials was published in digital form. It included 152 scientific works prepared by 166 authors from 49 scientific and educational organizations, including 8 authors from 4 foreign countries (the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Republic of Uzbekistan, and Azerbaijan Republic). 23 doctors of law, 89 candidates of law, and 8 employees of police force of the Russian Federation took part in the creating of this compendium.

At the plenary session the participant shared their opinions and came to terms on the challenges of modernization of public administration, administrative and administrative procedural law, on theoretical and applied problems of improving legislation on administrative offenses and administrative-jurisdictional activities, questions of security and public order, development of the police and other law enforcement activities.

Keywords: public administration, administrative and administrative law procedure, legislation on administrative offences, administrative-jurisdictional activity, activities of police and other law enforcement agencies

For citation: Kaplunov A. I., Ukhov V. Y. Current problems of administrative and administrative procedural law (Sorokin Readings) // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – P. 62–74; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-62-74.

25 марта 2022 года в Санкт-Петербургском университете МВД России состоялась 13-я по счёту научно-практическая конференция «Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права», которая восьмой год подряд проходит под официальным названием «**Сорокинские чтения**». Первые девять лет она проводилась в статусе «ежегодной всероссийской», с 2019 года стала международной. В этом году конференция посвящена памяти лидера нашей научной школы доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Юрия Ефремовича Аврутина в связи с 75-летием со дня рождения. В подготовке материалов международной конференции и в пленарном заседании в режиме видеоконференцсвязи приняли участие наши коллеги и друзья из Академии МВД Республики Беларусь (г. Минск), Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева и Академии МВД Республики Узбекистан.

Пленарное заседание конференции открыл **М. В. Бавсун, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ**, который отметил роль и значение Сорокинских чтений как постоянной научной площадки, на которой учёные-административисты страны и практические работники прежде всего из органов внутренних дел обсуждают актуальные проблемы совершенствования

административного и административно-процессуального законодательства и правоприменительной практики по его реализации, обратил внимание на востребованность научного наследия Юрия Ефремовича Аврутина, о чём свидетельствует такой инструмент наукометрии, как Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), встроенный в научную электронную библиотеку «eLibraru.ru», поблагодарил всех, кто принял участие в подготовке материалов сборника конференции и особенно участников пленарного заседания из России и зарубежных стран.

В пленарном заседании конференции очно приняли участие руководители, профессорско-преподавательский состав, докторанты, адъюнкты и аспиранты кафедр административно-правовых дисциплин из ведущих образовательных организаций и научные сотрудники из научно-исследовательских учреждений страны и системы МВД России: Института государства и права Российской академии наук (**С. В. Запольский, В. М. Редкоус**), Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (**А. В. Калмыкова**); Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (**Б. В. Россинский, С. А. Старостин, Е. А. Лебедева, А. В. Сладкова, Н. Н. Бакурова**), Воронежского государственного университета (**Ю. Н. Стариков**), Российского государственного университета правосудия (**А. И. Стахов**), Казанского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

(Д. Б. Миннигулова), Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (В. П. Уманская), Всероссийского государственного университета юстиции (О. В. Чумакова), Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (А. В. Мартынов, В. В. Черников, М. Д. Прилуков, Е. В. Ширева) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (О. В. Гречкина), Южно-Уральского государственного университета (Э. Л. Лещина, А. А. Шмидт), Оренбургского государственного университета (Л. И. Носенко), Саратовской государственной юридической академии (Ю. Н. Мильшин), Академии управления МВД России, г. Москва (А. М. Кононов), Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя (Ю. И. Попугаев), Омской академии МВД России (О. И. Бекетов, М. А. Бучакова), Сибирского юридического института МВД России, г. Красноярск (Н. Н. Цуканов, П. Ю. Овсянников, И. В. Кудашова, Н. А. Дудина, М. В. Куцкель), Восточно-Сибирского института МВД России, г. Иркутск (Е. Г. Усов), Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина (О. А. Дизер, А. Н. Александров, С. Н. Котарев), Научно-исследовательского института ФСИН России (Л. В. Павлова, А. С. Дугенец).

В режиме видеоконференцсвязи на пленарном заседании выступили зарубежные участники из Академии МВД Республики Узбекистан (С. Т. Ахмедова), Академии МВД Республики Беларусь (Д. В. Гвоздев), Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева (А. С. Смышляев, С. В. Корнейчук), российский участник из Российского государственного университета правосудия (В. А. Зюзин).

К началу работы конференции были изданы в электронном виде на CD-диске её материалы [1], включающие тезисы 152 докладов и научных сообщений, в подготовке которых приняли участие 166 авторов из 49 научных и образовательных организаций, в том числе, 8 авторов из четырёх зарубежных государств (Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Узбекистан, Азербайджанской Республики), 23 доктора юридических наук, 89 кандидатов юридических наук, 8 сотрудников практических органов внутренних дел Российской Федерации.

Доклады и научные сообщения сгруппированы в четыре логико-тематических раздела и охватывают широкий спектр актуальных проблем современного состояния и перспектив развития административно-правового регулирования в различных сферах публичного управления, совершенствования административно-правовых (материальных и процессуальных) средств обеспечения прав и законных интересов субъектов административно-правовых отношений, укрепления правопорядка и законности, противодействия административной деликтности.

Ниже представлено краткое содержание отдельных докладов и выступлений, прозвучавших на пленарном заседании, а также тезисов выступлений, включённых в сборник материалов конференции.

А. П. Шергин, главный научный сотрудник ФГКУ «ВНИИ МВД России», доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, в своём докладе на тему «Административное право – материнская отрасль российского права» [2], обращаясь к творческому наследию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Юрия Ефремовича Аврутина, подчеркнул, что роль Ю. Е. Аврутина predetermined не только большим вкладом учёного в науку административного права, но и особым его отношением к формированию, развитию и перспективам этой отрасли российского права. Он по праву был и остаётся преданным рыцарем административного права, последовательно отстаивавшим его приоритетную роль в отечественной правовой системе. Эту роль Юрий Ефремович видел в том, что «ведущей социальной ценностью, воспроизводство, охрана и защита которой должна обеспечиваться посредством государственного управления, является конституционное право человека на достойную жизнь (ч. 1 ст. 7 Конституции РФ)» [3, с. 661]. Причём не имитация управления, а реальное достижение этой стратегической цели, по мнению учёного, должно быть мерилем эффективности государственного управления. Эти суждения в полной мере можно отнести и к административному праву, нормы которого формируют модель организации и деятельности государственного управления. Свои задачи оно осуществляет в рамках действующей системы права, взаимодействуя с другими отраслями права. Поэтому важно определить не только собственно предметную сущность административного права, но и исследовать его роль в общей правовой системе.

В докладе А. П. Шергина рассмотрены тенденции современного отраслеобразования и роль материнских отраслей права в формировании новых правовых образований, выявлена роль административного права в выполнении этой функции. Исходной гипотезой исследования является утверждение, что наряду с регулированием управленческих отношений административное право выполняет функцию материнской отрасли российского права, реализация которой приводит к возникновению новых отраслей российского права. Основное внимание уделено двум проблемам – предпосылки материнской функции рассматриваемой отрасли права и механизм её осуществления.

Предпосылки формирования материнского статуса административного права лежат в самой сути этой отрасли права, её ведущей роли в общей системе российского права, взаимодействии с другими отраслями права. К ним отнесены: объективная организационная потребность, определяющая назначение и сущность административного права; концентрация

административно-правовых норм, регулирующих крупные блоки общественных отношений, в виде институтов, подотраслей права, которые могут в последующем развитии обретать статус самостоятельных отраслей права; доминирование в административном праве императивного метода, который вносит в механизм административно-правового регулирования большую определённую в отношениях субъектов и необходимую жёсткость; наличие самой обширной нормативной базы в виде законов и подзаконных актов обеспечивает легитимность административного права, его устойчивость и условия последующего развития, включающего и воспроизводство других самостоятельных правовых образований. Важную роль в подготовке нормативных предпосылок для формирования дочерних отраслей играет систематизация норм, регулирующих новые общественные отношения.

Исследование механизма реализации рассматриваемой функции административного права предполагает выделение парной по отношению к материнской категории – дочерней отрасли права, нормы которой формировались и развивались в рамках материнской отрасли права и из которой она отпочковалась. Такое новое правовое образование должно отвечать двум требованиям: быть результатом развития материнской отрасли и обладать признаками самостоятельной отрасли права. Обращено внимание на то, что среди учёных нет единой позиции по формированию новых отраслей российского права. Если признание наличия материнских отраслей права практически не подвергается сомнению, то вопросы расширения действующей системы права, критерии отраслеобразования являются предметом многолетних дискуссий, в ходе которых тенденция увеличения количества отраслей права оценивается неоднозначно. Динамизм современных общественных процессов обуславливает дальнейшую дифференциацию отраслей российского права, появление новых обособленных правовых образований. Поэтому поиск критериев выделения самостоятельных отраслей права остаётся востребованной задачей юридической науки.

Большой интерес вызвал доклад **В. В. Черникова, профессора кафедры административного и финансового права Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, советника компании «КонсультантПлюс» доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РФ.** Свой доклад он посвятил **вкладу профессора Ю. Е. Аврутина в разработку системы гарантий прав человека в законодательстве о полиции и направлениям её дальнейшего развития.** По оценке В. В. Черникова, величие и уникальность профессора Ю. Е. Аврутина как учёного состоит в том числе в его причастности к творению законодательной базы полицейской деятельности. Будучи членом рабочей группы по подготовке проекта федерального закона «О полиции», он конструировал конкретные нормы-

гарантии, которые затем были восприняты законодателем.

Анализ действующей системы гарантий соблюдения прав человека в полицейском праве, проведённый В. В. Черниковым в развитие творческого наследия Ю. Е. Аврутина, позволил ему сформулировать несколько выводов о состоянии этой системы и её качестве. Первый: **полицейское законодательство содержит довольно широкий круг гарантий прав человека.** В законе о полиции они представлены палитрой самых разнообразных правовых средств: гарантии-принципы, гарантии-обязанности, гарантии-запреты, гарантии-ограничения, гарантии-стимулы, гарантии-санкции, гарантии-дозволения и другие. В этом большая заслуга профессора Ю. Е. Аврутина. Именно благодаря ему и профессору Ю. П. Соловью в Законе появились формулировки данных норм. И эта система сдержек позволяет строить полицейские отношения на основе уважения человека, соблюдения его прав. Профессор В. В. Черников привёл данные о том, что только благодаря ведомственному и судебному контролю в 2021 году отменено более 834 тыс. протоколов об административных правонарушениях.

Но, по мнению докладчика, **система сдержек полицейского усмотрения небезупречна, она далека от законченности.** Существует много пробелов. Так, в КоАП РФ чётко не прописаны основания и процедуры признания лица потерпевшим, содержатся неясности в вопросе допуска адвокатов к задержанному лицу, не предусмотрена активная роль прокурора и защитника как гарантов прав человека на стадии рассмотрения дела об административном правонарушении, отсутствует ряд других норм-гарантий. На взгляд докладчика, **не всегда эффективны действующие механизмы реализации гарантий прав человека в полицейской работе.** К сожалению, такой упрек можно адресовать даже конституционным гарантиям. Так, по сути человек мало защищён от полицейской пытки. И только совсем недавно в Государственную Думу внесён соответствующий законопроект о введении в УК РФ специального состава преступления. В своём выступлении профессор В. В. Черников признал, и это следующий его вывод, что **законодатель запаздывает в настройке системы гарантий в связи с появлением у полиции новых полномочий.** В качестве примера назван Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 424-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О полиции»», который обоснованно предоставил полиции право вскрытия транспортных средств, но не обозначил ни одной гарантии для предотвращения субъективного усмотрения полицейских в осуществлении таких действий. Ещё один вывод докладчика созвучен выводу профессора Ю. Е. Аврутина, высказанному 10 лет назад: **необходима постоянная конституционализация правового регулирования деятельности полиции.** По оценке докладчика, такой доктринальный, научный, законодательный и практический поиск особенно

важен в сегодняшней действительности, когда роль полицейского начала в обеспечении внутренней безопасности страны в силу ряда известных обстоятельств будет усиливаться.

С. Т. Ахмедова, профессор кафедры административного права Академии МВД Республики Узбекистан, доктор юридических наук, профессор своё выступление посвятила *вопросу совершенствования административного законодательства Республики Узбекистан* [4]. Она отметила, что в последние годы в стране проводятся широкомасштабные реформы во всех сферах жизнедеятельности людей. Глубокие изменения в экономической, социально-правовой сфере, обновление всей системы текущего законодательства во всех областях, равно как и введение совершенно нового механизма деятельности государственных органов и их взаимодействия с общественными структурами путём повышения активной и созидательной роли органов самоуправления непосредственным образом отразились и на особенностях нормативного содержания административного законодательства.

Совершенствуется административное законодательство, дополняются и изменяются нормы Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности, утверждённого Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2015-ХП.

Только за последние месяцы, например, в соответствии с законами о внесении дополнений и изменений в Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности расширены составы административных правонарушений, за которые предусмотрена административная ответственность, в частности, за правонарушения, зафиксированные Единой автоматизированной информационной системой Государственного таможенного комитета Республики Узбекистан, а также за совершение некоторых правонарушений в транспортной, финансовой и других сферах. Новыми нормами расширены административно-юрисдикционные полномочия органов внутренних дел по отдельным правонарушениям, наделены таковыми полномочиями пограничные войска Службы государственной безопасности Республики Узбекистан и др.

О совершенствовании административного законодательства нашей страны также свидетельствует и введение института примирения по делам об административных правонарушениях. Президентом Республики Узбекистан Ш. Мирзиёевым 4 октября 2021 г. подписан Закон Республики Узбекистан «О внесении дополнений и изменений в Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности», в соответствии с нормами которого впервые в судебной практике Узбекистана по делам об административных правонарушениях введён институт примирения.

Отметим, что судебный институт примирения по уголовным делам в Узбекистане был внедрён Законом Республики Узбекистан от 29 августа 2001 года и уже полностью испытан

судебной практикой, что явилось эффективным средством в либерализации уголовно-правовых отношений.

Теперь с января текущего года по 12 видам административных правонарушений (таким как клевета, оскорбление и др.), предусмотренных Кодексом Республики Узбекистан об административной ответственности, применяется институт примирения.

В истории государства подобное использовалось в разбирательстве между правонарушителем и потерпевшим, например, в мусульманском праве примирительные вопросы решались так: если лицо, совершившее преступление, выплатило (жертве) соответствующую сумму возмещения ущерба (товон тулаш), потерпевшая сторона имела право просить от суда освобождения виновного от наказания [5].

Давние и благородные ценности узбекского народа, основанные на принципах гуманизма, отражены в национальном законодательстве республики, институт примирения в законодательстве Узбекистана является ярко выражающим эти ценности.

А. С. Смышляев, начальник кафедры административной деятельности органов внутренних дел Костанайской академии МВД Республики Казахстан, доктор философии (PhD) в своём выступлении на тему *«О некоторых вопросах совершенствования административного законодательства Республики Казахстан в сфере противодействия коррупции»* [6] отметил, что в 2021 году Антикоррупционной службой Республики Казахстан был выработан ряд инициатив, направленных на совершенствование отдельных норм Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях (далее – КРКоАП), предусматривающих юридическую ответственность за коррупцию.

Первая инициатива коснулась расширения перечня субъектов административных коррупционных правонарушений, предусмотренных статьями 680, 681 КРКоАП и включения в него субъектов квазигосударственного сектора. Данное предложение, безусловно, было поддержано автором, поскольку оно способствует неотвратимости наказания за совершенное правонарушение и защите интересов государства.

Вторая инициатива предусмотрела установление административной ответственности лиц, уполномоченных на выполнение государственных функций, приравненных к ним лиц, должностных лиц, а также лиц, являющихся кандидатами, уполномоченными на выполнение указанных функций, за непринятие и (или) несоблюдение) антикоррупционных ограничений, а также непринятие мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов.

На наш взгляд, такой подход является целесообразным, поскольку в отношении вышеуказанных субъектов в настоящее время применяется дисциплинарная ответственность. К примеру, в соответствии с пунктом 4 статьи 12 Закона Республики Казахстан (далее – РК) «О противодействии коррупции» непринятие

антикоррупционных ограничений данными лицами влечёт отказ в приёме на должность либо увольнение с должности (освобождение от должности), а их несоблюдение в случаях отсутствия признаков уголовно наказуемого деяния и административного правонарушения является основанием для прекращения ими государственной службы или иной соответствующей деятельности.

Третья инициатива коснулась установления административной ответственности рассматриваемых субъектов за несообщение о готовящемся, совершаемом или совершённом коррупционном правонарушении, а также непринятие или принятие недостаточных мер по поступившему сообщению о коррупционном правонарушении в соответствии с законами Республики Казахстан.

Данная позиция не поддерживается автором, так как статьёй 24 Закона РК «О противодействии коррупции» уже предусмотрена обязанность вышеуказанных лиц по сообщению в уполномоченные государственные органы информации об известных им фактах коррупционных правонарушений. Соответственно, за нарушение данной нормы закона в отношении виновных лиц применяется дисциплинарная ответственность. Такой механизм вполне соответствует соразмерности наказания, а также обеспечивает на должном уровне профилактику коррупционных правонарушений.

В связи с этим нет необходимости в установлении административной ответственности за рассматриваемые дисциплинарные проступки.

Четвертая инициатива предполагает установление административной ответственности руководителей государственных органов за допущение дальнейшей работы лиц, ранее совершивших коррупционные преступления.

Данная позиция также не поддерживается автором, поскольку формулировка «а также допущение их дальнейшей работы» является не совсем удачной. Конечно, такая правовая регламентация позволит увеличить срок давности привлечения лица к административной ответственности, так как придаёт данному правонарушению делящийся характер ввиду длительного невыполнения руководителем обязанности по установлению и увольнению лиц, ранее совершивших коррупционные преступления.

Однако в дальнейшей практике могут возникать проблемы, связанные с установлением вины руководителя в совершении правонарушения. Объясняется это тем, что виновными в таком случае могут являться подчинённые ему сотрудники (руководители низшего звена, работники кадровых подразделений), которые будут умышленно скрывать данную информацию от руководителя организации, либо не установят её ввиду бездействия.

Поэтому вполне достаточно в таких ситуациях ограничиваться применением дисциплинарной ответственности к руководителю за ненадлежащее выполнение служебных обязан-

ностей, вплоть до освобождения от занимаемой должности.

Таким образом, по итогам проведённого анализа вышеизложенных инициатив автором предлагается следующее:

- включить в диспозиции статей 680, 681 КРКоАП формулировку «субъекты квазигосударственного сектора»;

- ограничиться действующим механизмом привлечения к дисциплинарной ответственности уполномоченных должностных лиц за совершение вышеуказанных видов противоправных деяний:

- предусмотреть более точную регламентацию административной ответственности за укрытие административного коррупционного правонарушения, исключив при этом применение статьи 680 КРКоАП.

А. И. Каплунов, профессор кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, в своём выступлении «*О правовой природе и процессуальных формах административного процесса*», опираясь на научное наследие В. Д. Сорокина и Ю. Е. Аврутина, обратил внимание, что методология исследования природы процессуальной деятельности должна базироваться на анализе не только отраслевого предмета правового регулирования, но и трёх типов единого метода материально-правового регулирования (гражданско-правового, административно-правового и уголовного-правового), каналами реализации которых являются разновидности юридического процесса в форме гражданского, административного и уголовного процессов, в основе которых лежит состязательный или следственный тип юрисдикционного процесса либо правонаделительный тип юридического процесса.

Согласно национальной доктрине административного процесса, его правовая природа как вида юридического процесса на отраслевом уровне обусловлена тем, что он является каналом реализации административно-правового типа регулирования общественных отношений в сфере государственного управления, в котором доминирует предписание (обязанность, функциональная обязанность). Административный процесс обеспечивает исполнение субъектом государственного управления (органами исполнительной власти и их должностными лицами) возложенных на него обязанностей и включает процессуальные формы реализации предписаний, т.е. порядка принятия субъектом государственного управления при исполнении возложенных обязанностей властных решений (властных велений), обязательных для объекта государственного управления. Данный вид процессуальной деятельности регламентируется административно-процессуальным законодательством, речь о котором идёт в пункте «к» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации.

Административный процесс, осуществляемый субъектом публичного управления, вклю-

чают административные производства, которые могут быть сгруппированы в зависимости от специфики реализации на отраслевом уровне основных типов материально-правового регулирования административно-правовых отношений, т.е. в зависимости от их правовой природы.

Так, административно-процессуальной формой исполнения возложенных на органы исполнительной власти *обязанностей* в рамках нормотворческой деятельности являются правотворческие производства. Административно-процессуальными формами позитивного правоприменения, обеспечивающими реализацию *дозволений*, являются *правонаделятельные (сервисные) административные производства*. Правоохранительная деятельность органов исполнительной власти, обеспечивающая соблюдение запретов, включает *юрисдикционные административные производства*, направленные на применение наказаний (взысканий).

В свою очередь процессуальная природа так называемого «административного» судопроизводства также обусловлена не *предметом*, а *методом* правового регулирования, представленным гражданско-правовым типом регулирования общественных, реализующийся через состязательный тип юрисдикционного юридического процесса, который по своей природе является гражданским процессом. Следовательно, о процессуальном законодательстве, регламентирующем данный вид судопроизводства, речь идёт в п. «о» ст. 72 Конституции Российской Федерации.

Нельзя не заметить, что с момента закрепления в Конституции РФ политико-правового решения о создании административного судопроизводства происходит последовательное и настойчивое наступление на нашу отечественную административно-процессуальную доктрину и предпринимаются попытки её трансформировать, а точнее, подогнать под западноевропейские взгляды (подходы), и уже началась модернизация процессуального законодательства под западноевропейские стандарты, в основе которой лежит внешняя идейно-ценностная экспансия и игнорирование мнения подавляющего большинства отечественных цивилистов и административистов о процессуальной природе административного судопроизводства. Начинаешь задумываться, насколько такого рода вектор теоретико-правового совершенствования нашей отечественной административно-процессуальной доктрины, а по сути отказ от неё, соответствует национальным интересам Российской Федерации [7].

Представители нашей научно-педагогической школы не рассматривают существующие зарубежные подходы к пониманию и содержанию административного процесса, а также самой идеи «административного судопроизводства» и его процессуальной идентификации как единственно правильные. Закреплённая КАС РФ модель административного судопроизводства является одной из возможных и очень неудачных, не более того. В современных условиях

защита нашего «научного суверенитета» становится все более актуальной.

О. В. Гречкина, профессор кафедры административного и информационного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, в своем выступлении «*О подведомственности и подсудности дел об административных правонарушениях*» отметила, что действующее административно-деликтное законодательство формирует комплекс материальных и процессуальных норм о системе органов и должностных лиц, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях, и составляет правовую основу института субъектов административной юрисдикции.

Нормы КоАП РФ о процессуальной компетенции субъектов административной юрисдикции, определяющие предметную подведомственность и подсудность дел об административных правонарушениях, содержательно определяют множественность субъектов административной юрисдикции. Это судьи, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, федеральные органы исполнительной власти.

Рассуждая об условиях и порядке рассмотрения дел, Ю. Е. Аврутин под процессуальной формой советует понимать «только судебный порядок рассмотрения дел, вытекающих из административных и иных публичных отношений», само производство предлагает рассматривать как «процедурно-процессуальную форму реализации административной ответственности государственными органами и судами» [8, с. 23] Очевидно, что современные тенденции развития законодательства об административных правонарушениях свидетельствуют об усилении роли судов в качестве субъектов административной юрисдикции. При этом значительное расширение роли судей в сфере административной юрисдикции детерминировано не только исключительной компетенцией по применению практически всех видов наказаний, но и расширением возможности передачи в юрисдикцию судей большинства административных правонарушений, предусматривающих наказание в виде предупреждения и административного штрафа [9, с. 49].

Существуют предложения о переориентации процессуальной части нового Кодекса на передачу полномочий по применению наказаний административным органам во внесудебном порядке и формировании новой системы административных наказаний, которые правомочны будут назначать административные органы или специально созданные административно-юрисдикционные органы.

Несомненно, реформировать действующее законодательство необходимо, но делать надо обдуманно и последовательно. Во-первых, действительно, рассмотрение отдельных категорий дел передать в подведомственность административных органов. Во-вторых, немаловажным

условием для разрешения данной проблемы является расширение возможностей применения наказания в виде предупреждения, которое могут также назначать административные органы. В-третьих, в целях оптимизации процессуальной деятельности судебных органов предусмотреть расширение пределов подведомственности дел об административных правонарушениях мировым судьям, а пересмотр судебных решений мировых судей по делам об административных правонарушениях – сохранить за районными судами.

Внесение в Кодекс изменений должно быть обдуманно, последовательным устранением рудиментов предыдущего нормативного регулирования, что в результате позволит снизить загруженность судей при рассмотрении дел определённых категорий, передать их в юрисдикцию административных органов и в то же время сохранить гарантии последующего судебного контроля как способа защиты нарушенных прав граждан и юридических лиц.

Н. Н. Цуканов, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России по научной работе, доктор юридических наук, доцент, в своём выступлении вёл речь *об опыте совместной работы с Юрием Ефремовичем Аврутиным* в составе рабочей группы МВД России над проектом федерального закона «О полиции» в 2010 году [10]. Докладчиком отмечена удивительная работоспособность Юрия Ефремовича, его готовность к изнурительному творческому поиску, умение чувствовать, фиксировать, очень точно передавать тонкое, почти незаметное, но важное, незаменимое в научно-правовом смысле. Было отмечено, что все эти качества, умноженные на привычку Юрия Ефремовича смотреть на проблему гораздо шире и глубже, чем это, как правило, делается в современной научной литературе, существенным образом повлияли и на ход работы всей рабочей группы, и в целом на текст итогового Федерального закона от 8 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции».

По прошествии одиннадцатилетнего периода применения очевидно, что указанный документ не является идеальным. Нет сомнений, что формулировки многих положений, регламентирующих права и обязанности полиции, не отражают многообразия практических ситуаций, связанных с их реализацией. Хотя вряд ли при регулировании столь широкого перечня весьма специфических общественных отношений идеальный закон вообще возможен, в том числе и потому, что законодатель обязан соблюдать и разумную долю осторожности. В реальной жизни, казалось бы, перспективные с научной точки зрения формулировки нередко преломляются в правоприменительной среде ис учётом её особенностей и условий в определённых ситуациях могут иметь эффект, существенно отличающийся от запланированного, иногда – диаметрально противоположный.

Разработчиками законопроекта (и эта идея была поддержана Юрием Ефремовичем) была

предпринята попытка систематизировать перечень оснований применения отдельных мер принуждения. Ярким примером служит статья 14 Закона о полиции в части оснований задержания, применяемого полицией. Такой подход в целом полезен, поскольку способствует формированию у правоприменителя привычки шире смотреть на предоставленный ему нормативный инструментарий. Однако имеется и оборотная сторона, поскольку даже в этой части было бы неправильно рассматривать Закон о полиции в качестве усечённой версии полицейского кодекса. Это могло бы привести к правоприменительным ошибкам, так как во многих случаях в текст включены нормы-напоминания, лишь ориентирующие правоприменителя, но не предоставляющие ему дополнительных возможностей, например, п. 1, 5 ч. 1 ст. 14 Закона о полиции. Важно помнить и то, что отдельные положения Закона о полиции могут быть недостаточно согласованы с иными нормативными правовыми актами. Например, в ст. 15, 15.1 Закона о полиции прямо говорится об открытом характере закреплённого перечня оснований, и если не принимать это во внимание, неизбежно возникают сложности с толкованием ч. 2 ст. 53 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах».

Тем не менее Закон о полиции – документ, позволяющий вполне эффективно решать множество проблемных вопросов. Докладчик на собственном опыте убедился в этом в период прохождения службы в органах Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, сотрудники которой не имели аналогичного нормативного правового акта. В результате многие вопросы, привычно решаемые сотрудниками органов внутренних дел, в деятельности подразделений наркоконтроля вовсе не имели надлежащего нормативного решения. И важнейшую роль в создании этого документа сыграл именно Юрий Ефремович Аврутин.

«Нет сомнений, – отметил Н. Н. Цуканов, – уже сама возможность общения и тем более совместной работы с таким замечательным, талантливым учёным, каким был Юрий Ефремович Аврутин, – большая жизненная удача. Я был знаком с Юрием Ефремовичем – мне повезло!»

И. Ф. Амельчаков, начальник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина, кандидат юридических наук, доцент; О. А. Дизер, заместитель начальника того же института, доктор юридических наук, доцент, в тезисах своего выступления на тему «*Совершенствование административно-правовой защиты государственной безопасности*» отметили, что происходящие в последние годы в мире преобразования позволяют заново оценить роль государства в обеспечении безопасности от внешних угроз. К числу основных угроз национальной безопасности Российской Федерации в международной сфере отнесён ряд факторов, среди которых возмож-

ность появления в непосредственной близости от российских границ иностранных военных баз и крупных воинских континентов, возникновение и эскалация конфликтов вблизи государственной границы Российской Федерации и внешних границ государств – участников Содружества Независимых Государств. При этом государственная и общественная безопасность выступает одним из стратегических национальных приоритетов обеспечения и защиты национальных интересов. Важным средством их защиты выступает наличие отвечающего современным реалиям комплекса правовых мер, в том числе и административно-правовых. От их своевременного принятия и закрепления в свою очередь напрямую зависят вопросы охраны признаваемых в обществе ценностей и обеспечения прав и свобод отдельных граждан Российской Федерации.

Авторы полагают, что именно реализации вышеуказанных стратегических национальных приоритетов призваны служить нормы, дополнившие КоАП РФ в соответствии с Федеральным законом от 4 марта 2022 г. № 31-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Указанным нормативным правовым актом КоАП РФ дополнен рядом норм, предусматривающих административную ответственность, в том числе и за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооружённых сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан, поддержания международного мира и безопасности (ст. 20.3.3).

Целью принятия указанного нормативного правового акта следует считать укрепление авторитета российского государства в лице органов публичной власти (в данном случае Вооружённых сил Российской Федерации) посредством введения административной ответственности за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооружённых сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан, поддержания международного мира и безопасности.

Административная ответственность по ст. 20.3.3 КоАП РФ за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооружённых сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и её граждан, поддержания международного мира и безопасности имеет определённые особенности.

К числу таковых можно отнести конструкцию объективной стороны состава правонарушения.

Применительно к рассматриваемому составу дискредитацию можно рассматривать как подрыв доверия – умышленные действия, направленные на подрыв авторитета, имиджа и доверия к Вооружённым силам Российской Федерации и их использованию в целях защиты интересов Российской Федерации и её

граждан, поддержания международного мира и безопасности.

К публичным действиям можно отнести, в частности, инициативную демонстрацию в общественных местах средств наглядной агитации (плакатов и транспарантов), содержащих лозунги различного характера, участие в публичных мероприятиях в том числе с вышеуказанными средствами, дача интервью средствам массовой информации, в том числе иностранным. Публичные действия, направленные на дискредитацию, в большинстве выявленных фактов совершения правонарушений по ст. 20.3.3 КоАП РФ выражались, как правило, в форме одиночных пикетов¹.

Призывы при этом могут распространяться любым способом (устно, письменно с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационной сети, включая сеть интернет). Главным критерием в данном случае является публичность.

Закрепление рассмотренных норм в административном законодательстве, как представляется, является актуальной, необходимой и своевременной мерой, преследующей главным образом цели реализации государственного курса на минимизацию ущерба национальным интересам Российской Федерации от внешних угроз.

С. В. Воронкова, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института промышленной и морской медицины ФМБА России, кандидат юридических наук, и Р. Ю. Аврутин, заместитель начальника кафедры административной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, в тезисах своего выступления «Эволюция государственного управления в России (по материалам диссертаций, подготовленных под научным руководством профессора Ю. Е. Аврутина)» представили анализ диссертаций (27 кандидатских и 1 докторской), подготовленных под научным руководством (консультированием) Юрия Ефремовича Аврутина [11].

Конечно же, каждая успешно защищённая диссертация как научное исследование отражает прежде всего авторскую позицию. Однако вклад научного руководителя в состоятельность работы бесспорен и ещё в большей степени раскрывает его талант и фундаментальность в выражении разносторонних научных интересов, большом вкладе в развитие юридической науки и подготовку научных кадров. Не умаляя личного вклада самих диссертантов, невозможно не восхищаться широтой кругозора и гениальностью их научного руководителя. Будучи неза-

¹ Житель Башкирии оштрафован на 40 тыс. рублей за дискредитацию ВС России [Электронный ресурс] // Сайт «Интерфакс». – 2022. – 9 марта. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/827204> (дата обращения 17 марта 2022 г.)

урядным человеком, Юрий Ефремович являлся дальновидным учёным. Именно поэтому научные положения его многочисленных учеников представляют безусловный интерес и крайне актуальны сегодня. Кроме того, эти исследования посвящены важнейшим вопросам совершенствования государственного управления в России не только в разрезе публично-правовой науки, но также охватывают значимые области истории и теории права и государства, во многом носят востребованный сегодня междисциплинарный характер.

С большим интересом мы узнали, что практически четвертая часть диссертаций, подготовленных под научным руководством профессора Ю. Е. Аврутина, подготовлена по научной специальности 12.00.01 – теория права и государства, история права и государства, история политических и правовых учений. В период 2000–2006 гг. соискателями проведены теоретико-правовые и сравнительно-правовые исследования по вопросам правового регулирования и соотношения государственной и земской власти XIX–XX вв., политико-территориальному устройству в процессе формирования российской государственности, легитимации публичной политической власти, генезиса охранительных правоотношений (в том числе в сфере обеспечения информационной безопасности).

С позиций конституционно-правового регулирования (специальность 12.00.02) область научных интересов Юрия Ефремовича и соискателей на рубеже 2004–2012 гг. определяют вопросы правоустановительной деятельности органов государственной власти, гарантированность реализации новой конституционной модели российской экономики, деятельность иностранных инвесторов в Российской Федерации, противодействие конфликтам в сфере экономической деятельности.

Следует отметить фундаментальный подход при изучении социально значимых сфер деятельности общества и государства в диссертационных работах 2002–2015 гг., подготовленных в соответствии с паспортом научной специальности 12.00.14. Здесь необходимо выделить исследования правового регулирования организации контрольной и надзорной деятельности федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации, изучение законодательной модели и практики применения правового режима взыскания таможенных платежей, раскрытие организационно-правовых проблем управления реформируемого здравоохранения, вопросы лицензирования и другие.

Впечатляет территориально-географический аспект выполнения и защит диссертационных работ. В частности, подготовка диссертаций осуществлялась на кафедре административного права *Санкт-Петербургского университета*

МВД России; кафедре административного права и кафедре теории государства и права Московского университета МВД России; кафедре государственного права Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов; кафедре теории и истории права и государства, кафедре гражданского и трудового права, кафедре административного права, кафедре административного и уголовного права Северо-Западной академии государственной службы; кафедре гражданско-правовых дисциплин Кисловодского института экономики и права; кафедре теории и истории государства и права Сыктывкарского государственного университета, Санкт-Петербургском институте повышения квалификации работников ФСИН России и других.

В разные периоды защита диссертаций проходила на заседаниях диссертационных советов Санкт-Петербургского университета МВД России, Московского университета МВД России, ВНИИ МВД России, Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, Северо-Западной академии государственной службы, Тюменского государственного университета и Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Особенно хочется отметить сегодняшнюю работу кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России, где долгое время работал Юрий Ефремович. Развивая сформировавшиеся подходы научно-педагогической школы административной и административно-процессуальной деятельности МВД России, профессор А. И. Каплунов и профессор В. Ю. Ухов сохраняют начатые Юрием Ефремовичем исследования и продолжают научное руководство его диссертантами. Так, например, в 2019 году в объединённом диссертационном совете, созданном при непосредственной поддержке и участии Юрия Ефремовича на базе Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского и Санкт-Петербургского университета МВД России, успешно защитил кандидатскую диссертацию ученик Ю. Е. Аврутина – А. Г. Бачурин – на тему «Полиция в административно-правовом механизме обеспечения правопорядка в период подготовки и проведения массовых и публичных мероприятий» при участии в научном руководстве А. И. Каплунова. Такая преемственность не только даёт возможность адъюнктам состояться как учёным, но и умножить число успешных учеников Юрия Ефремовича, способствует развитию его наследия в целом и научной школы Санкт-Петербургского университета МВД России в частности. Дело выдающегося учёного живёт, и мы ещё не раз будем обращаться как к его трудам, так и к трудам его учеников, каждый раз восхищаясь талантом профессора Ю. Е. Аврутина.

Список литературы

1. Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвящённой памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, заслуженного юриста РФ Аврутина Юрия Ефремовича в связи с 75-летием со дня рождения, 25 марта 2022 года / под общ. ред. доктора юридических наук, профессора А. И. Каплунова; сост.: А. И. Каплунов, Н. М. Крамаренко [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. (4,98 Мб). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – 1 электрон. опт. диск.
2. Шергин А. П. Административное право – материнская отрасль российского права / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвящённой памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Аврутина Юрия Ефремовича в связи с 75-летием со дня рождения, Санкт-Петербург, 25 марта 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 16–24.
3. Аврутин Ю. Е. Избранные труды. Размышления о государстве и государственной власти, законности и правопорядке, публичном управлении и административном праве – Санкт-Петербург: Юридический центр, 2017. – 720 с.
4. Ахмедова С. Т. Совершенствование административного законодательства Республики Узбекистан / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвящённой памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Аврутина Юрия Ефремовича в связи с 75-летием со дня рождения, Санкт-Петербург, 25 марта 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 426–431.
5. Абдурашулова К. Р. Ярашилганлиги муносабати билан жинойи жавобгарликдан озод килиш институти: кечиримлилик ва багрикенгликнинг ёркин ифодаси / Хусусий айблов ва ярашув институтларини такомиллаштириш чоралари [Институт примирения: яркое выражение прощения и всепрощения // Меры по совершенствованию институтов частного обвинения и примирения]. – Ташкент: Академия МВД РУз, 2015. – С. 74–78.
6. Смышляев А. С. О некоторых вопросах совершенствования административного законодательства Республики Казахстан в сфере противодействия коррупции / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвящённой памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Аврутина Юрия Ефремовича в связи с 75-летием со дня рождения, Санкт-Петербург, 25 марта 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 496–504.
7. Каплунов А. И. Современные подходы к пониманию административного процесса как результат и основа развития отечественного административно-процессуального законодательства // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – Т. 18. – № 3. – С. 261–276.
8. Аврутин Ю. Е. О соотношении административного процесса, административного судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях / Актуальные проблемы административного судопроизводства : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Омск, 28 ноября 2014 года / отв. ред. Ю. П. Соловей; Омская юридическая академия. – Омск: Омская юридическая академия, 2015. – С. 20–28.
9. Россинский Б. В. Окончательно ли разграничение административного судопроизводства и производства по делам об административных правонарушениях? // Журнал административного судопроизводства. – 2016. – № 1. – С. 49–51.
10. Цуканов Н. Н. Мне повезло: я был знаком с Юрием Ефремовичем Аврутиным / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвящённой памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Аврутина Юрия Ефремовича в связи с 75-летием со дня рождения, Санкт-Петербург, 25 марта 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 604–607.
11. Аврутин Р. Ю., Воронкова С. В. Эволюция государственного управления в России (по материалам диссертаций, подготовленных под научным руководством профессора Ю. Е. Аврутина) / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сборник статей по материалам Международной научно-прак-

тической конференции, посвящённой памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Аврутина Юрия Ефремовича в связи с 75-летием со дня рождения, Санкт-Петербург, 25 марта 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 655–668.

References

1. Aktual'nyye problemy administrativnogo i administrativno-protseessual'nogo prava (Sorokinskiye chteniya) : sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchonnoy pamyati doktora yuridicheskikh nauk, professora, zasluzhennogo deyatelya nauki RF, zasluzhennogo yurista RF Avrutina Yuriya Yefremovicha v svyazi s 75-letiyem so dnya rozh-deniya, 25 marta 2022 goda / pod obshch. red. doktora yuridicheskikh nauk, professora A. I. Kaplunova; sost.: A. I. Kaplunov, N. M. Kramarenko [Elektronnyy resurs]. – Elektron. dan. (4,98 Mb). – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – 1 elektron. opt. disk.
2. *Shergin A. P.* Administrativnoye pravo – materinskaya otrasl' rossiyskogo prava / Aktual'nyye problemy administrativnogo i administrativno-protseessual'nogo prava (Sorokinskiye chteniya) : sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchonnoy pamyati doktora yuridicheskikh nauk, professora, zasluzhennogo deyatelya nauki Rossiyskoy Federatsii, zasluzhennogo yurista Rossiyskoy Federatsii Avrutina Yuriya Yefremovicha v svyazi s 75-letiyem so dnya rozhdeniya, Sankt-Peterburg, 25 marta 2022 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 16–24.
3. *Avrutin Yu. Ye.* Izbrannyye trudy. Razmyshleniya o gosudarstve i gosudarstvennoy vlasti, zakonnosti i pravoporyadke, publicnom upravlenii i administrativnom prave – Sankt-Peterburg: Yuridicheskiy tsentr, 2017. – 720 s.
4. *Akhmedova S. T.* Sovershenstvovaniye administrativnogo zakonodatel'stva Respubliki Uzbekistan / Aktual'nyye problemy administrativnogo i administrativno-protseessual'nogo prava (Sorokinskiye chteniya) : sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchonnoy pamyati doktora yuridicheskikh nauk, professora, zasluzhennogo deyatelya nauki Rossiyskoy Federatsii, zasluzhennogo yurista Rossiyskoy Federatsii Avrutina Yuriya Yefremovicha v svyazi s 75-letiyem so dnya rozhdeniya, Sankt-Peterburg, 25 marta 2022 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 426–431.
5. *Abdurasulova K. R.* Yarashilganligi munosabati bilan zhinoiy zhavobgarlikdan ozod kilish instituti: kechirimlilik va bagrikenglikning yorokin ifodasi / Khususiy ayblov va yarashuv institutlarini takomillashtirish choralari [Institut primireniya: yarkoye vyrazheniye proshcheniya i vseproshcheniya // Mery po sovershenstvovaniyu institutov chastnogo obvineniya i primireniya]. – Tashkent: Akademiya MVD RUz, 2015. – S. 74–78.
6. *Smyshlyayev A. S.* O nekotorykh voprosakh sovershenstvovaniya administrativnogo zakonodatel'stva Respubliki Kazakhstan v sfere protivodeystviya korruptsii / Aktual'nyye problemy administrativnogo i administrativno-protseessual'nogo prava (Sorokinskiye chteniya) : sbornik statey po materialam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchonnoy pamyati doktora yuridicheskikh nauk, professora, zasluzhennogo deyatelya nauki Rossiyskoy Federatsii, zasluzhennogo yurista Rossiyskoy Federatsii Avrutina Yuriya Yefremovicha v svyazi s 75-letiyem so dnya rozhdeniya, Sankt-Peterburg, 25 marta 2022 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 496–504.
7. *Kaplunov A. I.* Sovremennyye podkhody k ponimaniyu administrativnogo protseessa kak rezul'tat i osnova razvitiya otechestvennogo administrativno-protseessual'nogo zakonodatel'stva // Sibirskoye yuridicheskoye obozreniye. – 2021. – T. 18. – № 3. – S. 261–276.
8. *Avrutin Yu. Ye.* O sootnoshenii administrativnogo protseessa, administrativnogo sudoproizvodstva i proizvodstva po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh / Aktual'nyye problemy administrativnogo sudoproizvodstva : materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Omsk, 28 noyabrya 2014 goda / otv. red. Yu. P. Solovey; Omskaya yuridicheskaya akademiya. – Omsk: Omskaya yuridicheskaya akademiya, 2015. – S. 20–28.
9. *Rossinskiy, B. V.* Okonchatel'no li razgranicheniye administrativnogo sudoproizvodstva i proizvodstva po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh? // Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva. – 2016. – № 1. – S. 49–51.
10. *Tsukanov N. N.* Mne povezlo: ya byl znakom s Yuriyem Yefremovichem Avrutinym / Aktual'nyye problemy administrativnogo i administrativno-protseessual'nogo prava (Sorokinskiye chteniya) : sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchonnoy pamyati doktora yuridicheskikh nauk, professora, zasluzhennogo deyatelya nauki Rossiyskoy Federatsii, zasluzhennogo yurista Rossiyskoy Federatsii Avrutina Yuriya Yefremovicha v svyazi s 75-letiyem so dnya

rozhdeniya, Sankt-Peterburg, 25 marta 2022 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 604–607.

11. *Avrutin R. Yu., Voronkova S. V. Evolyutsiya gosudarstvennogo upravleniya v Rossii (po materialam dissertatsiy, podgotovlennykh pod nauchnym rukovodstvom professora Yu. Ye. Avrutina) / Aktual'nyye problemy administrativnogo i administrativno-protsessual'nogo prava (Sorokinskiye chteniya) : sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchonnoy pamyati doktora yuridicheskikh nauk, professora, zaslužennogo deyatelya nauki Rossiyskoy Federatsii, zaslužennogo yurista Rossiyskoy Federatsii Avrutina Yuriya Yefremovicha v svyazi s 75-letiyem so dnya rozhdeniya, Sankt-Peterburg, 25 marta 2022 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2022. – S. 655–668.*

Статья поступила в редакцию 30.03.2022; одобрена после рецензирования 12.04.2022; принята к публикации 22.04.2022.

The article was submitted March 30, 2022; approved after reviewing April 12, 2022; accepted for publication April 22, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Частно-правовые (цивилистические) науки

Научная статья

УДК 347.5

doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-75-83

Мария Владимировна Савельева

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-6322-4883>, savelevamv@internet.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Компенсация за моральный вред, причинённый незаконным уголовным преследованием: использование судами оценочных понятий при определении её размера

Аннотация: Актуальность проблем определения размера компенсации морального вреда по обязательствам, возникшим вследствие причинения вреда незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, продолжает оставаться высокой. Эффективная защита гражданских прав путём восстановления справедливости за страдания, причинённые незаконным уголовным преследованием, позволяет закрепить доверие граждан государству. Предметом исследования выступили критерии, на основании которых суд выносит решение о размере компенсации морального вреда за страдания, понесённые вследствие незаконного уголовного преследования. Методологию исследования составили общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение, сравнение) и частнонаучные (формально-юридический и структурно-функциональный) методы. В исследовании использован системный подход и метод толкования норм права. Цель исследования – охарактеризовать критерии, используемые правоприменителем при определении размера компенсации морального вреда, причинённого незаконными действиями; определить использование в правоприменительной практике оценочных понятий «разумность», «справедливость», «соразмерность», «реальность». Эмпирическую базу исследования составили решения российских судов первой и второй инстанций, а также Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Европейского Суда по правам человека в 2010–2021 гг. Анализ правоприменительной практики по исследуемой проблеме позволил определить влияние субъективного фактора, обусловленного творческим характером правоприменителя, при определении размера возмещения морального вреда, вызванного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. Сделан вывод о том, что отсутствие чёткого представления о размере компенсации за моральный вред, причинённый незаконным уголовным преследованием, влечёт неопределённость в формирующейся правоприменительной судебной практике, которая все отчетливее начинает принимать региональный характер.

Ключевые слова: деликты, компенсация морального вреда, оценочные понятия, разумность, справедливость, соразмерность, реальность

Для цитирования: Савельева М. В. Компенсация за моральный вред, причинённый незаконным уголовным преследованием: использование судами оценочных понятий при определении её размера // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 75–83; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-75-83.

Mariya V. Saveleva

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0002-6322-4883>, savelevamv@internet.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Compensation for non-pecuniary damage caused by illegal criminal prosecution: the use of evaluative concepts by the courts when determining its amount

Abstract: Determination of the amount of compensation for non-pecuniary damage caused by illegal actions during the inquiry, investigation, prosecution, and court proceedings is still a challenging task. Effective protection of civil rights by restoring justice for the suffering caused by unlawful prosecution allows you to secure the trust of citizens in the state. The object of the study is the criteria on the basis of which the court decides on the amount of compensation for non-pecuniary damage suffered as a result of illegal criminal prosecution. The research methodology composes of general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction, generalization, comparison) and particular scientific (formal-legal and structural-functional) methods. The author used a systematic approach and a method of legal interpretation. The purpose of the study is to characterize the criteria used by the government agencies in determining the amount of compensation for non-pecuniary damage caused by illegal actions. The author explores the use of the evaluative concepts of «reasonableness», «fairness», «proportionality», «reality» in law enforcement practice. The empirical base of the study consists of the decisions of the Russian district and appeal courts, as well as the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, the European Court of Human Rights made in 2010-2021. An analysis of law enforcement practice on the considered topic allows to evaluate the influence of the human factor that reveals itself in the creative approach to determining the amount of compensation for non-pecuniary damage caused by the illegal actions during the inquiry, investigation, prosecution, and court proceedings. The lack of the clear rules considering the compensation amount entails uncertainty in the emerging judicial practice which in its turn becomes increasingly regionally specific.

Keywords: delicts, non-pecuniary damage compensation, evaluative concepts, reasonableness, justice, proportionality, reality

For citation: Saveleva M. V. Compensation for non-pecuniary damage caused by illegal criminal prosecution: the use of evaluative concepts by the courts when determining its amount // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – P. 75–83; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-75-83.

Введение

Оценочные понятия широко используются законодателем в разных странах. Не является исключением и Россия. Оценочные понятия применяются при регулировании общественных отношений в различных сферах жизнедеятельности человека. В настоящем исследовании предпринимается попытка проанализировать содержание оценочных понятий, применяемых российскими судами при определении размера компенсации морального вреда, причинённого

незаконным уголовным преследованием. Эмпирическую базу исследования составили решения российских судов первой и второй инстанций, а также Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Европейского Суда по правам человека в 2010–2021 гг.

Считается, что термин «оценочное понятие» был введён в научный оборот С. И. Вильяньским в работе «Применение норм советского

права», охарактеризовавшим оценочное понятие как предоставляющее «суду возможность свободной оценки фактов и учёта индивидуальных особенностей конкретного случая при обязательном в то же время применении закона» [1, с. 13]. В зарубежной юридической литературе близким по значению понятием является «standards» в знаменитой дискуссии (standards v rules), где под «standards» понимаются «нормы с оценочными критериями», а под «rules» – абсолютно определённые и максимально конкретные нормы [2, с. 42].

В условиях построения правовой системы современной России с учётом принципа законности [3; 4, с. 22–29] для оценочных понятий характерны: 1) относительная определённости; 2) постепенная конкретизация их содержания; 3) тесная связь с судебским рассмотрением [5, с. 63].

Оценочные понятия в некоторой степени восполняют пробелы в праве: даже если законодатель и не предвидел появления некоего явления, оно тем не менее вполне может охватываться оценочной категорией, если удовлетворяет соответствующим критериям. В этом смысле говорят о прогностической функции оценочных понятий [5, с. 67], способствующей реализации прогностической функции права [6, р. 01015; 7, с. 133–138].

Преимуществом оценочного понятия в праве является его гибкость, а также экономия законодательного материала [5, с. 67]. К негативным характеристикам применения оценочных понятий следует отнести субъективизм применителя права, так как при использовании оценочных категорий судья принимает решение, исходя из своего жизненного опыта, собственных пристрастий и взглядов, ориентируясь на общепринятые нормы в конкретный исторический период. Здесь всегда существует риск дискреционного произвола [8, с. 102].

Оценочными понятиями в российской правовой системе являются «разумность», «справедливость», «соразмерность», «реальность».

«Всякое применение права есть применение равного мерила к субъектам общественных отношений», – подчеркивал Л. С. Явич [9, с. 156]. Равенство всех граждан перед законом, признание за каждым человеком равных возможностей в юридическом аспекте реализуются прежде всего через принцип справедливости, который заключается в восстановлении нарушенных прав посредством компенсации за причинённый ущерб. Справедливость предполагает беспристрастность, истинность, правильность, обоснованность правового реагирования на неправомочные действия органов следствия, прокуратуры и суда, выражающиеся в незаконном уголовном преследовании.

Разумность предполагает аргументированную целесообразность, реальность действия, гибкость права и в конечном счёте его эффективность. Разумность, как заметила Л. В. Волосатова, есть «сбалансированный учёт прав, свобод и законных интересов всех участвующих

в деле и иных лиц, а также целей, стоящих перед гражданским судопроизводством»¹.

Соразмерность предполагает наличие некоей «золотой середины» при вынесении решения, в основе которой лежит оценка различных факторов и соответствующих им градаций юридических последствий.

Эффективность правового регулирования, как заметила Е. С. Зайцева, во многом обусловлена установлением её границ. Правоприменителю важно уметь понять, в каких пределах сферы или предмета правового регулирования ему необходимо действовать и что использовать в качестве критерия их установления [10, с. 65].

Справедливость, разумность, соразмерность и реальность выступают основными критериями определения размера компенсации морального вреда, причинённого незаконным уголовным преследованием. Определяя основания и размер компенсации морального вреда, суд исходит из правил, предусмотренных гл. 59 и ст. 151 Гражданского кодекса Российской Федерации.

О деликте как основании для возмещения вреда

Основанием для возникновения правоотношений по возмещению морального вреда будет являться факт причинения вреда (деликт) – всякое нарушение субъективного права, а условиями – признаки, которые характеризуют этот факт и без которых деликтная ответственность наступить не может [11, с. 81].

Деликтное правоотношение имеет сложный юридический состав, основанием для возникновения правоотношения, точнее, обязательства по возмещению вреда, причинённого незаконным уголовным преследованием, будет являться правоприминительный акт – приговор, определение или постановление суда с признанием за оправданным лицом или лицом, в отношении которого прекращено уголовное преследование, права на реабилитацию. Суду также необходимо установить наличие физических и нравственных страданий, причинённых лицу незаконным уголовным преследованием, которые входят в юридический состав данного правоотношения.

Моральный вред, в соответствии со ст. 151 Гражданского кодекса Российской Федерации, определяется физическими и нравственными страданиями лица от действий, нарушающих его личные неимущественные права либо посягающих на принадлежащие гражданину нематериальные блага.: «Термин “страдание” с необходимостью предполагает, что действия причинителя морального вреда обязательно должны найти отражение в сознании потерпевшего, вызвать определённую психическую реакцию», подчеркнул А. М. Эрделевский [12, с. 1].

¹ Волосатова Л. В. Принцип разумности в реализации субъективных гражданских прав : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03, 12.00.15 / Волосатова Лилия Владимировна. – Москва, 2005. – С. 19.

Представляется, что переживания есть не что иное, как нравственные страдания, а вредоносные изменения в охраняемых благах, отражающиеся в сознании индивида в форме ощущений, – физические страдания.

При определении компенсации морального вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием, суд принимает во внимание:

- степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства;
- степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред;
- характер причинённых потерпевшему физических и нравственных страданий.

О детерминантах определения размера компенсации за моральный вред

В целях единообразного применения законодательства, регулирующего компенсацию морального вреда, наиболее полной и быстрой защиты прав потерпевших в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 (в ред. от 6 февраля 2007 г.) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» были даны разъяснения, в соответствии с которыми при рассмотрении требований о компенсации причинённого гражданину морального вреда необходимо учитывать, что размер компенсации зависит от:

- 1) характера и объёма причинённых истцу нравственных или физических страданий;
- 2) степени вины ответчика в каждом конкретном случае, иных заслуживающих внимания обстоятельств и не может быть поставлен в зависимость от размера удовлетворенного иска о возмещении материального ущерба, убытков и других материальных требований;
- 3) при определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости;
- 4) степень нравственных или физических страданий оценивается судом с учётом фактических обстоятельств причинения морального вреда, индивидуальных особенностей потерпевшего и других конкретных обстоятельств, свидетельствующих о тяжести перенесенных им страданий.

В п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 января 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» предусмотрено, что при определении размера денежной компенсации морального вреда реабилитированному судам необходимо учитывать:

- 1) степень и характер физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинён вред;
- 2) иные заслуживающие внимания обстоятельства, в том числе:

- продолжительность судопроизводства;
- длительность и условия содержания под стражей;
- вид исправительного учреждения, в котором лицо отбывало наказание;
- другие обстоятельства, имеющие значение при определении размера компенсации морального вреда;
- требования разумности и справедливости.

Этот пример демонстрирует дозволение Верховного Суда, позволяющее нижестоящим судам самостоятельно конкретизировать положения закона в процессе реализации нормы права по определению обстоятельств, влияющих на размер компенсационных выплат, раскрывая в виде обстоятельств, влияющих на размер компенсационной выплаты.

В постановлении Европейского Суда по правам человека от 18 марта 2010 г. по делу «Максимов (Maksimov) против России» указано, что задача расчёта размера компенсации является сложной. Она особенно трудна в деле, предметом которого является личное страдание, физическое или нравственное. Не существует стандарта, позволяющего измерить в денежных средствах боль, физическое неудобство, нравственное страдание и тоску. Национальные суды всегда должны в своих решениях приводить достаточные мотивы, оправдывающие ту или иную сумму компенсации морального вреда, присуждаемую заявителю. В противном случае отсутствие мотивов, например, несоизмерно малой суммы компенсации, присужденной заявителю, будет свидетельствовать о том, что суды не рассмотрели надлежащим образом требования заявителя и не смогли действовать в соответствии с принципом адекватного и эффективного устранения нарушения.

Таким образом критерий для определения размера компенсации морального вреда, причинённого незаконным уголовным преследованием, связан с оценкой и внутренним убеждением суда при принятии решения.

О практике определения размера компенсации за моральный вред, причинённый незаконным уголовным преследованием, региональными судами

Суд учитывает степень, объём, характер физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред. Так, Ф., незаконно привлечённый к уголовной ответственности, был инвалидом 3-й группы с диагнозом «энцефалопатия смешанного генеза ст. декомпенсации с интеллектуально-мнестическими нарушениями; умственная отсталость в степени умеренно выраженной дебильности, основной тип олигофренического дефекта» и просил суд взыскать в его пользу компенсацию морального вреда за незаконное привлечение к уголовной ответственности в размере 500 000 руб. Суд доказательств ухудшения состояния здоровья истца в связи с уголовным преследованием в ма-

териалах не обнаружил, посчитал сумму требования чрезмерно завышенной и взыскал в пользу Ф. 20 000 руб.²

Ревдинский районный суд Свердловской области, определяя размер компенсации морального вреда, учёл тяжесть предъявленного обвинения (п. «д» ч. 2 ст. 112 УК РФ), характер нравственных страданий, связанных с незаконным уголовным преследованием, длительностью уголовного преследования (10 месяцев), а также то, что в ходе расследования избиралась мера процессуального принуждения в виде обязательства о явке (фактически принудительный привод не осуществлялся). Принимая во внимание, что одним из поводов к возбуждению уголовного дела послужило заявление П. о чистосердечном признании, взыскал моральную компенсацию в размере 15 000 руб.³

Определяя размер компенсации за вред, причинённый незаконным уголовным преследованием, суды устанавливают:

1) продолжительность преследования, выражающуюся в длительности и условиях содержания под стражей (так, А. незаконно подвергся уголовному преследованию и содержался под стражей в период с 6 сентября 2011 г. по 24 декабря 2012 г. (13 месяцев) по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ, что, несомненно, привело к нравственным и физическим страданиям; учитывая тяжесть вменяемого обвинения, суд взыскал в пользу А. денежную компенсацию морального вреда в размере 300 000 руб.)⁴;

2) вид исправительного учреждения, в котором лицо отбывало наказание (например, М., 10 июня 2019 г. возбуждено уголовное дело по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ. 9 августа 2019 г. в отношении М. была избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении. 24 октября 2019 г. приговором суда М. признан виновным и ему назначено наказание в виде двух лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. Он был взят под стражу в зале суда и содержался в СИЗО. 11 декабря 2019 г. М. был оправдан вышестоящим судом и 13 декабря 2019 г. освобожден из-под стражи. Суд, прини-

мая во внимание фактические обстоятельства дела, личность истца, наличие у истца инвалидности, степень и характер перенесенных страданий, период нахождения его под стражей, период избрания в отношении него меры пресечения в виде подписки о невыезде и ненадлежащем поведении, тяжесть вменяемого ему преступления, взыскал в пользу М. компенсацию морального вреда в сумме 150 000 руб.)⁵.

Правоприменителю дано право самостоятельно определить иные обстоятельства, имеющие значение при определении размера компенсации морального вреда. Обратимся к судебной практике.

Д. обратилась с иском в суд о компенсации материального вреда, мотивировав свои требования тем, что против ее супруга, умершего 30 ноября 2012 г., было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ. Д. была привлечена в качестве законного представителя обвиняемого в связи со смертью последнего. Приговором суда от 22 января 2019 г. Д. был оправдан. В течение длительного времени (с 26 июня 2015 г. до 22 января 2019 г.) истица была вынуждена доказывать невиновность своего супруга путём личного участия в следственных действиях и в судебном заседании, направления заявлений и жалоб. Незаконное привлечение супруга истицы к уголовной ответственности повлекло причинение ей нравственных страданий, нарушение её конституционных прав на уважение семейной и частной жизни, личных неимущественных прав – чести, достоинства и доброго имени как члена семьи умершего. Суд нашёл обоснованным компенсировать моральный вред в размере 100 000 руб.⁶

На практике нередкими стали случаи привлечения к гражданской ответственности и компенсации морального вреда за незаконное преследование в случае возбуждения уголовного дела и обвинения в преступлении с различными уголовно-правовыми составами, но оправдания по одному из составов.

Так, Ж. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 228¹ УК РФ, п. «а», «г» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ по совокупности преступлений, и этим же приговором оправдан по предъявляемому обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. «а», «г» ч. 4 ст. 228¹ УК РФ за недоказанностью его участия. С учётом конкретных обстоятельств

² Решение Тамбовского районного суда Тамбовской области № 2-410/2019 от 04 апреля 2019 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные акты и решения – Тамбовский районный суд (Тамбовская область)». – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-tambovskii-raionnyi-sud-tambovskaia-oblast/?page=14> (дата обращения: 18.03.2021).

³ Решение Ревдинского районного суда Свердловской области № 2-747/2020 от 29 сентября 2020 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные акты и решения – Ревдинский районный суд (Свердловская область)». – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-revdinskii-raionnyi-sud-sverdlovskaiia-oblast> (дата обращения: 18.03.2021).

⁴ Решение Благовещенского городского суда Амурской области. № 2-2468/2018 от 06 апреля 2018 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные акты и решения – Благовещенский городской суд (Амурская область)». – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-blagoveshchenskii-gorodskoi-sud-amurskaia-oblast/> (дата обращения: 18.03.2021).

⁵ Решение Ленинского районного суда г. Ульяновска № 2-4678/20 от 15 декабря 2020 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные акты и решения. – Ленинский районный суд г. Ульяновска (Ульяновская область)». – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-leninskii-raionnyi-sud-g-ulianovska-ulianovskaia-oblast/> (дата обращения: 18.03.2021).

⁶ Решение Ленинского районного суда г. Ульяновска № 2-512/2020 от 3 февраля 2020 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные акты и решения. – Ленинский районный суд г. Ульяновска (Ульяновская область)». – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-leninskii-raionnyi-sud-g-ulianovska-ulianovskaia-oblast/> (дата обращения: 18.03.2021).

данного дела суд пришел к выводу о частичном удовлетворении требований компенсации морального вреда в размере 12 000 руб.⁷

На наш взгляд, справедливость данного возмещения вреда является спорной, поскольку при возбуждении уголовного дела органы дознания действовали в рамках возложенных на них обязанностей по раскрытию преступлений; в ходе расследования и рассмотрения уголовного дела за недоказанностью один уголовно-правовой состав не подтвердился. Это не может служить основанием для привлечения сотрудников полиции к гражданско-правовой ответственности [13, с. 167]. Напомним, что в соответствии с п. 1 ст. 1081 ГК РФ «Лицо, возместившее вред, причиненный другим лицом (работником при исполнении им служебных, должностных или иных трудовых обязанностей, лицом, управляющим транспортным средством, и т.п.), имеет право обратного требования (регресса) к этому лицу в размере выплаченного возмещения». Поэтому, несмотря на то, что выплата морального вреда производится из казны Российской Федерации, у публичных образований, возместивших вред, появляется право регрессного требования.

Другой пример. К. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 161 УК РФ. Этим же приговором оправдан в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Судом установлено, что мера пресечения в виде заключения под стражу в отношении К. была избрана в том числе не в связи с подозрением в преступлении, в совершении которого он был оправдан. Приговором суда К. был осужден за совершение преступления, и ему назначено наказание в виде лишения свободы. Размер компенсации морального вреда был определен в сумме 15 000 руб.⁸

П. было предъявлено обвинение, в том числе в совершении преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ. По эпизоду ч. 2 ст. 158 УК РФ в отношении потерпевшей С. уголовное дело было прекращено, за П. признано право на реабилитацию. Определяя размер компенсации морального вреда, подлежащего взысканию в пользу П., суд исходил из того, что по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ истец был оправдан приговором суда за отсутствием в его действиях состава преступления, при этом мера пресечения в виде заключения под стражу в отношении П. была применена в связи с его обвинением в со-

вершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 158, п. «а», «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ (по другим эпизодам обвинения), и производство в отношении него уголовного преследования не было обусловлено лишь предъявлением ему обвинения по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, по которой он был оправдан. Суд, учитывая степень перенесенных П. нравственных переживаний, а также руководствуясь принципом разумности и справедливости, определил размер компенсации морального вреда, подлежащей взысканию, в 5000 руб.⁹

Таким образом, законодатель, исходя из многоаспектности жизни, дает правоприменителю возможность выбора иных обстоятельств, имеющих значение для определения размера компенсации морального вреда при получении права на реабилитацию, и, поддерживая частные интересы гражданина, нарушает баланс между частными и публичными интересами, поскольку выплата компенсаций морального вреда одним категориям граждан нарушает права других категорий граждан, учитывая, что казна Российской Федерации, из которой взыскиваются компенсации за вред, причиненный органами дознания, формируется в соответствии с законодательством за счёт налогов, сборов и платежей, взимаемых с граждан и юридических лиц, которые распределяются и направляются как на возмещение вреда, причиненного государственными органами, так и на осуществление социальных и других значимых для общества программ, для оказания социальной поддержки гражданам, на реализацию прав льготных категорий граждан.

Так, А. осужден по п. «а», «б», «в», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ и оправдан по ч. 4 ст. 222 УК РФ. За А. было признано право на частичную реабилитацию. В удовлетворении исковых требований А. о компенсации морального вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием, судом первой инстанции было отказано. Судебная коллегия Ульяновского областного суда отменила решение нижестоящего суда и, учитывая конкретные обстоятельства: давность привлечения А. к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 222 УК РФ (преступление небольшой тяжести); избрание меры пресечения в виде содержания под стражей в связи с привлечением его к ответственности по ч. 2 ст. 158 УК РФ, по которой он осужден и отбыл наказание; степень нравственных страданий, а также руководствуясь принципом разумности и справедливости, определила размер компенсации морального вреда, подлежащего взысканию, 10 000 руб.¹⁰

⁷ Решение Дзержинского районного суда г. Ярославля № 2-1261/2019 от 17 мая 2019 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные акты и решения – Дзержинский районный суд г. Ярославля (Ярославская область)». – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-dzerzhinskii-raionnyi-sud-g-iaroslavlia-iaroslavskaiia-oblast/> (дата обращения: 18.03.2021).

⁸ Решение Октябрьского районного суда г. Мурманска № 2-2507/2020 от 20 августа 2020 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные акты и решения – Октябрьский районный суд г. Мурманска (Мурманская область)». – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-oktiabrskii-raionnyi-sud-g-murmanska-murmanskaia-oblast/> (дата обращения: 18.03.2021).

⁹ Решение Карсунского районного суда Ульяновской области № 2-1-403/2020 от 7 октября 2020 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные акты и решения – Карсунский районный суд (Ульяновская область)». – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-karsunskii-raionnyi-sud-ulianovskaia-oblast/> (дата обращения: 18.03.2021).

¹⁰ Апелляционное определение Ульяновского областного суда № 33-4662/2020 от 15 декабря 2020 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 18.03.2021).

Список обстоятельств, на который суд должен обратить внимание, не является исчерпывающим. Ввиду многоаспектности жизни законодатель предлагает правоприменителю возможность выбора иных обстоятельств, имеющих значение для определения размера компенсации морального вреда.

К иным обстоятельствам можно отнести процессуальные особенности уголовного преследования, негативные последствия преследования, отразившиеся на личной и семейной жизни, на деловой репутации.

И. обратилась в суд с иском, указав в обосновании заявленных требований, что 22 января 2014 г. в отношении неё было возбуждено уголовное дело, спустя 10 месяцев избрана мера пресечения – заключение под стражу. 26 декабря 2016 г. И. по приговору суда оправдана ввиду непричастности к совершению преступления. С Российской Федерации в пользу И. взыскано в счёт морального вреда 50 000 руб. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с нижестоящими судами, посчитав, что суд не учёл процессуальные особенности уголовного преследования, продолжавшегося 3 года и 6 месяцев, меры процессуального принуждения, которые ограничивали права И. и отразились на ее личной, семейной жизни, а также её характеристике по месту работы. Не исследованы обстоятельства причинения ущерба деловой репутации истицы в результате уголовного преследования, в то время как И., на момент предъявления обвинения в совершении ей преступления – мошенничества, заключающегося в хищении принадлежащих территориальному фонду поддержки малого предпринимательства денежных средств, работала директором туристического агентства¹¹.

Разрешая вопрос о размере моральной компенсации, суд должен учитывать обязанность по соблюдению предусмотренных законом требований разумности и справедливости, обеспечивая баланс частных и публичных интересов. Определяя размер компенсации морального вреда, суд должен исходить не только из обязанности максимально возместить причиненный моральный вред реабилитированному лицу, но и не допустить неосновательного обогащения потерпевшего.

А. обратилась с исковыми требованиями о взыскании компенсации морального вреда в размере 500 000 руб. Суд первой инстанции удовлетворил требования А. в размере 100 000 руб. Верховный Суд республики Башкортостан определил, что моральный вред, подлежащий взысканию в пользу А., не предполагает точного выражения в денежной форме и полного

возмещения; предусмотренная законом компенсация должна отвечать признакам справедливого вознаграждения потерпевшего за понесенные страдания. Основаниями для оправдания А. явились показания свидетелей, данные на судебном заседании, которые противоречили их же показаниям, данным в ходе дознания. С учётом фактических обстоятельств, установленных по делу, небольшой продолжительности избранной меры пресечения (подписка о невыезде), данных о личности истца, характера и объёма причинённых ему физических страданий, исходя из требований разумности и справедливости, суд уменьшил размер компенсации до 30 000 руб.¹²

Суд при вынесении решения о размере компенсации морального вреда исходит из сравнения аналогичных ситуаций, судебной практики и личного жизненного опыта, опираясь на критерии разумности, справедливости, соразмерности и реальности.

На истца возложена обязанность в силу ст. 56 ГПК РФ обосновать:

- конкретный размер денежной компенсации, исходя из обстоятельств дела, то есть мер реагирования, принятых в отношении него в ходе производства по уголовному делу;
- тяжесть наступивших для истца последствий;
- факт ограничения истца в реализации конституционных прав и свобод, в том числе права на свободу передвижения и жизнедеятельности;
- характер и причинённых нравственных страданий.

С. обратился с исковыми требованиями о взыскании компенсации морального вреда в размере 2 000 000 руб. Решением Вологодского районного суда Вологодской области исковые требования удовлетворены в размере 170 000 руб. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Вологодского областного суда размер суммы компенсации снижен до 50 000 руб. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отметила следующие нарушения, допущенные судами при рассмотрении дела. Суды при определении размера компенсации морального вреда не учли, что применение меры пресечения само по себе накладывает ограничение на личную свободу гражданина, вынуждая его согласовывать свои перемещения с компетентными органами, что не может не изменить привычного образа жизни истца, а неоднократное приостановление и возобновление производства по уголовному делу, обжалование соответствующих актов органов предварительного следствия, волокита и необоснованность

¹¹ Определение Верховного Суда РФ № 45-КГ20-25-К7 от 2 февраля 2021 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации». – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-02022021-n-45-kg20-25-k7/> (дата обращения: 18.03.2021).

¹² Апелляционное определение Верховного Суда Республики Башкортостан № 33-4604/2020 от 19 марта 2020 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные акты и решения – Верховный Суд Республики Башкортостан (Республика Башкортостан)». – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/court/resheniya-verkhovnyi-sud-respubliki-bashkortostan-respublika-bashkortostan/?page=6> (дата обращения: 18.03.2021).

продления сроков следствия, невозможность распоряжения арестованным имуществом лишь усугубляли нравственные страдания истца; не исследованы обстоятельства причинения ущерба деловой репутации истца в результате незаконного уголовного преследования; не дано оценки доводам С. о том, что после увольнения он не смог вновь устроиться на работу, в том числе и на государственную службу по причине неоднократных отказов работодателей, сопряженных с фактом возбуждения в отношении него уголовного дела¹³.

Заключение

Одним из существенных требований, предъявляемых к праву, является определённость правовых норм, возможность прогнозирования последствий на основе фактов и обстоятельств дела, имеющих юридическое значение. Деятельность судебных органов немыслима в отрыве от фактов и обстоятельств. Основанное на фактических обстоятельствах дела внутреннее убеждение ложится в основу решения

суда при определении размера морального вреда. Внутреннее убеждение суда представляет собой психологическое отражение реальной потребности, основанное на представлении общества о справедливости, разумности, соразмерности и реальности.

Суд использует оценочные понятия «разумность», «справедливость», «соразмерность», «реальность». Оценочные понятия предоставляют субъектам правоприменения определенную свободу в толковании правовой нормы посредством возможности наполнения термина содержанием, адекватно отражающим фактическую ситуацию.

Суд при вынесении решения о размере компенсации морального вреда исходит из сравнения аналогичных ситуаций, судебной практики и личного жизненного опыта, опираясь на критерии разумности, справедливости, соразмерности и реальности. Справедливость выступает оценкой формально равного и одинаково справедливого для всех правового мерила и состоит в восстановлении нарушенной эквивалентности, равенстве публичных и частных интересов, имея юридический, а не моральный характер. Соразмерность определяется как восстановление субъективных прав потерпевшего при данных фактических обстоятельствах в конкретной ситуации путём определения баланса между индивидуальными (частными) интересами потерпевшего и общественными (публичными) интересами.

¹³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации № 2-КГ20-9-КЗ, 2-5377/2019 от 2 февраля 2021 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации». – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-02022021-n-2-kg20-9-k3-2-53772019/> (дата обращения: 18.03.2021).

Список литературы

1. Вильнянский С. И. Применение норм советского права // Ученые записки Харьковского юридического института им. Л. М. Кагановича. – Харьков: Издательство Харьковского государственного университета. 1956. – Вып. 7. – С. 3–18.
2. Демин А. В. Принцип определенности налогообложения : монография. – Москва: Статут, 2015. – 366 с.
3. Нижник Н. С., Бавсун М. В., Астафичев П. А., Алиев Я. Л., Квитчук А. С. Законность как основополагающее начало российского права : монография. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – 328 с.
4. Нижник Н. С. Социюридический феномен «законность» в контексте диалога научных парадигм современной юриспруденции / Генетические закономерности права : сборник научных трудов, посвящённый 90-летию профессора С. Г. Дробязко / гл. ред. С. А. Балашенко. – Минск: Бизнесофсет, 2013. – С. 22–30.
5. Бершицкий Э. Е. Правовая определённость и оценочные категории: краткий очерк на примере составов правонарушений в различных отраслях права : монография. – Москва: М-Логос, 2021. – 154 с.
6. Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Aliev Ya. L., Astafichev P. A., Kvitchuk A. S. State and law: transformation vectors in modern conditions // SHS Web of Conferences. IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium». – Kaliningrad, 2021. – P. 01015.
7. Нижник Н. С., Алиев Я. Л. Доктрина юридического прогнозирования: определение сценариев развития государственно-правовых явлений / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): Международная научно-практическая конференция / под общ. ред. А. И. Каплунова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – С. 133–138.
8. Губаева Т. В., Гумеров Л. А., Краснов А. В. [и др.]. Нормы права : теоретико-правовое исследование. – Москва: Российская академия правосудия, 2014. – 164 с.
9. Явич Л. С. Общая теория права. – Ленинград, ЛГУ им. А. А. Жданова, 1976. – 287 с.
10. Зайцева Е. С. Установление пределов правового регулирования в правоприменении // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25. – № 4. – С. 59–70. DOI: 10.12737/jrl.2021/045.

11. Кузбагаров А. Н. Обязательства вследствие причинения вреда органами внутренних дел Российской Федерации : монография. – Москва: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2018. – 143 с.

12. Эрделевский А. М. Моральный вред и компенсация за страдания : научно-практическое пособие. – Москва: Бек, 1997. – 173 с.

13. Савельева М. В. Гражданско-правовая ответственность, возникающая из причинения вреда незаконными действиями сотрудников полиции / Актуальные проблемы административной деятельности органов внутренних дел (посвящается 25-летнему юбилею кафедры административной деятельности органов внутренних дел) : материалы межвузовской научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 166–169.

References

1. Vil'nyanskii S. I. Primenenie norm sovetskogo prava // Uchenye zapiski Khar'kovskogo yuridicheskogo instituta im. L. M. Kaganovicha. – Вып. 7.– Khar'kov: Izdatel'stvo Khar'kovskogo gosudarstvennogo universiteta. 1956. – S. 3–18.

2. Demin A. V. Printsip opredelennosti nalogooblozheniya. – Moskva: Statut, 2015. – 368 s.

3. Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Astafichev P. A., Aliev Ya. L., Kvitchuk A. S. Zakonnost' kak osnovopolagayushchee nachalo rossiiskogo prava. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2021. – 328 s.

4. Nizhnik N. S. Sotsiouridicheskii fenomen «zakonnost'» v kontekste dialoga nauchnykh paradigm sovremennoi yurisprudentsii // Geneticheskie zakonomernosti prava: Sbornik nauchnykh trudov, posvyashcheniy 90-letiyu professora S. G. Drobyazko / gl. red. S. A. Balashenko. – Minsk: Biznesofset, 2013. – S. 22–30.

5. Bershtitskii E. E. Pravovaya opredelennost' i otsenochnye kategorii : kratkii ocherk na primere sostavov pravonarushenii v razlichnykh otraslyakh prava. – Moskva: M-Logos, 2021. – 154 s.

6. Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Aliev Ya. L., Astafichev P. A., Kvitchuk A. S. State and law: transformation vectors in modern conditions // SHS Web of Conferences. IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium». – Kaliningrad, 2021. – P. 01015.

7. Nizhnik N. S., Aliev Ya. L. Doktrina yuridicheskogo prognozirovaniya: opredelenie stszenariy razvitiya gosudarstvenno-pravovykh yavlenii // Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-protseessual'nogo prava (Sorokinskie chteniya): Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya / Pod obshch. red. A. I. Kaplunova. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2021. – S. 133–138.

8. Normy prava: teoretiko-pravovoe issledovanie / otv. red. T. V. Gubaeva, A. V. Krasnov. Ros. akad. pravosudiya. – Moskva: RAP, 2014. – 164 s.

9. Yavich L. S. Obshchaya teoriya prava. – Leningrad: LGU, 1976. – 286 s.

10. Zaitseva E. S. Ustanovlenie predelov pravovogo regulirovaniya v pravoprimenenii // Zhurnal Rossiiskgo prava. – 2021. – T. 25. – № 4. – S. 59–70. DOI: 10.12737/jrl.2021/045

11. Kuzbagarov A. N. Obyazatel'stva vsledstvie prichineniya vreda organami vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii. Moskva: Moskovskii universitet MVD Rossii imeni V. Ya. Kikotya, 2018. – 144 s.

12. Erdelevskii A. M. Moral'nyi vred i kompensatsiya za stradaniya. Nauchno-prakticheskoe posobie. Moskva: BEK, 1997. – 188 s.

13. Savel'eva M. V. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost', vznikayushchaya iz prichineniya vreda nezakonnymi deistviyami sotrudnikov politsii // Aktual'nye problemy administrativnoi deyatel'nosti organov vnutrennikh del (posvyashchaetsya 25-letnemu yubileyu kafedry administrativnoi deyatel'nosti organov vnutrennikh del) : materialy mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2018. – S. 166–169.

Статья поступила в редакцию 27.03.2022; одобрена после рецензирования 17.04.2022; принята к публикации 15.04.2022.

The article was submitted March 27, 2022; approved after reviewing April 17, 2022; accepted for publication April 21, 2022.

Научная статья
УДК 347.78
doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-84-88

Марина Михайловна Старосельцева

кандидат юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0002-8015-0564>, maryel_83@mail.ru

*Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина
Российская Федерация, 308024, Белгород, ул. Горького, 71*

Олег Владимирович Цуканов

кандидат юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0001-5634-728X>, tsucanov@bsu.edu.ru

*Юридический институт НИУ «БелГУ»
Российская Федерация, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

Проблемы гражданско-правовой ответственности при нарушении интеллектуальных прав собственности в сети интернет

Аннотация: В статье рассматриваются недостатки действующего законодательства в области гражданско-правовой ответственности при нарушении интеллектуальных прав собственности в сети интернет. Такой посыл обусловлен стремительными темпами развития информационных технологий, которые охватывают все сферы жизни общества, а во многом даже являются их неотъемлемым составляющим. Правовая защита авторского права на сегодняшний день во многом несовершенна. Развитие информационных технологий настолько стремительно, что законодатель не успевает отразить в нормативной правовой базе все значимые изменения в этой сфере. Также в правоприменительной практике и юридической теоретической базе значительная доля аспектов цифровизации трактуется неоднозначно. Цифровизация ставит перед гражданским правом новые задачи: расширяет его предмет, усложняет правовую ответственность, что порождает ряд проблем. Возникает сложность в достижении согласия между теоретиками и практиками. Авторы проанализировали практику использования интеллектуальных прав и способов их защиты в сети интернет и предлагают разработать и ввести общую унифицированную систему вопросов для выявления характеристик того или иного инновационного явления в гражданских правоотношениях для обеспечения единого подхода к терминологии различных специалистов.

Ключевые слова: интеллектуальные права, авторское право, интернет, способы защиты, гражданско-правовая ответственность

Для цитирования: Старосельцева М. М., Цуканов О. В. Проблемы гражданско-правовой ответственности при нарушении интеллектуальных прав собственности в сети интернет // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 84–88; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-84-88.

Marina M. Staroseltseva

Cand. Sci. (Jurid.), Docent
<https://orcid.org/0000-0002-8015-0564>, maryel_83@mail.ru

*I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the MIA of Russia
71, Gorkyi str., Belgorod, 308024, Russian Federation*

Oleg V. Tsukanov

Cand. Sci. (Jurid.), Docent
<https://orcid.org/0000-0001-5634-728X>, tsucanov@bsu.edu.ru

*Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education «Belgorod State National Research University»
85, Pobedy str., Belgorod, 308015, Russian Federation*

Problems of civil liability in case of violation of intellectual property rights on the Internet

Abstract: The article examines the shortcomings of the current legislation in the field of civil liability in violation of intellectual property rights on the Internet. This message is due to the rapid pace of development of information technologies, which cover all spheres of society, and in many ways, are even an integral part of them. The legal protection of copyright today is largely imperfect. The development of information technologies is so rapid that the legislator does not have time to include all digital elements in the regulatory legal framework. Also, in law enforcement practice and legal theoretical framework, a significant proportion of aspects of digitalization are treated ambiguously. Digitalization poses new challenges to civil law: it expands its subject matter, complicates legal responsibility, which causes a number of problems. There is a difficulty in reaching agreement between theorists and practitioners, and often this happens simultaneously and independently. The authors analyzed the practice of using intellectual property rights and ways to protect them on the Internet and propose to develop and introduce a common unified system of questions to identify the characteristics of an innovative phenomenon in civil law relations to ensure a unified approach to terminology by various specialists.

Keywords: intellectual property rights, copyright, Internet, methods of protection, civil liability

For citation: Staroseltseva M. M., Tsukanov O. V. Problems of civil liability in case of violation of intellectual property rights on the Internet // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – P. 84–88; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-84-88.

Сегодня, в век информационных технологий, когда основным потребляемым продуктом выступает информация, наиболее активно в странах мирового сообщества развиваются правоотношения, возникающие по поводу интеллектуальной собственности, способной приносить доход лицам в глобальной сети интернет.

Особенность данной сети состоит в том, что, являясь единой всемирной сферой, она не обладает правовым статусом, не имеет территориальных границ, но при этом способна объединять большое количество субъектов, вступающих в правоотношения внутри и посредством неё практически ежедневно. Не являясь собственностью конкретного владельца, будучи распределённой между огромным количеством людей одновременно, данная глобальная «паутина» объединяет в себе множество отдельных информационных объектов, которые принадлежат реальным лицам на праве собственности и представляют собой то основание, по поводу которого возникают различные отношения в области права.

Исходя из этого, можно заключить, что данное виртуальное пространство не является субъектом права и не может выступать его объектом, однако активно предоставляет своим пользователям необходимые условия для осуществления разнообразной деятельности, которая влечёт за собой вполне реальные юридические последствия. В силу того, что данная сеть копирует действительность и переносит все реальные правоотношения из материального мира в виртуальный, необходимо, чтобы каждый субъект, пользуясь указанным пространством, осознавал, что его права и свободы защищены от нарушений при реализации законных интересов в процессе передачи информации в глобальной сети.

При помощи сети интернет часто совершаются такие нарушения интеллектуальных прав, как присвоение авторства на размещённые в виртуальном пространстве какие-либо произведения, то есть плагиат, незаконная торговля объектами интеллектуальной собственности и т.д. Данные правонарушения в большинстве случаев влекут за собой и иные, не менее противоправные деяния. Это, например, массовое распространение вредоносных программ, а также рассылка корреспонденции рекламного характера неограниченному кругу лиц, без их желания, то есть спам [1].

Именно поэтому совершенствование законодательного регулирования практики использования интеллектуальных прав, а также разработка мер их защиты в сети интернет является одной из главных задач каждого государства.

Российское законодательство, охраняющее интеллектуальные права в сети интернет, является довольно динамичным, поскольку находится в состоянии непрерывающегося развития. Очевидно, что процесс постоянного совершенствования законодательства в данной области показывает стремление Российской Федерации соответствовать статусу правового государства, основным приоритетом которого является защита прав и свобод человека и гражданина [2, с. 56–57].

В настоящее время массив законодательных актов, охраняющих интеллектуальные права российских граждан в сети интернет посредством установления гражданско-правовой ответственности и закрепления мер защиты от нарушений, представлен такими основополагающими источниками, как Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и т.д.

Необходимо отметить, что в соответствии с указанными источниками все предусмотренные меры защиты можно условно разделить на меры самостоятельной защиты и меры, связанные с государственным принуждением.

Согласно Гражданскому кодексу, основополагающим способом защиты является возможность признания интеллектуальных прав правообладателя и пресечения действий, которые нарушают или могут создать угрозы нарушения его прав. Помимо этого, правообладатель может потребовать возмещение реального ущерба в случае нарушения его исключительного права. Практически реализовать данные права весьма затруднительно, так как существенную роль при рассмотрении спора в судебном порядке будет играть не только наличие вины, но и размер убытка, а его определить весьма проблематично.

Кроме этого, предусматривается и альтернативный способ защиты – это требование о выплате компенсации. За нарушение личных нематериальных прав может следовать требование о выплате компенсации морального вреда, однако эта возможность может использоваться исключительно физическим лицом, как правило, являющимся автором. Размеры компенсации определяются судом в пределах, которые устанавливаются Гражданским кодексом, с учётом характера нарушенных прав и иных обстоятельств, и подлежит взысканию при доказанности факта правонарушения. Стоит отметить, что именно данный вид защиты исключительного права является наиболее востребованным.

Тем не менее, несмотря на довольно детальное законодательное регламентирование возможных мер защиты, существующая система правовых норм, направленных на урегулирование правоотношений, связанных с интеллектуальной собственностью в сети интернет, является недостаточно эффективной. Успешной охране и предотвращению нарушений мешает достаточно значительное количество пробелов в законодательстве, касающихся непосредственно распространения интеллектуальных прав в глобальной сети. Это приводит к тому, что большая часть добросовестных обладателей исключительного права, которые основывают свою деятельность на соблюдении законодательства в этой сфере, находится в менее выгодном положении, чем любой другой информационный посредник, использующий недостатки правового регулирования в данной области в корыстных целях.

Анализируя практику использования интеллектуальных прав и способов их защиты в сети интернет, а также правовые нормы, регулирующие данные аспекты, можно предположить, что одним из недостатков правового регулирования в данной сфере является отсутствие единого юридического толкования понятия «сеть интернет», которое было бы предельно точным, не допускающим большого количества трактовок.

Помимо этого, не существует единой терминологии и в отношении тех субъектов, которые могут нести гражданско-правовую от-

ветственность за нарушение исключительного права в виртуальном пространстве.

Чтобы решить проблему отсутствия новой терминологии в законодательстве Российской Федерации, для начала предлагаем разработать и ввести общую унифицированную систему вопросов для выявления характеристик того или иного инновационного явления в гражданских правоотношениях. Это позволит обеспечить единый подход к данному термину и явлению со стороны различных специалистов.

Также решением проблемы разрозненности подходов к информационным явлениям и отсутствия нового понятийного аппарата мы видим создание союза государств в целях выработки единой информационной терминологической базы. В рамках данного объединения можно производить обмен опытом по борьбе с актуальными проблемами гражданских правоотношений, возникающих в информационной среде.

Заключительным этапом должно стать непосредственное закрепление терминов в гражданском законодательстве.

Вопрос о привлечении к ответственности лиц, которые по различным причинам могли быть вовлечены в распространение материалов интеллектуальной собственности, по-прежнему является нерешённым.

Отмечаем, что данная проблема, в частности, её проявление в виде сложности или невозможности найти ответственного за заимствованный контент, может быть решена благодаря ст. 1253.1 ГК РФ, согласно которой к ответственности разрешено призвать не самого нарушителя, а провайдера.

Кроме этого, не стоит забывать и о такой проблеме, как причинение значительного ущерба лицам, являющихся гражданами различных государств, что происходит в силу отсутствия территориальных границ данного глобального пространства. Существование именно этой проблемы говорит о необходимости сближения, совместного использования ресурсов для законодательного урегулирования данного вопроса, а также установления международного сотрудничества.

Однако защитить авторские права данным способом (так как не всегда удаётся доказать своё авторство и т.д.) удаётся не всегда. Поэтому здесь важно говорить именно о профилактике данного явления. В связи с этим мы предлагаем профилактические меры, препятствующие нарушению авторских прав в информационной среде: воспользоваться услугами специализированных сервисов, которые предоставляют комплексные решения в области защиты интеллектуальных прав в интернете, начиная от услуг депонирования и заканчивая активным мониторингом и автоматическим реагированием на нарушения; для последующей защиты прав важно зафиксировать дату создания произведения. Для этого можно заверить документ с авторским текстом у нотариуса; если материалы создаются и сохраняются в электронном

виде, то стоит настроить устройство так, чтобы в метаданных сохранялась информация о вас, и никому не передавать исходные файлы; на фотографиях и видео использовать водермарки (водяные знаки); при публикации контента стоит указывать свое настоящее имя; поместить знак охраны авторского права – «копирайт», однако стоит отметить, что дополнительную юридическую защиту он не обеспечивает; при наличии собственного сайта стоит размещать на нём правила перепечатки материалов.

Опасность нарушений интеллектуальных прав в сети интернет состоит в том, что данные деяния происходят в огромном виртуальном мире, контролировать развитие которого очень сложно. Законодательство, которое не реагирует на изменения характера правоотношений в данной сети, способствует ещё большему на-

рушению интеллектуальных прав, что, в свою очередь, создаёт атмосферу безнаказанности, ставит под сомнение авторитет власти государства. Использование лицами пробелов законодательства, его недостатков снижает эффективность уже существующих, законодательно закреплённых мер защиты и работа механизма правового регулирования не может обеспечить охрану прав и свобод личности в глобальном пространстве в полной мере.

Именно потому, что развитие постинформационного общества непрерывно и постоянно, большинство правоотношений с каждым годом переносится в виртуальный мир, законодательство должно одновременно реагировать на каждое изменение информационной сферы, чтобы выполнять свою основную задачу – защиту прав, свобод и законных интересов своих граждан.

Список литературы

1. *Зинина У. В.* Защита прав интеллектуальной собственности в сети Интернет [Электронный ресурс] // Сайт «Научно-образовательный портал IQ». – Материалы интернет-конференции «Право и Интернет». – 1–31 октября 2006 г. – Режим доступа: <https://iq.hse.ru/more/media/zashita-prav-intellektualnoj-sobstvennosti> (дата обращения: 06.03.2022).
2. *Боброва Г. С., Смолякова Т. М.* Гражданско-правовая ответственность и меры защиты при нарушении интеллектуальных прав в сети Интернет. – Биробиджан: Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема, 2009. – 72 с.
3. *Батлук А. С.* Проблема нарушения интеллектуальных прав в сети Интернет // *Инновационная наука*. – 2016. – № 2. – С. 163–165.
4. *Белозерова Ю. Г.* К слову о составе гражданского правонарушения в сети интернет // *Экономика. Право. Общество*. – 2020. – Т. 5. – № 3 (23). – С. 23–26.
5. *Молчанов А. А.* К вопросу о проблематичности защиты авторских прав на служебные произведения (вопросы теории и практики) // *Осуществление и защита гражданских прав и интересов полиции России: вопросы теории и практики : материалы Всероссийской научно-практической конференции*. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. – С. 7–10.
6. *Лозина Ю. А.* «Сетевые эффекты» и право интеллектуальной собственности как важные источники конкурентных преимуществ. Зарубежный опыт / *Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения – 2020 : сборник научных трудов по материалам VII Международной научно-практической конференции*. – Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2020. – С. 161–166.
7. *Джикаева Ф. З.* Защита прав интеллектуальной собственности в сети интернет // *Вопросы экономики и права*. – 2019. – № 130. – С. 11–13.
8. *Назарова О.* Проблемы защиты интеллектуальных прав в сети интернет / *Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : сборник научных трудов IX Международного юридического форума (IP Форум)*. – Москва: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2021. – С. 107–109.
9. *Даль В. С.* Актуальные проблемы защиты интеллектуальных прав в сети интернет в Российской Федерации // *Инновации. Наука. Образование*. – 2021. – № 45. – С. 1155–1159.
10. *Новиков А. В., Зиновьева В. В., Барабанова П. А.* Проблема защиты авторских прав в интернете // *Экономика. Бизнес. Банки*. – 2021. – № 1 (51). – С. 44–53.

References

1. *Zinina U. V.* Zashchita prav intellektual'noy sobstvennosti v seti Internet [Elektronnyy resurs] // Sayt «Nauchno-obrazovatel'nyy portal IQ». – Materialy internet-konferentsii «Pravo i Internet». – 1–31 oktyabrya 2006 g. – Rezhim dostupa: <https://iq.hse.ru/more/media/zashita-prav-intellektualnoj-sobstvennosti> (data obrashcheniya: 06.03.2022).
2. *Bobrova G. S., Smolyakova T. M.* Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' i mery zashchity pri narushenii intellektual'nykh prav v seti Internet. – Birobidzhan: Priamurskiy gosudarstvennyy universitet im. Sholom-Aleykhema, 2009. – 72 s.
3. *Batluk A. S.* Problema narusheniya intellektual'nykh prav v seti Internet // *Innovatsionnaya nauka*. – 2016. – № 2. – S. 163–165.
4. *Belozerova Yu. G.* K slovu o sostave grazhdanskogo pravonarusheniya v seti internet // *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo*. – 2020. – Т. 5. – № 3 (23). – S. 23–26.

5. *Molchanov A. A.* К вопросу о проблематичности защиты авторских прав на служебные произведения (вопросы теории и практики) // *Osushchestvleniye i zashchita grazhdanskikh prav i interesov politsii Rossii: voprosy teorii i praktiki : materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii.* – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2021. – S. 7–10.

6. *Lozina Yu. A.* «Setevyye efekty» i pravo intellektual'noy sobstvennosti kak vazhnyye istochniki konkurentnykh preimushchestv. Zarubezhnyy opyt / Aktual'nyye problemy nauki i praktiki: Gatchinskiye chteniya – 2020 : sbornik nauchnykh trudov po materialam VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Gatchina: Gosudarstvennyy institut ekonomiki, finansov, prava i tekhnologiy, 2020. – S. 161–166.

7. *Dzhikayeva F. Z.* Zashchita prav intellektual'noy sobstvennosti v seti internet // *Voprosy ekonomiki i prava.* – 2019. – № 130. – S. 11–13.

8. *Nazarova O.* Problemy zashchity intellektual'nykh prav v seti internet / *Pravovaya zashchita intellektual'noy sobstvennosti: problemy teorii i praktiki : sbornik nauchnykh trudov IX Mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma (IP Forum).* – Moskva: Moskovskiy gosudarstvennyy yuridicheskiy universitet imeni O. Ye. Kutafina (MGYUA), 2021. – S. 107–109.

9. *Dal' V. S.* Aktual'nyye problemy zashchity intellektual'nykh prav v seti internet v Rossiyskoy Federatsii // *Innovatsii. Nauka. Obrazovaniye.* – 2021. – № 45. – S. 1155–1159.

10. *Novikov A. V., Zinov'yeva V. V., Barabanova P. A.* Problema zashchity avtorskikh prav v internete // *Ekonomika. Biznes. Banki.* – 2021. – № 1 (51). – S. 44–53.

Статья поступила в редакцию. 20.03.2022; одобрена после рецензирования 11.05.2022; принята к публикации 09.06.2022.

The article was submitted March 20, 2022; approved after reviewing May 11, 2022; accepted for publication June 09, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Уголовно-правовые науки

УДК 343.132

Научная статья

doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-89-94

Давид Абрамович Арутюнян

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0001-8029-7403>, arut.david@mail.ru

Олег Евгеньевич Головкин

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0001-5992-4687>, ogolovkin4@mvd.ru

*Уголовно-правовое управление Договорно-правового департамента МВД России
Российская Федерация, 119049, Москва, ул. Житная, д. 12а*

Цифровизация процессуальных действий: путь к ускорению и удешевлению производства по уголовному делу

Аннотация: В статье поднимаются назревшие проблемы, связанные с отсутствием регламентации применения цифровых технологий в досудебном производстве по уголовным делам. Указанные проблемы рассматриваются в условиях существующей потребности в обеспечении гарантий соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства, прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при внедрении информационных технологий в уголовное судопроизводство в целом, оптимизации государственных расходов.

В статье выработаны конкретные пути решения обозначенных проблем, отрицательно влияющих на материальную и процессуальную составляющие деятельности следователя (дознателя и иных участников уголовного судопроизводства). Предлагается закрепление в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации возможности направления участникам уголовного судопроизводства электронных образов процессуальных решений и иных документов, вручения копий обвинительного заключения (акта, постановления) с приложениями в электронном виде, ознакомления участников уголовного судопроизводства с электронными образами материалов уголовного дела. В новом порядке электронный образ процессуального документа подписывается квалифицированной электронной подписью, которая будет гарантией его подлинности и исключит возможность несанкционированного внесения изменений.

Указанные предложения подкреплены результатами анализа данных о применении законодательства Российской Федерации и иностранных государств в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: уголовный процесс, досудебное уголовное судопроизводство, цифровизация, дистанционные технологии, электронный образ документа

Для цитирования: Арутюнян Д. А., Головкин О. Е. Цифровизация процессуальных действий: путь к ускорению и удешевлению производства по уголовному делу // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 89–94; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-89-94.

David A. Harutyunyan

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0001-8029-7403>, arut.david@mail.ru

Oleg E. Golovkin

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0001-5992-4687>, ogolovkin4@mvd.ru

*Criminal Law Department of the Contract and Legal Department of the M IA of Russia
12a, Zhitnaya str., Moscow, 119049, Russian Federation*

Digitalization of procedural actions: the way to accelerate and reduce the cost of criminal proceedings

Abstract: The article raises an urgent issue concerning the lack of regulation of the use of digital technologies in pre-trial proceedings in criminal cases. The authors put the problems of introducing digital technologies into criminal proceedings in the context of the need to guarantee the compliance with reasonable terms of criminal proceedings, to ensure the rights and legitimate interests of their participants and optimize public spending in general.

The authors developed specific ways to solve the identified problems that negatively affect the material and procedural sides of the work done by investigator, interrogating officer and other participants in criminal proceedings. The authors propose to consolidate in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation the possibility to send digital copies of procedural decisions and other documents to participants in criminal proceedings, to hand over copies of an indictment (acts, resolutions) with applications in digital form, the right of the parties to access the criminal case materials in the digital form. That new provisions would allow to sign a digital procedural document with a certified electronic signature that guarantees its authenticity and excludes the possibility of unauthorized changes.

These proposals are supported by the results of the analysis of data on the application of the legislation of the Russian Federation and foreign states in the researched sphere.

Keywords: criminal proceedings, pre-trial criminal proceedings, digitalization, remote technologies, electronic document image

For citation: Harutyunyan D. A., Golovkin O. E. Digitalization of procedural actions: the way to accelerate and reduce the cost of criminal proceedings // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – P. 89–94; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-89-94.

Современный этап развития человечества характеризуется возможностью высокоскоростного передвижения людей, товаров, сверхскоростной передачи информации. Широкое внедрение информационно-коммуникационных технологий в общественные отношения, в том числе во многих сферах взаимодействия личности и государства, требует адекватных решений и в уголовном судопроизводстве.

Одним из главных векторов развития уголовно-процессуального законодательства должна стать цифровизация уголовного судопроизводства, которая до настоящего времени имела точечный характер [2] и была ориентирована прежде всего на ее судебные стадии [10, с. 106].

Реализованной в конце 2021 года законодательной инициативой¹ предпринята попытка

внедрения современных технологий в стадии предварительного расследования дополнением Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации² статьёй 189¹, регламентирующей допрос, очную ставку, опознание путём использования систем видеоконференцсвязи. Данная норма вызывает глубокий интерес в науке [9, с. 77–84].

Поскольку оценка данной законодательной нормы не является предметом настоящей статьи, отметим лишь то, что намеченный верный путь является далеко не завершённым, но имеющим значительный потенциал на досудебных этапах уголовного судопроизводства [1]. Корректировка положений УПК, адаптированных в большей мере под бумажный документооборот, требует комплексного подхода к «оцифровке» процессуальной деятельности.

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 1. – Ст. 70.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52. – Ст. 4921 (далее – УПК).

В условиях существующей потребности в оптимизации государственных расходов проработка данного вопроса применительно к уголовному судопроизводству должна осуществляться взвешенно, через призму материальной и процессуальной экономии. На первом этапе такой работы значительный эффект может быть достигнут посредством внедрения цифровых технологий в производство процессуальных действий (бумажного документооборота):

- направление уведомлений и копий процессуальных документов;
- вручение копии обвинительного заключения (акта, постановления) с приложениями;
- ознакомление участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела.

Вместе с тем достижение экономической пользы не должно стать самоцелью в столь чувствительной сфере, поскольку главной задачей, которую призвана решать постановка процессуальных действий «на цифровые рельсы», является обеспечение гарантий соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства, защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства вследствие:

- своевременного получения ими повесток, вызовов, уведомлений, копий процессуальных документов;
- значительного ускорения процедуры их ознакомления с материалами уголовного дела;
- снижения количества тиражируемых бумажных копий процессуальных документов и их рассылки;
- предоставления возможности знакомиться с материалами уголовного дела без непосредственного участия следователя или дознавателя и в удобных для участников уголовного судопроизводства месте и времени, в том числе в нерабочее время;
- исключения риска умышленного уничтожения подлинников материалов уголовного дела.

В рамках действующего порядка информирования участников уголовного судопроизводства значительный объём документов направляется в бумажной форме как в обязательном порядке (например, сообщения о процессуальных решениях о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, о передаче сообщения о преступлении по подследственности (часть вторая статьи 145 УПК), уведомление о приостановлении предварительного следствия (часть первая статьи 209 УПК), копия постановления о прекращении уголовного дела и уголовного преследования (часть четвертая статьи 213 УПК), так и при заявлении участниками уголовного судопроизводства соответствующего ходатайства (например, потерпевшего – о предоставлении копий иных, не перечисленных в пункте 13 части второй статьи 42 УПК, процессуальных документов, затрагивающих его интересы).

Отдельные процессуальные документы (их копии) согласно УПК необходимо направлять незамедлительно, в частности, постановление

об отказе в прекращении уголовного преследования (часть третья² статьи 28¹), постановление руководителя следственного органа и прокурора по жалобам на действия (бездействие) и решения должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство (часть третья статьи 124); копия постановления о возбуждении уголовного дела и постановление прокурора о признании постановления о возбуждении уголовного дела незаконным и необоснованным (часть четвертая статьи 146), либо в течение 24 часов – копии постановлений о передаче сообщения о преступлении по подследственности в соответствии со статьёй 151 УПК, а по уголовным делам частного обвинения – в суд в соответствии с частью второй статьи 20 УПК (часть вторая статьи 145), об отказе в возбуждении уголовного дела (часть четвертая статьи 148), решение Генерального прокурора Российской Федерации о выдаче иностранному государству иностранного гражданина или лица без гражданства, находящегося на территории Российской Федерации (часть седьмая статьи 462).

Формат направления участникам уголовного судопроизводства процессуальных документов и их копий на бумажных носителях допускает несвоевременное получение адресатом либо вероятность утери в ходе рассылки, что порождает обоснованные жалобы.

При этом время, затраченное на получение обозначенных документов, пропорционально ограничивает возможности участников уголовного судопроизводства по обжалованию решений, сбора дополнительных доказательств, обоснованию ходатайств о производстве процессуальных действий и принятии процессуальных решений.

Реализация идеи направления участникам уголовного судопроизводства электронных образцов процессуальных документов вместо их бумажных аналогов в значительной мере упростит и ускорит производство по уголовному делу. Такого мнения придерживаются и другие учёные [2], например, Е. Е. Иванов, который по этому поводу отмечает, что положительные стороны информационных технологий способны проявиться именно при доведении до участников судопроизводства значимой для них информации [5]. А. В. Победкин обращает внимание на то, что внедрение цифровых технологий в целях ускорения доведения информации о процессуальных действиях и решениях до уполномоченных участников уголовного процесса не вызывает возражений [9, с. 78].

Попытки внедрения в практику не предусмотренного в настоящее время УПК электронного документооборота, в том числе ознакомления участников уголовного судопроизводства с электронными образами материалов уголовного дела, ожидаемо проваливаются, о чем сообщается многими [4, с. 32; 6, с. 69; 8, с. 139]. Например, уголовные дела возвращаются прокурору в случае, когда копия обвинительного заключения вручена обвиняемому в электронном виде, а не в бумажном, как это предусмотрено

частью второй статьи 222 УПК³, даже в условиях ограничений, установленных в связи с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой⁴.

Вместе с тем судами признается допустимым предоставление участникам уголовного судопроизводства копий процессуальных решений в электронном виде, однако как вспомогательный основному (вручение, направление, предъявление для ознакомления в бумажном виде) способу их передачи⁵, на что справедливо обращает внимание Д. А. Воронов [3, с. 90–91].

Использование бумажных носителей при ознакомлении участников уголовного судопроизводства с объёмными материалами уголовного дела, несовершенство самой процедуры ознакомления, выражающееся в последовательном представлении оригиналов материалов уголовного дела потерпевшему, гражданскому истцу, каждому из обвиняемых и их защитникам, приводит к затягиванию сроков ознакомления, злоупотреблению отдельными участниками уголовного судопроизводства данным правом, что в конечном счёте влечёт нарушение разумных сроков уголовного судопроизводства.

Длительная процедура поочередного представления материалов одного и того же уголовного дела нескольким обвиняемым, содержащимся под стражей, в отдельных случаях (например, при объёмных уголовных делах) сама по себе может привести к ущемлению прав и законных интересов указанных лиц. Так, УПК допускает продление предельных сроков содержания обвиняемых под стражей (18 месяцев) в случае, если хотя бы одному из них 30 суток оказалось недостаточно для ознакомления с материалами уголовного дела (части четвертая и седьмая, пункт 1 части восьмой статьи 109 УПК).

Кроме того, порядок ознакомления участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела предполагает присутствие при его производстве следователя, дознавателя или по их поручению должностного лица органа дознания (пункт 4 части второй статьи 38 и пункт 1¹ части третьей статьи 41 УПК), что отвлекает следователя, дознавателя от работы по остальным уголовным делам, находящимся в их производстве, следовательно, ущемляется право участников уголовного судопроизводства по этим уголовным делам на своевременный доступ к правосудию, что вытекает из принципа разумного срока уголовного судопроизводства.

³ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2011 года, утверждённый Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28 сентября 2011 года // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.03.2022).

⁴ Апелляционное постановление Московского городского суда от 7 октября 2020 г. по делу № 10-17277/2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.03.2022).

⁵ Например, Апелляционное постановление Московского городского суда от 20 апреля 2020 г. по делу № 10-6461/2020 // СПС «КонсультантПлюс»; Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26 мая 2020 г. по делу № 77-698/2020 // СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное постановление Московского городского суда от 25 октября 2021 г. по делу № 10-20451/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.03.2022).

Закрепление в УПК возможности ознакомления участников уголовного судопроизводства с электронными образами материалов уголовного дела снизит риск возникновения указанных проблем.

В уголовно-процессуальном законодательстве отдельных иностранных государств уже предусмотрено направление участникам процесса уведомлений и вызовов посредством электронной почты, СМС-сообщений, других информационных систем. В частности, уголовно-процессуальными кодексами Республики Молдова (части 1 и 1¹ статьи 236)⁶, Эстонской Республики (части 4 и 41 статьи 165)⁷, Инструкцией о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате, утвержденной приказом Генерального прокурора Республики Казахстан от 3 января 2018 г. № 2 (пункты 5 и 24)⁸.

Уголовно-процессуальным кодексом Эстонской Республики по общему правилу ознакомление защитника с материалами уголовного дела осуществляется по переданной ему копии уголовного дела на электронном носителе (часть 1 статьи 224). По данной электронной копии защитник знакомит обвиняемого (часть 1 статьи 224¹). Если участие защитника не является обязательным, способ ознакомления с уголовным делом выбирает прокурор (часть 11 статьи 224).

Внедрение инновационного подхода, предполагающего использование информационных технологий при производстве указанных процессуальных действий, возможно путём внесения соответствующих изменений в УПК.

В целях обеспечения единообразия правоприменительной практики в статье 5 УПК необходимо закрепить понятие «электронный образ документа», под которым следует понимать электронную копию документа, выполненного на бумажном носителе, преобразованного в электронную форму путем сканирования с сохранением его реквизитов, заверенная квалифицированной электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Должна быть установлена обязательность подписания электронного образа процессуального документа квалифицированной электронной подписью, которая будет гарантией его подлинности и при том исключит возможность несанкционированного внесения изменений. В связи с этим будет уместным отметить, что заверение бумажных копий процессуальных документов в настоящее время не требуется. По

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 года № 122-XV // Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729 (дата обращения 09.03.2022).

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской Республики от 12 февраля 2003 года // Режим доступа: <https://www.juristaitab.ee/ru/zakonodatelstvo/ugolovno-processualnyy-kodeks> (дата обращения 09.03.2022).

⁸ Об утверждении Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате : приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 3 января 2018 года № 2 // Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34195283 (дата обращения 09.03.2022).

своей сути квалифицированная электронная подпись позволяет обнаружить факт внесения изменений в электронный документ после его подписания, и данный документ признается равнозначным документу на бумажном носителе (пункт 3 части 3 и часть 4 статьи 5, часть 1 статьи 6 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи»)⁹.

Необходимо закрепить общее положение о допустимости направления участникам уголовного судопроизводства электронных образов процессуальных решений и иных документов, а также ознакомления с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования только с их согласия и при наличии технической возможности. Тем самым будут исключены возможные негативные последствия для участников уголовного судопроизводства.

Имеющиеся технологические возможности передачи информации, в том числе электронных образов документов, различными способами predetermined закрепление в УПК их вариативность – посредством технических средств или электронной почты. Такой «гибкий» порядок позволит учитывать различные обстоятельства, например, наличие (отсутствие) исправных технических средств для передачи информации, подключения к информационно-телекоммуникационной сети интернет.

⁹ Об электронной подписи : Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 15. – Ст. 2036.

Предлагаемое регулирование создаст возможность «веерной» рассылки по электронной почте либо одновременного предоставления с помощью технических средств (электронных книг и иных электронных носителей информации) электронных образов материалов уголовного дела участникам уголовного судопроизводства. В случае отсутствия у конкретного участника уголовного судопроизводства обозначенных технических средств электронные образы материалов уголовного дела могут быть предъявлены для ознакомления следователем (дознавателем) непосредственно на месте производства процессуального действия.

По нашему мнению, лицам, содержащимся под стражей, электронные образы материалов уголовного дела должны предъявляться на технических средствах, принадлежащих администрации места содержания под стражей либо органу предварительного расследования. Факт предоставления электронных образов материалов уголовного дела на технических средствах во всех случаях должен подтверждаться распиской соответствующего участника уголовного судопроизводства. Данные правила предлагается распространить также на вручение электронных образов обвинительного заключения (акта, постановления). Такой порядок позволит существенно ускорить применение процессуальных процедур, в том числе за счет возможности одновременного ознакомления участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела.

Список литературы

1. Арестова Е. Н., Борбат А. В. Цифровые технологии в уголовном судопроизводстве: проблемы внедрения // Российский следователь. – 2021. – № 7. – С. 16–20.
2. Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex Russica. – 2019. – № 5. – С. 91–104.
3. Воронов Д. А. Электронное информирование участников процесса в досудебном производстве // Уголовный процесс. – 2020. – № 4. – С. 88–94.
4. Гришина Е. П. К вопросу об использовании электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Администратор суда. – 2020. – № 3. – С. 31–34.
5. Иванов Е. Е. Уведомление участников судопроизводства на досудебных стадиях: усилить гарантии // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 4 (113). – С. 99–109. – doi 10.17803/1994-1471.2020.113.4.099
6. Ищенко П. П. Современные подходы к цифровизации досудебного производства по уголовным делам // Lex russica. – 2019. – № 12. – С. 68–79.
7. Макарова О. В. Совершенствование судопроизводства путем внедрения электронной формы уголовного дела // Журнал российского права. – 2019. – № 2. – С. 159–168.
8. Масленникова Л. Н. Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию в эру Industry 4.0 // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 6. – С. 137–146.
9. Победкин А. В. Производство следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи на досудебном производстве: рамочность процессуальных гарантий // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2022. – № 1. – С. 77–83.
10. Шереметьев И. И. Использование цифровых технологий при рассмотрении уголовных дел в суде: реальность и перспективы // Lex russica. – 2019. – № 5. – С. 117–131.

References

1. Arestova Ye. N., Borbat A. V. Tsifrovyye tekhnologii v ugovnom sudoproizvodstve: problemy vnedreniya // Rossiyskiy sledovatel'. – 2021. – № 7. – S. 16–20.
2. Voskobitova L. A. Ugolovnoye sudoproizvodstvo i tsifrovyye tekhnologii: problemy sovmestimosti // Lex Russica. – 2019. – № 5. – S. 91–104.

3. *Voronov D. A.* Elektronnoye informirovaniye uchastnikov protsessa v dosudebnom proizvodstve // Ugolovnyy protsess. – 2020. – № 4. – S. 88–94.
4. *Grishina Ye. P.* K voprosu ob ispol'zovanii elektronnykh dokazatel'stv v ugolovnom sudoproizvodstve // Administrator suda. – 2020. – № 3. – S. 31–34.
5. *Ivanov Ye. Ye.* Uvedomleniye uchastnikov sudoproizvodstva na dosudebnykh stadiyakh: usilit' garantii // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. – 2020. – T. 15. – № 4 (113). – S. 99–109. – doi 10.17803/1994-1471.2020.113.4.099
6. *Ishchenko P. P.* Sovremennyye podkhody k tsifrovizatsii dosudebnogo proizvodstva po ugolovnym delam // Lex russica. – 2019. – № 12. – S. 68–79.
7. *Makarova O. V.* Sovershenstvovaniye sudoproizvodstva putem vnedreniya elektronnoy formy ugolovnoy dela // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2019. – № 2. – S. 159–168.
8. *Maslennikova L. N.* Transformatsiya dosudebnogo proizvodstva v nachal'nyy etap ugolovnoy sudoproizvodstva, obespechivayushchiy dostup k pravosudiyu v eru Industry 4.0 // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. – 2019. – № 6. – S. 137–146.
9. *Pobedkin A. V.* Proizvodstvo sledstvennykh deystviy s ispol'zovaniyem sistem video-konferents-svyazi na dosudebnom proizvodstve: ramochnost' protsessual'nykh garantiy // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2022. – № 1. – S. 77–83.
10. *Sheremet'yev I. I.* Ispol'zovaniye tsifrovyykh tekhnologiy pri rassmotrenii ugolovnykh del v sude: real'nost' i perspektivy // Lex russica. – 2019. – № 5. – S. 117–131.

Статья поступила в редакцию 26.03.2022; одобрена после рецензирования 17.04.2022; принята к публикации 31.05.2022.

The article was submitted March 26, 2022; approved after reviewing April 17, 2022; accepted for publication May 31, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 343.34
doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-95-100

Юрий Юрьевич Бражин
адъюнкт

<https://orcid.org/0000-0002-0195-2471>, brazhin.yura@bk.ru

Нижегородская академия МВД России
Российская Федерация, 603114, Нижний Новгород, Анкудиновское ш., д. 3

Теоретико-прикладное исследование служебно-экономических преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение»: сущность и содержание

Аннотация: *Актуальность.* В условиях развития современного общества вопросы, касающиеся реализации приоритетных национальных проектов государства с момента принятия решения о целесообразности их нормативного правового регулирования являются наиболее актуальными, поскольку вызывают интерес не только со стороны учёных и практиков, но и общества в целом. Согласно ст. 7 Конституции РФ политика социального государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, выступает в качестве главного вектора развития современной России. С точки зрения уголовно-правовой оценки, наиболее интересным для научного исследования представляется национальный проект «Здравоохранение», состоящий из восьми отдельных федеральных проектов, на реализацию которых в период с 1 января 2019 г. по 31 декабря 2024 г. будет выделено из федерального бюджета 1366,7 млрд рублей, из бюджетов субъектов РФ 265 млрд рублей, из государственных внебюджетных фондов 94 млрд рублей и из внебюджетных источников 0,1 млрд рублей. Подобная общегосударственная значимость и финансовая обеспеченность обуславливают необходимость разработки юридико-технического инструментария охраны исследуемого феномена.

Цель. Автор отмечает, что в отечественной доктрине уголовного права имеются научные труды, посвящённые анализу такого явления, как служебно-экономическая преступность. В то же время исследования в области противодействия преступлениям в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» ранее не проводились. В связи с этим автор задаётся целью выработать предложения по совершенствованию интерпретационной, правоприменительной и предупредительной деятельности в изучаемой области.

Методы: нормативно-догматический, анализ, обобщение, историко-правовой.

Выводы: 1. Автор формулирует признаки служебно-экономических преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение». 2. Предлагается уголовно-правовая характеристика объекта общественно опасного деяния в исследуемой области. Автор приходит к выводу, что служебно-экономические преступления в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» выступают в качестве угрозы национальной безопасности, усугубляющейся глобальными социально-экономическими проблемами и отсутствием необходимого уголовно-правового инструментария охраны.

Ключевые слова: национальный проект, объект, уголовно-правовая оценка, угроза национальной безопасности, служебно-экономические преступления

Для цитирования: Бражин Ю. Ю. Теоретико-прикладное исследование служебно-экономических преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение»: сущность и содержание // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 95–100; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-95-100.

Yuriy Yu. Brazhin
Graduate

<https://orcid.org/0000-0002-0195-2471>, brazhin.yura@bk.ru

Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia
3, Ankudinovskoe highway, Nizhny Novgorod, 603114, Russian Federation

Theoretical and applied research of the white-collar crimes in the sphere of implementation of the national healthcare project: its nature and scope

Abstract: *Relevance.* In the context of the modern society development, issues related to the implementation of priority national projects from the moment a decision on the expediency of their normative legal regulation is made are most relevant, since they interest not only the scientists and practitioners, but the society as a whole. According to the provisions of Art. 7 of the Constitution of the Russian Federation, the policy of the welfare state is aimed at creating conditions ensuring a dignified life and free development of a person, and acts as the main vector of development of modern Russia. From the point of view of criminal-legal assessment, the national project «Healthcare» deserves our deliberate attention. It consists of eight separate federal projects. From 01.01.2019 to 31.12.2024 federal budget allocates 1366.7 billion rubles to their implementation. Constituent entities of the Russian Federation add 265 billion rubles, state extra-budgetary funds add 94 billion rubles, and extra-budgetary sources add another 0.1 billion rubles. Considering this national significance and financial endowment, the need to develop legal and technical tools for the protection of the researched phenomenon is justified.

Purpose: Scientific works devoted to the analysis of the white-collar crime phenomenon are presented in the domestic doctrine of criminal law. At the same time, research in the field of counteraction to the crimes in the sphere of national healthcare project implementation has not previously been conducted. In this regard, the goal is to develop proposals for improving lawmaking, legal interpretation, law enforcement and preventive activities in the discussed field.

Methods: axiomatic, analysis, generalization, comparative legal.

Conclusions: 1. The author formulates the signs of white-collar crimes in the field of implementation of the national healthcare project. 2. The author proposes a criminal-legal characteristic of the target of a socially dangerous act in the studied area. The author concludes that white-collar crimes in the sphere of the implementation of the national healthcare project act as a threat to national security, intensified by the presence of global socio-economic challenges and the lack of the necessary criminal law protection tools.

Keywords: national project, target of crime, criminal-legal assessment, threat to national security, white-collar crime

For citation: Brazhin Yu. Yu. Theoretical and applied research of the white-collar crimes in the sphere of implementation of the national healthcare project: its nature and scope // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – P. 95–100; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-95-100.

В условиях развития современного общества служебно-экономическая преступность выступает мощным фактором, подрывающим экономическую безопасность страны. Стоит отметить, что рассматриваемое явление относится к числу динамичных и изменяется под влиянием внутренних и внешних факторов, что требует особого внимания в рамках их уголовно-правового противодействия.

В тенденции современного мира, с точки зрения уголовно-правовой оценки, наиболее интересными для научного исследования представляются национальные проекты, утвержденные Указом Президента от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹. В рамках положений Указа Пре-

зидента в период с 1 января 2019 г. по 31 декабря 2024 г. будут исполнены 78 федеральных проектов, для которых бюджетом РФ предусмотрено выделение 25,7 трлн рублей.

Кроме того, глава государства неоднократно подчеркивал значимость данной области. К примеру, в ходе заседания Совета по стратегическому развитию Президент заявил: «Главная задача нацпроектов – реальные позитивные изменения в жизни каждого российского гражданина и каждой семьи»². Реформирование в большей степени должно коснуться именно

² Владимир Путин: главная задача нацпроектов — реальные позитивные изменения в жизни каждого российского гражданина и каждой семьи [Электронный ресурс] // Сайт Первого канала телевидения. – 2018. – 25 окт. – URL: https://1tv.ru/turbopages.org/1tv.ru/s/news/2018-10-25/354571-vladimir_putin_glavnaya_zadacha_natsproektov_realnye_pozitivnye_izmeneniya_v_zhizni_kazhdogo_rossiyskogo_grazhdanina_i_kazhdoy_semi (дата обращения: 15.11.2020)

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 // Российская газета. – 2018. – 8 мая.

социальной сферы, ввиду чего необходимо обратить внимание на порядок реализации национального проекта «Здравоохранение».

Особую актуальность выбранной темы отмечают и многие современные учёные: А. В. Петрянин пишет о многообъектном характере преступных посягательств в различных областях [11, с. 191–194]; В. Н. Винокуров придерживается мнения о необходимости выделения двух уровней противоправности преступлений в сфере реализации национальных проектов: общей и смешанной [5, с. 53–61]; Е. В. Червонных, А. Н. Варыгин предлагают систематизировать преступления в сфере здравоохранения на основании объекта преступного посягательства [15]. Система служебно-экономических преступлений, её признаки, а также отдельные уголовно-правовые и криминологические особенности рассматриваемого феномена исследовались нами в ранее опубликованных трудах [1, с. 82–83; 2, с. 118–122; 3, с. 27–33].

Таким образом, в рассматриваемой сфере прогнозируемо возникает криминально привлекательная обстановка для совершения служебно-экономических преступлений. Считаем, что следует полнее раскрыть сущность предмета исследования и более подробно изучить понятие служебно-экономического преступления, которому в научной литературе уделялось достаточно внимания, однако общепринятого определения сформулировано не было.

Так, по мнению М. Г. Иванова, под служебно-экономическими деяниями понимается вид экономического криминального поведения, отличительной особенностью которого является использование возможностей официально предоставленных прав и полномочий государственных органов, управленческого аппарата, посягнувших на политические, экономические и другие права человека, то есть автор вкладывает в данное понятие следующие признаки³:

- рассматриваемое явление является разновидностью преступного поведения в экономической сфере;

- объектом преступного посягательства выступают общественные отношения охраняющие политические, экономические и другие права человека;

- способом совершения преступления выступает использование лицом предоставленных прав и полномочий государственных органов, управленческого аппарата.

Изучением этого явления занимался Р. И. Латыпов, который справедливо полагает, что служебно-экономическая преступность – это совокупность корыстных посягательств на используемому для хозяйственной деятельности собственности, установленный порядок управления экономическими процессами и правами граждан со стороны лиц, выполняющих опреде-

ленные функции в системе экономических отношений⁴. Таким образом, автор выделяет следующие особенности:

- исследуемое понятие включает в себя целое множество корыстных посягательств;

- объектом преступления выступает установленный порядок управления экономическими процессами и правами граждан;

- субъектом преступления является физическое лицо, наделенное конкретными полномочиями в системе экономических отношений.

Анализ вышеупомянутых определений даёт возможность выделить общие их свойства:

- во-первых, одним из объектов, основным или дополнительным, всегда выступают интересы экономики;

- во-вторых, служебно-экономические преступления необходимо рассматривать как антисоциальное явление общества, то есть как целостную систему, а не просто группу однородных деяний, складывающуюся из отдельных совершённых общественно опасных форм поведения;

- в-третьих, служебно-экономические преступления имеют изменчивую структуру и обладают способностью не исчезать, а видоизменяться, переходя на новый качественный уровень.

В то же время стоит отметить существенное различие в субъекте преступного посягательства, а именно: в первом случае речь идёт об использовании лицом прав и обязанностей, предоставленных государством, либо исполнении управленческих функций в организации, а во втором говорится о лицах, выполняющих определённые функции в пласте экономических отношений.

Кроме того, в ходе проведения исследования служебно-экономических преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» необходимо рассмотреть общественные отношения, которые нарушаются в ходе совершения уголовно-наказуемого деяния. На наш взгляд, именно их структура должна быть положена в основу дефиниции.

Общественные отношения, которым в результате совершения преступления причиняется вред или же создаётся угроза для причинения вреда, уже рассматривались в отечественной правовой теории [10, с. 5–7; 6, с. 45–52]. Применительно к выбранной нами теме следует уделить внимание изучению общественных отношений, которым причиняется вред вследствие нарушения порядка бюджетного финансирования, а также связанных с освоением денежных средств, их целевым расходованием, представлением отчётности. Более того, выяснив структуру общественных отношений, мы получаем возможность определить характер и степень общественной опасности деяния, а также установить объект преступления.

Служебно-экономические преступления в сфере реализации национального проекта

³ Иванов М. Г. Служебно-экономическая преступность: Криминологические и уголовно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Иванов Михаил Георгиевич. – Нижний Новгород, 2002. – 223 с.

⁴ Латыпов Р. И. Шпаргалка по криминологии: учебное пособие. – Москва: Велби, 2005. – С. 41.

«Здравоохранение» посягают на целую совокупность общественных отношений, и их система может быть определена лишь из круга посягательств на установленный порядок финансирования и расходования бюджетных средств.

Далее следует отметить, что для установления специфических особенностей исследуемой группы преступлений необходимо обратиться к теоретическим особенностям анализа объекта преступления.

Консервативным и наиболее правильным с точки зрения доктрины уголовного права является разграничение общего, родового и видового объектов по вертикали, а также основного, дополнительного и факультативного – по горизонтали [9, с. 35–41].

Итак, говоря об общем объекте, можно отметить, что в научной литературе сформулирована единая концепция, заключающаяся в том, что в нём упорядочены все общественные отношения, права, свободы и блага человека, отраженные в ст. 2 УК РФ [13, с. 23–30]. Таким образом, общим объектом преступления в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» является вся совокупность общественных отношений, установленных и дифференцированных в ст. 2 УК РФ в зависимости от видовой направленности.

Что касается форм противоправного поведения, отражающих строение страт служебно-экономических преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение», необходимо заметить, что они совершаются в отношении двух родовых объектов: общественные отношения в сфере экономики и интересы государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Так, по мнению Т. В. Пинкевич, объектом уголовно-правовой охраны в сфере экономики являются экономические отношения, которые представляют собой определённые связи между субъектами этих отношений, складывающиеся по поводу и в процессе их экономической деятельности [12, с. 228–232]. Национальный проект «Здравоохранение» является фундаментальным инструментом государства по решению социально-экономических проблем. Его финансирование будет состоять из бюджетных средств, которые впоследствии будут осваиваться в регионах страны. Урон, который потенциально может быть причинён в ходе совершения преступлений в исследуемой области, следует рассматривать как деяния, причиняющие вред отдельным субъектам экономических отношений и всей экономике страны.

Б. Т. Разгильдиев справедливо отмечает, что объектом преступлений, предусмотренных главой 30 УК РФ, выступают «общественные отношения, обеспечивающие решение задач, стоящих перед соответствующими органами государственной власти и местного самоуправления. В основе этих задач лежат два принципиальных положения. Это государственный авторитет, которым изначально обладает любая

государственная структура, и неподкупность должностных лиц» [7, с. 37–46]. Со своей стороны В. Н. Борков [4, с. 172] полагает, что объектами уголовно-правовой охраны выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность государственного аппарата и установленный порядок реализации публичных полномочий.

Соглашаясь с позициями учёных, упомянутых выше, нельзя не отметить, что бюджетное финансирование зачастую связывается с деятельностью должных лиц, поскольку исполнение всех федеральных проектов будет зависеть от эффективного решения ими возложенных на них задач.

Таким образом, родовыми объектами служебно-экономических преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» являются две группы разнородных общественных отношений:

1) общественные отношения, направленные на обеспечение установленного законом порядка развития экономики, стабильности института собственности, экономической деятельности, а также деятельности лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях;

2) общественные отношения, гарантирующие безопасность страны, авторитет государственного аппарата, а также установленный законом порядок реализации публичных полномочий по распределению бюджетных средств, направленных на финансирование национального проекта «Здравоохранение».

В ходе изучения видовых объектов преступлений, включённых в рассматриваемую систему, следует отметить, что опубликовано немало работ, отражающих схожие мнения, с которыми мы согласны [8, с. 13–43]. Так, накладывая на рассматриваемые нами общественные отношения в сфере собственности и экономической деятельности, направленные на обращение бюджетных средств в пользу виновного, трудностей в определении не возникает. В то же время видовым объектом в рассматриваемых преступлениях являются общественные отношения, связанные с причинением вреда интересам службы в коммерческой и иных организациях, поскольку их деятельность зачастую связана с бюджетными денежными средствами, которые будут им предоставлены в рамках исполнения той или иной программы.

Однако, на наш взгляд, лица, совершающие преступления в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение», посягают на вышеуказанные объекты уголовно-правовой охраны через причинение ущерба общественным отношениям, связанным с противоправной деятельностью должностных лиц с использованием служебных полномочий вопреки интересам службы, поскольку:

1) противозаконное расходование бюджетных средств должностными лицами, доверие которым было оказано государством и обществом, влечёт более серьёзные последствия, нежели обычные преступления в сфере экономики;

2) сущность национального проекта «Здравоохранение» заключена в поэтапном качественном изменении социально-экономического уровня жизни граждан страны, ввиду чего противоправная деятельность в данной сфере направлена против интересов всего государственного строя;

3) содержание значения категории «национальный» также является подтверждением вышеупомянутого факта. В словаре Д. Н. Ушакова понятие «национальный» означает «распространяющийся на государство в целом, в общегосударственном масштабе⁵. В данной категории определяющим являются интересы конкретной страны.

Кроме того, необходимо учитывать и позицию законодателя. В Федеральном законе от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» войска национальной гвардии Российской Федерации являются государственной военной организацией, предназначенной для обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека, и гражданина⁶. В данном случае первостепенным предметом регулирования выступает обеспечение государственной и общественной безопасности, и лишь затем следуют права и свободы. Обратимся к содержанию Указа Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», в котором термин «национальная безопасность» определяется как «состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз... Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, прежде всего, государственную, общественную и другие⁷. То есть, с одной стороны, первостепенным объектом охраны выступают личность, общество, а с другой – государственная безопасность.

Непосредственным объектом преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» являются общественные

⁵ Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] // Сайт «Толковый словарь Ушакова онлайн». – URL: https://ushakovdictionary.ru/view_search.php (дата обращения: 15.11.2020).

⁶ О войсках национальной гвардии Российской Федерации : Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 27 (часть I). – Ст. 4159.

⁷ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/> (дата обращения: 27.07.2021).

Список литературы

1. Бражин Ю. Ю. К вопросу о понятии служебно-экономической преступности / Гармонизация межнациональных отношений в условиях глобального общества : XXIV Нижегородская сессия молодых ученых (гуманитарные науки) : материалы докладов. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный инженерно-экономический институт, 2019. – С. 82–83.
2. Бражин Ю. Ю. Правовая оценка признаков субъекта служебно-экономических преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» // Вестник Воронежского института ФСИИ России. – 2020. – № 3. – С. 118–123.

отношения в сфере нормального порядка функционирования органов государственной власти, органов местного самоуправления по распоряжению бюджетными средствами и реализации других полномочий в области реализации национального проекта «Здравоохранение».

Дополнительный объект исследуемой группы преступлений может быть определён с учётом особенностей общественно опасного посягательства [14, с. 17–22]. Например, при совершении хищений денежных средств в любой форме ущерб причиняется общественным отношениям в сфере собственности, либо при совершении иного преступления в сфере экономической деятельности дополнительный объект может трансформироваться и окажет негативное воздействие на состояние экономики страны, представ угрозой национальной безопасности.

Согласно п. 33 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации развитие здравоохранения и укрепление здоровья населения Российской Федерации является важнейшим направлением обеспечения национальной безопасности, что ясно подтверждает наш тезис о наличии потенциальной угрозы и необходимости разработки уголовно-правового инструментария охраны рассматриваемого явления.

Кроме того, важной особенностью исследуемой сферы является множественность, сущность которой более подробно раскрывается в рамках изучения проблем квалификации в проводимом нами диссертационном исследовании.

Таким образом, необходимо выделить следующие признаки служебно-экономических преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение»:

- 1) негативное воздействие на социально-экономическое развитие государства;
- 2) исследуемая группа преступлений посягает на совокупность общественных отношений, закреплённых в разных разделах особенной части Уголовного кодекса РФ: преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (раздел VIII) и преступления в сфере экономики (раздел X);
- 3) сложная структура образования объекта преступления в рассматриваемой области общественных отношений;
- 4) большая значимость национального проекта «Здравоохранение» как для государства, так и для отдельного гражданина;
- 5) многосубъектность совершаемого общественного опасного деяния.

3. *Бразжин Ю. Ю.* Криминологические аспекты служебно-экономических преступлений в сфере реализации национального проекта «Здравоохранение» / Проблемы юридической науки в исследованиях адъюнктов и соискателей. – Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2020. – С. 27–33.
4. *Борков В. Н.* Уголовно-правовое предупреждение коррупции: монография. – Омск: Омск. акад. МВД России, 2014. – 172 с.
5. *Винокуров В. Н.* Объект преступления как элемент его состава // Журнал российского права. Юридическое издательство «Норма». – 2010. – № 2. – С. 53–61.
6. *Витвицкая С. С.* Актуальные вопросы систематизации уголовного закона о преступлениях в сфере экономической деятельности // Юридическая психология. – 2007. – № 1. – С. 45–52.
7. *Волков Ф. С.* Объект преступлений главы 30 УК РФ // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2008. – № 2. – С. 37–46
8. *Кузнецов А. П., Бокова И. Н., Маршакова Н. Н.* Проблемы классификации преступлений, совершаемых в сфере экономики // Проблемы экономики и юридической практики. – 2006. – №1-2. – С. 13–43.
9. *Кузнецов А. П.* Преступления, посягающие на международное сотрудничество: уголовно-правовое исследование статьи 360 УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 3. – С. 35–41.
10. *Кузнецов А. П., Гарипова Н. В.* Проблемы определения непосредственного объекта в преступлениях в сфере компьютерной информации // Следователь. – 2008. – № 7. – С. 5–7.
11. *Петрянин А. В.* Уголовно-правовые аспекты оперативно-разыскной характеристики преступлений экстремистской направленности: особенности определения объекта статьи 280 УК РФ // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 2 (34). – С. 191–194.
12. *Пинкевич Т. В.* Экономическая преступность: понятие, сущность, виды // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 1 (17). – С. 228–232.
13. *Теунаев А. С.-У.* Актуальные вопросы предупреждения преступности в сфере субсидирования агропромышленного комплекса // Вестник УЮИ. – 2019. – № 1 (83). – С. 23–30.
14. *Шевченко В. Ю.* Объект и предмет преступления // Современная наука. – 2013. – № 1. – С. 17–22.
15. *Варыгин А. Н., Червонных Е. В.* Преступления, совершаемые в сфере здравоохранения, и их предупреждение: монография. – Москва: Юрлитинформ, 2013. – 200 с.
16. *Векленко В. В., Бавсун М. В.* Объективная сторона преступления. – Омск: Омская акад. МВД России, 2008. – 50 с.

References

1. *Brazhin Yu. Yu.* K voprosu o ponyatii sluzhebno-ekonomicheskoy prestupnosti / Garmonizatsiya mezhnatsional'nykh otnosheniy v usloviyakh global'nogo obshchestva : XXIV Nizhegorodskaya sessiya molodykh uchenykh (gumanitarnyye nauki) : materialy dokladov. – Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskiy gosudarstvennyy inzhenerno-ekonomicheskyy institut, 2019. – S. 82–83.
2. *Brazhin Yu. Yu.* Pravovaya otsenka priznakov sub'yekta sluzhebno-ekonomicheskikh prestupleniy v sfere realizatsii natsional'nogo proyekta «Zdravookhraneniye» // Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii. – 2020. – № 3. – S. 118–123.
3. *Brazhin Yu. Yu.* Kriminologicheskiye aspekty sluzhebno-ekonomicheskikh prestupleniy v sfere realizatsii natsional'nogo proyekta «Zdravookhraneniye» / Problemy yuridicheskoy nauki v issledovaniyakh ad'yunktov i soiskateley. – Nizhniy Novgorod : Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2020. – S. 27–33.
4. *Borkov V. N.* Ugolovno-pravovoye preduprezhdeniye korruptsii: monografiya. – Omsk: Omsk. akad. MVD Rossii, 2014. – 172 s.
5. *Vinokurov V. N.* Ob'yekt prestupleniya kak element yego sostava // Zhurnal rossiyskogo prava. Yuridicheskoye izdatel'stvo «Norma». – 2010. – № 2. – S. 53–61.
6. *Vitvitskaya S. S.* Aktual'nyye voprosy sistematizatsii ugolovnogo zakona o prestupleniyakh v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti // Yuridicheskaya psikhologiya. – 2007. – № 1. – S. 45–52.
7. *Volkov F. S.* Ob'yekt prestupleniy glavy 30 UK RF // Vestnik OmGU. Seriya. Pravo. – 2008. – № 2. – S. 37–46
8. *Kuznetsov A. P., Bokova I. N., Marshakova N. N.* Problemy klassifikatsii prestupleniy, sovershayemykh v sfere ekonomiki // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. – 2006. – №1-2. – S. 13–43.
9. *Kuznetsov A. P.* Prestupleniya, posyagayushchiye na mezhdunarodnoye sotrudnichestvo: ugolovno-pravovoye issledovaniye stat'i 360 UK RF // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. – 2016. – № 3. – S. 35–41.
10. *Kuznetsov A. P., Garipova N. V.* Problemy opredeleniya neposredstvennogo ob'yekta v prestupleniyakh v sfere komp'yuternoy informatsii // Sledovatel'. – 2008. – № 7. – S. 5–7.
11. *Petryanin A. V.* Ugolovno-pravovyye aspekty operativno-razysknoy kharakteristiki prestupleniy ekstremistskoy napravlenosti: osobennosti opredeleniya ob'yekta stat'i 280 UK RF // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. – 2016. – № 2 (34). – S. 191–194.
12. *Pinkevich T. V.* Ekonomicheskaya prestupnost': ponyatiye, sushchnost', vidy // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. – 2012. – № 1 (17). – S. 228–232.
13. *Teunayev A. S.-U.* Aktual'nyye voprosy preduprezhdeniya prestupnosti v sfere subsidirovaniya agropromyshlennogo kompleksa // Vestnik UYUI. – 2019. – № 1 (83). – S. 23–30.
14. *Shevchenko V. Yu.* Ob'yekt i predmet prestupleniya // Sovremennaya nauka. – 2013. – № 1. – S. 17–22.
15. *Varygin A. N., Chervonnykh Ye. V.* Prestupleniya, sovershayemye v sfere zdravookhraneniya, i ikh preduprezhdeniye: monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2013. – 200 c.
16. *Veklenko V. V., Bavsun M. V.* Ob'yektivnaya storona prestupleniya. – Omsk: Omskaya akad. MVD Rossii, 2008. – 50 s.

Статья поступила в редакцию 11.10.2021; одобрена после рецензирования 23.03.2022; принята к публикации 05.04.2022.

The article was submitted October 11, 2021; approved after reviewing March 23, 2022; accepted for publication April 05, 2022.

УДК 343.132
Научная статья
doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-101-107

Елена Васильевна Брянская

кандидат юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0002-8715-7099>, veret.1976@mail.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Возвращаясь к вопросу о целесообразности следственных судей в процессе доказывания по уголовному делу

Аннотация: В уголовном судопроизводстве, начиная с судебной реформы 1864 года, рассматривалась идея создания состязательного начала. В силу политических и идеологических предпосылок нельзя сделать однозначный вывод о существовании в России состязательного уголовного процесса. На различных этапах его формирования процессуальная форма была преимущественно розыскной или смешанной, когда на досудебных стадиях преобладающей являлась роль органов уголовного преследования в силу возложенного бремени доказывания. В суде всё же имеют место состязательные начала.

Концепция судебной реформы 1991 года ставила задачей формирование абсолютной состязательности процессуальных отраслей права. Однако уголовное судопроизводство в виде состязательной формы не всегда возможно, поскольку в уголовном процессе отсутствует баланс сторон защиты и обвинения в собирании доказательств. Как правило, на досудебных стадиях дело находится в руках органов уголовного преследования, защитник фактически стеснён в получении доказательственной информации, зависим в проявлении процессуальной воли по ходу ведения предварительного расследования.

В связи с этим в настоящей работе поставлена цель рассмотреть роль такого процессуального участника уголовного процесса некоторых зарубежных государств, как следственный судья, положительные и отрицательные стороны его участия.

С одной стороны, как показывает опыт Украины, следственный судья играет в уголовном процессе важную роль в сфере судебного контроля и обеспечения равновесия процессуальных возможностей стороны защиты и обвинения. С другой стороны, юристы Казахстана рассуждают о проблематике и загруженности следственного судьи, процессуальная роль которого не из простых.

В настоящем исследовании использовались следующие методы: беседы, аксиоматический, анализа и синтеза.

В статье рассмотрены точки зрения современных российских и зарубежных учёных о востребованности статуса следственного судьи в российском уголовном судопроизводстве, что в конечном итоге сводится к ментальности отечественного уголовного процесса, который на досудебных стадиях до сих пор остаётся преимущественно обвинительным.

Ключевые слова: уголовный процесс, состязательность сторон, следственный судья, процесс доказывания, собирание доказательств, сторона защиты, стороны обвинения, бремя доказывания

Для цитирования: Брянская Е. В. Возвращаясь к вопросу о целесообразности следственных судей в процессе доказывания по уголовному делу // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 101–107; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-101-107.

Elena V. Bryanskaya

Cand. Sci. (Jurid.), Docent
<https://orcid.org/0000-0002-8715-7099>, veret.1976@mail.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Revisiting a question of the expediency of investigating judges in the evidentiary procedure in a criminal case

Abstract: In criminal proceedings, starting from the judicial reform of 1864, the idea of creation a principle of adversary was fundamental. Due to political and ideological prerequisites, it is impossible to draw an unambiguous conclusion about the existence of an adversarial criminal process in Russia. At various stages of its formation, the procedural form was predominantly investigative or mixed, which means that at the pre-trial stages the role of the criminal prosecution prevailed due to the assigned burden of proof. But adversarial principles are still present in court.

Undoubtedly, the 1991 reform concept set the task of creating an absolutely competitive judicial process. However, the adversarial form of criminal proceeding is still not always feasible, since there is no balance between the defense and the prosecution in the procuring of evidence. As a rule, at the pre-trial stages, the case lies in the hands of the criminal prosecution authorities, the defender is actually constrained in obtaining proof, dependent on the manifestation of procedural goodwill in the course of the preliminary investigation.

In this regard, the goal of the research is to consider the role of such a procedural participant in the criminal process in the certain foreign states as an investigating judge, and the positive and negative aspects of their role.

On the one hand, the experience of Ukraine shows that the investigating judge is a completely reasonable participant in the criminal process in terms of the implementation of judicial control and in ensuring the balance of interests of the defense and the prosecution in the implementation of objective competitiveness. On the other hand, Kazakh lawyers demonstrate the problems and workload of the investigating judge, whose procedural role is anything but simple.

In order to research the issue of the expediency of the investigating judges in Russia, the following methods were used in this study: conversations, axiomatic method, analysis and synthesis.

The article explores the perspectives of modern Russian and foreign scientists on the relevance or the futility of implementation the role of an investigating judge in Russian criminal procedure. That discussion ultimately comes down to the mentality of the domestic criminal process, that still remains predominantly accusatory at the pre-trial stages.

Keywords: criminal process, adversarial nature of the parties, investigating judge, evidentiary procedure, collection of evidence, defense, prosecution, burden of proof

For citation: Bryanskaya E. V. Revisiting a question of the expediency of investigating judges in the evidentiary procedure in a criminal case // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – P. 101–107; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-101-107.

В последние десять лет научные труды, посвящённые процессуальному статусу следственного судьи, начинаются с цитирования слов Президента Российской Федерации – Владимира Владимировича Путина. Как в 2010, 2015 годах, так и в 2020 году В. В. Путин вновь поручает «рассмотреть целесообразность» создания в России института следственных судей. Дискуссия о функционировании следственных судей ведётся десятки лет, однако не находит своего логического завершения, поскольку «силовые ведомства» выступили против данного процессуального участника.

В числе авторитетных юристов, которые последовательно старались убедить юридическое сообщество в необходимости воссоздания аппарата следственных судей в России – В. Д. Зорькин, Председатель Конституционного Суда России. По его мнению, реализация этой идеи поможет справиться с системной проблематикой уголовного процесса¹.

Функционирование следственного судьи в первую очередь рассматривается с точки зрения реализации судебного контроля. Исторически своими корнями положения судебного контроля уходят ещё к 1679 году, благодаря английскому Habeas Corpus Act. В России со времён Петра Великого функционирует прокуратура, обеспечивающая надзор за соблюдением законности в нашей стране, тогда как в Великобритании только суд был наделён правом проверки законности ограничения свободы граждан. В Российской Федерации, как и в СССР, существуют отрасли прокурорского надзора, которые направлены на обеспечение прав человека и гражданина, законности деятельности органов уголовного преследования при реализации предварительного расследования. Нужно отдать должное, «прокурорские» неплохо справились с «проверкой законности и обоснованности производства следственных действий, а также мер пресечения» [1, с. 114].

В настоящее время, начиная с принятия в 2001 году Уголовно-процессуального кодек-

¹ Зорькин В. Д. Конституция живёт в законах // Российская газета. – 2014. – 17 дек. – С. 8.

са Российской Федерации (далее – УПК РФ), в стране постепенно возрождается судебный контроль за деятельностью органов уголовного преследования, который, в принципе, существовал и в советские годы, но был планомерно заменён прокурорским надзором.

А вот в бывших республиках, входивших в состав СССР, в настоящее время активно функционирует следственный судья, ставший одной из центральных фигур в процессе реализации судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса.

Л. В. Головкин сравнительно недавно отмечал, что в России отсутствует судебно-следственная инфраструктура. Концепция судебного контроля слишком узка и неоправданно ограничена, чтобы служить теоретическим фундаментом адекватного институционального выбора [2, с. 32].

В современной России вопрос работы следственного судьи поднимался, начиная с разработки российским парламентом в начале 1990-х годов Концепции судебной реформы. В данном документе провозглашалась судебная власть в свете состязательности, были сделаны акценты на продвижение гарантий самостоятельности и независимости судебной власти.

Как писал А. В. Смирнов, задачей следственного судьи является активная функция судебного контроля за органами предварительного расследования, но без принятия на себя функции уголовного преследования. Безусловно, «несомненным преимуществом конструкции уголовного процесса в свете деятельности следственного судьи называют: реальное введение в досудебное производство состязательных начал»².

Адвокаты, представители стороны защиты в уголовном судопроизводстве, неоднократно высказывались о необходимости восстановления института следственных судей с целью развития полноценной состязательности уголовного процесса не только на досудебных стадиях, но и на судебных.

Как отмечает Т. К. Рябинина, эта идея направлена на обеспечение законности процесса доказывания, а именно, на процессе собирания доказательств, когда вполне реальной стала потребность в предоставлении стороне защиты возможностей для активной реализации прав в собирании доказательств; в формировании таких правил, которые будут направлены на непредубеждённое отношение к подсудимому, проверку обоснованности предъявленного обвинения, грамотности и верности его квалификации по соответствующей статье Уголовного кодекса РФ, и такую оценку доказательств, которая будет соответствовать требованиям закона в отношении их качества и количества [3, с. 203].

Следовательно, положения Концепции и мнения уважаемых представителей уголовного судопроизводства позволяют полагать, что

включение следственного судьи в состязательный процесс поможет уравнивать права стороны обвинения и стороны защиты, когда адвокаты будут на одной ступени с обвинением в собирании доказательств по уголовному делу. В этой связи представляется познавательным мнение А. В. Смирнова о том, что следует создавать такой институт следственных судей, которые при реализации своих полномочий не должны участвовать в рассмотрении уголовного дела по существу, а их деятельность в первую очередь направлена на закрепление доказательств. Это «помогло бы действительно создать равенство между сторонами в процессе следствия, сократило бы сроки предварительного расследования, а также, возможно, предотвратило бы возбуждение безосновательных уголовных дел. Аналогичного мнения придерживаются адвокат Г. М. Резник и судья А.И. Ковлер» [4, с. 227].

Авторы справедливо подчёркивают, что долгое время существует традиционное неравенство возможностей сторон обвинения и защиты в собирании доказательств на стадии предварительного расследования. И. Е. Милова пишет, что уголовное судопроизводство России сложилось таким образом, что практически все доказательства по уголовному делу собираются на досудебных стадиях. В ходе судебного разбирательства, конечно, сторона защиты пользуется правом предоставления доказательств, но фактически в суде первой инстанции имеет место исследование, проверка и оценка уже ранее собранных доказательств. Бесспорно наличие заведомой асимметрии в возможностях сторон с противоположными процессуальными интересами по собиранию доказательств, при которой имеет место обвинительный уклон. В связи с этим И. Е. Милова полагает, что «только там, где действует следственный судья, и можно говорить о наличии предварительного следствия, поскольку в его задачу входит формирование судебных доказательств. Деятельность, осуществляемая на досудебных стадиях процесса, по большей части вообще не имеет никакого отношения к следствию, так как сводится к исключительно административным функциям. Именно поэтому в ее результате не создаются доказательства, а лишь получается предварительная (сигнальная) информация» [10]. Однако в уголовном процессе большое значение имеет время, процессуальные сроки, и сторона защиты на досудебных стадиях даже в целях повышения оперативности расследования не наделена полными правами на собирание такой «предварительной (сигнальной) информации».

В свете вышеизложенного для нас очевидна необходимость введения в отечественный уголовный процесс следственного судьи, что стало бы значительным шагом вперёд в усилении активной роли защитника на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Следственный судья видится нам активным участником доказательственного процесса [10]. Тем не менее, мы принимаем во внимание и мнение тех авторов, которые справедливо указывают на прозрачность данных перспектив

²Смирнов А. Вокруг института следственных судей: манипуляции с «американизацией» и «объективной истиной» [Электронный ресурс] // Сайт «Российское агентство правовой и судебной информации». – Режим доступа: http://gapsinews.ru/judicial_analyst/20150323/273371872.html (дата обращения: 01.02.2022 г.).

при условии ненарушения интересов эффективности и оперативности досудебного производства, сохранения полной независимости и объективности органов судебной власти [5, с. 79].

Как отмечается в отдельных источниках, по мнению представителей Генеральной прокуратуры РФ, такие возможности приведут к «неизбежному вторжению следственных судей в сферу деятельности, связанную с осуществлением уголовного преследования», что «вынудит суд стать по одну из «сторон баррикады»»³. К примеру, при заявлении адвокатом ходатайства о проведении судебных экспертиз для следственного судьи его рассмотрение обязательно и, возможно, будет направлено для дачи заключения. Таким образом, наиболее оптимальной будет состязательность на досудебных стадиях процесса.

Проанализировав мнение зарубежных учёных, можно сказать следующее. Иностранные практические работники подчёркивают положительный опыт судебного контроля следственным судьей и отмечают, что институт следственного судьи носит характер реализации неотложной защиты. К примеру, на Украине действуют три уровня следственных судей: следственный судья местного суда, следственный судья апелляционного суда и следственный судья Высшего антикоррупционного суда. Особенное значение придаётся соблюдению так называемых «приватных» (частных) прав личности.

В то же время украинский опыт показывает, что отдельные положения нуждаются в модернизации. Подтверждением служит судебная статистика по обжалованию решений следственных судей. К примеру, в своём диссертационном исследовании Т. А. Музыченко приводит данные, которые демонстрируют существенное увеличение удельного веса апелляционных жалоб на определения следственных судей, которыми ограничивались личные права граждан в сфере частной собственности: «Если в 2014 г. в суды апелляционной инстанции поступило 924 апелляционные жалобы на определения следственных судей об удовлетворении ходатайства об аресте имущества (из них апелляционными инстанциями отменено 35,7 % принятых решений), то в 2015 г. – 1 тыс. 846 (из них 32,4 % решений отменено), в 2016 г. – 3 тыс. 49 (из них отменено 39,3 % постановлений), а уже в 2017 г. подано 4 тыс. 887 апелляционных жалоб, из которых по результатам апелляционного пересмотра 42,3 % постановлений следственных судей об аресте имущества отменено»⁴. Данные статистики свидетельствуют о том, что институт следственных судей ещё недостаточно проработан.

В Казахстане наиболее серьёзные полномочия следственного судьи делят на следующие группы:

- санкционирование следственных действий, при совершении которых могут нарушаться конституционные права и свободы участников уголовного процесса;

- рассмотрение жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора;

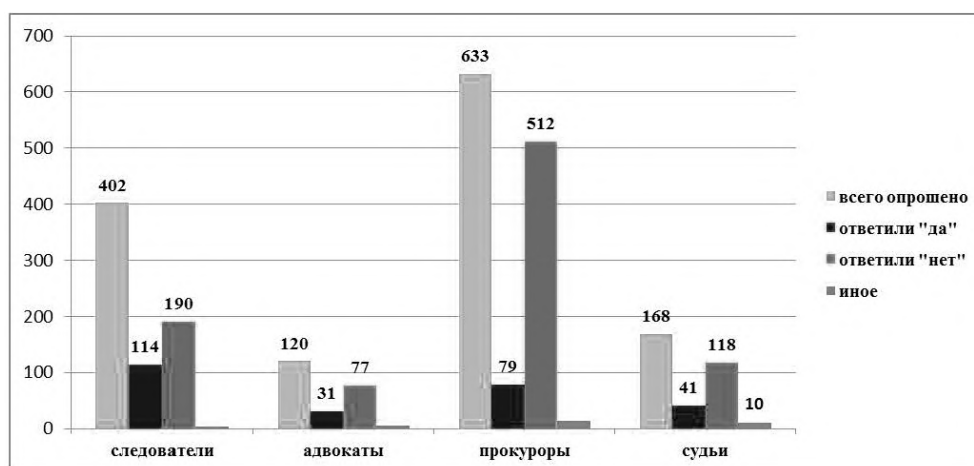
- обеспечение исследования в досудебном производстве доказательств, представляемых стороной защиты.

Мы задались целью проанализировать нормативное содержание статуса следственного судьи в Казахстане. Если обратиться к ст. 55 УПК Казахстана, очевидно, что следственный судья выполняет те же полномочия, что и российский судья суда общей юрисдикции по первой инстанции в рамках судебного контроля. Стоит заметить, что ч. 2 ст. 55 УПК Республики Казахстан возлагает на следственного судью, например, следующие полномочия: рассмотрение жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя и прокурора; депонирование в ходе досудебного производства показаний потерпевшего и свидетеля; по мотивированному ходатайству адвоката, участвующего в качестве защитника, рассмотрение вопроса об истребовании и приобщении к уголовному делу любых сведений, документов, предметов, имеющих значение для уголовного дела, за исключением сведений, составляющих государственные секреты, в случаях отказа в исполнении запроса либо непринятия решения по нему в течение трёх суток; по мотивированному ходатайству адвоката, участвующего в качестве защитника, рассмотрение вопроса о назначении экспертизы либо производстве органом уголовного преследования иных следственных действий, за исключением негласных следственных действий, в том числе если органом уголовного преследования в удовлетворении такого ходатайства было необоснованно отказано либо по нему не принято решение в течение трёх суток; по ходатайству адвоката, участвующего в качестве защитника, рассмотрение вопроса о принудительном приводе в орган, ведущий уголовный процесс, ранее опрошенного им свидетеля, обеспечение явки которого для дачи показаний затруднительно. Мы отметили полномочия следственного судьи, которые актуальны для уголовного судопроизводства России и могут служить средством баланса объективной состязательности стороны защиты и стороны обвинения.

Следовательно, полномочия судебной власти неразрывно связаны с осуществлением правосудия в состязательном судебном разбирательстве, которое включает в себя участие лиц, для которых материалы уголовного дела доступны. К. А. Савельев пишет: «...При осуществлении судебного контроля о состязательности говорить не приходится: как правило, сторона защиты лишена возможности участвовать в рассмотрении ходатайства следователя о санкционировании следственных действий. Очевидно, что и с появлением судебного следователя ситуация не изменится, поскольку предварительное извещение обвиняемого о планируемых следственных действиях грозит их срывом и поэтому невозможно.

³ Виграйзер А. Следственные судьи: новая надежда [Электронный ресурс] // Сайт «Адвокатская улица». – 2020. – 13 фев. – Режим доступа: <https://advstreet.ru/article/sledstvennye-sudi-novaya-nadezhda/> (дата обращения: 0.02.2022).

⁴ Музыченко Т.А. Апеляційне оскарження ухвал слідчого судді щодо правомірності обмеження права власності особи у досудовому розслідуванні: дис. канд. юрид. наук: 12.00.09 / Музыченко Тетяна Олександрівна – Киев, 2018. – С. 16.

В случае избрания меры пресечения говорить о состязательности также невозможно, так как на этот момент защита с уголовным делом не знакома и по общему правилу ограничена в своих средствах одним только указанием на характеристику личности обвиняемого. Не владея информацией об имеющихся в деле доказательствах, обвиняемый и его защитник не могут указать на имеющиеся в деле противоречия, ставящие под сомнения доводы следователя о наличии оснований для применения меры пресечения. Таким образом, возникает парадоксальная ситуация – носитель судебной власти вынуждается разрешать поставленные перед ним вопросы вне состязательного процесса [1, с. 109]. Не теряют актуальности и концептуальные мысли Р. С. Белкина, который неоднократно подчёркивал возможность реальной состязательности, но при условии, что будет два параллельных и легальных уголовных дела, одно – в руках органов уголовного преследования, другое – в руках стороны защиты.

В этой связи следует вспомнить, как именовался аналогичный следственному судье участник в дореволюционный период российского судопроизводства – «судебный следователь». Из содержания термина ясно, что ставится под вопрос пассивная роль суда, как независимого арбитра. Следователь при суде предполагает активную роль суда. И какую? Связанную с собиранием доказательств. В свете позиции К. А. Савельева обвинительного уклона России не избежать.

Нами было проведено анкетное исследование на территории 10 регионов Российской Федерации, в котором приняли участие 402 следователя, 120 адвокатов, 633 прокурора, 168 судей. В частности, практическим работникам был задан вопрос, считают ли они целесообразным введение в уголовный процесс такого участника, как «судебный следователь». Мы получили следующие результаты: ответ «да» – 114 (следователи), 31 (адвокаты), 79 (прокуроры), 41 (судьи); ответ «нет» – 190 (следователи), 77 (адвокаты), 512 (прокуроры), 118 (судьи), ответ «иное» – 3 (следователи), 5 (адвокаты), 14 (прокуроры), 10 (судьи). Как видно, большинство практиков против введения нового участника по вопросам судебного контроля и баланса интересов участников (см. диаграмму).

Анкетирование показало, что преимущественно отрицательной позиции придерживаются

прокуроры. Думается, волнения прокуроров вызваны тем, что в перспективе возможно смешение полномочий прокурора и следственного судьи. Зарубежный опыт подтверждает проблематику коллизии функционирования следственного судьи и надзорных полномочий прокурора.

Критическое мнение было высказано и учёными, авторитетными представителями уголовно-процессуальной науки ведомственных вузов Следственного комитета РФ. К примеру, Ю. П. Борлуенков считает, что «следственный судья в концепции реорганизации досудебного производства в аспекте технологии уголовно-процессуального познания является «слабым звеном», поскольку фактически не имеет возможности выполнять познавательную функцию. А следователь по определению осуществляет познание» [11]. Думается, что следственный судья в первую очередь должен быть нацелен не на то, чтобы осуществлять функцию резерва государственной власти и формально помогать адвокатам в собирании доказательств, а так же, как и другие участники, он должен иметь право на исследование материалов уголовного дела, соответственно, и на основания в отказе оказания содействия адвокатам в процессе собирания доказательств. Статус следственного судьи предполагает активное участие в познании и исследовании сущности уголовного дела, но в то же время он не подменяет статус следователя и судьи, в производстве которых находится уголовное дело.

Интерес представляет то, что в России планировалось ввести следственных судей по особо тяжким уголовным делам, да и при всех судах, за исключением мировых. Априори следственный судья рассматривается в качестве самостоятельного субъекта доказывания, который имеет право на проявление по своему усмотрению активности в исследовании обстоятельств по уголовному делу. В этой связи не теряет актуальности требование обосновывать свои процессуальные решения.

В. Ю. Стельмах не видит в функционировании следственного судьи перспектив для объективизации состязательности уголовного процесса по причине того, что следственный судья деформирует процессуальный статус судьи. Причина в том, что главная задача судьи – это разрешение уголовного дела по существу.

В случае со следственным судьёй имеет место «переключение только на вопросы судеб-

ного контроля, что, возможно, приведёт к снижению его квалификации... Если следственный судья будет специализироваться исключительно на рассмотрении материалов в досудебном производстве, неизбежно произойдёт его неоправданно сильная консолидация с органами предварительного расследования, то есть именно то, что законодатель стремился предотвратить чередование разрешения досудебных материалов и уголовных дел по существу» [6, с. 57]. Нам же думается, что следственный судья является универсальным судьёй, который в силу волевых установок должен видеть перспективу уголовного дела и содействовать реализации равноправия сторон на досудебных этапах процесса доказывания по уголовному делу.

В. А. Телегина высказывает мнение о бесперспективности «усиления позиции стороны защиты, поскольку усиление возможностей одной из сторон обязательно повлечет ослабление позиций другой. Принцип состязательности при этом будет нарушаться. К тому же сторона обвинения представляет ещё и интересы потерпевшего, которые не менее важны с точки зрения защиты прав и свобод человека и гражданина» [7, с. 237]. Думается, что с данным тезисом можно согласиться не в полной мере, поскольку следственный судья, не предвещая исхода уголовного дела, должен действовать в рамках УПК РФ в первую очередь в интересах обеспечения законности и реализации ст. 6 УПК РФ.

В свете опыта зарубежных государств следственный судья не вправе по собственной инициативе совершать действия и принимать решения по уголовному делу. Фактически следственный судья в Казахстане принимает участие в содействии собирания доказательств по инициативе органов уголовного преследования, стороны защиты. Заметим то, что следственный судья не имеет права нарушать процессуальную самостоятельность следователя, замещать надзор прокурора, предвещать вопросы, которые являются предметом судебного разбирательства по существу [12], но, автономный и не зависимый от других правоохранительных органов, следственный судья может отчасти регулировать баланс интересов стороны защиты и стороны обвинения.

Полагаем, что следственный судья как самостоятельный и независимый участник уголовного судопроизводства позволит объективизировать реализацию принципа состязательности в уголовном процессе России, став основным гарантом реализации судебного контроля в интересах обеспечения прав и свобод граждан в условиях беспристрастности к стороне обвинения. Не стоит забывать слова известного российского профессора И. Л. Петрухина, который писал: «Судебный контроль является достоянием мировой правовой культуры и результатом длительного процесса развития цивилизации»⁵. Вместе с тем вспоминается концептуальный подход к защите прав личности, предложенный О. И. Андреевой, которая писала об условиях ограничения прав личности, таких, как: «законность ограничения прав и правовая определён-

ность положений закона, ограничивающих права личности; наличие установленной процедуры ограничения и соответствие ее международным стандартам в области защиты прав человека; существование механизма реализации прав, закреплённого в законе; наличие в законе гарантий соблюдения прав (в том числе эффективных способов охраны и защиты нарушенного права: возможность применения ограничения по решению суда, возможность обжаловать ограничение в суд, действенный периодический контроль за необходимостью продолжения ограничения и процедура отмены ограничения)»⁶.

Видимо, следственный судья перспективен как один из участников, который в состоянии стать гарантом соблюдения прав личности в уголовном процессе. К тому же не только на досудебных стадиях, но и при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции нередко возникают вопросы получения новых доказательств, особенно, когда активизируется сторона защиты и заявляет ходатайство о получении того или иного доказательства по делу. Не исключены подобного рода ходатайства и со стороны обвинения. Как пишет О. И. Андреева, «в тех же ситуациях, когда для исправления неустранимых в судебном заседании нарушений закона, препятствующих рассмотрению и принятию судом решения по существу уголовного дела, требуется получение новых доказательств, и, как следствие, производство следственных действий, законодатель должен предусмотреть иной механизм»⁷. И в качестве одного из элементов такого механизма мы видим следственную судью, благодаря которому собирание доказательств станет более полным именно на досудебных стадиях.

Разумеется, мы поддерживаем Л. В. Головки, который отмечает, что «необходимо строить свою, российскую модель предварительного расследования без бесконечных шаляханий в угоду европейским стандартам и рекомендациям международных организаций, постепенно восстанавливая положение не «объекта», но «субъекта» уголовно-процессуального влияния, очень верное и своевременное» [8, с. 13, 16].

Резюмируя изложенное, мы полагаем, что хотя Россия богата своим национальным опытом, но и метод сравнительного правоведения нам всегда на пользу. Учитывая недостатки и пробелы в практике зарубежных государств, мы в состоянии разработать и применить оптимальную модель следственного судьи, который будет действовать в интересах реализации конституционных начал уголовного судопроизводства.

⁵ Петрухин И. Л. Прокурорский надзор и судебная власть : учеб. пособие. – Москва: Проспект, 2001. – С. 3.

⁶ Андреева О. И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Андреева Ольга Ивановна. – Томск, 2007. – С. 40.

⁷ Там же. – С. 42.

В научной и практической деятельности мы часто говорим об универсальности уголовно-процессуальной формы, которая направлена на реализацию состязательности и достижение справедливости сторонами процесса. Следовательно, в аспекте существующего дисбаланса на досудебных стадиях нам необходим следственный судья.

В свете сложившегося дисбаланса реализации состязательности сторон на досудебных стадиях уголовного процесса российскому судопроизводству необходим посредник – следственный судья, с помощью которого удастся оптимизировать процесс доказывания в интересах достижения справедливости и уравнивания процессуальных возможностей сторон.

Список литературы

1. Савельев К. А. Нужны ли российскому судопроизводству следственные судьи? // Судебная власть и уголовный процесс. – 2021. – № 1. – С. 108–116.
2. Головкин Л. В. Постсоветская теория судебного контроля в досудебных стадиях уголовного процесса: попытка концептуального пересмотра // Государство и право. – 2013. – № 9. – С. 17–32.
3. Рябинина Т. К. Необходим ли российскому уголовному процессу институт следственного судьи // Lex Russica. – 2017. – № 12. – С. 201–204.
4. Поддубняк А. А., Авдеев И. М. Возрождение института следственных судей в РФ // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). – № 3. – С. 227–233.
5. Дерисhev Ю. В. Следственный судья в досудебном производстве // Уголовное право. – 2004. – № 3. – С. 79–81.
6. Стельмах В. Ю. Нужны ли в Российской Федерации следственные судьи? // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2021. – № 3. – С. 55–58.
7. Телегина В. А. К вопросу о создании института следственных судей // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 2. – С. 235–242.
8. Головкин Л. В. Архетипы досудебного производства, возможные перспективы развития отечественного предварительного следствия // Уголовное судопроизводство. – 2014. – № 2. – С. 9–16.
9. Поддубняк А. А., Аблаева Д. С. Институт следственных судей в России: проблемы и перспективы // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2009. – Т. 5 (71). – № 1. – С. 179–184.
10. Милова И. Е. Следственный судья: возрождение института // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2016. – Т. 1. – № 2. – С. 196–202.
11. Боруленков Ю. П. Призывы к ликвидации предварительного следствия не основаны на современных российских реалиях // Уголовное судопроизводство. – 2016. – № 1. – С. 16–21.
12. Мергенова Г. Ж. Следственные судьи: казахстанский опыт и российские перспективы // Уголовный процесс. – 2020. – № 4 (184). – С. 60–63.

References

1. Savel'yev K. A. Nuzhny li rossiyskomu sudoproizvodstvu sledstvennyye sud'i? // Sudebnaya vlast' i ugovolnyy protsess. – 2021. – № 1. – S. 108–116.
2. Golovko L. V. Postsovetskaya teoriya sudebnogo kontrolya v dosudebnykh stadiyakh ugovolnogo protsessa: popytka kontseptual'nogo peresmotra // Gosudarstvo i pravo. – 2013. – № 9. – S. 17–32.
3. Ryabinina T. K. Neobkhodim li rossiyskomu ugovolnomu protsessu institut sledstvennogo sud'i // Lex Russica. – 2017. – № 12. – S. 201–204.
4. Poddubnyak A. A., Avdeyev I. M. Vozrozhdeniye instituta sledstvennykh sudey v RF // Uchonyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. – 2020. – T. 6 (72). – № 3. – S. 227–233.
5. Derishev Yu. V. Sledstvennyy sud'ya v dosudebnom proizvodstve // Ugolovnoye pravo. – 2004. – № 3. – S. 79–81.
6. Stel'makh V. Yu. Nuzhny li v Rossiyskoy Federatsii sledstvennyye sud'i? // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2021. – № 3. – S. 55–58.
7. Telegina V. A. K voprosu o sozdaniy instituta sledstvennykh sudey // Uchonyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo univ'rsiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki. – 2015. – № 2. – S. 235–242.
8. Golovko L. V. Arkhetipy dosudebnogo proizvodstva, vozmozhnyye perspektivy razvitiya otechestvennogo predvaritel'nogo sledstviya // Ugolovnoye sudoproizvodstvo. – 2014. – № 2. – S. 9–16.
9. Poddubnyak A. A., Ablayeva D. S. Institut sledstvennykh sudey v Rossii: problemy i perspektivy // Uchonyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. – 2009. – T. 5 (71). – № 1. – S. 179–184.
10. Milova I. Ye. Sledstvennyy sud'ya: vozrozhdeniye instituta // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva. – 2016. – T. 1. – № 2. – S. 196–202.
11. Borulenkoy, Yu. P. Prizyvyy k likvidatsii predvaritel'nogo sledstviya ne osnovany na sovremennykh rossiyskikh realiyakh // Ugolovnoye sudoproizvodstvo. – 2016. – № 1. – S. 16–21.
12. Mergenova, G. Zh. Sledstvennyye sud'i: kazakhstanskiy opyt i rossiyskiye perspektivy // Ugolovnyy protsess. – 2020. – № 4(184). – S. 60–63.

Статья поступила в редакцию 02.03.2022; одобрена после рецензирования 16.04.2022; принята к публикации 26.05.2022.

The article was submitted March 2, 2022; approved after reviewing April 16, 2022; accepted for publication May 26, 2022.

Научная статья
УДК 343.326
doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-108-113

Михаил Александрович Бугера
кандидат юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0003-4752-0620>, bugera@mail.ru

*Волгоградская академия МВД России
Российская Федерация, 400089, Волгоград, ул. Историческая, д. 130*

Борьба с хищениями сотовых телефонов и персональных данных, содержащихся в них: проблемы и пути решения

Аннотация: В последние годы проблема борьбы с хищениями сотовых телефонов по-прежнему продолжает оставаться актуальной. На современном этапе развития криминологической мысли вопросы борьбы с хищениями сотовых телефонов остаются злободневными, требуют постоянного исследования и выработки конкретных превентивных мер.

Сегодня мобильный телефон можно сравнить с полноценным карманным компьютером, куда каждый пользователь в зависимости от своих предпочтений и нужд может загрузить то или иное приложение (развлекательное, коммуникационное, навигационное и т. д.), необходимое ему для решения конкретных задач. С каждым годом технологические характеристики реализуемых сотовых телефонов на территории Российской Федерации становятся все совершеннее, сотовый телефон перестает быть только средством связи. Ныне он обрел многофункциональные свойства, а также содержит в себе конфиденциальную информацию, получив которую путём хищения сотового телефона, преступники способны совершить в отношении потерпевшего и другие тяжкие преступления, о которых рассказывает автор статьи. Также им сформулированы меры, направленные как на борьбу с хищениями сотовых телефонов, так и на обеспечение безопасности персональных данных в случае завладения преступником сотовым телефоном.

Ключевые слова: сотовый телефон, предупреждение, хищение чужого имущества

Для цитирования: Бугера М. А. Борьба с хищениями сотовых телефонов и персональных данных, содержащихся в них: проблемы и пути решения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 108–113; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-108-113.

Mikhail A. Bugera
Cand. Sci. (Jurid), Docent
<https://orcid.org/0000-0003-4752-0620>, bugera@mail.ru

*Volgograd Academy of the Ministry of the MIA of Russia
130, Historical str., Volgograd, 400089, Russian Federation*

Fighting theft of cell phones containing personal data: problems and solutions

Abstract In recent years the problem of fighting cell phones theft has been still relevant. At the present stage of development of criminological thought, the issues of combating cell phone theft remain topical, require constant research and the development of specific preventive measures.

Today, a mobile phone can be compared to a full-fledged pocket computer, where each user, depending on his preferences and needs, can download one or another application (entertainment, communication, navigation, etc.) that he needs to solve specific problems. Every year the technological characteristics of the cell phones to be sold on the territory of the Russian Federation become more and more perfect. The cell phone is not only a means of communication; it has had multifunctional properties and also has contained confidential information. Having stolen a cell phone any criminal can get an access to such information and is able to commit others serious crimes against the victim. These crimes are analyzed by the author of this article. The author of the article also formulates measures to fight cell phones theft and ensure the security of personal data in cases if a criminal has stolen a cell phone.

Keywords: cell phone, warning, theft of other people's property.

For citation: Bugera M. A. Fighting theft of cell phones containing personal data: problems and solutions // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – P. 108–113; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-108-113.

На современном этапе развития криминологической мысли вопросы борьбы с хищениями сотовых телефонов остаются актуальными, требуют постоянного исследования и выработки конкретных превентивных мер.

Разработанная во исполнение указов Президента Российской Федерации В. В. Путина¹ Концепция «Цифровая трансформация 2030» ставит задачи внедрения интеллектуальных систем управления на базе цифровых технологий в ПАО «Россети», а также выполнения программы «Цифровая экономика Российской Федерации», что, безусловно, окажет влияние на жизнь буквально каждого гражданина России, приведет к достижению цифровой зрелости ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления, увеличению доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95 %.

Бесспорно, научно-технический прогресс служит главной движущей силой развития общества, и это утверждение неоспоримо. Ранее мы отмечали [4], что сотовый телефон больше не является предметом роскоши, теперь это многофункциональное средство связи, доступное практически всем категориям граждан. Сегодня мобильный телефон можно сравнить с полноценным карманным компьютером, куда каждый пользователь в зависимости от своих предпочтений и нужд может загрузить то или иное приложение (развлекательное, коммуникационное, навигационное и т. д.), необходимое ему для решения конкретных задач.

По итогам первой половины 2021 г. продажи мобильных телефонов в России выросли на 6 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и достигли в штучном выражении 20,3 млн². По словам аналитиков, ценовая сегментация в первом полугодии 2021 г. составила от 8 до 60 тыс. руб. Исходя из приведенных данных можно заключить, что в настоящее время практически каждый человек имеет сотовый телефон стоимостью более 8 тыс. руб. Вместе с тем наряду с увеличением количества прода-

ваемых сотовых телефонов растет и число их хищений. Анализ уголовной статистики по ряду субъектов Российской Федерации показал, что их удельный вес в общей структуре преступности составляет от 17,2 до 20,5 %, а в структуре хищений – от 25,6 % до 30,5 % [7]. Одной из основных причин совершения названных преступлений является беспечность владельцев сотовых телефонов, поскольку значительное число краж совершается в то время, когда гаджет остаётся без присмотра. Однако приведенная статистика не отражает реального состояния преступности, так как большинство анализируемых нами преступлений остаются латентными: потерпевшие не спешат обращаться в правоохранительные органы с заявлениями о хищениях сотовых телефонов, поскольку не верят в то, что последние будут найдены, а виновные понесут заслуженное наказание.

Похищенный сотовый телефон преступник реализует преимущественно через скупки. При этом во многих случаях установить и доказать причастность лица к совершению преступления не представляется возможным. Так, гр-ка С тайно похитила чужое имущество, причинив тем самым значительный ущерб гражданину, при следующих обстоятельствах. С 13 ч 00 мин до 14 ч 00 мин С находилась на территории, прилегающей к дому <номер> по <адрес>, где увидела, что у Потерпевшего № 1 из кармана выпал сотовый телефон <название> стоимостью 6200 руб. Реализуя преступный умысел, направленный на тайное хищение чужого имущества с причинением значительного ущерба гражданину, из корыстных побуждений, в целях личного обогащения, а именно, указанного сотового телефона, тайно похитила принадлежащий Потерпевшему № 1 сотовый телефон <название> стоимостью 6200 руб., после чего скрылась с места совершения преступления, похищенным распорядилась по своему усмотрению, причинив Потерпевшему № 1 значительный материальный ущерб в сумме 6200 руб.³

Мы солидарны с точкой зрения А. Б. Максимова, согласно которой противодействие хищениям сотовых телефонов сопряжено с рядом проблем⁴.

Вместе с тем позиция учёного, а также анализ материалов следственной и судебной практики и проведённый опрос сотрудников органов внутренних дел позволили устано-

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2022); О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.02.2022).

² Бахур Владимир. Продажа смартфонов в России рванула вверх благодаря iPhone 12 [Электронный ресурс] // Сайт «С-news». – URL: https://www.cnews.ru/news/top/2021-08-12_prodzazhi_smartfonov_v_rossii (дата обращения 02.02.2022).

³ Приговор Михайловского районного суда (Волгоградская область) № 1-200/2020 от 13 июля 2020 г. по делу № 1-200/2020 [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HDz6eUERAu1O/> (дата обращения 02.02.2022).

⁴ Максимович А. Б. Средства сотовой связи как объект криминалистического исследования : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12 / Максимович Анна Борисовна. – Москва, 2018. – 251 с.

вить некоторые из них: незнание субъектами раскрытия и расследования основ устройства и принципов работы сотовых систем; правовой порядок получения информации с технических каналов связи; трудности производства отдельных следственных действий; неиспользование следователями частных криминалистических методик расследования. Кроме того, большое количество и рост преступлений данной категории обусловлены отсутствием эффективных научных рекомендаций и единой методической базы по их расследованию.

Как показывает статистика хищений сотовых телефонов на территории Волгоградской области (137 уголовных дел), самыми распространёнными мерами, направленными на привлечение к ответственности лиц, совершивших данное преступление, являются:

- проведение сотрудниками правоохранительных органов рейдов и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на поиск похищенных сотовых телефонов, в местах, где происходит реализация сотовых телефонов. Это, в частности, скупки, рынки, мастерские по ремонту сотовых телефонов и т.д.;

- использование специальных программ геолокации, а также привлечение операторов сотовой связи, с помощью которых производится поиск телефона по IMEI;

- пеленация для обнаружения местонахождения сотового телефона.

Однако, как показывает следственная практика, даже при определении местонахождения похищенного сотового телефона установить лицо, причастное к его совершению, зачастую не представляется возможным. Такое происходит по следующим причинам: во-первых, операторы сотовой связи практически в каждом случае обращения к ним следователя (дознавателя) в рамках расследования уголовного дела умышленно затягивают сроки предоставления необходимой информации по соответствующему запросу должностного лица, что в свою очередь не позволяет раскрывать преступление оперативно, «по горячим следам»; во-вторых, это проблема идентификации владельца сим-карты, возникающая вследствие использования неавторизованных сим-карт или сим-карт с внесёнными в учётные документы недостоверными сведениями; в-третьих, преступники, похитившие сотовый телефон, изменяют уникальный 15-значный номер – IMEI (International Mobile Equipment Identifier), который автоматически определяется оператором при подключении устройства к сети.

Преступники, видя неспособность правоохранительных органов привлечь их к ответственности, продолжают совершать аналогичные преступления. Так, сотрудники отдела полиции № 3 УМВД России «Красноярское» нашли два сотовых телефона и вернули их владельцам. Первое преступление произошло в середине апреля 2021 года, когда в полицию обратился 45-летний мужчина с заявлением о краже имущества стоимостью более 6 тыс. руб.

Он рассказал, что был в гостях, а по приходе домой не обнаружил своего телефона. Во втором случае 54-летняя жительница краевого центра написала заявление в полицию в июле 2021 года. По словам женщины, у нее похитили телефон стоимостью 6 тыс. руб. из комнаты в общежитии. По данным фактам следователями были возбуждены уголовные дела по признакам преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации. При проведении оперативных мероприятий сотрудники уголовного розыска установили местонахождение пропавших гаджетов и изъяли их. Однако лиц, причастных к совершению преступлений, установить не удалось⁵.

Необходимо обратить внимание на то, что сегодня хищения сотовых телефонов совершаются не для их последующей продажи, а в целях получения персональных данных граждан (фамилия, имя, отчество; номер и серия паспорта; адрес электронной почты; номер банковской карты и т. д.), которые нужны для доступа к их картам и банковским счетам. Приведем пример. У И. украли смартфон, на котором были установлены приложения «Госуслуги», «Мобильный банк», электронная почта и др. С карты одного из банков преступники перевели небольшую сумму денежных средств. Другие карты И. успел заблокировать. По данному факту он обратился с заявлением в полицию, но уголовное дело возбуждать не стали, поскольку ущерб от преступных действий был незначительным. Далее И. купил новый телефон, установил на него названные приложения и поменял пароли. Вскоре он попытался зайти в личный кабинет портала «Госуслуги», однако ни с телефона, ни с компьютера не смог этого сделать. И. позвонил на «горячую линию», но даже с помощью оператора получить доступ к учетной записи не удалось. Оператор предположила, что в данном случае произошла не техническая ошибка, а осуществлен взлом аккаунта. И. снова обратился в полицию, где его заявление оставили без внимания, так как ему на тот момент ещё не причинили никакого материального ущерба. Далее у И. внезапно изменился номер мобильного телефона. По-видимому, это было сделано злоумышленниками, чтобы И. какое-то время не получал сообщений от кредитных организаций. Абонентский номер был восстановлен на следующий день после того, как И. написал оператору сотовой связи заявление о мошенничестве. Однако за данный период преступники оформили на имя И. кредитную карту, с которой сняли около 500 тыс. руб. Чтобы разрешить возникшую ситуацию, И. обращался в Пенсионный фонд России, многофункциональный центр, звонил на «горячую линию» портала «Госуслуги» и в банк, но все эти действия не повлекли за собой никакого положительного результата: срок рассмотрения заявления составляет от 10 до 30 дней.

⁵ Официальный сайт ГУ МВД России по Красноярскому краю: <https://24.mvd.pf/news/item/27750455/> (дата обращения 01.02.2022).

Кроме того, доследственная проверка проводилась 14 дней. Вместе с тем И. получил СМС от еще одного банка с предложением взять кредит. Потерпевший отправился в офис кредитной организации, где выяснилось, что на его имя оформлена дебетовая карта и оставлен запрос на кредит наличными. Карту получил в другом городе человек по поддельному паспорту (все данные, кроме фотографии и подписи, были аналогичны данным И.). И. сразу же подал заявление на выдачу нового паспорта, что заняло еще неделю. Видя всю сложность ситуации, И. обратился в бюро кредитных историй и узнал, что мошенники оформили на его имя несколько микрозаймов и кредит в одном из банков. Таким образом, долг И. составил более миллиона рублей. При этом последний кредит был оформлен удаленно через электронную цифровую подпись, которая была получена с помощью данных, указанных И. на портале «Госуслуги» (ИНН и СНИЛС). Отозвать сертификат на подпись можно только в том удостоверяющем центре, где он был выпущен, выяснить это до настоящего времени не удалось⁶.

Из приведенного примера видно, что в целях незаконного обогащения преступники используют сложные схемы. Полагаем, с течением времени их число будет расти в геометрической прогрессии, поэтому уже сейчас важно разработать комплекс превентивных мер.

К основным детерминантам хищений сотовых телефонов мы относим:

- безработицу, увеличение налогов, рост цен на продукты питания и товары первой необходимости, социально-экономическое расслоение граждан, толкающее многих на поиск средств к существованию;

- либерализацию уголовного законодательства в части уголовной ответственности за хищение сотовых телефонов и информации, содержащейся в них.

Следует отметить, что перечень детерминант не исчерпывается приведенными нами причинами и условиями совершения хищений сотовых телефонов.

Как видим, многие проблемы противодействия хищениям сотовых телефонов остаются нерешенными. Латентность хищений сотовых

телефонов, неслаженная работа правоохранительных органов и операторов сотовой связи обуславливают необходимость подготовки научно обоснованных предложений по совершенствованию деятельности различных субъектов в этой области. Данное обстоятельство послужило определяющим вектором углубленного изучения параметров борьбы с хищениями сотовых телефонов и информации, содержащейся в них, а также выработки конкретных превентивных мер.

Поэтому в целях борьбы с хищениями сотовых телефонов и содержащейся в них информации мы считаем, что сотрудникам правоохранительных органов необходимо распространять среди граждан информацию о следующих мерах, направленных на предупреждение хищений сотовых телефонов и персональных данных, в них содержащихся:

- блокируйте телефон, убедитесь, что функция блокировки экрана включена;

- используйте шифрование для сохранности важной для вас информации. Проверьте, есть ли на телефоне функция шифрования данных и убедитесь, что она используется. В случае кражи телефона преступники не смогут получить доступ к личной информации, хранящейся на нём;

- сообщите в правоохранительные органы о краже вашего сотового телефона, а также его IMEI (International Mobile Equipment Identifier – международный идентификатор мобильного оборудования);

- проверьте свои аккаунты с других устройств на наличие попыток входа. Воспользуйтесь функцией завершения сеансов на всех устройствах – так вы избежите риска лишиться своих аккаунтов.

Кроме того, по опыту зарубежных государств – таких как США, Великобритания, Германия и других, где существует практика черных списков украденных сотовых телефонов – необходимо внести в Федеральный закон «О связи», в частности, блокировку похищенных или утерянных сотовых телефонов по номеру международного идентификатора мобильного оборудования (IMEI), тем самым сделав сотовый телефон бесполезным для дальнейшего использования.

Приведенный нами перечень мер может быть дополнен. Однако знание и умение потерпевших действовать в обозначенных ситуациях позволит им не допустить совершения в отношении них преступлений.

⁶ Потерял телефон – отдавай миллион [Электронный ресурс] // Сайт «Финансовая культура». – URL: <https://fincult.info/rake/poteryal-telefon-otdavay-million> (дата обращения 02.02.2022).

Список литературы

1. Батоев В. Б., Бычков В. В. Раскрытие и расследование хищений средств мобильной связи. – Москва: Юрлитинформ, 2013. – 216 с.
2. Бугера М. А. Мотивационный аспект причин хищения средств сотовой связи в Сибирском федеральном округе Российской Федерации // Юридический мир. – 2009. – № 6. – С. 71–75.
3. Бугера М. А. Общественная опасность хищения средств мобильной связи // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2008. – № 1 (14). – С. 54–55.
4. Бугера М. А. Отдельные причины и условия хищения, чужого имущества совершаемых дистанционно с использованием средств сотовой связи // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2020. – № 3 (54). – С. 39–43.

5. Варнаховская Е., Вяткин А. Расследование хищений мобильных телефонов // Законность. – 2005. – № 3. – С. 22–24.
6. Васюков В. Ф. Если похищен мобильный телефон (некоторые вопросы истребования информации о пользователях сотовой связи при расследовании грабежей и разбоев, совершаемых на открытой местности) // Закон и право. – 2009. – № 3. – С. 77–78.
7. Ковальчук Р. С. Криминологическая характеристика хищений мобильных телефонных аппаратов // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2009. – № 4. – С. 80–82.
8. Ковальчук Р. С. Причины и условия, способствующие хищениям мобильных телефонных аппаратов // Общество и право. – 2008. – № 1. – С. 171–173.
9. Крайнов И. В. Некоторые актуальные вопросы деятельности по обнаружению и выявлению преступлений связанных с хищением средств сотовой связи // Российский следователь. – 2008. – № 21. – С. 26–29.
10. Леончук М. Н. Проблемы раскрытия и расследования хищений средств сотовой связи и взаимодействия с операторами связи // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2007. – № 2 (5). – С. 145–150.
11. Макогон И. В., Косарева Л. В. Особенности расследования преступлений, связанных с хищениями средств сотовой связи // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2017. – № 1 (15). – С. 138–143.
12. Максимович А. Б. Юридические проблемы розыска похищенного мобильного телефона // Актуальные проблемы российского права – 2012. – № 3 – С. 261–265.
13. Портной А. Г., Никонович С. Л. Некоторые аспекты уголовно-правовой и криминологической характеристики хищений сотовых телефонов / Актуальные проблемы современной юриспруденции. – Липецк: Институт права и экономики, 2017. – С. 189–192.
14. Саранульцев С. Ю. Раскрытие особо тяжких преступлений, сопряжённых с хищением сотовых телефонов // Следственная практика. – 2006. – Выпуск 171. – С. 162–169.
15. Ударцев С. Ю. Использование средств массовой информации в раскрытии хищений средств сотовой связи / Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы Третьей международной научно-практической конференции, 14 апреля 2005 г. – Барнаул: Издательство Барнаульского юридического института МВД России, 2005. – С. 35–36.
16. Ударцев С. Ю. Некоторые проблемы предупреждения и раскрытия хищений средств сотовой связи // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2006. – № 10. – С. 88–90.
17. Шахбазов А. М. О некоторых факторах, влияющих на расследование и предупреждение хищений средств сотовой связи / Актуальные проблемы уголовной политики и судопроизводства : материалы VII научно-практической конференции, г. Волжский, 22 апреля 2008 г. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2008. – С. 133–135.
18. Шебалин А. В. Правовая регламентация получения сведений о соединениях абонентов как важное условие успешного расследования хищений средств сотовой связи // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2009. – № 2 (17). – С. 73–77.
19. Шойжилцыренов Б. Б. О некоторых проблемах противодействия хищениям средств сотовой связи и факторах, их детерминирующих (по материалам Байкальского региона) // Российский следователь. – 2009. – № 12. – С. 24–27.

References

1. Batoyev V. B., Bychkov V. V. Raskrytiye i rassledovaniye khishcheniy sredstv mobil'noy svyazi. – Moskva: Yurlitinform, 2013. – 216 s.
2. Bugera M. A. Motivatsionnyy aspekt prichin khishcheniya sredstv sotovoy svyazi v Sibirskom federal'nom okruge Rossiyskoy federatsii // Yuridicheskiy mir. – 2009. - № 6. – S. 71–75.
3. Bugera M. A. Obshchestvennaya opasnost' khishcheniya sredstv mobil'noy svyazi // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2008. – № 1 (14). – S. 54–55.
4. Bugera M. A. Otdel'nyye prichiny i usloviya khishchenii, chuzhogo imushchestva sovershayemykh distantsionno s ispol'zovaniyem sredstv sotovoy svyazi // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. – 2020. – № 3 (54). – S. 39–43.
5. Varpakhovskaya Ye., Vyatkin A. Rassledovaniye khishcheniy mobil'nykh telefonov // Zakonnost'. – 2005. – № 3. – S. 22–24.
6. Vasyukov V. F. Yesli pokhishchen mobil'nyy telefon (nekotoryye voprosy istrebovaniya informatsii o pol'zovatelyakh sotovoy svyazi pri rassledovanii grabezhey i razbojev, sovershayemykh na otkrytoy mestnosti) // Zakon i pravo. – 2009. – № 3. – S. 77–78.
7. Koval'chuk R. S. Kriminologicheskaya kharakteristika khishcheniy mobil'nykh telefonnykh apparatov // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2009. – № 4. – S. 80–82.
8. Koval'chuk R. S. Prichiny i usloviya, sposobstvuyushchiye khishcheniyam mobil'nykh telefonnykh apparatov // Obshchestvo i pravo. – 2008. – № 1. – S. 171–173.
9. Krainov I. V. Nekotoryye aktual'nyye voprosy deyatel'nosti po obnaruzheniyu i vyyavleniyu prestupleniy svyazannykh s khishcheniyem sredstv sotovoy svyazi // Rossiyskiy sledovatel'. – 2008. – № 21. – S. 26–29.

10. Leonchuk M. N. Problemy raskrytiya i rassledovaniya khishcheniy sredstv sotovoy svyazi i vzaimodeystviya s operatorami svyazi // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. – 2007. – № 2 (5). – S. 145–150.
11. Makogon I. V., Kosareva L. V. Osobennosti rassledovaniya prestupleniy, svyazannykh s khishcheniyami sredstv sotovoy svyazi // Rassledovaniye prestupleniy: problemy i puti ikh resheniya. – 2017. – № 1 (15). – S. 138–143.
12. Maksimovich A. B. Yuridicheskiye problemy rozyska pokhishchennogo mobil'nogo telefona // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava – 2012. – № 3 – S. 261–265.
13. Portnoy A. G., Nikonovich S. L. Nekotoryye aspekty ugolovno-pravovoy i kriminalisticheskoy kharakteristiki khishcheniy sotovykh telefonov / Aktual'nyye problemy sovremennoy yurisprudentsii. – Lipetsk: Institut prava i ekonomiki, 2017. – S. 189–192.
14. Sarapul'tsev S. Yu. Raskrytiye osobo tyazhkiykh prestupleniy, sopryazhennykh s khishcheniyem sotovykh telefonov // Sledstvennaya praktika. – 2006. – Vypusk 171. – S. 162–169.
15. Udartsev S. Yu. Ispol'zovaniye sredstv massovoy informatsii v raskrytii khishcheniy sredstv sotovoy svyazi / Aktual'nyye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami : materialy Tre't'yey mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 14 aprelya 2005 g. – Barnaul: Izdatel'stvo Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii, 2005. – S. 35–36.
16. Udartsev S. Yu. Nekotoryye problemy preduprezhdeniya i raskrytiya khishcheniy sredstv sotovoy svyazi // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2006. – № 10. – S. 88–90.
17. Shakhbazov A. M. O nekotorykh faktorakh, vliyayushchikh na rassledovaniye i preduprezhdeniye khishcheniy sredstv sotovoy svyazi / Aktual'nyye problemy ugolovnoy politiki i sudoproizvodstva : materialy VII nauchno-prakticheskoy konferentsii, g. Volzhskiy, 22 aprelya 2008 g. – Volgograd: Volgogradskoye nauchnoye izdatel'stvo, 2008. – S. 133–135.
18. Shebalin A. V. Pravovaya reglamentatsiya polucheniya svedeniy o soyedineniyakh abonentov kak vazhnoye usloviye uspeshnogo rassledovaniya khishcheniy sredstv sotovoy svyazi // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2009. – № 2 (17). – S. 73–77.
19. Shoyzhiltsyrenov B. B. O nekotorykh problemakh protivodeystviya khishcheniyam sredstv sotovoy svyazi i faktorakh, ikh determiniruyushchikh (po materialam Baykal'skogo regiona) // Rossiyskiy sledovatel'. – 2009. – № 12. – S. 24–27.

Статья поступила в редакцию 19.03.2022; одобрена после рецензирования 31.05.2022; принята к публикации 16.06.2022.

The article was submitted March 19, 2021; approved after reviewing May 31, 2021; accepted for publication June 16, 2022.

Научная статья
УДК 343
doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-114-128

Ирина Александровна Григорова

аспирант

<https://orcid.org/0000-0002-7668-8775>, irinagrigovala2021@yandex.ru

*Юго-Западный государственный университет
Российская Федерация, 305040, Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94*

Уголовно-правовая охрана территориальной целостности Российской Федерации

Аннотация: *Введение.* В настоящее время ответственность за нарушение территориальной целостности России установлена ст. 280¹ и 280² УК РФ. Введенная в 2013 г. ст. 280¹ УК РФ, определившая ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, вызвала дискуссию в научных кругах, суть которой сводится к вопросу необходимости «отпочкования» ее от «материнской» ст. 280 УК РФ. В 2020 г. Уголовный кодекс РФ дополнен ст. 280² УК РФ, установившей ответственность за нарушение территориальной целостности нашего государства.

Теоретические основы. Методы. Теоретической основой данного исследования послужили работы отечественных и зарубежных специалистов в области истории государства и права, конституционного права, уголовного права. Методологическую составляющую определяют общенаучные методы: исторический, сравнительно-правовой, метод аналогии, дедукции, синтеза и специальные методы: системно-структурный, формально-логический и другие.

Результаты исследования. Внесение изменений в уголовное законодательство в части охраны территориальной целостности государства – мера необходимая, обладающая ярко выраженным превентивным потенциалом в целях исключения развития событий в стране по сценарию «цветных революций». Представлены критерии, которые необходимо учитывать при разграничении смежных составов. Дан анализ отдельных дефиниций (делимитация, демаркация, редемаркация Государственной границы), показывающий отсутствие единого подхода к их пониманию как в доктринальных источниках, так и международно-правовых документах.

Обсуждение и заключение. Для единообразного понимания уголовно-правовых запретов, определенных ст. 280¹, 280² УК РФ, необходимо нормативное толкование ряда терминов, используемых в диспозициях указанных составов преступлений. Учитывая, что законодатель в ст. 280² УК РФ использует технико-лингвистический приём «при отсутствии признаков преступлений», обоснована необходимость дополнения указанного законодателем перечня ч. 2 ст. 208 УК РФ.

Ключевые слова: уголовная ответственность, экстремизм, призывы, насилие, территориальная целостность, делимитация, демаркация, редемаркация

Для цитирования: Григорова И. А. Уголовно-правовая охрана территориальной целостности Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 114–128; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-114-128.

Irina A. Grigороva

Graduate

<https://orcid.org/0000-0002-7668-8775>, irinagrigovala2021@yandex.ru

*Southwest State University
94, 50 let Oktyabrya str., Kursk, 305040, Russian Federation*

Criminal and legal protection of the territorial integrity of the Russian Federation

Abstract: Introduction. Currently, responsibility for violating the territorial integrity of Russia is established by Articles 2801 and 2802 of the Criminal Code of the Russian Federation. Introduced in 2013, Article 2801 of the Criminal Code of the Russian Federation, which defined responsibility for public calls for actions aimed at violating the territorial integrity of the Russian Federation, caused a discussion in scientific circles, the essence of which boils down to the question of the need to «bud it off» from the «parent» Article 280 of the Criminal Code of the Russian Federation. In 2020 The Criminal Code of the Russian Federation was supplemented by Article 2802, which established responsibility for violating the territorial integrity of our state.

Theoretical foundations. Methods. The theoretical basis of this study consists of the work by domestic and foreign experts in the field of the history of the state and law, constitutional law, criminal law. The methodological component is determined by general scientific methods: historical, comparative-legal, the method of analogy, deduction, synthesis and special methods: system-structural, formal-logical and others.

The results. Amendments to the criminal legislation regarding the protection of the territorial integrity of the state is a necessary measure that has a pronounced preventive potential in order to eliminate the chance of development of the “color revolution” scenario. The author presents the useful criteria aimed at distinguishing the adjacent norms of the criminal law. The analysis of the certain terms (delimitation, demarcation, redemarkation of the state border) shows the lack of a unified approach to their understanding both in doctrinal sources and international legal documents.

Discussion and Conclusion. For a uniform understanding of the criminal law prohibitions defined by Articles 2801, 2802 of the Criminal Code of the Russian Federation, it is necessary to suggest a legal interpretation of a number of terms used in the text of the law. Considering that the legislator uses a linguistic technique “in the absence of signs of crimes” in Article 2802 of the Criminal Code of the Russian Federation, the author justifies the importance of supplementing the list specified by the legislator in the Part 2 of Article 208 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal rresponsibility, extremism, calls for sovereignty, violence, territorial integrity, delimitation, demarcation, redemarkation

For citation: Grigorova I. A. Criminal and legal protection of the territorial integrity of the Russian Federation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – P. 114–128; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-114-128.

Введение

Вопрос сохранения территориальной целостности любого государства никогда не теряет своей актуальности. Учитывая внесенные поправки в Конституцию России, вопрос уголовно-правовой охраны территориальной целостности государства «заиграл новыми красками». Установленная в 2013 г. статьей 280¹ УК РФ уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, неоднократно корректировалась законодателем. В то же время практика реализации данной нормы заставляет усомниться в окончательности редакции данного состава преступления. Актуализирует необходимость представленного исследования введение ст. 280² УК РФ федеральным законом от 8 декабря 2020 г. № 425-ФЗ.

Введение ст. 280¹ УК РФ нельзя признать единодушно одобряемым шагом законодателя. Дискуссия вокруг рассматриваемого преступления в научной литературе свелась к вопросу необходимости «отпочкования» данной нормы от «материнской» ст. 280 УК РФ. Одни полагают, что ст. 280¹ УК РФ – очередная рецепция положений существующего законодательства,

продиктованная политическими веяниями «без глубокого изучения уголовно-правовых норм» [6, с. 45]. Другие авторы, поддерживая введение ст. 280¹ УК РФ, указывают, что «криминализация публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, является логичным продолжением формирования правового обеспечения состояния защищенности конституционного строя Российской Федерации, включающего её территориальную целостность, от внутренних и внешних угроз» [28, с. 25]. Серьезную работу на монографическом уровне относительно необходимости (или отсутствия таковой) данного состава преступления провел Д. О. Чернявский, который указал, что введение ст. 280¹ УК РФ – шаг руководства страны к максимальному обеспечению безопасности России от вероятного развития событий по сценарию «цветных революций», а данная норма призвана оказывать превентивное воздействие¹.

¹Чернявский Д. О. Уголовно-правовая характеристика призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Чернявский Дмитрий Олегович. – Москва, 2018. – С. 4.

Ещё на стадии обсуждения законопроекта Верховный Суд РФ в своём официальном отзыве указывал, что нарушение территориальной целостности является одной из форм экстремизма. А учитывая, что проектная ст. 280¹ будет являться специальной нормой по отношению к ст. 280 УК РФ, в ряде случаев она окажется привилегированным составом. Дело в том, что ч. 2 ст. 280 УК РФ предусматривает повышенную ответственность за призывы, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, тогда как проектная ст. 280¹ не содержит такого квалифицирующего признака, – «такое положение вещей, к которому приведет реализация законопроекта, не согласуется с его концепцией»². Других существенных замечаний Верховный Суд РФ не дал. Позиция высшей судебной инстанции была учтена: ст. 280 и 280¹ УК РФ предусматривают идентичные квалифицирующие признаки «с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети “Интернет”» с незначительной разницей в санкциях. По прошествии шести лет ст. 280¹ УК РФ вновь была подвержена законодательной редакции: федеральным законом от 18 декабря 2020 г. № 425-ФЗ норма приобрела черты состава преступления с административной преюдицией.

Теоретические основы. Методы

Целью данной статьи является разрешение на теоретическом уровне ряда вопросов, связанных с квалификацией призывов к совершению действий, направленных на нарушение территориальной целостности государства, конкуренция со смежными составами преступлений, выработка категориального аппарата, используемого законодателем в ст. 280¹, 280² УК РФ.

Теоретической основой представленного исследования послужили работы отечественных и зарубежных специалистов в области истории государства и права, конституционного права, уголовного права. Методологическую составляющую определяют общенаучные методы: исторический, сравнительно-правовой, метод аналогии, дедукции, синтеза и специальные методы: системно-структурный при определении места ст. 280¹ УК РФ в системе преступлений экстремистской направленности; формально-логический при разработке категориального аппарата и другие.

Результаты исследования

По представленным Д. О. Чернявским статистическим данным, в 2014 г. по ст. 280¹ УК РФ было возбуждено 8 уголовных дел, в 2015 – 28,

в 2016 – 19, и это дало автору основание полагать, что угроза распространения призывов к сепаратизму из вероятности превратилась в реальность³.

Данные судебной статистики показывают, что в 2014 г. по ст. 280 УК РФ были признаны виновными 50 осуждённых, в 2015 – 64, в 2016 г. – 114, в 2017 г. – 108, в 2017 г. – 90, в 2019 г. – 117, в 2020 г. – 147 человек. За этот же период по ст. 280¹ УК РФ осуждён всего 21 человек: в 2014 г. – 0, 2015 г. – 5, в 2016 – 1, в 2017 г. – 5, 2018 г. – 4, 2019 г. – 2, 2020 г. – 3. Таким образом, по большинству возбуждённых уголовных дел по ст. 280¹ УК РФ приговоры не были вынесены. В большинстве случаев осуждённым было назначено условное лишение свободы (10 чел., 47,6 %), наказания, связанные с обязательной трудовой деятельностью – обязательные, исправительные и принудительные работы (10 чел., 47,7 %), лишение свободы (1 человек, 4,7 %)⁴.

Представленные данные в части соотношения возбуждённых уголовных дел и вынесенных приговоров свидетельствует об определённых трудностях понимания правоприменителем признаков рассматриваемого состава преступления.

Еще на стадии обсуждения законопроекта о введении в действие данной статьи уголовного закона Правительство России в своём официальном отзыве указало, что понимать под «иными действиями», направленными на нарушение территориальной целостности Российской Федерации. Неопределённость данной формулировки «может привести к широкому усмотрению при квалификации преступления и произвольному правоприменению»⁵. Специалисты в области конституционного права не без оснований предположили, что под «иными действиями» следует понимать проведение «референдума с целью выхода из состава России или сбор подписей в поддержку проведения такого референдума» [24, с. 35]. Анализ судебных решений даёт основание утверждать, что, как правило, это пикеты, распространение призывов в сети интернет, участие в митингах.

Более масштабные проблемы, требующие своего решения, поставил в своём диссертационном исследовании Д. О. Чернявский: что следует понимать под территориальной целостностью России, публичными призывами, как определять момент окончания данного преступного деяния?⁶ Введение ст. 280² УК РФ в 2020 г.

³ Чернявский Д. О. Указ. соч. – С. 4.

⁴ № 10.3 «Отчёт о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учёта сложения)» / Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2014–2020 годы [Электронный ресурс] // Сайт «Судебный департамент». – Режим доступа: <http://www.cdpep.ru> (дата обращения: 12.12.2021).

⁵ На проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»: официальный отзыв Правительства РФ от 15 июля 2020 г. № 6025п-П14 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.12.2021).

⁶ Чернявский Д. О. Указ. соч. – С. 4.

² На проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях установления ответственности за публичные призывы к действиям, направленным на нарушение территориальной целостности Российской Федерации»: официальный отзыв Верховного Суда РФ от 27 ноября 2013 г. № 2-ВС-5196/13.

дополняет череду вопросов, требующих разрешения: законные и незаконные способы изменения Государственной границы России, используемые в диспозиции нормы новые дефиниции, не имеющие легального толкования.

Учитывая рамки исследования, невозможно представить ответы на все поставленные вопросы. На наш взгляд, наиболее актуально стоит задача отграничения смежных составов, в том числе ввиду внесенных изменений в уголовный закон в 2020 г., а также оценка новых для уголовного законодательства дефиниций – таких как делимитация, демаркация, редемаркация Государственной границы Российской Федерации.

В ч. 3 ст. 4 Конституции России указано, что Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории. Термин «**территориальная целостность**» характерен для конституций зарубежных государств⁷, а также основывается на международном законодательстве⁸. Поправки, внесенные в Конституцию РФ, коснулись данного вопроса. В ч. 2.1 ст. 67 указано, что Россия «обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности, любые действия (кроме делимитации, демаркации, редемаркации...), направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям не допускаются». В данной поправке сделан акцент именно на защиту территориальной целостности. Следовательно, ст. 280¹ УК РФ послужила неким предвестником внесенных поправок в основную часть страны?! Вряд ли. Причины всё же надо искать глубже. (Практически сходное умозаключение делают А. Л. Бредихин и Е. Д. Проценко [7, с. 21]).

Специалисты в области конституционного права объясняют уточнение конституционных положений необходимостью пресечения какой-либо возможности отчуждения Крыма из состава России [7, с. 21]. Примечательно, что в «Российской газете» 14 июля 2020 г. сообщалось: для того, чтобы исключить действия, направленные на отчуждение части территории страны, а также призывы к подобным действиям, предполагается внести поправки в уголовное, уголовно-процессуальное и административное за-

конодательство, где уголовная ответственность за подобные действия будет возникать при наличии административной преюдиции⁹. До внесения конституционных поправок ответственность за призывы к действиям, направленным на нарушение территориальной целостности, была уголовно наказуема без административной преюдиции. Получается, что после внесения поправок в Конституцию РФ дополнительным условием криминализации рассматриваемой деятельности является административная наказанность. Не вдаваясь в полемику о нужности / ненужности института административной преюдиции, её установление в рассматриваемом составе считаем целесообразным. Криминологический портрет личности преступника, осуждённого по ст. 280¹ УК РФ, выглядит следующим образом: мужчина в возрасте от 18 до 49 лет (95,3 %), имеющий постоянное место жительства (100 %), не имеющий высшего образования (100 %), рабочий или не трудоустроенный (84 %) ¹⁰. Это, на наш взгляд, означает, что лица, выступающие за отсоединение того или иного региона (наибольшее количество таких дел посредством контент-анализа прессы было выявлено в Башкортостане и Якутии), не осознают опасность и уголовную противоправность своих действий в силу невысокого уровня образования и социального статуса. Привлечение к административной ответственности выполняет предупредительную функцию о недопустимости подобных действий под угрозой уголовной ответственности.

Эксперты в области уголовного права под нарушением территориальной целостности понимают действия, направленные на изменение единства территории страны. По мнению отдельных авторов, призывы или иные действия, нацеленные на приращивание (увеличение) территории России, состав преступления, предусмотренного ст. 280¹ УК РФ не образуют [28, с. 25]. Такая позиция заслуживает поддержки, т.к. призывы к насильственному захвату чужой территории есть совершение агрессивных действий в адрес другого государства в форме распространения листовок, аудио-, видеозаписей, выступлений на митингах и собраниях и т.д., что единодушно оценивается в специальной литературе как призывы к развязыванию агрессивной войны [14] и, следовательно, должны оцениваться по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 354 УК РФ.

Вопрос уголовно-правовой оценки деяний, направленных на нарушение территориальной целостности, справедливо рассматривается с точки зрения конкуренции существующих

⁷ См., напр: ст. 2 Конституции Болгарии; ст. 273 Конституции Португалии; ст. 1, 11 Конституции Чехии; преамбула Конституции Латвии. Отдельные государства установили принцип территориальной целостности на уровне решений Конституционных судов: Федеральный конституционный суд ФРГ в решении от 16 декабря 2016 г. № 2 BvR 349/16 определил, что земли в составе ФРГ не могут принимать решения о выходе из состава государства; Конституционный суд Испании в Постановлении от 25 марта 2014 г. № 42 указал на недопустимость отделения территории Каталонии от Испании, несмотря на проведенный референдум.

⁸ Устав ООН; Декларация принципов международного права 1970 г.; Заключительный акт СБСЕ 1975 г.; Венецианская комиссия Совета Европы в докладе от 13–14 октября 2000 г. «Общие правовые основы содействия урегулированию этнополитических конфликтов в Европе» // CDL-INF(2000)16. URL: <https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-INF%282000%29016-e>.

⁹ Мисливская Г. На границе ставят закон. Отчуждение территорий признают экстремизмом // Российская газета. – 2020. – 14 июля.

¹⁰ № 11.1. Отчёт о демографических признаках осуждённых по всем составам преступлений УК РФ / Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2014–2020 годы [Электронный ресурс] // Сайт «Судебный департамент». – Режим доступа: <http://www.cdper.ru> (дата обращения: 12.12.2021).

уголовно-правовых запретов, таких как противоправное изменение государственной границы (ст. 323 УК РФ), планирование, подготовка и развязывание агрессивной войны (ст. 353 УК РФ), публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354 УК РФ). Кроме того, за сепаратизм, инспирирование и поддержку сепаратистских движений установлена уголовная ответственность ст. 279, 280, 280², 282² УК РФ [26; с. 133–140; 31, с. 177]. Относительно первой группы преступлений (ст. 323, 353, 354 УК РФ) вопрос об их отграничении носит в большей степени теоретический характер. В ст. 323 УК РФ определён специфический предмет преступления – пограничные знаки, а само деяние связано не с фактическим изменением Государственной границы России, а, скорее, с техническим – уничтожением, перемещением, изъятием пограничного знака. В то же время цель – противоправное изменение границы как криминообразующий признак – призвана отграничить посягательства на атрибуты государственной границы из иных побуждений (хулиганских, в хозяйственных целях и т.п.). Например, изъятие столба, указывающего на Государственную границу для строительства сарая местным жителем должно оцениваться по ст. 7.2. «Уничтожение или повреждение специальных знаков». Следовательно, действия, направленные на нарушение территориальной целостности Российской Федерации путем переноса пограничных знаков, не попадают под действие ст. 280¹ УК РФ.

Что касается преступлений против мира и безопасности человечества (ст. 353, 354 УК РФ), то их конкуренция также носит довольно гипотетический характер. Под планированием войны принято понимать действия по разработке планов, инструкций, определяющих начало вооружённого нападения, установление сроков нападения, количества задействованных войск, их дислокации и т.п. Подготовка войны заключается в обеспечении выполнения разработанного плана нападения, призыв резервистов, наращивание технических сил. Развязывание войны – есть конкретные действия по началу акта агрессии, вооруженное нападение на другое государство [14]. Ключевым отличием является то, что призывы связаны с осуществлением военных действий против другого государства. В случае призывов к гражданской войне, ст. 354 УК РФ не применяется. Так, Л.-Ф. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 280, ч. 2 ст. 280¹ УК РФ. В сети интернет он размещал тесты следующего содержания: «22 июля 2017 года в 10.36 часов «КОРОЧЕ, ВОЙНЫ БЫ. ТАНКОВ. ОРУДИЙ НУ. СМЕРТЕЙ НУ. ПОГИБНУТЬ НУ В БОЮ НУ. НА МЕМОРИАЛ НУ. КОРОЧЕ. ВОЮЕМ?». 22 июля 2017 года в 10.38 часов «Надо скоротить население земли я считаю. КАРОЧЕ. ВАЕВАТЬ НАДО. ВАЕВАДЬ. ПОНЯТНО МАМБОСЫ?». 22 июля 2017 года в 22.29 часов «Балда, война – победа достигается любыми путями, неважно как. Лучший, эффективный и быстрый путь – истребление мирного населения на корню». 22 июля

2017 года в 22.35 часов «Ну а вообще – лучшая тактика в войне – нападение. Быстрое, без объявления, одним мощным ударом сломать хребет противнику, бросив все силы как раз тогда, когда он не ожидает. Уничтожить мирное население, сжигать города, деревни, бесжалостно истреблять всё живое на пути порабоощаемой страны. Это залог победы в молниеносной войне. Нападать лучше всего с нескольких направлений, мощными ударами сравнять с землёй все столицы, города захватываемой страны. Не брать в плен никого, убивать всех. Представьте себе залпы одновременно 10 тысяч орудий». 5 августа 2017 года в 13.04 часов «Вы ещё скажите, что Украина с вами воюет. Она воюет с правительством России. К нам эта война никакого отношения не имеет Нам нужно сосредоточить все силы на полный роспуск Госдумы, свергнуть текущую власть вместе. Восстановить старые порядки и союз советских социалистических республик. Всем взять в руки оружие и силой их из Кремля выгнать.»¹¹. Именно то обстоятельство, что виновный призывал к ведению войны внутри России и нарушению ее территориальной целостности путём отсоединения бывших союзных республик, является ключевым признаком по отграничению ст. 280¹ и 354 УК РФ. В контексте обсуждения вопроса квалификации призывов по ст. 354 УК РФ необходимо обращать внимание еще на одно важное обстоятельство. Призывы должны носить исключительно агрессивный характер, т.е. виновное лицо должно призывать к насильственному захвату чужой территории. Высказывания отдельных «горячих голов» о возможности присоединения территорий ДНР и ЛНР к России уголовно не наказуемы. Возможность установления уголовной ответственности за ненасильственные призывы к присоединению чужой территории – вопрос политический.

Отдельного внимания заслуживает проблема конкуренции с так называемыми «сепаратистскими» составами (ст. 279, 280, 280², 282² УК РФ). Вооружённый мятеж (ст. 279 УК РФ) представляет собой организованное вооружённое массовое восстание. Ответственность за организацию вооружённого мятежа возможна при реализации организационных вопросов, в том числе связанных с обеспечением оружием или предметами, конструктивно предназначенными для поражения живой или иной цели. При вооружённом мятеже действия виновных как таковые не направлены на изменение границ государства, – происходит захват власти или оказывается давление на действующую власть посредством вооружённого сопротивления, осуществляется захват правительственных учреждений, применяется насилие к представителям власти. Деяние, квалифицируемое по ст. 279

¹¹ Приговор № 1-85/2018 от 6 ноября 2018 г. по делу № 1-85/2018. Олекминский районный суд (Республика Саха (Якутия) [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/L91rfqeVWVWLP/> (дата обращения: 07.01.2022)

УК РФ, должно состоять в совокупности разноплановых действий (например, применение насилия к чиновникам, баррикадирование здания администрации, публичное высказывание требований и т.п.). В то же время «разноплановые» призывы к вооружённому мятежу в целях изменения конституционного строя, «нарушения территориальной целостности Российской Федерации, а равно к насильственному захвату власти или насильственному удержанию власти в нарушение Конституции Российской Федерации, к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации, в том числе целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации, квалифицируются по статье 205² УК РФ»¹².

Признаки ст. 280 УК РФ больше всего совпадают с признаками ст. 280¹ УК РФ. Дело в том, что федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» в 2020 г. был дополнен указанием, что экстремистская деятельность (экстремизм) – это насильственное изменение основ конституционного строя и (или) **нарушение территориальной целостности Российской Федерации (в том числе отчуждение части территории Российской Федерации), за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами** (выделено авт.). До указанных изменений разницу между рассматриваемыми составами преступлений можно было выявить по виду экстремистской деятельности. Если деятельность экстремистов была направлена на формирование розни между людьми по признаку пола, расы, религии, языка, содеянное квалифицировалось по ст. 280 УК РФ, если деятельность преступников была нацелена на нарушение территориальной целостности, квалификация осуществлялась по ст. 280¹ УК РФ. Внесенные изменения, на наш взгляд, осложнили работу правоприменителя. Единственным различием остался признак насильственности. Если лицо призывает или совершает некие действия по насильственному изменению территории страны, содеянное следует квалифицировать по ст. 280 УК РФ. Ненасильственные действия (сбор подписей, организация референдума, призывы к выходу из состава России в сети интернет или при личном общении в присутствии группы людей) следует оценивать по признакам ст. 280¹ УК РФ. Д. О. Чернявский в своем исследовании акцентирует внимание на том, что ст. 280 УК РФ предусматривает публичные призывы исключительно к насильственному нарушению территориальной целостности России, тогда как призывы к ненасильственным действиям не подпадали под действие уголовно-правового запрета. Данный правовой вакуум был заполнен введением в действие ст. 280¹ УК РФ¹³.

¹² О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 в (ред. от 28 октября 2021 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 8. – Абз. 3 п. 6.2.

¹³ Чернявский Д.О. Указ. соч. – С. 16-17.

На практике насильственность как отличительный признак призывов по смыслу ст. 280 и 280¹ УК РФ в ряде случаев оставалась «за скобками». Так, в одном из судебных решений указано: «Д. активно использует движение БОО “Башкорт” в достижении своих политических целей. 13 апреля 2018 года Д. разместил в свободном доступе в сети “Интернет” на интернет-ресурсе “...” (...), доступном неограниченному кругу лиц, статью “ФИО48 Д.”, в которой заявил о геноциде башкир российским государством и о намерении создать новую федерацию” и видеозапись “Обращение кандидата в Президенты Башкортостана Д. к V Форуму Свободной России”. В данных публикациях содержатся признаки призывов к действиям, направленным на нарушение территориальной целостности Российской Федерации. По данному факту 6 марта 2019 года СО УФСБ России по РБ в отношении Д. возбуждено уголовное дело ... по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 280¹ УК РФ». В публичном мероприятии – митинге, на котором присутствовало около 400 человек, использовались плакаты и лозунги на башкирском языке: «Нет языка – нет страны», «Просыпайся, Башкортостан», «Хамитов – убийца башкирского языка», «Обязательное изучение государственных языков республик не противоречит Конституции РФ», «Пусть живёт башкирский язык», «Мы требуем вернуть башкирский государственный язык» и другие. По заключению психолого-лингвистической экспертизы в данных лозунгах «содержатся высказывания, имеющие лингвистические и психологические признаки возбуждения ненависти и вражды, а также направленные на унижение достоинства человека либо группы лиц, выделяемой по признаку национальности, языка, происхождения». На митинге по заключению экспертизы «Авторы выступлений открыто демонстрируют эмоционально-отрицательную оценку по отношению к объектам повествования – это социальные группы по национальному признаку (небашкиры), а также представители исполнительной и законодательной власти. Выступающие приписывают власти враждебные действия и намерения против башкирского народа и башкирского языка». В выступлениях «имеется обоснование необходимости обособления части территории Российской Федерации (Республики Башкортостан) и выхода её из состава Российской Федерации, то есть нарушения целостности Российской Федерации, а также обоснование необходимости нарушения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его национальной или языковой принадлежности (лиц небашкирской национальности)» ... «В выступлении А. имеется высказывание побудительной семантики, построенное по модели косвенного мотивированного призыва: «На Курултае надо принять решение о самостоятельности Башкортостана от России»¹⁴. В отношении лидеров данного

¹⁴Решение № 3ГА-374/2020 3ГА-374/2020-М-1930/2019 М-1930/2019 от 22 мая 2020 г. по делу № 3ГА-374/2020. Вер-

движения были возбуждены уголовные дела по признакам ст. 280 и 280¹ УК РФ, т.к. данные лица призывали не только к обособлению Башкир, но и выходу Башкирии из состава России. На тот период (т.е. до внесения изменений в ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности») ни следствием, ни судом вопрос о призывах к насильственным способам изменения территориальной целостности не ставился. Сам факт призывов к изменению территории правоприменителем оценивался как достаточный для квалификации действий по признакам ст. 280¹ УК РФ.

Тем не менее в отдельных судебных решениях дается оценка отсутствия призывов к насилию для выхода из состава России конкретного региона. Так, К. признан виновным за систематическое размещение в сети интернет своих обращений к гражданам об отделении Якутии. Свидетели, допрошенные в судебном заседании, показали, что насильственного давления или призывов к насилию К. не высказывал, а лишь рассуждал о том, что если бы Якутия вышла из состава России, то все доходы от добычи якутских бриллиантов оставались бы в республике. Это могло бы улучшить жизнь людей. Несмотря на то, что в своих призывах К. указывал, что в Якутии должно проживать исключительно коренное население, а «чужаки» только обворовывают республику, ни предварительное следствие, ни суд оценку данным действиям по признакам ст. 280 УК РФ не дали¹⁵.

Чаще всего необходимость отделения того или иного региона от России виновные обосновывают националистическими идеями. Следовательно, квалификация их действий должна осуществляться по признакам ст. 280 или 282 и 280¹ УК РФ. Так, К. в ходе одиночного пикета в общественном месте – в сквере вблизи административного здания «публично призывал жителей г. Ульяновска к осуществлению действий, направленных на выход субъектов Российской Федерации из её состава и создание нового государственного образования “<данные изъяты>” путём распространения среди них изготовленных им листовок “<данные изъяты>”, “<данные изъяты>”, демонстрации и дословного цитирования текста данных листовок, в котором имелись призывы к нарушению территориальной целостности Российской Федерации». По данному эпизоду действия К. были квалифицированы по ч. 1 ст. 280¹ УК РФ. Позже К. также посредством одиночного пикета «распространял листовки, направленные на возбуждение ненависти и вражды по отношению к евреям и иностранным гражданам, а также на унижение

достоинства евреев по признаку национальности». По этому эпизоду его действия были квалифицированы по ч. 1 ст. 282 УК РФ¹⁶.

Рассмотренный пример указывает на одно весьма важное, на наш взгляд, обстоятельство. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности должны быть нацелены на совершение насильственных действий. Напомним, первоначальные редакции статей уголовного закона, содержащих термин «призывы», были ориентированы на побуждение граждан к совершению погромов, насилию над гражданами – ч. 3 ст. 212 УК РФ, к насильственному захвату власти – ст. 280 УК РФ, к развязыванию агрессивной войны – ст. 354 УК РФ, т.е. именно призывы к насилию являлись преступлением. Многочисленные изменения уголовного закона привели к потере данного признака. Как представляется, указанный признак должен служить «водоразделом» при квалификации действий, направленных на возбуждение ненависти по признаку полка, расы, языка, вероисповедания между ст. 280 и 282 УК РФ и действий, направленных на нарушение территориальной целостности России между ст. 280 и 280¹ УК РФ.

Однако столь существенное обстоятельство в ряде случаев не учитывается. Так, Л. осужден по ч. 2 ст. 280, ч. 2 ст. 280¹ УК РФ. Используя интернет-ресурс, осуждённый призывал граждан к отделению Якутии и изгнанию «чурок и русских» с территории республики, причём в своих обращениях он указывал, что «своих головорезов обезбашенных и беспредельщиков у нас хватит», а много солдат Россия присылать не будет, воевать они не смогут, т.к. территория республики большая. «Согласно заключению эксперта, в предоставленных материалах содержатся призывы и иные побуждения к отделению Якутии, причём средства отделения являются насильственными»¹⁷. На наш взгляд, действия Л. полностью охватываются ч. 2 ст. 280 УК РФ как публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершённые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. В редакции ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 13 декабря 2019 г. под экстремистской деятельностью понималось «насильственное (выделено авт.) изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации».

Следует отметить, что и в доктринальных источниках отсутствует единство понимания данного вопроса. Так, Р. М. Скулаков, Д. О. Чернявский пишут: «Закон № 114-ФЗ не устанавливает

ховный Суд Республики Башкортостан (Республика Башкортостан) [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/8aZDXPPyBXx1/> (дата обращения: 18.12.2021).

¹⁵ Приговор № 1-1622/2019 1-77/2020 от 12 февраля 2020 г. по делу № 1-1622/2019. Якутский городской суд (Республика Саха (Якутия) [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/cIfaifYIOoQO/> (дата обращения: 18.12.2021).

¹⁶ Приговор № 1-230/2018 от 27 ноября 2018 г. по делу № 1-230/2018. Ленинский районный суд г. Ульяновска (Ульяновская область) [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/1ZSFVhnR72jr/> (дата обращения: 18.12.2021).

¹⁷ Приговор № 1-85/2018 от 6 ноября 2018 г. по делу № 1-85/2018. Олекминский районный суд (Республика Саха (Якутия) [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/L91rfqeVWVLP/> (дата обращения: 07.01.2022)

ливают (выделено авт.) обязательного насильственного характера действий по нарушению территориальной целостности Российской Федерации» [30, с. 73].

Необходимо провести анализ по разграничению рассматриваемого состава преступления со ст. 280² «Нарушение территориальной целостности Российской Федерации» УК РФ, которая была введена федеральным законом от 8 декабря 2020 г. № 425-ФЗ. По мнению специалистов в области конституционного права данная норма позволит в достаточной мере обеспечить реализацию конституционных положений о защите суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации [9, с. 8]. Действительно, «территориальный распад страны – однозначный индикатор крушения государства...» [8, с. 69].

Вопрос разграничения данных составов преступлений в разъяснениях высшей судебной инстанции затронут вскользь. Так, в п. 6.2. Постановления Пленума Верховного Суда РФ указано: «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (статья 280¹ УК РФ), следует отличать от подстрекательства к преступлениям, посягающим на территориальную целостность государства (например, от подстрекательства определённого лица к отчуждению части территории Российской Федерации или иным действиям, предусмотренным статьей 280² УК РФ). Публичные призывы, предусмотренные статьей 280¹ УК РФ, не должны быть направлены на склонение определённых лиц к совершению конкретных уголовно наказуемых деяний»¹⁸. Объективная сторона ст. 280² УК РФ сформулирована как материальный состав, т. е. деяние заключается в фактическом отчуждении части территории России. Следовательно, любые действия, направленные на подстрекательство к совершению действий по отчуждению территории страны, кроме призывов, должны оцениваться по ст. 280² УК РФ со ссылкой на ст. 33 УК РФ.

Законодатель указал, что ст. 280² УК РФ может быть применена при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ст. 278, 279, 280¹ УК РФ. На наш взгляд, данный перечень преступлений мог бы содержать ч. 2 ст. 208 УК РФ.

Данный состав преступления предусматривает участие в незаконном вооружённом формировании (далее – НВФ) с обязательной целью, противоречащей интересам Российской Федерации. Вряд ли оспорим тот факт, что нерушимость границ является тем самым интересом любого государства, поэтому участие в НВФ в целях нарушения территориальной целостности является преступлением, предусмотренным

ч. 2 ст. 208 УК РФ, и дополнительная квалификация по ст. 280² УК РФ не нужна. Так, на территории Украины после присоединения Крыма к России был сформирован «Крымско-татарский добровольческий батальон» численностью около 150 человек. В приговоре, вынесенном в отношении одного из участников ВНФ, указано: «При создании данного НВФ им были провозглашены основные цели его деятельности – блокада полуострова Крым со стороны украинской границы, а также насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, в том числе путём осуществления вооружённой борьбы, направленной на отторжение Республики Крым и <адрес> из состава Российской Федерации»¹⁹. Цель нарушения территориальной целостности России при создании НВФ указывается и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ: «Под незаконным вооружённым формированием в статье 208 УК РФ следует понимать не предусмотренные федеральным законом объединение, отряд, дружину или иную вооружённую группу, созданные для реализации определённых целей (например, для совершения террористических актов, насильственного изменения основ конституционного строя или нарушения территориальной целостности Российской Федерации)»²⁰.

Отдельного внимания заслуживает вопрос **способов отчуждения** территории Российской Федерации. Законодатель, указывая на исключения в форме делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы России, нацеливает правоприменителя на то, что все иные способы отчуждения территории являются незаконными, а следовательно, подлежат оценке по признакам ст. 280² УК РФ. Таким образом, как ненасильственные способы отчуждения, например, продажа, так и насильственные²¹, являются незаконными.

Вопрос о продаже территории государства достаточно актуален для мирового сообщества и с точки зрения международного права вполне допустим при исполнении обязательных условий: решения вопроса с коренным населением и добровольности сделки. Так, в 2012 г. руководство Греции заявляло о возможности продажи отдельных островов. В 2019 г. Президент США Д. Трамп предложил купить территории Гренландии (самоуправляемого датского острова). История насчитывает достаточное количество

¹⁸ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (в ред. от 28 октября 2021 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 8.

¹⁹ Приговор № 1-44/2020 от 20 июля 2020 г. по делу № 1-44/2020. Черноморский районный суд (Республика Крым) [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/uFQbgeN0KwQj/> (дата обращения: 22.12.2021)

²⁰ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 (в ред. от 3 ноября 2016 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 4.

²¹ Akande D., Tzanakopoulos A. Use of Force in Self-Defence to Recover Occupied Territory: When Is It Permissible? // EJIL: Talk! – 2020. – 18 Nov. – URL: <https://www.ejiltalk.org> (дата обращения: 12.12.2021).

примеров продажи территорий: остров Манхеттен за 60 гульденов (24 доллара), Аляска за 7,2 млн долларов, Виргинские и Антильские острова за 25 млн. долларов, Луизиана и Новый Орлеан за 600 млн. французских франков, территория Калифорнии и Нью-Мексико за 18.250 тыс. долларов, часть территории о. Фиджи за 9 млн. долларов [1, с. 94–97]. Поправки к Конституции РФ исключают возможность продажи российских земель не только в силу существующих претензий в вопросе присоединения Крыма, но и в силу незавершенности договорно-правового регулирования спорных территорий с Литвой, Украиной, Японией [1, с. 94–97; 23, с. 35–50].

Делимитация, демаркация и редемаркация как единственные легальные способы корректировки Государственной границы появились в УК РФ вслед за поправками к Конституции РФ, что в научной среде вызвало определенное недоумение. Дело в том, что как на международно-правовом, так и на доктринальном уровне указанные термины не имеют однозначного понимания, а процедура проведения работ по юридической и фактической корректировке государственной границы не определена.

В ряде международно-правовых актов делимитация определяется и как юридическое определение границы, т. е. в договоре, и как фактическое, т. е. на местности²²; в других – делимитация понимается только как определение границы на местности²³.

Научная дискуссия по данному вопросу свелась к следующему. Демаркация – есть самостоятельный элемент эволюции границы, а является продолжением делимитации [21, с. 194–208; 19, с. 59–61]. Демаркация и делимитация – есть синонимы [38, с. 61–67]. Первым в теории международно-правового оформления государственной границы по самостоятельности данных терминов высказался Г. Макмагон, указав, что делимитация границы – это определение прохождения её на картах, демаркация – обозначение прохождения границы на местности [цит. по: 2, с. 124]. Сходная позиция у С. Джонса, научного сотрудника Йельского института международных исследований: делимитация – это определение положения границы и её описание, демаркация – установка пограничных знаков на местности [36]. Среди специалистов выделяют трёхэтапное оформление гра-

ницы. Так, М. Аль-Саиль выделил демаркацию, делинизацию и делимитацию, где демаркация – физические работы по установлению пограничных знаков, делинизация – математическое или графическое описание прохождения границы, которая заканчивается демаркацией [40]. В существующих трактовках определение делимитации основывается на выделении следующих признаков: наличие двустороннего договора между граничащими государствами [13, с. 105–109], путём мирных переговоров [27, с. 99], определение общего направления прохождения Государственной границы [20, с. 84], нанесение ее на карту [3; 25].

Определение демаркации в меньшей степени отличается полисемией взглядов. Суть их сводится к тому, что под демаркацией понимается обозначение пограничными знаками границы на местности [15; 25]. Подавляющее большинство мнений сводится к тому, что делимитация и демаркация – это две отдельные стадии установления государственной границы [5, с. 119; 33; 35; 36; 37]. Редемаркация Государственной границы представляет собой восстановление линии границы в соответствии с существующими договоренностями и предполагает незначительные изменения по взаимному согласию сопредельных государств. В международном праве предусмотрена ещё ректификация границы (от лат. *rectification* – выпрямление, исправление), не нашедшая отражения ни в Конституции РФ, ни, соответственно, в уголовном законодательстве. Под ректификацией понимается незначительное уточнение, изменение линии границы, связанное с изменением местности, строительством сооружений на линии границы, хозяйственными интересами. Ректификация границы «применяется в случаях строительства тоннелей, гидростанций, аэродромов, мостов и др. сооружений, а также с целью удовлетворения хозяйственных интересов государств на линии границы или вблизи от неё. Она осуществляется на основе международных договоров между заинтересованными сторонами»²⁴. В энциклопедическом словаре Ф. Брогауза и И. Ефрона указано, что под дипломатическим термином «ректификация границы» скрывается иногда преднамеренное изменение территории, как это произошло при ректификации русской границы в Бессарабии по Парижскому трактату 1856 г.²⁵ Полагаем, отсутствие данного термина в основном нормативном акте страны и охранительном законодательстве может свидетельствовать о том, что отечественный законодатель ректификацию включает в содержание редемаркации.

Для осуществления демаркационных работ, как правило, работают совместные комис-

²² Argentine-Chile Frontier Case, 9 dec. 1966 [Electronic resource] // Reports of international arbitral awards. – 2006. – Vol. XVI. – P. 109–182. – Mode of access : http://legal.un.org/riaa/cases/vol_XVI/109-182.pdf. – Date of access : 25.06.2020.

²³ Персидско-турецкий протокол по пограничному спору 8 (21) декабря 1911 г. [Электронный ресурс] // Известия Министерства иностранных дел. – 1912. – Кн. VI. – С. 71–72. – Режим доступа : <http://naukaprava.ru/catalog/159/287/33305?view=1> (дата обращения: 08.12.2021); Протокол турецко-персидского разграничения, подписанный в Константинополе 4/17 ноября 1913 года [Электронный ресурс] // Известия Министерства иностранных дел. – 1914. – Кн. I. – С. 58–70. – Режим доступа : <http://naukaprava.ru/catalog/159/287/36619?view=1> (дата обращения: 08.12.2021).

²⁴ Словарь международного права / Т. Г. Авдеева, В. В. Алешин, Б. М. Ашавский и др.; отв. ред. С. А. Егоров. 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2014. – 495 с.

²⁵ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. – Том XXVIA (52). – Санкт-Петербург: Издательство «Семеновская Типолиитография (И.А. Ефрона)», 1899. – С. 559.

сии граничащих государств. Важно, что на этапе демаркации могут происходить отклонения из-за особенностей местности, картографических ошибок, ввиду нарушения целостности землепользования и других причин. Иностранные политические деятели и учёные указывают, что отступление от делимитационных границ в процессе демаркации может составлять расстояние до 300 метров. Важно в международных договорах определять границы свободы делимитационной комиссии [35; 41, р. 13–21]²⁶. Однако к настоящему времени чёткая правовая регламентация осуществления полномочий по делимитации, демаркации и редемаркации государственной границы России отсутствует и, как отмечают специалисты, реализация таких полномочий соответствующих государственных органов осуществляется произвольно [24, с. 34]. Сложности существуют ввиду нечёткого определения границ бывшего СССР и отсутствия диалога между отдельными странами. Более того, в отдельных случаях позиция различных внутригосударственных органов носит противоречивый характер. Так было, например, при работах по демаркации на озере Ханка в 90-х гг. прошлого столетия. «В силу того, что произошли существенные естественные изменения русла реки Туманной, линия границы на ряде участков реки уже не соответствовала заложенному в Договоре о границе с КНДР от 17 апреля 1985 г. принципу её прохождения по середине главного русла реки. С учётом этого стороны высказались за проведение досрочной совместной проверки российско-корейской границы и возможной её редемаркации²⁷, что и было сделано. Руководство Тихоокеанского пограничного округа не во всем было согласно с мнением МИД, видело негативные последствия некоторых не совсем продуманных решений, в связи с чем доводило свою особую позицию по этим вопросам до центрального руководства и предлагало свои варианты решения проблем» [16, с. 75].

До начала демаркационных работ ведутся длительные переговоры на высшем уровне, которые могут тянуться десятилетиями. Так, федеральным законом от 31 мая 2005 г. № 52-ФЗ «О ратификации Дополнительного соглашения между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной границе на ее Восточной части» юридически был решен вопрос об участке территории в районе островов Большой, Тарабаров и Большой Уссурийский. По мнению специалистов в области конституционного права, прои-

зошла уступка территории, закамуфлированная под демаркацию [4, с. 4]. Данный договор крайне негативно оценивается и специалистами в области государственного права и управления [22, с. 73; 32, с. 939]²⁸. И если юридически территориальный вопрос с Китаем решён, фактически не разрешены проблемы с о. Большой Уссурийский. Уникальная ситуация «один остров – две страны» не используется Россией в первую очередь как объект туристическо-развлекательной индустрии [29, с. 89]. Территориальный спор с Норвегией тянулся четыре десятилетия и завершился в 2011 г.²⁹ не в лучшую сторону для российских интересов [17; 24, с. 34], Россия отступила от своей секторальной позиции [11, с. 14]. Демаркация до сегодняшних дней не завершена с рядом стран постсоветского пространства [10, с. 40; 12, с. 342].

Заслуживает поддержки позиция М. В. Преснякова, предлагающего ввести обязательным элементом процесса делимитации заключение Конституционного Суда РФ [24, с. 34], как это предусмотрено ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в её составе нового субъекта Российской Федерации» при вхождении территорий в состав России³⁰. Действительно, в настоящее время вопросы отчуждения территории фиксируются федеральным законом³¹, а вопросы присоединения – федеральным конституционным законом, что вряд ли оправдано.

Обсуждение и заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать некоторые выводы.

Происходящие в настоящий момент массовые протесты в Казахстане, вынудившие руководство страны подключать военных,

²⁸ Драчевский Л. Передача островов Китаю уберёт последний спорный момент в наших отношениях [Электронный ресурс] // Сайт ИА «Regnum». – URL: <https://regnum.ru/news/polit/459463.html> (дата обращения: 17.05.2021).

²⁹ О ратификации Договора между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане : Федеральный закон от 5 апреля 2011 г. № 57-ФЗ // Российская газета. – 2011. – 8 апр. – № 75.

³⁰ О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации : Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ (в ред. от 31 октября 2005 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (1 ч.). – Ст. 4916.

³¹ См., напр.: О ратификации Договора между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой о государственной границе : ФЗ от 27 июня 2011 г. № 166-ФЗ // СЗ РФ. – 2011. – № 27. – Ст. 3877; О ратификации Дополнительного соглашения между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной границе на ее Восточной части : ФЗ от 31 мая 2005 г. № 52-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 23. – Ст. 2198; О ратификации Договора между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане : ФЗ от 5 апреля 2011 г. № 57-ФЗ // Российская газета. – 2011. – 8 апреля. – Федеральный выпуск. – № 5451.

²⁶ Argentine-Chile Frontier Case, 9 dec. 1966 [Electronic resource] // Reports of international arbitral awards. – 2006. – Vol. XVI. – P. 109–182. – Mode of access : http://legal.un.org/riaa/cases/vol_XVI/109-182.pdf. – Date of access : 25.06.2021; Curzon Lord of Kedleston. Romanes Lectures: Frontiers [Electronic resource] // Curzon Lord of Kedleston. – Oxford: Clarendon Press, 1907. – 58 p. – Mode of access : <https://archive.org/details/frontiers00curz>. – Date of access : 25.06.2021.

²⁷ ЦПА ФСБ РФ. – Ф. 1396. – Оп. 7. – Д. 13. – Л. 67.

перманентные призывы к изменению государственного строя нашей страны свидетельствуют о том, что эффект «цветных революций» – не миф. Поддержание стабильности в государстве уголовно-правовыми средствами с ярким превентивным эффектом (такими, как введение в 2013 г. ст. 280¹ УК РФ, в 2020 г. ст. 280² УК РФ) – мера своевременная и необходимая.

На основе данных официальной статистики и научных исследований можно констатировать, что нормотворческий процесс, направленный на обеспечение территориальной целостности России, ещё не завершён. Отсутствие в регулятивном законодательстве нормативного закрепления понятий «делimitация» «демаркация», «редемаркация» и регламента их реализации критично в первую очередь для международно-правовых отношений. Полагаем, закрепление в основном законе страны дефиниций, не имеющих легального толкования, сложно оценить положительно. Считаем, что нормативное определение указанных понятий могло бы найти отражение в ФЗ «О Государственной границе Российской Федерации».

При отграничении преступлений против мира и безопасности человечества (ст. 353, 354 УК РФ) важно учитывать, что призывы к агрессии должны касаться другого государства.

Вопрос конкуренции «сепаратистских» составов преступлений (ст. 279, 280, 280¹, 280², 282² УК РФ) более сложен. Верховный Суд РФ указал, что «разноплановые» призывы, будь то к нарушению территориальной целостности или насильственному удержанию власти, следует квалифицировать как призывы к террористической деятельности (ст. 205² УК РФ), чем, на наш взгляд, еще более усложнил работу право-

охранительных органов и нижестоящих судов.

Считаем, что во главу угла необходимо ставить вопрос о качестве призывов: к насилию или нет. Если лицо призывает или совершает некие действия по насильственному изменению территории страны, содеянное следует квалифицировать по ст. 280 УК РФ. Ненасильственные действия (сбор подписей, организация референдума, призывы к выходу из состава России в сети интернет или в при личном общении в присутствии группы людей) следует оценивать по признакам ст. 280¹ УК РФ. Именно, данный признак «оправдывает» нахождение ст. 280¹ УК РФ, т.к. призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), исходя из регулятивного законодательства, могут заключаться в действиях, нацеленных на **насильственное** изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности³², следовательно, ненасильственные призывы находятся «за скобками» указанного состава и подлежат квалификации по ст. 280¹ УК РФ. Совокупность данных норм возможна, когда, например, виновный призывает к насильственной дискриминации по признаку пола, расы, национальности, религии и призывает выйти отдельной территории из состава России.

Этот же признак должен служить «водоразделом» и при квалификации действий, направленных на возбуждение ненависти по признаку пола, расы, языка, вероисповедания, между ст. 280 и ст. 282 УК РФ.

Для улучшения качества уголовного закона – исключения дублирующих норм, полагаем диспозиция ст. 280² УК РФ должна быть дополнена указанием «при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 208 УК РФ» наряду с теми составами, которые уже содержатся в данной норме.

³² Ч. 1 ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Список литературы

1. Анянова Е. С. К вопросу о продаже территории государства в международном праве // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 8 (150). – С. 94–97.
2. Архипов А. И. Теоретические и практические аспекты деятельности Республики Беларусь по демаркации государственной границы // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. – 2021. – Т. 13. – № 1. – С. 123–135.
3. Бирюкова Т. А. Комментарий к Федеральному закону от 26 декабря 1995 г., № 209-ФЗ «О геодезии и картографии» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 14.12.2021). Закон утратил силу с 1 января 2017 г.
4. Болдырев О. Ю. Конституционная реформа в России: актуальность, реализация, перспективы. Часть 2. Поправки к Конституции: нерешенные и новые проблемы и вектор дальнейшего реформирования // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 12. – С. 3–8.
5. Бондаренко В. М. О некоторых аспектах международно-правового оформления государственных границ // Сацьяльна-эканамічны і прававыя даследаванні. – 2007. – № 4. – С. 119–133.
6. Борисов С. В. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации // Юридическая наука. – 2014. – № 4. – С. 44–49.
7. Бредихин А. Л., Проценко Е. Д. Государственный суверенитет Российской Федерации в свете поправок к Конституции Российской Федерации, принятых в 2020 г. // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 11. – С. 21–23.
8. Гонтарь Н. В. Сецессия как проявление отчуждения общества и государства // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. – 2015. – № 3. – С. 69–81.

9. *Грешных А. А., Уткин Н. И., Шенишин В. М.* О некоторых тенденциях развития российского права, направленных на защиту суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. – 2021. – № 5. – С. 8–11.
10. *Дмитриева М. О.* Сравнительный анализ урегулирования границы Российской Федерации с Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2011. – № 3 (18). – С. 40–48.
11. *Злотникова Т. В.* Современные проблемы Арктического региона: природа, право, геополитика // Экологическое право. – 2017. – № 6. – С. 12–16.
12. *Казило А. Д.* Формирование государственной границы Российской Федерации с Литовской Республикой после распада СССР (исторический и правовой аспекты) // Социально-гуманитарные знания. – 2016. – № 3. – С. 342–347.
13. *Кичигин Н. В.* Международно-правовое оформление государственной границы Республики Южная Осетия с сопредельными государствами // Право в Вооружённых Силах – Военно-правовое обозрение. – 2017. – № 7 (240). – С. 105–109.
14. *Бриллиантов А. В., Галахова А. В., Давыдов В. А. [и др.]*. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть. Разделы X–XII: в 4 т. (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. – Т. 4. – Москва: Юрайт, 2017. – 278 с.
15. *Бочкарева Н. А., Балабина И. В., Котухов С. А., Соболева Ю. В.* Комментарий к Федеральному закону от 30 ноября 1995 г. № 187-ФЗ «О континентальном шельфе Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 14.09.2021).
16. *Костюченко А. П.* Демаркация российско-китайской границы в зоне ответственности Тихоокеанского пограничного округа // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 2. – С. 75–80.
17. *Лукин Ю. Ф.* Договор между Россией и Норвегией – шаг к мирному переделу морского пространства Арктики // Арктика и Север. – 2011. – № 2. – С. 59–96.
18. *Лукашов А. И., Шевелева С. В., Яковлева Е. О.* Правовая регламентация в России и Республике Беларусь конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2019. – № 4 (51). – С. 70–84.
19. *Маккамбаев П. А.* Административно-правовые меры в системе обеспечения пограничной безопасности Республики Узбекистан // Административное право и процесс. – 2021. – № 10. – С. 59–61.
20. *Васильев С. М. [науч. ред.]*. Международно-правовое оформление Государственной границы Российской Федерации: требования принципов международного права. – Москва, 2000. – 284 с.
21. *Мелкоян Л. Р.* Государственная территория, государственная граница, современные подходы к их содержанию // Научные вестн. – 2020. – № 12 (29). – С. 194–208.
22. *Нарутто С. В.* К вопросу об изменении государственной границы // Административное и муниципальное право. – 2012. – № 12 (60). – С. 71–78.
23. *Нарутто С. В.* К вопросу об изменении государственной границы // NB: Административное право и практика администрирования. – 2013. – № 12. – С. 35–50. <https://doi.org/10.7256/2306-9945.2013.12.10698>.
24. *Пресняков М. В.* Защита территориальной целостности – «железобетонная поправка» или каучуковая норма: проблемы правовой определённости // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 8. – С. 34–39.
25. *Скулаков Р. М.* Последствия агрессии Грузии и формирование государственной границы между Российской Федерацией, Грузией, Южной Осетией, Абхазией (о некоторых современных военных проблемах международного права) // Военное право. – 2013. – № 3. – С. 23–33.
26. *Степанов В. В., Струков А. В.* Проблемы разрешения конкуренции составов преступлений экстремистской направленности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2015. – № 1 (27). – С. 133–140.
27. *Клименко Б. М., Порк А. А.* Территория и граница СССР. – Москва: Международные отношения, 1985. – 302 с.
28. *Хлебушкин А. Г.* Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации // Российский следователь. – 2014. – № 11. – С. 25–29.
29. *Цай Ин.* Изменения в работе амурского речного транспорта после демаркации российско-китайской границы в 2004 году // Чтения памяти Евгения Петровича Сычевского. – 2021. – № 21. – С. 89–95.
30. *Чернявский Д. О., Скулаков Р. М.* Публичные призывы к нарушению территориальной целостности: проблемы социально-политической обусловленности уголовно-правового запрета // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 1 (31). – С. 73–79.
31. *Щербак С. И.* Нарушение территориальной целостности Российской Федерации посредством противоправного изменения Государственной границы Российской Федерации, как проявление экстремизма // Военное право. – 2020. – № 5 (63). – С. 177–184.
32. *Шугрина Е. С.* Изменение границ субъекта РФ: особенности правового регулирования и правоприменительной практики // Lex russica. – 2012. – № 5. – С. 938–957.

33. Boggs, S. International Boundaries [Electronic resource] / S. Boggs. – New York : Columbia University Press, 1940. – 111 p. – URL: <https://www.questia.com> (дата обращения: 12.12.2021).
34. Curzon Lord of Kedleston. Romanes Lectures: Frontiers [Electronic resource] // Curzon Lord of Kedleston. – Oxford: Clarendon Press, 1907. – 58 p. – URL: <https://archive.org/details/frontiers00curz>. (дата обращения: 12.12.2021).
35. Holdich, T. Political frontiers and boundary making [Electronic resource] / T. Holdich. – London: Macmillan and Co., Limited St. Martin's street, 1916. – 309 p. – URL: <https://archive.org/detdeta/politicalfrontie00holdiala>. (дата обращения: 12.12.2021).
36. Jones, S. Boundary Making a handbook for statesmen, treaty editors and boundary commissioners [Electronic resource] / S. Jones. – Washington : Carnegie Foundation for International Peace, 1945. – 272 p. – URL: <https://www.questia.com/read/53417527/boundary-making-a-handbook-for-statesmen-treaty>. (дата обращения: 12.12.2021).
37. La Pradelle, P. La frontière. Étude de droit international / P. La Pradelle. – Paris : Les Editions internationales, 1928. – 368 p.
38. Rushworth, D. Mapping in Support of Frontier Arbitration: Delimitation and Demarcation [Electronic resource] / D. Rushworth // IBRU Boundary and Security Bulletin Spring. – 1997. – P. 61–67. – URL: https://www.dur.ac.uk/resources/ibru/publications/full/bsb5-1_rushworth.pdf. (дата обращения: 12.12.2021).
39. Kirillova E. A., Suslikov V. N., Bogdan V. V., Baybarin A. A., Sheveleva S. V. Mobile real estate: legal status and succession principles // Journal of Advanced Research in Law and Economics. – 2015. – Т. 6. – № 1. – С. 96–103.
40. Sayel M. Al., Lohmann P., Heipke C. International boundary making – three case studies [Electronic resource] // International Society for Photogrammetry and Remote Sensing. – 2009. – Mode of access : http://www.isprs.org/proceedings/XXXVIII/1_4_7-W5/paper/Al_Sayel-123.pdf. – (дата обращения: 12.12.2021).
41. Пахляян Анна. Экономический потенциал Арцаха после «нового определения». Возможности, оставшиеся за границей [на армянском языке] // Информационный бюллетень «Amberd». – 2020. – № 6 (7). – P. 13–21.

References

1. Anyanova Ye. S. K voprosu o prodazhe territorii gosudarstva v mezhdunarodnom prave // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2020. – № 8 (150). – С. 94–97.
2. Arkhipov A. I. Teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty deyatelnosti Respubliki Belarus' po demarkatsii gosudarstvennoy granitsy // Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriya 1. Istoriya i arkhеologiya. Filosofiya. Politologiya. – 2021. – Т. 13. – № 1. – С. 123–135.
3. Biryukova T. A. Kommentariy k Federal'nomu zakonu ot 26 dekabrya 1995 g., № 209-FZ «O geodezii i kartografii» [Elektronnyy resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Garant» (data obrashcheniya: 14.12.2021). Zakon utratil silu s 1 yanvarya 2017 g.
4. Boldyrev O. Yu. Konstitutsionnaya reforma v Rossii: aktual'nost', realizatsiya, perspektivy. Chast' 2. Popravki k Konstitutsii: nereshennyye i novyye problemy i vektor dal'neyshego reformirovaniya // Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo. – 2020. – № 12. – С. 3–8.
5. Bondarenko V. M. O nekotorykh aspektakh mezhdunarodno-pravovogo oformleniya gosudarstvennykh granits // Satsyyal'na-ekonomichekiye i pravavyaya dasledavaniya. – 2007. – № 4. – С. 119–133.
6. Borisov S. V. Ugolovnaya otvetstvennost' za publichnyye prizvyvy k osushchestvleniyu deystviy, napravlennykh na narusheniye territorial'noy tselostnosti Rossiyskoy Federatsii // Yuridicheskaya nauka. – 2014. – № 4. – С. 44–49.
7. Bredikhin A. L., Protsenko Ye. D. Gosudarstvennyy suverenitet Rossiyskoy Federatsii v svete popravok k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii, prinyatykh v 2020 g. // Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo. – 2020. – № 11. – С. 21–23.
8. Gontar' N. V. Setsessiya kak proyavleniye otchuzhdeniya obshchestva i gosudarstva // Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy. – 2015. – № 3. – С. 69–81.
9. Greshnykh A. A., Utkin N. I., Shenshin V. M. O nekotorykh tendentsiyakh razvitiya rossiyskogo prava, napravlennykh na zashchitu suvereniteta i territorial'noy tselostnosti Rossiyskoy Federatsii // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye. – 2021. – № 5. – С. 8–11.
10. Dmitriyeva M. O. Sravnitel'nyy analiz uregulirovaniya granitsy Rossiyskoy Federatsii s Respublikoy Kazakhstan i Kitayskoy Narodnoy Respublikoy // Oykumena. Regionovedcheskiye issledovaniya. – 2011. – № 3 (18). – С. 40–48.
11. Zlotnikova T. V. Sovremennyye problemy Arkticheskogo regiona: priroda, pravo, geopolitika // Ekologicheskoye pravo. – 2017. – № 6. – С. 12–16.
12. Kazilo A. D. Formirovaniye gosudarstvennoy granitsy Rossiyskoy Federatsii s Litovskoy Respublikoy posle raspada SSSR (istoricheskiy i pravovoy aspekt) // Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya. – 2016. – № 3. – С. 342–347.
13. Kichigin N. V. Mezhdunarodno-pravovoye oformleniye gosudarstvennoy granitsy Respubliki Yuzhnaya Osetiya s sopredel'nymi gosudarstvami // Pravo v Vooruzhennykh Silakh – Voenno-pravovoye obozreniye. – 2017. – № 7 (240). – С. 105–109.

14. *Brilliantov A. V., Galakhova A. V., Davydov V. A. [i dr.]*. Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii. Osobennaya chast'. Razdely X–XII: v 4 t. (postateynyy) / otv. red. V.M. Lebedev. – T. 4. – Moskva: Yurayt, 2017. – 278 s.
15. *Bochkareva N. A., Balabina I. V., Kotukhov S. A., Soboleva Yu. V.* Kommentariy k Federal'nomu zakonu ot 30 noyabrya 1995 g. № 187-FZ «O kontinental'nom shel'fe Rossiyskoy Federatsii» [Elektronnyy resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Garant» (data obrashcheniya: 14.09.2021).
16. *Kostyuchenko A. P.* Demarkatsiya rossiysko-kitayskoy granitsy v zone otvetstvennosti Tikhookeanskogo pogranichnogo okruga // *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. – 2017. – № 2. – S. 75–80.
17. *Lukin Yu. F.* Dogovor mezhdru Rossiyei i Norvegiyei – shag k mirnomu peredelu morskogo prostranstva Arktiki // *Arktika i Sever*. – 2011. – № 2. – S. 59–96.
18. *Lukashov A. I., Sheveleva S. V., Yakovleva Ye. O.* Pravovaya reglamentatsiya v Rossii i Respublike Belarus' konfiskatsii imushchestva kak inoy mery ugolovno-pravovogo kharaktera // *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*. – 2019. – № 4 (51). – S. 70–84.
19. *Makkambayev P. A.* Administrativno-pravovyye mery v sisteme obespecheniya pogranichnoy bezopasnosti Respubliki Uzbekistan // *Administrativnoye pravo i protsess*. – 2021. – № 10. – S. 59–61.
20. *Vasil'yev S. M. [nauch. red.]*. Mezhdunarodno-pravovoye oformleniye Gosudarstvennoy granitsy Rossiyskoy Federatsii: trebovaniya printsipov mezhdunarodnogo prava. – Moskva, 2000. – 284 s.
21. *Melkonyan L. R.* Gosudarstvennaya territoriya, gosudarstvennaya granitsa, sovremennyye podkhody k ikh sodержaniyu // *Nauchnyye vesti*. – 2020. – № 12 (29). – S. 194–208.
22. *Narutto S. V.* K voprosu ob izmenenii gosudarstvennoy granitsy // *Administrativnoye i munitsipal'noye pravo*. – 2012. – № 12 (60). – S. 71–78.
23. *Narutto S. V.* K voprosu ob izmenenii gosudarstvennoy granitsy // *NB: Administrativnoye pravo i praktika administrirovaniya*. – 2013. – № 12. – S. 35–50. <https://doi.org/10.7256/2306-9945.2013.12.10698>.
24. *Presnyakov M. V.* Zashchita territorial'noy tselostnosti – «zhelezobetonnyaya popravka» ili kauchukovaya norma: problemy pravovoy opredelonnosti // *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo*. – 2021. – № 8. – S. 34–39.
25. *Skulakov R. M.* Posledstviya agressii Gruzii i formirovaniye gosudarstvennoy granitsy mezhdru Rossiyskoy Federatsiyey, Gruziyey, Yuzhnoy Osetiyey, Abkhaziyey (o nekotorykh sovremennykh voyennykh problemakh mezhdunarodnogo prava) // *Voyennoye pravo*. – 2013. – № 3. – S. 23–33.
26. *Stepanov V. V., Strukov A. V.* Problemy razresheniya konkurentsii sostavov prestupleniy ekstremistskoy napravlenosti // *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskiye nauki*. – 2015. – № 1 (27). – S. 133–140.
27. *Klimenko B. M., Pork A. A.* Territoriya i granitsa SSSR. – Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1985. – 302 s.
28. *Khlebushkin A. G.* Publichnyye prizvyvy k osushchestvleniyu deystviy, napravlennykh na narusheniye territorial'noy tselostnosti Rossiyskoy Federatsii (st. 280.1 UK RF): ugolovno-pravovaya kharakteristika i voprosy kvalifikatsii // *Rossiyskiy sledovatel'*. – 2014. – № 11. – S. 25–29.
29. *Tsay In.* Izmeneniya v rabote amurskogo rechnogo transporta posle demarkatsii rossiysko-kitayskoy granitsy v 2004 godu // *Chteniya pamyati Yevgeniya Petrovicha Sychevskogo*. – 2021. – № 21. – S. 89–95.
30. *Chernyavskiy D. O., Skulakov R. M.* Publichnyye prizvyvy k narusheniyu territorial'noy tselostnosti: problemy sotsial'no-politicheskoy obuslovlennosti ugolovno-pravovogo zapreta // *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*. – 2015. – № 1 (31). – S. 73–79.
31. *Shcherbak S. I.* Narusheniye territorial'noy tselostnosti Rossiyskoy Federatsii posredstvom protivopravnogo izmeneniya Gosudarstvennoy granitsy Rossiyskoy Federatsii, kak proyavleniye ekstremizma // *Voyennoye pravo*. – 2020. – № 5 (63). – S. 177–184.
32. *Shugrina Ye. S.* Izmeneniye granits sub'yekta RF: osobennosti pravovogo regulirovaniya i pravoprimenitel'noy praktiki // *Lex russica*. – 2012. – № 5. – S. 938–957.
33. *Boggs, S.* International Boundaries [Electronic resource] / S. Boggs. – New York: Columbia University Press, 1940. – 111 p. – URL: <https://www.questia.com> (data obrashcheniya: 12.12.2021).
34. *Curzon Lord of Kedleston.* Romanes Lectures: Frontiers [Electronic resource] // *Curzon Lord of Kedleston*. – Oxford: Clarendon Press, 1907. – 58 p. – URL: <https://archive.org/details/frontiers00curz>. (data obrashcheniya: 12.12.2021).
35. *Holdich, T.* Political frontiers and boundary making [Electronic resource] / T. Holdich. – London: Macmillan and Co., Limited St. Martin's street, 1916. – 309 p. – URL: <https://archive.org/detdet/politicalfrontie00holdiala>. (data obrashcheniya: 12.12.2021).
36. *Jones, S.* Boundary Making a handbook for statesmen, treaty editors and boundary commissioners [Electronic resource] / S. Jones. – Washington: Carnegie Foundation for International Peace, 1945. – 272 p. – URL: <https://www.questia.com/read/53417527/boundary-making-a-handbook-for-statesmen-treaty>. (data obrashcheniya: 12.12.2021).
37. *La Pradelle, P.* La frontière. Étude de droit international / P. La Pradelle. – Paris: Les Editions internationales, 1928. – 368 p.
38. *Rushworth, D.* Mapping in Support of Frontier Arbitration: Delimitation and Demarcation [Electronic resource] / D. Rushworth // *IBRU Boundary and Security Bulletin Spring*. – 1997. – P. 61–67. – URL: https://www.dur.ac.uk/resources/ibru/publications/full/bsb5-1_rushworth.pdf. (data obrashcheniya 12.12.2021).

39. *Kirillova E.A., Suslikov V.N., Bogdan V.V., Baybarin A.A., Sheveleva S.V.* Mobile real estate: legal status and succession principles // *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. – 2015. – Т. 6. – № 1. – С. 96–103.

40. *Sayel M. Al., Lohmann P., Heipke C.* International boundary making – three case studies [Electronic resource] // *International Society for Photogrammetry and Remote Sensing*. – 2009. – Mode of access : http://www.isprs.org/proceedings/XXXVIII/1_4_7-W5/paper/Al_Sayel-123.pdf. – (data obrashcheniya: 12.12.2021).

41. *Pakhlyan Anna.* Ekonomicheskiy potentsial Artsakha posle «novogo opredeleniya». Vozmozhnosti, ostavshiyesya za granitsey [na armyanskom yazyke] // *Informatsionnyy byulleten' «Amberd»*. – 2020. – № 6 (7). – Р. 13–21.

Статья поступила в редакцию 02.02.2022; одобрена после рецензирования 23.03.2022; принята к публикации 06.05.2022.

The article was submitted February 02, 2022; approved after reviewing March 23, 2022; accepted for publication May 05, 2022.

Научная статья
УДК 343.9
doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-129-134

Гринберг Станислав Аркадьевич

адъюнкт

<https://orcid.org/0000-0003-2632-8082>, david.shultz555@gmail.com

*Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Российская Федерация, 117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12*

Организационно-управленческие меры противодействия организованным формам профессиональной преступности в условиях современного мегаполиса

Аннотация: Деятельность по противодействию организованным формам профессиональной преступности в условиях современного мегаполиса должна осуществляться с учётом особенностей криминологической характеристики и детерминации организованных форм профессиональной преступности, а также криминологических особенностей современного мегаполиса как специфической социально-правовой реальности. Учитывая то, что организованная профессиональная преступность представляет собой специфический вид преступности, противодействие ему требует надлежащего организационно-управленческого обеспечения. Организационно-управленческие меры противодействия организованным формам профессиональной преступности в условиях современного мегаполиса должны быть направлены прежде всего на устранение проблем информационного, кадрового, методического и ресурсного обеспечения данной деятельности. Статистические учёты первичной информации о преступлениях и лицах, их совершивших, необходимо формировать с учётом отражения в них различных признаков преступного профессионализма. Необходимо надлежащее кадровое обеспечение субъектов превентивной деятельности, прежде всего обеспечение ОВД специально ориентированными на противодействие профессиональной преступности специалистами различного профиля. Необходимо разработка специализированных методик выявления, раскрытия и расследования организованных форм профессиональной преступной деятельности, конкретизированных в соответствии с учётом конкретных видов и криминологически значимых особенностей профессиональной преступной деятельности. Исходя из криминологических особенностей организованных форм профессиональной преступности в условиях современного мегаполиса как специфического вида преступной деятельности, системное внутриведомственное и межведомственное взаимодействие субъектов превентивной деятельности должно осуществляться исходя из организованного характера и субъектного состава преступной деятельности, направленности параметров профессиональной преступной деятельности, а также её масштабов.

Ключевые слова: организованная преступность, профессиональная преступность, мегаполис, противодействие, обеспечение, организационно-управленческие меры

Для цитирования: Гринберг С. А. Организационно-управленческие меры противодействия организованным формам профессиональной преступности в условиях современного мегаполиса // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 129–134; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-129-134.

Stanislav A. Grinberg

Graduate

<https://orcid.org/0000-0003-2632-8082>, david.shultz555@gmail.com

*Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'
12, Academician Volgin str., Moscow, 117997, Russian Federation*

Organizational and management measures in countering organized forms of professional crime in a modern metropolis

Annotation: Countering organized forms of professional crime in the conditions of a modern metropolis should be carried out accounting for the peculiarities of the criminological characteristics and determination of organized forms of professional crime, as well as the criminological features of the modern metropolis as a specific social and legal reality. Given that organized professional crime is a specific type of crime, countering it requires proper organizational and management provisions. Organizational and management measures in countering organized forms of professional crime in the conditions of a modern metropolis should be aimed primarily at eliminating the problems of information, staff, methodological and resource support of this activity. Statistical records of primary information about crimes and the persons who committed them must be formed with an eye on the various signs of criminal professionalism. It is necessary to provide adequate human resources for prevention activities, first of all, to staff the internal affairs agencies with the specialists of various profiles. It is necessary to develop specialized methods for identifying, discovering and investigating organized forms of professional criminal activity, specified in accordance with specific types and criminologically significant features of professional criminal activity. It is necessary to develop specialized methods for identifying, discovering and investigating organized forms of professional criminal activity, specified in accordance with specific types and criminologically significant features of professional criminal activity. Based on the criminological features of organized forms of professional crime in the conditions of a modern metropolis, as a specific type of criminal activity, systematic intradepartmental and interdepartmental interaction between the agencies should be carried out basing on the organized nature and types of perpetrators of the criminal activity, on the direction of professional criminal activity, as well as its scale.

Keywords: organized crime, professional crime, metropolis, counteraction, provision, organizational and management measures

For citation: Grinberg S. A. Organizational and management measures in countering organized forms of professional crime in a modern metropolis // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – P. 129–134; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-129-134.

Современный мегаполис в силу объективных причин является объектом повышенного внимания криминалитета различных уровней организованности, включая международные и транснациональные преступные сообщества. В связи с формированием тотального информационного общества, технологическим развитием различных форм человеческой деятельности, в том числе и преступных, всё большую криминальную угрозу несёт в себе стремительно развивающийся как относительно новых форм, так и совершенствования способ преступной деятельности, преступный профессионализм.

Эффективное противодействие профессиональной преступности, а тем более её организованным формам, возможно лишь на прочной организационной и научной основе [1, с. 47]. Соответственно, противодействие организованным формам профессиональной преступности в условиях современного мегаполиса требует надлежащего организационно-управленческого обеспечения.

Исходя из того, что организованные формы профессиональной преступности представляют собой системную преступную деятельность организованных групп, а также преступных сообществ (преступных организаций) и лиц, обладающими криминальной специализацией и квалификацией [2, с. 109], криминологическая защита сверхкрупных го-

родов от преступной деятельности данного рода должна осуществляться с учётом триумвирата криминологически значимых характеристик объекта превентивного воздействия, а именно: 1) организованных форм осуществления преступной деятельности; 2) профессионализма субъектов преступной деятельности; 3) условий современного мегаполиса, в которых осуществляется преступная деятельность.

Учитывая криминологические особенности современного мегаполиса как специфической социально-правовой реальности, особенности криминологической характеристики и детерминации организованных форм профессиональной преступности, деятельность по противодействию организованным формам профессиональной преступности в условиях современного мегаполиса должна осуществляться с учётом исходных основ, позволяющих существенно повысить криминологическую безопасность сверхкрупных городов и страны в целом, в частности, таких принципов, как социальная обоснованность, демократизм, законность, нерепрессивность, системность, пространственно-территориальная локализация, научность, плановость, оперативность, экономическая (ресурсная) обоснованность.

Что касается непосредственно мер организационно-управленческого обеспечения противодействия организованным формам профессиональной преступности в условиях

современного мегаполиса, то они должны быть направлены, на наш взгляд, в первую очередь на устранение проблем информационного обеспечения данной деятельности.

Одной из основных проблем криминологического прогнозирования и планирования, выработки эффективных мер противодействия преступности является отсутствие объективной статистической информации и основанного на её анализе криминологического знания о состоянии преступности [3, с. 122–127; 4, с. 147–152; 5, с. 48–59; 6, с. 76–81]. Именно обусловленные спецификой профессиональных форм преступного поведения и их организованностью, а также несовершенством статистических форм и методик учёта преступлений, сложности статистического учёта преступлений данной категории, а также их эмпирического изучения и теоретического осмысления обуславливают проблемы выработки эффективных мер противодействия.

Правоохранительным органам для противодействия профессиональной и иным специфическим видам преступности необходима особая система учёта форм преступного поведения, обеспечивающая надлежащую аналитическую, стратегически значимую информацию [7, с. 50]. Современные же формы статистической отчётности не фиксируют и не отражают ни отдельных признаков преступного профессионализма, ни деяний, которые необходимо относить к категории профессиональных преступлений, что объективно обуславливает сложность и неоднозначность результатов процесса оценки масштабов и форм проявления профессиональной преступности [8, с. 120–126].

В надлежащем статистическом учёте нуждается информация как о фактах преступлений, совершённых организованными группами и преступными сообществами (организациями) профессиональных преступников, так и о самих профессиональных преступниках. Эффективность контроля за профессиональными преступниками, как отмечает Ю. А. Воронин, во многом зависит от обеспечения централизованного учёта данных лиц в соответствии с их категоризацией, прежде всего по направлению криминальной специализации [9, с. 16].

При этом следует избегать утопических с точки зрения рациональности и возможности их реализации идей и предложений относительно необходимости «в масштабе страны обеспечить электронный учёт и слежение за всеми преступниками-профессионалами, в том числе и в местах лишения свободы» и тому подобных [10, с. 76]. Как уже отмечалось нами ранее, противодействие организованным формам профессиональной преступности в условиях современного мегаполиса должно осуществляться в том числе с учётом принципов научности и экономической (ресурсной) обоснованности.

Таким образом, для получения наиболее полной и объективной, статистически реле-

вантной, соответствующей запросам превентивной деятельности информации о состоянии организованных форм профессиональной преступной деятельности, статистические учёты первичной информации о преступлениях и лицах, их совершивших, необходимо формировать с учётом отражения в них различных признаков преступного профессионализма – как общих (групповые формы совершения преступлений; неоднократность совершения преступлений; типичность способов совершения преступлений; предмет преступления и пр.), так и специфических (криминальная специализация, криминальная квалификация и пр.).

Организационно-управленческое обеспечение противодействия организованным формам профессиональной преступности в условиях современного мегаполиса должно быть направлено на надлежащее кадровое обеспечение субъектов превентивной деятельности, прежде всего органов внутренних дел (далее – ОВД).

Сегодня необходима подготовка по узким специальностям, в первую очередь специалистов оперативных подразделений ОВД, способных выявлять, пресекать и предупреждать новые виды (типы) профессиональной преступной деятельности [11, с. 54]. Кадровое обеспечение оперативно-розыскной функции ОВД требует реализации эффективной системы отбора, обучения, переподготовки и повышения квалификации кадров, обеспечивающей ОВД специально ориентированными на противодействие профессиональной преступности специалистами – юристами, психологами, экономистами, программистами, инженерами и прочими [7, с. 50]. Необходимость обеспечения правоохранительных органов кадрами, компетентными в сфере противодействия организованным формам профессиональной преступной деятельности, обусловлена современными трендами её развития, определяемыми, в частности: вовлечением в сферу профессиональной преступности высококвалифицированных специалистов самых различных областей научного знания, в результате чего существенно повысился интеллектуальный и образовательный уровень профессиональных преступников; появлением преступников-суперпрофессионалов, обладающих уникальной специализацией и сверхвысокой квалификацией; соответствующей уровню современного научно-технологического развития человечества; тотальной технологизацией преступной деятельности, в результате чего существенно усложняются способы совершения и появляются качественно новые виды преступной деятельности.

Таким образом, эффективное противодействие организованным формам профессиональной преступности в условиях современного мегаполиса требует надлежащего кадрового обеспечения субъектов превентивной деятельности, прежде всего обеспечения ОВД специально ориентированными на противодействие профессиональной преступности специалиста-

ми различного профиля. Реализация данной задачи возможна как путём организации системы отбора, обучения, переподготовки и повышения квалификации сотрудников ОВД, так и за счёт привлечения соответствующих специалистов в качестве вольнонаёмных работников и гражданских служащих.

Следует отметить, что в силу специфики различных видов преступной деятельности, противодействие которым требует узкой профессиональной специализации и самой высокой квалификации, как свидетельствует мировой опыт правоохранительной деятельности, целесообразным является привлечение на службу специалистов именно из числа гражданских лиц, поскольку в системе правоохранительных органов данные специалисты могут отсутствовать, а их профессиональное обучение и подготовка в системе ведомственных образовательных организаций не осуществляются. При этом следует учитывать риски проникновения на службу (работу) лиц, склонных к нарушению законности, а также изначально криминально ориентированных лиц [12, с. 92–97], что требует особого внимания к стандартам и процедурам отбора соответствующих специалистов.

Безусловно, следует согласиться с Ф. Р. Хисамутдиновым и А. Е. Шалагиным в том, что эффективно противостоять профессиональной преступности, а тем более её организованным формам, может лишь хорошо подготовленная и оснащённая современными техническими (информационными и иными) средствами правоохранительная система [11, с. 55]. Без соблюдения принципа экономической (ресурсной) обоснованности и надлежащего ресурсного обеспечения правоохранительная деятельность в силу объективного её отставания от уровня развития преступности является малоэффективной.

Не менее актуальной проблемой организационно-управленческого обеспечения противодействия организованным формам профессиональной преступности в условиях современного мегаполиса является методическое обеспечение.

Сегодня крайне необходима разработка специализированных методик выявления, раскрытия и расследования организованных форм профессиональной преступной деятельности, конкретизированных в соответствии с учётом конкретных видов и криминологически значимых особенностей профессиональной преступной деятельности.

Эффективность методик выявления, раскрытия и расследования организованных форм профессиональной преступной деятельности должна обеспечиваться с учётом при их разработке внутривидового многообразия данного вида преступности, в частности, таких криминологически значимых критериев, как направленность преступной деятельности, криминальная специализация участников, уровень криминальной квалификации участников, масштаб преступной деятельности, степень

организованности, количество участников, профессиональный состав участников, продолжительность преступной деятельности, этнический состав участников, уровень рецидива, наличие коррупционных связей, вовлечённость представителей власти, характеристики жертвы и прочие [13, с. 110–114].

При этом методическое обеспечение выявления, раскрытия и расследования организованных форм профессиональной преступности в условиях современного мегаполиса должно формироваться и внедряться с учётом особенностей криминогенности и специфики оперативной обстановки в данном регионе, определяемых его административным статусом, топографическим, географическим и геополитическим положением, экономическим потенциалом, инфраструктурой, поликомпонентностью состава населения, миграционными и социокультурными процессами и пр.

Для современного мегаполиса характерна крайне высокая мобильность населения, что существенно осложняет не только процесс выявления фактов преступной деятельности, но и их расследование. Транзитный характер, непостоянность и кратковременность пребывания в мегаполисе обуславливают технические и связанные с ними процессуальные сложности участия различных субъектов уголовного процесса (прежде всего потерпевших и свидетелей) в расследовании преступлений, что детерминирует высокий уровень их латентности и низкий уровень раскрываемости. В связи с указанным актуальной является необходимость выработки методических рекомендаций по практической реализации в процессе расследования организованной профессиональной преступной деятельности в условиях современного мегаполиса различных форм производства дистанционных следственных действий и дистанционного участия в уголовном судопроизводстве.

Исходя из принципа системности [14, с. 54–56], организационно-управленческое обеспечение противодействия организованным формам профессиональной преступности в условиях современного мегаполиса должно быть направлено на эффективное внутриведомственное и межведомственное взаимодействие субъектов превентивной деятельности.

Исходя из криминологических особенностей организованных форм профессиональной преступности в условиях современного мегаполиса как специфического вида преступной деятельности, внутриведомственное и межведомственное взаимодействие субъектов превентивной деятельности должно осуществляться по трём основным «осям координат», определяемым:

1) организованным характером и субъектным составом преступной деятельности (подразделения и службы правоохранительных органов, специализирующиеся на противодействии организованной преступности, экстремизму, этнической преступности, преступности мигрантов и т.п.);

2) направленностью и параметрами профессиональной преступной деятельности (подразделения и службы правоохранительных органов, специализирующиеся на противодействии заказным убийствам, торговле людьми, хищениям и мошенничеству, угонам и торговле автотранспортными средствами, обороту оружия, обороту наркотиков, обороту предметов искусства и антиквариата, фальшивомонетничеству, незаконной миграции и пр.);

3) масштабами преступной деятельности (взаимодействие на уровне мегаполиса, на региональном уровне, международное взаимодействие).

При этом специфика рассматриваемого вида преступности определяет необходимость реализации всех форм взаимодействия субъектов превентивной деятельности – субординационного, субсидиарного, договорного и прочих, в зависимости от субъектного состава, уровня, направленности, а также стратегических и тактических целей взаимодействия.

Одним из практических результатов эффективного внутриведомственного и межведомственного взаимодействия субъектов превентивной деятельности являются комплексные профилактические операции правоохранительных органов с привлечением сил и средств органов государственной и муниципальной власти, негосударственных организаций и общественности¹ [7, с. 50]. Следует учитывать, что разра-

ботка и реализация комплексных профилактических мероприятий осуществляется на основе результатов криминологического прогнозирования и планирования, что, в свою очередь, требует надлежащего информационного обеспечения, прежде всего криминологически значимой информации о состоянии преступности.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы. Противодействие организованным формам профессиональной преступности в условиях современного мегаполиса должно осуществляться с учётом триумвирата криминологически значимых характеристик объекта превентивного воздействия, а именно: 1) организованных форм осуществления преступной деятельности; 2) профессионализма субъектов преступной деятельности; 3) условий современного мегаполиса, в которых осуществляется преступная деятельность. Данная превентивная деятельность должна осуществляться с учётом таких принципов, как социальная обоснованность, демократизм, законность, нерепрессивность, системность, пространственно-территориальная локализация, научность, плановость, оперативность, экономическая (ресурсная) обоснованность. Организационно-управленческие меры противодействия организованным формам профессиональной преступности в условиях современного мегаполиса должны быть направлены прежде всего на устранение проблем информационного, кадрового, методического и ресурсного обеспечения данной деятельности, а также на обеспечение эффективного внутриведомственного и межведомственного взаимодействия (субординационного, субсидиарного, договорного и пр.) субъектов превентивной деятельности.

¹ Шигина Н. В. Криминологические проблемы борьбы с профессиональной преступностью на современном этапе: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Шигина Наталья Валерьевна. – Москва, 2002. – 26 с.

Список литературы

1. Данчева С. Я. История уголовной политики российского государства в борьбе с профессиональной преступностью // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – Серия: Право. – 2010. – № 5 (181). – С. 43-47.
2. Гринберг С. А. Организованные формы профессиональной преступности: определение понятия // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 8. – С. 106–110.
3. Иванцов С. В. Криминологическое прогнозирование в планировании предупреждения преступности // Общество и право. – 2015. – № 3 (53). – С. 122–127.
4. Иванцов С. В. Планирование деятельности органов внутренних дел в системе правового регулирования предупреждения преступности // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 7. – С. 147–152.
5. Игнатов А. Н. Об уровне преступности и деятельности правоохранительных органов (часть 1) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2012. – № 4 (27). – С. 48–59.
6. Игнатов А. Н. Об уровне преступности и деятельности правоохранительных органов (часть 2) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2013. – № 1 (28). – С. 76–81.
7. Кондратьева С. Н. Меры предупреждения профессиональной преступности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – Серия: Право. – 2011. – № 6 (223). – С. 49–53.
8. Фарышев Е. В. Криминологическая оценка форм и масштабов проявления профессиональной преступности в современной России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 6. – С. 120–126.
9. Воронин Ю. А. Криминологический профессионализм: современные тенденции // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – Серия: Право. – 2018. – Т. 18. – № 1. – С. 13–17.
10. Таилова А. Г. Особенности предупреждения профессиональной преступности // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. – 2014. – № 4–2. – С. 75–78.

11. *Хисамутдинов Ф. Р., Шалагин А. Е.* Особенности предупреждения профессиональной и рецидивной преступности (история и современность) // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2014. – № 4 (18). – С. 50–55.
12. *Игнатов А. Н.* Типология работников правоохранительных органов, совершающих насильственные преступления // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2011. – № 1 (20). – С. 92–97.
13. *Гринберг С. А.* Классификация организованных форм профессиональной преступной деятельности // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 4. – С. 110–114.
14. *Иванцов С. В.* Обеспечение органами внутренних дел системного подхода в изучении и предупреждении организованной преступности : монография / ред. С. Я. Лебедев. – Москва: Юнити-Дана, 2010. – 287 с.

References

1. *Dancheyeva S. Ya.* Istoriya ugolovnoy politiki rossiyskogo gosudarstva v bor'be s professional'noy prestupnost'yu // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. – Seriya: Pravo. – 2010. – № 5 (181). – S. 43–47.
2. *Grinberg S. A.* Organizovannyye formy professional'noy prestupnosti: opredeleniye ponyatiya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2020. – № 8. – S. 106–110.
3. *Ivantsov S. V.* Kriminologicheskoye prognozirovaniye v planirovanii preduprezhdeniya prestupnosti // Obshchestvo i pravo. – 2015. – № 3 (53). – S. 122–127.
4. *Ivantsov S. V.* Planirovaniye deyatel'nosti organov vnutrennikh del v sisteme pravovogo regulirovaniya preduprezhdeniya prestupnosti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2015. – № 7. – S. 147–152.
5. *Ignatov A. N.* Ob urovne prestupnosti i deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov (chast' 1) // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. – 2012. – № 4 (27). – S. 48–59.
6. *Ignatov A. N.* Ob urovne prestupnosti i deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov (chast' 2) // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. – 2013. – № 1 (28). – S. 76–81.
7. *Kondrat'yeva S. N.* Mery preduprezhdeniya professional'noy prestupnosti // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. – Seriya: Pravo. – 2011. – № 6 (223). – S. 49–53.
8. *Faryshev Ye. V.* Kriminologicheskaya otsenka form i masshtabov proyavleniya professional'noy prestupnosti v sovremennoy Rossii // Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki. – 2019. – № 6. – S. 120–126.
9. *Voronin Yu. A.* Kriminal'nyy professionalizm: sovremennyye tendentsii // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. – Seriya: Pravo. – 2018. – T. 18. – № 1. – S. 13–17.
10. *Tailova A. G.* Osobennosti preduprezhdeniya professional'noy prestupnosti // Teoreticheskiye i prikladnyye aspekty sovremennoy nauki. – 2014. – № 4–2. – S. 75–78.
11. *Khisamutdinov F. R., Shalagin A. Ye.* Osobennosti preduprezhdeniya professional'noy i retsidivnoy prestupnosti (istoriya i sovremennost') // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2014. – № 4 (18). – S. 50–55.
12. *Ignatov A. N.* Tipologiya rabotnikov pravookhranitel'nykh organov, sovershayushchikh nasilstvennyye prestupleniya // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. – 2011. – № 1 (20). – S. 92–97.
13. *Grinberg S. A.* Klassifikatsiya organizovannykh form professional'noy prestupnoy deyatel'nosti // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. – 2021. – № 4. – S. 110–114.
14. *Ivantsov S. V.* Obespecheniye organami vnutrennikh del sistemnogo podkhoda v izuchenii i preduprezhdenii organizovannoy prestupnosti : monografiya / red. S. Ya. Lebedev. – Moskva: Yuniti-Dana, 2010. – 287 s.

Статья поступила в редакцию 23.03.2022; одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 28.04.2022.

The article was submitted March 23, 2022; approved after reviewing April 11, 2022; accepted for publication April 28, 2022.

Научная статья
УДК 343.97
doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-135-140

Илья Сергеевич Ильин

кандидат юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0003-1362-0519>, isilyin@yandex.ru

*Управление МВД России по Красногвардейскому району г. Санкт-Петербурга
Российская Федерация, 195176, Санкт-Петербург, ул. Краснодонская, д.14*

*Северо-Западный институт управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Российская Федерация, 191119, Санкт-Петербург, Днепропетровская ул., 8И*

Ближайшие последствия демонстративно-протестной преступности

Аннотация: Основные группы ближайших последствий демонстративно-протестной преступности сводятся к причинению вреда личности и собственности. Последствия в виде вреда личной безопасности, телесной неприкосновенности и здоровью с учётом специфики субъектного состава насильственного конфликта включают в себя: а) вред, причинённый протестующими сотрудникам правоохранительных органов; б) вред, причинённый сотрудниками правоохранительных органов участникам протеста; в) вред, причинённый протестующими сторонним наблюдателям протеста, не разделяющим идеи протеста; г) вред, причинённый протестующим сторонними наблюдателями протеста, не разделяющими идеи протеста. Последствия в виде причинения вреда собственности включают в себя не только прямой ущерб от противоправных протестных действий, но также затраты и убытки, которые общество несет в связи с такими действиями. В структурном отношении этот вред представлен: а) последствиями повреждения или уничтожения имущества протестующими во время протестной акции; б) последствиями повреждения или уничтожения имущества сотрудниками правоохранительных органов; в) затратами и убытками, которые несут физические и юридические лица в связи с самим проведением протестной акции или устранением её последствий; г) затратами государства (прежде всего правоохранительных органов) в связи с обеспечением порядка во время протестной акции; д) затратами государства и общества на возмещение и компенсацию вреда, причинённого здоровью, чести и достоинству участников протеста, сотрудников правоохранительных органов и иных лиц.

Ближайшие последствия демонстративно-протестной преступности выступают первым звеном в развёртывании процесса социально-психологических, социально-политических и социально-правовых трансформаций, исследование которых будет продолжено в рамках дальнейшей работы.

Ключевые слова: протест, теория, факторы, преступление, структура, система, трансформация

Для цитирования: Ильин И. С. Ближайшие последствия демонстративно-протестной преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 135–140; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-135-140.

Ilya S. Ilyin

Cand. Sci. (Jurid.), Docent
<https://orcid.org/0000-0003-1362-0519>, isilyin@yandex.ru

*Head of the department of the MIA of the Russia in Krasnogvardeisky district, Saint Petersburg
14, Krasnodonskaya str., Saint Petersburg, 195176, Russian Federation*

*Northwestern Institute of Management of the Russian Presidential Academy
of the National Economy and Public Administration
8 И, Dnepropetrovsk str., Saint Petersburg, 191119, Russian Federation*

Immediate consequences of the crimes connected to protest actions

Abstract: The main groups of immediate consequences of demonstrative protest crime center on causing harm to person and property. Consequences in the form of harm to personal safety, bodily integrity and health, considering the specifics of the participants of a violent conflict, include: a) harm caused by protesters to law enforcement officers; b) harm caused by law enforcement officers to protesters; c) harm caused by the protesters to the bystanders not espousing the ideas of the protest; d) harm caused to the protesters by the bystanders not espousing the ideas of the protest. The consequences of damage to property include not only direct damage from illegal protest actions, but also the costs and losses incurred on society in connection with such actions.

Structurally, this damage includes: a) the consequences of damage or destruction of property by protesters during a protest; b) the consequences of damage or destruction of property by law enforcement officers; c) the costs and losses incurred by individuals and legal entities due to the protest itself or its aftermath; d) state expenditure (primarily the expenses of the law enforcement agencies) in connection with the ensuring safety during the protest; e) the costs compensation and refurbishment for the harm caused to the health, honor and dignity of the participants, law enforcement officers and other persons incurred on the state and society.

The immediate consequences of the crimes committed during protest actions are the first link in the deployment of the process of socio-psychological, socio-political and socio-legal transformations, the study of which will be continued in the framework of further work.

Keywords: protest, consequences, theory, factors, group, crime, structure, system, personality, mechanism, transformation

For citation: Ilyin I. S. Immediate consequences of the crimes connected to protest actions // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – P. 135–140; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-135-140.

Продолжая изучение системы социальных последствий демонстративно-протестной преступности, необходимо заострить внимание на конкретных последствиях конкретных противоправных действий. С точки зрения логики правового регулирования эти последствия могут составлять элемент состава правонарушения либо находиться за его рамками. С точки зрения механизма возникновения эти последствия могут представлять собой реальный вред, причинённый действиями лиц, вовлечённых в противоправный конфликт, либо убытки, упущенную выгоду, дополнительные расходы лиц, участвующих в этом конфликте. Различия здесь значимые, но до определённого предела ими можно пренебречь, учитывая, что задача исследования на данном этапе состоит в том, чтобы очертить круг «осязаемых», исчислимых последствий.

Специфика ближайших последствий демонстративно-протестной преступности ещё и в том, что в их оценке содержание негативных социальных трансформаций в определённой степени отходит на второй план перед эффектом множественности, многозначности и непредсказуемости этих последствий. Опасность противоправных деяний, совершаемых неорганизованной, стихийной массой людей в открытом общественном пространстве большей частью в условиях городской среды, заключается в том, что сценарий их развития не может быть заранее определён. Преступления совершаются либо большой группой людей, либо

людьми в большой толпе, которая изначально имеет статус неправовой ассоциации ввиду того, что протестная акция, как правило, не согласована органами власти. Они сопровождаются применением насилия, повреждением или уничтожением имущества, поджогами, погромами, возможно с применением оружия либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, оказанием сопротивления представителям власти, способствуют нарушению функционирования органов власти и органов управления, работы предприятий, учреждений, транспорта. В таких ситуациях практически невозможно предугадать масштаб и количество возможных жертв, а также размеры причинённого вреда.

Анализ характера совершаемых во время протестных акций правонарушений позволяет заключить, что основные группы «физических» последствий сводятся к причинению вреда личности и собственности.

Последствия в виде вреда личной безопасности, телесной неприкосновенности и здоровью представлены как вред, причинённый двум категориям вовлечённых в непосредственный насильственный конфликт граждан: пострадавшим от применения насилия со стороны протестующих и самим протестующим. Такой обобщённый взгляд основан на аргументированной в современной науке позиции, согласно которой ущерб, понесённый самими преступниками, также должен учитываться в качестве компонента общего вреда, связанного с насиль-

ственной преступностью¹. С учётом специфики субъектного состава насильственного конфликта, эта градация может быть углублена, в связи с чем целесообразно выделять:

а) вред, причинённый протестующими сотрудникам правоохранительных органов;

б) вред, причинённый сотрудниками правоохранительных органов участникам протеста;

в) вред, причинённый протестующими сторонними наблюдателям протеста, не разделяющим идеи протеста;

г) вред, причинённый протестующим сторонними наблюдателями протеста, не разделяющими идеи протеста.

В настоящее время мы не располагаем систематизированными, точными и обобщёнными сведениями о масштабах вреда здоровью личности, причиняемого во время протестных акций. Официальная информация на этот счёт отсутствует, а контент-анализ публикаций в средствах массовой информации показывает, что соответствующие цифры существенно разнятся, в том числе в зависимости от идейной приверженности самого источника информации. Так, если телеграм-канал «Апология протеста» сообщает о минимум 132 пострадавших участниках массовых акций в Москве 23, 29 января и 3 февраля 2021 года², то Совет по правам человека при Президенте РФ говорит о 19 пострадавших гражданах и 22 случаях применения насилия в отношении сотрудников правоохранительных органов³. Акция 27 июля 2019 года сопровождалась, по одним данным, обращением за помощью «сравнительно небольшого количества пострадавших с лёгкими травмами»⁴, а по другим – травмированием только при задержании 77 человек (хотя член Совета по правам человека в них сомневается)⁵ и ещё причинением вреда 25 полицейским⁶. О масштабах насилия

во время одной из наиболее заметных акций 6 мая 2012 года на Болотной площади в Москве информация в СМИ также разнится: по одним данным, в беспорядках пострадали 75 сотрудников правоохранительных органов⁷, по другим – 30⁸, третий источник приводит иное количество пострадавших сотрудников – 55 человек⁹.

В силу таких расхождений в данных попытки составить обобщённую картину объёма последствий применяемого во время протестных акций насилия обречены на неудачу, а сама эта картина, по большому счёту, предстаёт не столько в виде реальных фактов, сколько в виде экспертных оценок. Такая ситуация не может быть признана оптимальной ни с социальной, ни с правовой точек зрения. Государство и общество должны обладать достоверной информацией о реальных фактах любого насилия, имевшего место во время протестных акций, совершаемого как участниками акций, так и сотрудниками правоохранительных органов. В целях решения этого вопроса полагаем необходимым организовать систему аккумуляции и представления обществу соответствующей информации. Для этого необходимо, как представляется, с одной стороны, скорректировать и расширить целевое назначение приказа Минздравсоцразвития России от 17 мая 2012 г. № 565н¹⁰ [10] с тем, чтобы обязать медицинские организации информировать органы внутренних дел о поступлении пациентов, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что вред их здоровью причинён не только в результате собственно противоправных действий, но и в связи с участием в массовых мероприятиях. Очевидно, что такие травмы далеко не всегда свидетельствуют о противоправном поведении сотрудников правоохранительных органов. Однако даже вне вопроса об ответственности за их причинение обладание органами внутренних дел информацией о самом наличии травм, их масштабах и последствиях имеет важное значение для организации и оценки работы полицейских и иных подразделений во время проведения массовых мероприятий. Вместе с тем для обеспечения объективности

¹ Афанасьева О. Р. Теоретические основы криминологического исследования и минимизации социальных последствий насильственной преступности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Афанасьева Ольга Романовна. – Москва, 2014. – С. 15.

² Более 130 человек пострадали от полицейского насилия за три протестных дня [Электронный ресурс] // Сайт «NewsRU.com». – 2021. – 3 фев. – URL: <https://www.newsru.com/russia/03feb2021/violence.html> (дата обращения: 28.04.2021).

³ СПЧ назвал число травмированных на акциях протеста 23 и 31 января [Электронный ресурс] // Сайт «Интерфакс». – 2021. – 5 фев. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/749631> (дата обращения: 28.04.2021).

⁴ Все пострадавшие на акции 27 июля в Москве выписаны из больниц [Электронный ресурс] // Сайт «Интерфакс». – 2021. – 30 июля. – URL: <https://www.interfax.ru/moscow/670942> (дата обращения: 28.08.2021).

⁵ Шаблинский И. Г. Отчёт о наблюдении за ходом массовой протестной акции 27 июля 2019 г. и действиями полиции [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. – URL: <http://president-sovet.ru/members/blogs/post/3878/> (дата обращения: 28.04.2021).

⁶ Рекордное число задержанных на митинге 27 июля, десятки людей остаются в ОВД, кандидатам грозят штрафы и аресты Что происходит на следующий день после разгона акции за честные выборы в Москве [Электронный ресурс] // Сайт «Медуза». – 2019. – 28 июля. – URL: <https://meduza.io/feature/2019/07/28/rekordnoe-chislo-zaderzhannyh-na-mitinge-27-iyulya-desyatki-lyudey-ostayutsya-v-ovd-kandidatam-grozhat-shtrafy-i-aresty#:~:text=На%20акции%20за%20честные%20и,рекордным%20за%20всё%20время%20наблюдений> (дата обращения: 28.04.2021).

⁷ Расследование беспорядков на Болотной площади Москвы 6 мая 2012 года [Электронный ресурс] // Сайт «РИА Новости». – URL: <https://ria.ru/20130425/934412383.html> (дата обращения: 28.04.2021).

⁸ «Болотное дело». Досье [Электронный ресурс] // Сайт «ТАСС». – 2014. – 11 июня. – URL: <https://tass.ru/info/885791> (дата обращения: 28.04.2021).

⁹ Доклад Международной комиссии о событиях на Болотной площади 6 мая 2012 года [Электронный ресурс] // Сайт «Независимый правозащитный медиа-проект ОВД-Инфо». – 2013. – 18 дек. – URL: <https://ovdinfo.org/documents/2013/12/18/doklad-mezhdunarodnoy-komissii-osobytyah-na-bolotnoy-ploshchadi-6-maya-2012> (дата обращения: 28.04.2021).

¹⁰ Об утверждении Порядка информирования медицинскими организациями органов внутренних дел о поступлении пациентов, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что вред их здоровью причинён в результате противоправных действий: приказ Минздравсоцразвития России от 17 мая 2012 г. № 565н (в ред. от 23 ноября 2020 г.) // Российская газета. – 2012. – 3 авг. – № 177.

и непредвзятости статистического наблюдения требуется, чтобы в формы статистического наблюдения Минздравсоцразвития России была введена отдельная графа, отражающая общее число и динамику лиц, получивших травмы при проведении массовых мероприятий.

Вторая группа ближайших «физических» последствий протестов и демонстративно-протестной преступности состоит в причинении вреда собственности. Он включает в себя не только прямой ущерб от противоправных протестных действий, но также затраты и убытки, которые общество несёт в связи с такими действиями. В структурном отношении этот вред представлен:

а) последствиями повреждения или уничтожения имущества протестующими во время протестной акции;

б) последствиями повреждения или уничтожения имущества сотрудниками правоохранительных органов;

в) затратами и убытками, которые несут физические и юридические лица в связи с самим проведением протестной акции или устранением ее последствий;

г) затратами государства (прежде всего правоохранительных органов) в связи с обеспечением порядка во время протестной акции;

д) затратами государства и общества на возмещение и компенсацию вреда, причинённого здоровью, чести и достоинству участников протеста, сотрудников правоохранительных органов и иных лиц.

В криминологии этот массив экономических (материальных) последствий традиционно классифицируется на собственно последствия и «цену» преступности. И хотя общество (как и в ситуации с оценкой вреда здоровью) не располагает информацией о точном объёме вреда и убытков, можно уверенно сказать, что объём «цены» преступности, как она обычно понимается в литературе [5, с. 416], намного превосходит объём непосредственного экономического ущерба.

В отсутствие официальной системы статистического подсчета экономических последствий демонстративно-протестной преступности отдельные сведения об их масштабе можно установить на основе контент-анализа публикаций СМИ.

Так, например, в отношении организаторов несанкционированных акций 27 июля и 3 августа 2019 года в Москве были поданы иски на компенсацию ущерба, причиненного во время проведения мероприятий. Общий ущерб, понесённый коммерческими и некоммерческими учреждениями в результате несанкционированных акций, ориентировочно оценивался более чем в 100 миллионов рублей¹¹. 27 июля в связи

¹¹ Общественный порядок превыше целей протеста: эксперт об исках о компенсации за ущерб от незаконных митингов [Электронный ресурс] // Сайт «Око планеты». – 2019. – 10 авг. – URL: <https://oko-planet.su/politik/newsday/515208-obschestvennyy-poryadok-prevyshe-celey-protesta-ekspert-ob-iskah-o-kompensacii-za-uscherb-ot-nezakonnnyh-mitingov.html> (дата обращения: 30.04.2021).

несогласованным мероприятием было закрыто 75 предприятий торговли, 79 предприятий общественного питания, демонтированы 63 летних кафе. По предварительным оценкам, закрытие предприятий привело к недополученному обороту в размере 34,5 миллиона рублей, что в свою очередь повлекло снижение поступлений в бюджетную систему города Москвы – региональные и местные налоги и сборы, отчисления в социальные фонды – в размере 4,7 миллиона рублей. В тот день предприятия также получили суммарный ущерб от повреждений их конструкций со стороны протестующих на 3,6 миллиона рублей. Мэрия получила 27 таких обращений от предприятий торговли и общественного питания. 3 августа всего было закрыто: один торговый центр; 88 предприятий торговли; семь предприятий бытового обслуживания; 28 нестационарных торговых объектов; 68 предприятий общественного питания; демонтировано 68 летних кафе. По предварительным оценкам, закрытие предприятий привело к недополученному обороту в размере 56,3 миллиона рублей, что также повлекло снижение поступлений в бюджетную систему города Москвы в размере 7,7 миллиона рублей. В адрес органов исполнительной власти города Москвы поступило 31 обращение предприятий торговли и общественного питания о нанесённом им ущербе на сумму более 11,81 миллиона рублей¹². В соответствии с судебными решениями был удовлетворён иск «Мосгортранса» на сумму 1,86 млн руб., ГБУ «Автомобильные дороги» выиграл иск на общую сумму около 5 млн руб., ресторан «Армения» – на 241 тыс. руб., Московский метрополитен – на 55 тыс. руб.¹³ Наряду с этим Главное управление Министерства внутренних дел по г. Москве обратилось в суд с иском к организаторам этих акций о возмещении почти 18 млн рублей за привлечение личного состава и техники для обеспечения общественного порядка¹⁴. Суд эти требования удовлетворил частично¹⁵.

Практика подачи исковых заявлений о возмещении причинённого вреда и компенсации убытков как от действий протестующих, так и от действий сотрудников правоохранительных органов по отношению к участникам протеста становится всё более массовой. Так, на-

¹² Первые иски поданы в рамках 100-миллионного ущерба от протестных акций [Электронный ресурс] // Сайт «Вести.ru». – 2019. – 9 авг. – URL: <https://www.vesti.ru/article/1372098> (дата обращения: 30.04.2021).

¹³ Суд отклонил иск о возмещении ущерба лапшичной от акций протеста в Москве [Электронный ресурс] // Сайт «Новости дня в России и в мире – РБК». – 2019. – 17 дек. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/5df8ebad9a79479e10ff6bc1> (дата обращения: 28.04.2021).

¹⁴ Хейфец Владимир. Действия полиции заслужили высокую самооценку [Электронный ресурс] // Сайт «Коммерсантъ». – 2019. – 7 окт. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4117975> (дата обращения: 28.04.2021).

¹⁵ Решение Симоновского районного суда г. Москвы от 17 июля 2020 г. по делу №2-239/220 [Электронный ресурс] // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. – URL: <https://mosgorsud.ru/rs/simonovskij/services/cases/civil/details/ddbd2528-578b-4a05-ac31-b70cf7ec4b09?participants=навальны́й> (дата обращения: 28.04.2021).

пример, в Челябинские ГУ МВД подало иск на организаторов несогласованных уличных акций 23 и 31 января, требуя взыскать более 2,1 млн рублей денежных средств, потраченных на обеспечение усиленной работы в выходные дни¹⁶. С другой стороны, по информации СМИ, участники несогласованных акций, состоявшихся в январе 2021 года в Москве, подают коллективный иск к полиции Москвы за условия содержания в спецприемнике «Сахарово»: 20 истцов требуют по 90 тыс. руб. компенсации за унижение человеческого достоинства, отсутствие медпомощи, средств гигиены и спальных мест¹⁷. Складывается (хотя и с трудом) практика компенсации вреда в случаях незаконного задержания участников протестных акций¹⁸.

Можно утверждать, что в настоящий момент идёт процесс «выстраивания», «формирования» соответствующей судебной практики. Это крайне важно. Но, с точки зрения оценки масштабов и последствий незаконных публичных мероприятий и совершаемых во время их проведения преступных деяний, полагаем, было бы целесообразно организовать статистическое наблюдение за этой практикой. В этих целях представляется необходимым раздел 2 «Движение и результаты рассмотрения гражданских дел» формы № 2 «Отчёт о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции» статистического наблюдения Судебного департамента при Верховном Суде РФ дополнить строкой, отслеживающей масштабы и движение гражданских дел, связанных с возмещением ущерба, причинённого участниками несогласованных публичных мероприятий, причём с дифференциацией такого ущерба в зависимости от

особенностей истца – причинён ли он органам государственной или муниципальной власти либо иным лицам – гражданам и организациям (заметим, что близкая по идее и смыслу строка в этой форме имеется и касается дел, вытекающих из трудовых правоотношений, о признании забастовок незаконными и о возмещении причинённого ими ущерба). Наряду с этим в этой же форме целесообразно детализировать имеющуюся строку наблюдения, аккумулирующую информацию о практике возмещения ущерба от незаконных действий органов дознания, следствия, прокуратуры и суда. Она носит крайне обобщённый характер и не позволяет определить и дифференцировать ущерб, причинённый действиями органами власти с проведением несогласованных публичных мероприятий. Принимая во внимание социальную и политическую значимость самих публичных мероприятий, полагаем, что такая дифференциация была бы крайне уместной и полезной.

Рассмотренные виды ближайших и наблюдаемых последствий демонстративно-протестной преступности, даже при том, что их реальные масштабы плохо поддаются исчислению и слабо представлены в статистическом отношении, тем не менее, крайне важны, причём не только сами по себе, как свидетельство реального ущерба и убытков, причиняемых противоправным поведением. Во-первых, они значимы для развертывания правовой программы компенсации и возмещения вреда, которая имеет не только восстановительный, но предупредительный потенциал. Не случайна в этой связи острая реакция организаторов несогласованных протестных акций на иски о возмещении ущерба, сопровождавшаяся лозунгами именно об «экономическом подавлении и удушении оппозиции».

Оставляя в стороне эмоциональный фон таких рассуждений, отметим очевидное: осознание необходимости нести ответственность, в том числе имущественную, за вред и убытки, связанные с противоправным поведением во время протестных акций, способно оказать и реально оказывает сдерживающий эффект. Во-вторых, что важно в свете рассматриваемой в настоящем разделе проблематики, ближайшие последствия демонстративно-протестной преступности выступают лишь «первым кругом» в общем массиве социальных последствий, во многом определяя их последующее содержание и направления развития.

¹⁶ В Челябинске МВД через суд требует с организаторов митингов более 2 млн рублей [Электронный ресурс] // Сайт «Челябинск сегодня». – 2021. – 28 апр. – URL: <https://cheltoday.ru/articles/sobytiya/v-chelyabinske-mvd-cherez-sud-trebuets-organizatorov-mitingov-bolee-2-mln-rublej/> (дата обращения: 30.04.2021).

¹⁷ Участники зимних акций подадут иск к полиции Москвы [Электронный ресурс] // Сайт «Интерфакс». – 2021. – 29 апр. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/763846> (дата обращения: 30.04.2021).

¹⁸ Суды посчитали 50 тыс. руб. справедливой компенсацией за незаконное административное задержание [Электронный ресурс] // Сайт «Адвокатская газета». – 2020. – 19 фев. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/sudy-poschitali-50-tys-rub-spravedlivoy-kompensatsiy-zanezakonnoe-administrativnoe-zaderzhanie/> (дата обращения: 30.04.2021).

Список литературы

1. *Волынчук А. Б., Соловченков С. А.* Социальная напряженность и протестная активность в контексте анализа социальной безопасности // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2013. – № 1. – С. 25–35.
2. *Гарр Т. Р.* Почему люди бунтуют. – Санкт-Петербург: Питер, 2005. – 461 с.
3. *Дарендорф Р.* Элементы теории социального конфликта // СоцИс. – 1994. – № 5. – С. 142–147.
4. *Дементьева И. Н.* Модели и факторы формирования социального протеста в зарубежных и отечественных концепциях // Проблемы развития территории. – 2013. – № 6 (68). – С. 73–82.
5. *Ищук Я.Г., Севагин К.Г.* «Цена» преступности: проблемы исчисления и минимизации // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2020. – Т. 11. – № 4. – С. 414–419.

6. *Касович А. А.* К вопросу об основных причинах политического протеста в современной России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2014. – № 1. – С. 42–50.

7. *Конеvская О. Ю.* Методологические подходы к изучению протестной активности населения // Вопросы современной юриспруденции. – 2015. – № 12. – С. 85–93.

8. *Костюшев В. В.* Социальный протест в поле политики: потенциал, репертуар, дискурс (опыт теоретической интерпретации и эмпирической верификации) // Полис (Политические исследования). – 2011. – № 4. – С. 144–157.

9. *Сафронов В. В.* Потенциал протеста и демократическая перспектива // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – № 4. – С. 116–130.

10. *Слободчиков Д. В.* Факторы протестной активности населения // StudArctic forum. Электронный научный студенческий журнал. – 2021. – № 2 (22). – URL: <https://saf.petrus.ru/journal/article.php?id=6181>

References

1. *Volynchuk A. B., Solovchenkov S. A.* Sotsial'naya napryazhennost' i protestnaya aktivnost' v kontekste analiza sotsial'noy bezopasnosti // Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa. – 2013. – № 1. – С. 25–35.

2. *Garr T. R.* Pochemu lyudi buntuyut. – Sankt-Peterburg: Piter, 2005. – 461 s.

3. *Darendorf R.* Elementy teorii sotsial'nogo konflikta // SotsIs. – 1994. – № 5. – С. 142–147.

4. *Dement'yeva I. N.* Modeli i faktory formirovaniya sotsial'nogo protesta v zarubezhnykh i otechestvennykh kontseptsiyakh // Problemy razvitiya territorii. – 2013. – № 6 (68). – С. 73–82.

5. *Ishchuk Ya. G., Sevagin K. G.* «Tsena» prestupnosti: problemy ischisleniya i minimizatsii // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2020. – Т. 11, № 4. – С. 414–419.

6. *Касович А. А.* К вопросу об основных причинах политического протеста в современной России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2014. – № 1. – С. 42–50.

7. *Конеvская О. Ю.* Методологические подходы к изучению протестной активности населения // Вопросы современной юриспруденции. – 2015. – № 12. – С. 85–93.

8. *Костюшев В. В.* Социальный протест в поле политики: потенциал, репертуар, дискурс (опыт теоретической интерпретации и эмпирической верификации) // Полис (Политические исследования). – 2011. – № 4. – С. 144–157.

9. *Сафронов В. В.* Потенциал протеста и демократическая перспектива // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – № 4. – С. 116–130.

10. *Слободчиков Д. В.* Факторы протестной активности населения // StudArctic forum. Электронный научный студенческий журнал. – 2021. – № 2 (22). – URL: <https://saf.petrus.ru/journal/article.php?id=6181>

Статья поступила в редакцию 10.02.2022; одобрена после рецензирования 15.03.2022; принята к публикации 07.04.2022.

The article was submitted February 10, 2022; approved after reviewing March 15, 2022; accepted for publication April 07, 2022.

Научная статья
УДК 343.131.8
doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-141-148

Николай Александрович Кузьмин

доктор юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-0137-4472>, kyzminn80@mail.ru

Иван Александрович Завьялов

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0001-7665-6581>, ds203.005.01@mail.ru

*Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
Российская Федерация, 117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12*

Особенности оперативно-розыскной деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел по раскрытию преступлений прошлых лет

Аннотация: Ежегодно в Российской Федерации регистрируется порядка двух миллионов преступлений, и около половины из них остаются нераскрытыми. По истечении календарного года нераскрытые преступления переходят в категорию «нераскрытых преступлений прошлых лет». В соответствии с российским уголовно-процессуальным законодательством сотрудник, проводивший расследование, по истечении процессуальных сроков обязан приостановить процессуальную деятельность, т.е. прекратить проведение следственных действий. При этом сотрудники оперативных подразделений, наделённых правом осуществления оперативно-розыскной деятельности, имеют право и, более того, обязаны принимать меры к раскрытию совершенных преступлений. Представленная статья как раз и посвящена проблеме раскрытия преступлений прошлых лет оперативными подразделениями органов внутренних дел. Авторами статьи проведен анализ имеющейся практики оперативно-розыскной деятельности по раскрытию преступлений прошлых лет и процессуальной деятельности по расследованию преступлений указанной категории, а также состояния нормативного правового регулирования ведомственными актами Министерства внутренних дел России и Следственного комитета Российской Федерации рассматриваемого направления оперативно-служебной деятельности. На основе проведенного анализа авторы статьи предлагают пути совершенствования процесса анализа материалов приостановленных уголовных дел, рассматривают вопросы планирования и информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности по раскрытию преступлений прошлых лет.

Ключевые слова: оперативные подразделения органов внутренних дел, раскрытие преступлений, преступления прошлых лет

Для цитирования: Кузьмин Н. А., Завьялов И. А. Особенности оперативно-розыскной деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел по раскрытию преступлений прошлых лет // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 141–148. DOI: 10.35750/2071-8284-2022-2-141-148.

Nikolay A. Kuzmin

Dr. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-0137-4472>, kyzminn80@mail.ru

Ivan A. Zavyalov

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0001-7665-6581>, ds203.005.01@mail.ru

*Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot
12, st. Academician Volgina, Moscow, 117997, Russian Federation*

Features of the investigative activities performed by police units detecting cold cases

Abstract: About two million crimes are registered annually in the Russian Federation, and about half of them remain unsolved. At the end of the calendar year, unsolved crimes are transferred to the category of «unsolved crimes of the past years». In accordance with the Russian criminal procedure legislation, after the expiration of the procedural terms the employee who conducted the investigation is obliged to suspend the procedural activity, i.e. to stop investigating. At the same time, police officers authorized to carry out investigations have the right and, moreover, are obliged to take measures to solve the crimes. The presented article is dedicated to the problem of solving the cold cases by the investigative police units. The authors of the article analyzed the existing practice of the investigative police units in resolving cold cases and procedural activities to investigate crimes of this category, as well as the state of legal regulation by departmental acts of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Investigative Committee of the Russian Federation on that matter. Based on the analysis, the authors make proposals to improve the process of analyzing the materials of unsolved criminal cases, consider the issues of planning and information and analytical support for investigative activities to solve crimes of the past years.

Keywords: investigative police units, crime detection, cold cases.

For citation: Kuzmin N. A., Zavyalov I. A. Features of the investigative activities performed by police units detecting cold cases // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – P. 141–148. DOI: 10.35750/2071-8284-2022-2-141-148.

Конституция Российской Федерации¹ провозгласила, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Каждому человеку она гарантировала право на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность, право иметь имущество в собственности. Совершение преступления влечёт нарушение этих прав. Поэтому государство в лице правоохранительных органов обязано стремиться к недопущению нарушений прав человека и гражданина, а если уже они нарушены, то восстановить их путём раскрытия преступлений и привлечения к ответственности лиц, их совершивших.

В соответствии со ст. 52 Конституции Российской Федерации государство обязано обеспечить потерпевшим от преступлений доступ к правосудию и компенсацию причинённого ущерба.

Проблема нераскрытых преступлений затрагивает права и свободы многих потерпевших и их близких, интересы которых остаются неудовлетворёнными, а причинённый ущерб – возмещённым. Ситуации, когда все возможные следственные действия проведены, а лицо (лица), совершившее (-ие) преступле-

ние, не установлены, являются наиболее сложными в деятельности органов внутренних дел. Отдельные преступления в течение долгого времени остаются нераскрытыми. Это создаёт у нарушителей закона представление об их безнаказанности, способствуя продолжению преступной деятельности. С другой стороны, такое положение дел не добавляет уверенности гражданам в способности органов внутренних дел их защитить.

Выступая на расширенной коллегии МВД России 17 февраля 2022 г., Президент Российской Федерации В. В. Путин также обратил внимание на эту проблему. Он, в частности, сказал: «В целом вновь обращаю внимание на задачу кардинального повышения уровня раскрываемости преступлений. По итогам прошлого года добиться здесь качественных сдвигов, к сожалению, пока не удалось. А значит, нужна последовательная, более результативная работа по всем видам преступлений, которые представляют угрозу для нашего общества»².

Задача раскрытия преступлений поставлена законодателем перед субъектами осущест-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) [Электронный ресурс] // Сайт «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 31.03.2022).

² Выступление главы государства на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/67795 (дата обращения: 20.02.2022).

вления оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), в первую очередь перед органами внутренних дел (далее – ОВД). Современный уровень развития ОРД вполне соответствует как уровню и характеру преступности в России, так и требованиям оперативно-розыскной практики. Вместе с тем представляется, что необходимо постоянный активный поиск новых методов и форм в целях её совершенствования.

Как совершенно справедливо отмечают криминалисты и учёные в области ОРД, первоначальный этап раскрытия любого совершённого преступления является ключевым, и именно он «задаёт тон» всей дальнейшей оперативно-розыскной и процессуальной деятельности по установлению лица, совершившего преступление. На данном этапе сотрудники органов внутренних дел могут получить весь спектр информации, представляющей оперативный интерес. Однако на данном же этапе, как показывает практика, допускаются ошибки, которые в дальнейшем влекут необратимые последствия в виде неустановления лица (лиц), совершившего (-их) преступление, и приостановления уголовного дела.

Стоит отметить, что оперативно-розыскное обеспечение расследования преступлений является фактором, способствующим их раскрытию. В рамках оперативно-розыскного сопровождения проводится детальный анализ полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) сведений на предмет их отношения к доказательственной базе. Данный этап характеризуется непрерывностью. Когда следователь принимает решение о приостановлении предварительного следствия, то в соответствии с положениями статей 209 и 210 УПК РФ производство следственных действий уже не допускается, и только оперативные сотрудники могут проводить оперативно-розыскные мероприятия по выявлению и установлению преступника.

Для достижения цели – раскрытия преступления – оперативному сотруднику просто необходимо взаимодействовать со следователем, в производстве которого находится уголовное дело. Одной из форм такого взаимодействия выступает обмен информацией. В целях получения исчерпывающей информации о имеющихся в уголовном деле сведениях в условиях приостановленного предварительного следствия оперативному сотруднику целесообразно ознакомиться с его материалами.

За исключением небольшого количества составов преступлений, по которым обязательно заведение соответствующего дела оперативного учёта, в настоящее время отсутствует единый порядок и алгоритм, который бы регламентировал

деятельность сотрудника оперативного подразделения по раскрытию преступлений прошлых лет. На практике следователь при приостановлении уголовного дела ограничивается направлением в оперативное подразделение соответствующего поручения о проведении ОРМ, направленных на установление лица, совершившего данное преступление. А оперативные сотрудники так же стандартно отвечают на него. Полагаем, что целесообразным является систематизация информации по каждому приостановленному уголовному делу с постоянным и быстрым доступом к ней оперативного сотрудника, оказывающего оперативное сопровождение этого дела.

Для такой систематизации, как уже было отмечено, целесообразным является ознакомление с материалами дела. Тут могут пригодиться рекомендации, которые криминалисты выработали для сотрудников процессуальных служб при получении уже возбуждённого дела в производство. В частности: «Ознакомление с материалами дела можно начать позже, целесообразнее ознакомиться с преступлением и его обстоятельствами, далее выдвинуть следственные версии, обозначить необходимые ОРМ, а далее уже посмотреть в деле наличие материалов» [1, с. 458].

Учёные расходятся во мнениях по поводу последовательности исследования материалов дела по нераскрытым преступлениям.

Как отмечает В. П. Антипов, «анализ результатов расследования позволяет по-новому интерпретировать известные факты, выдвинуть новые версии и составить программу их проверки; выявить ошибки и недостатки при проведении следственных, организационных и оперативно-розыскных действий, принять меры по их устранению проведением дополнительных действий; выявить пробелы в имеющихся данных о расследуемом событии и расширить их за счет новых источников доказательственной информации; разработать и реализовать комплекс следственных действий, экспертных исследований, организационных и оперативно-поисковых мероприятий, направленных на обогащение информации в отношении лиц, совершивших преступление» [2, с. 45].

Качественную сторону проведения анализа охарактеризовал А. П. Каракай, отметивший, что цели анализа материалов нераскрытых преступлений прошлых лет, дела о которых приостановлены, состоят:

- в исследовании и оценке сведений, собранных при расследовании преступления;
- в исследовании и оценке сведений, собранных оперативно-розыскными подразделениями до приостановления предварительного следствия;

– в выявлении недостатков и неполноты собранных сведений при расследовании преступления и возможностей их устранения;

– в оценке новых сведений, полученных из разных источников уже после приостановления предварительного следствия;

– в определении возможности устранения выявленных недостатков путём возобновления приостановленного предварительного следствия или продолжения работы по приостановленному делу [3, с. 255].

Для того чтобы анализ материалов уголовного дела проводился эффективно, необходимо установить его оптимальную последовательность, т. е. проводить по определённой системе.

Прежде всего, начинать изучение материалов уголовного дела о нераскрытом преступлении следует с постановлений о возбуждении уголовного дела и приостановлении расследования. Благодаря этим документам можно составить общее представление о событии и основании приостановления следствия. При этом все материалы целесообразно распределить по времени их составления или поступления.

Наиболее часто в таком перечне первым будет находиться протокол осмотра места происшествия. Неотложный характер этого следственного действия, отражённый в законе, свидетельствует о его большом значении для достижения цели раскрытия преступления. Однако анализ практики деятельности территориальных подразделений ОВД и изучение протоколов ОМП по приостановленным делам показали проблемы в проведении данного неотложного следственного действия: так, не всегда выезд осуществляется в полном составе обязательных участников следственно-оперативной группы. Установлены факты отсутствия в деле протокола ОМП. В редких случаях, но имеет место и такое – протокол оформлялся оперативным сотрудником или участковым уполномоченным в отсутствие следователя. Встречаются и другие нарушения.

Итак, процесс раскрытия преступления существенно зависит от объёма и качества исходной информации, поступающей оперативному сотруднику, от его умения правильно оценить и использовать эти данные. Повторный просмотр фотоматериалов и видеозаписей, полученных с места происшествия, может выявить дополнительные следы, объекты, на которые не было обращено внимания.

Кроме того, нужно проанализировать и правильность использования полученных результатов: все ли необходимые исследования проведены; правильные ли сделаны выводы из имеющихся данных; правильные ли выдвинуты версии; как

использована информация, полученная на месте происшествия и при проведении других действий (например, при отработке жилого сектора).

Вместе с анализом материалов дела в их хронологической последовательности процесс познания обстоятельств происшествия базируется также на выдвигании версий, отражённых в плане совместных оперативно-розыскных и следственных действий по приостановленному уголовному делу. Поэтому изучение данного документа в процессе анализа материалов дела о нераскрытом преступлении, проверка полноты и своевременности его выполнения является обязательным условием. Однако, как свидетельствуют результаты изучения материалов уголовных дел о нераскрытых преступлениях, планы составлялись только в 70 % случаев, и то в основном формально. В 60 % случаев версии в структуре плана вообще отсутствовали, а в 30 % – выдвинуты слишком обобщённо, стандартно для каждой категории дел.

Изучение в процессе анализа качественно составленного плана совместных оперативно-розыскных и следственных действий по приостановленному уголовному делу в комплексе со всеми материалами уголовного дела позволяет определить обоснованность выдвигания начальных версий, их корректировку, качество и полноту проверки всех версий, количество запланированных действий, исходя из имеющихся в деле протоколов и оперативных материалов.

Особое внимание должно быть уделено способу совершения и сокрытия преступления, а также выяснению признаков (примет) личности преступника.

В целом сведения, заслуживающие внимания при изучении уголовного дела, можно свести к следующим:

- 1) наличие следов пальцев рук и проверка их по соответствующим информационным ресурсам;
- 2) наличие биологических следов и полнота молекулярно-генетического исследования (учёт данных ДНК биологических объектов);
- 3) наличие очевидцев (свидетелей) преступления и возможность получения от них дополнительной информации;
- 4) возможность установления дополнительных свидетелей (дополнительная отработка жилого сектора, расширение отработки круга общения потерпевшего и т.д.);
- 5) возможность проведения дополнительных оперативно-розыскных мероприятий по проверке на причастность к совершению преступления установленных на первоначальном этапе лиц;
- 6) установление лиц, причастность которых не проверялась, несмотря на наличие таких оснований.

В ходе изучения оперативных материалов (которые могут находиться в соответствующем деле оперативного учёта при его наличии или в накопительных делах оперативных сотрудников) выясняются следующие сведения:

1) о полноте оперативно-розыскных мероприятий по проверке причастности к преступлению конкретного лица (лиц);

2) о наличии оперативной информации, которую необходимо проверить.

Одним из факторов, определяющих эффективность раскрытия и расследования преступлений, является достаточный уровень их обеспечения разнообразной вспомогательной информацией, которая способствует построению версий в отношении лица, совершившего преступное деяние.

Важнейшим средством, используемым для установления личности по признакам внешнего, являются учёты, ведущиеся органами внутренних дел в соответствии с Приказом МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учётов органов внутренних дел Российской Федерации»³.

К числу задач использования в оперативно-розыскной деятельности криминалистических учётов А. В. Морозов относит установление: «а) лиц, объектов, оставивших следы на местах преступлений прошлых лет; б) принадлежности следов, изъятых по нескольким преступлениям прошлых лет, одному и тому же неустановленному лицу; в) фактов использования одного и того же объекта при совершении нескольких преступлений прошлых лет; г) личности неопознанных трупов; д) лиц, подозреваемых в совершении преступлений, и выявление фактов совершения нескольких преступлений одним и тем же лицом; е) единого источника происхождения объектов, запрещенных законодательством к свободному обороту, по конструктивным и технологическим особенностям их изготовления; ж) однородности отдельных компонентов, ранее составлявших объект – предмет, в состав которого они входили»⁴.

³ Об организации использования экспертно-криминалистических учётов органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 10 февраля 2006 г. (в ред. от 11 сентября 2018 г.) № 70 [Электронный ресурс] // Банк данных «Правовое регулирование деятельности органов внутренних дел Российской Федерации». – Режим доступа: <https://mvd.consultant.ru/documents/1056629> (дата обращения: 27.02.2022).

⁴ Морозов А. В. Использование экспертно-криминалистических учётов в расследовании преступлений прошлых лет : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12 / Морозов Алексей Викторович. – Москва, 2016. – 186 с.

Часть преступлений остаётся нераскрытой, потому что не были установлены лица, которые их совершили, а часть остаётся не расследованной до конца, поскольку в отношении подозреваемого не было собрано достаточно доказательств его вины. В обоих случаях лицо может рано или поздно совершить новое неочевидное преступление, выбрав для этого испытанный способ и внеся в него некоторые корректировки относительно условий места, времени, возможности доступа к предмету посягательства. В успехе задуманного в первую очередь может убедить предыдущая удачная попытка.

С целью повышения уровня раскрытия как новых совершенных преступлений, так и деяний прошлых лет необходим ряд мер, направленных на расширение поисковых возможностей правоохранительных органов, в том числе и в информационной сфере. Одним из таких путей может стать процесс по усовершенствованию, оптимизации автоматизированных информационно-поисковых систем (далее – АИПС), использующих алгоритмы поиска по различным признакам совершения преступлений.

Интерес представляет разработанная сотрудниками Академии управления МВД России «Поисковая система проведения анализа по преступлениям прошлых лет». Программа является автоматизированной поисковой системой, возвращённой на основе массива данных о нераскрытых преступлениях прошлых лет. Результатом поиска информации по местам совершения преступлений, характеру преступлений и их видам, объектам преступных посягательств, приметам разыскиваемых и идентифицируемых объектов является установление серий преступлений, идентификации разыскиваемых лиц с неопознанными трупами жертв преступлений. Целью разработки является организация эффективного решения задач раскрытия преступлений прошлых лет путём автоматического поиска в массиве данных о нераскрытых преступлениях, выявления преступлений, имеющих серийность по характеру совершения преступлений и объектам преступного посягательства, идентификации потерпевших (жертв убийств) с разыскиваемыми лицами по имеющимся приметам и индивидуальным особенностям⁵.

В настоящее время учёт преступлений осуществляется заполнением различных карточек

⁵ Лемех Р. М., Парфенов А. В., Дондоков С. Г., Павличенко Н. В. Поисковая система проведения анализа по преступлениям прошлых лет (Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ 2020666960, 18 декабря 2020 г. – Заявка № 2020666044 от 7 декабря 2020 г.).

(форм), используемых для информационного наполнения ряда криминалистических учётов, в том числе и по нераскрытым преступлениям. Однако карточки (формы), которые заполняются следователем по каждому уголовному делу, не содержат подробных данных ни о признаках способа совершения преступления, ни об особенностях внешности преступника. Разработка формы учёта по признакам способа совершения преступления и описания внешнего вида обвиняемого или подозреваемого и использования её по каждому делу на этапе досудебного следствия позволит упорядочить эту информацию введением ее в АИПС.

Подобная система будет способна предоставлять данные вспомогательного характера для построения версий о совершении установленным или неустановленным лицом нераскрытых преступлений. Её функционирование целесообразно построить по принципу «от общего к частному», выделив два основных алгоритма поиска: 1) способ совершения определённого вида преступлений; 2) совокупность данных о внешнем виде преступника.

Таким образом, определённая группа признаков способа совершения преступления (общих или более конкретных) позволит поэтапно сужать круг поиска определением подобных действий на различных поисковых уровнях. Параллельно с указанным процессом на каждом уровне может проводиться отождествление имеющихся «портретов» людей. Поскольку восприятие одним человеком другого очень субъективно, использование полученных результатов может быть только второстепенным по сравнению с данными первого алгоритма поиска.

Следует отметить, что критерии поиска на разных уровнях по отдельным видам преступлений тоже не будут совпадать и требуют дальнейшей разработки. Выделение преступлений в группы на разных уровнях на основе совпадения признаков внешности человека целесообразно проводить каждый раз по всей совокупности таких признаков.

В качестве аргументов в пользу создания предложенной АИПС можно привести такое. Поиск «по почерку» с целью сужения круга лиц, подозреваемых в совершении конкретного преступления, происходит в пределах определённой территории, обслуживаемой ОВД. Однако вышеуказанный процесс проводится «вручную» благодаря опыту и знаниям сотрудников, длительное время там работающих. Молодым и недостаточно опытным оперативникам, процент которых сегодня в МВД России довольно велик, а также сотрудникам, которые перешли на

службу из другого подразделения (с другой территорией), такой самостоятельный поисковый процесс практически недоступен. Кроме того, за время поисковой работы оперативный сотрудник должен многократно возвращаться к материалам о нераскрытых преступлениях, изучать их, анализировать и заново выделять общие и частные признаки способа совершения действий, сравнивать их с подобными по другим правонарушениям. В результате расходуется много времени, которого и так не всегда хватает.

Внедрение оптимизированной АИПС позволит группировать преступления, совершённые подобно, по способу (общим и частным признаками), по территории, по лицам (преступными группами), по периоду их совершения; осуществлять поисковые мероприятия любому сотруднику, независимо от наличия у него опыта работы, знания обслуживаемой территории и криминогенного контингента.

Отметим, что предпосылки для функционирования такой системы отражены в ведомственных приказах Следственного комитета РФ. В частности, это приказ Следственного комитета РФ от 11 августа 2011 г. № 123 «О централизованном учёте в системе Следственного комитета Российской Федерации нераскрытых убийств, других тяжких и особо тяжких преступлений против личности»⁶. Согласно этому приказу, в Главном управлении криминалистики ведётся автоматизированный централизованный учёт нераскрытых убийств, других тяжких и особо тяжких преступлений против личности, расследуемых в СК России. Учётные карточки в электронном виде по установленной форме представляются в Главное управление криминалистики.

В карточках отражаются: общие сведения о характере преступления; категория учёта: (раскрыто, не раскрыто); год учёта; серийность; мотив; криминологические данные о жертве преступления (пол, возраст, социальный статус и т.п.); способ совершения преступления; повреждения на трупе (потерпевшем); способ сокрытия следов; место происшествия; следы преступника; данные о количестве преступников; имеющаяся информация (есть лицо, могущее его опознать; приметы, описание имеются; составлен фоторобот и т.п.); генокод с биологического следа; фабула преступления; выписка из протокола осмотра места происшествия; заключение судебно-медицинской экспертизы; сведения о похищенных предметах (их описание); результаты исследования вещественных доказательств; приметы предполагаемого преступника; обстоятельства раскрытия.

Аналогичный опыт предлагается распространить на большинство нераскрытых преступлений, а не только тяжких в отношении личности.

Таким образом, подводя итог, можно предложить следующую схему анализа приостановленных уголовных дел о нераскрытых преступлениях, оперативными сотрудниками:

- 1) распределение имеющихся материалов по хронологии;
- 2) получение общего представления о совершенном преступлении;
- 3) ознакомление с планом совместных оперативно-розыскных и следственных действий и проверка степени его выполнения;
- 4) детальное изучение протоколов следственных действий;

5) поиск других преступлений со схожими показателями с использованием данных о приметах преступника (-ов) и способе совершения преступления;

6) разработка новых направлений поиска виновного лица и возможностей его изолирования.

Кроме того, на основе имеющегося опыта предлагается создать АИПС по большинству нераскрытых преступлений с регистрацией в ней максимального количества данных по каждому уголовному делу с возможностью оперативного доступа к ней оперативных сотрудников, например, с использованием имеющихся в МВД России сервисов удалённого доступа, что может повысить эффективность раскрытия преступлений прошлых лет.

Список литературы

1. Шолохов С. В., Васюков В. Ф. Отдельные вопросы организации раскрытия и расследования преступлений прошлых лет / Раскрытие и расследование преступлений серийных и прошлых лет : материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 16 марта 2017 года) / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. – Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. – С. 456–460.
2. Антипов В. П. Планирование расследования нераскрытых преступлений. – Москва: Юрлитинформ, 2002. – 144 с.
3. Каракай А. П. Анализ материалов нераскрытых имущественных преступлений прошлых лет, дела о которых приостановлены / Раскрытие и расследование преступлений серийных и прошлых лет : материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 16 марта 2017 года) / под общ. ред. А. И. Бастрыкина. – Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. – С. 241–245.
4. Хромов И. Л., Кузьмин Н. А., Завьялов И. А. Перспективные направления использования искусственного интеллекта в оперативно-розыскной деятельности / Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире : сборник научных трудов / под ред. В. С. Овчинского. – Москва: Инфра-М, 2021. – С. 94–103.
5. Гусев В. А., Луговик В. Ф. Единство оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных проблем // Законодательство и практика. – 2021. – № 1 (46). – С. 3–4.
6. Луговик В. Ф. Фиксация результатов оперативно-розыскной деятельности с помощью следственных действий // Вестник Воронежского института МВД России. – 2017. – № 1. – С. 161–169.
7. Лавров В. П. Криминалистические основы расследования нераскрытых преступлений прошлых лет: монография. – Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Я. Кикотя, 2018. – 155 с.
8. Бастрыкин А. И., Бессонов А. А., Комаров И. М., Саньков В. И., Хмельва А. В., Цховребова И. А. Расследование преступлений прошлых лет : научно-практическое пособие. – Москва: Юрлитинформ, 2021. – 184 с.
9. Бастрыкин А. И., Егоришин В. М., Захарцев С. И., Игнащенко Ю. Ю., Кондрат И. Н., Ривман Д. В., Сальников В. П., Хабибулин А. Г., Шахматов А. В. Оперативно-розыскная деятельность : научно-практический комментарий (постатейный) к Федеральному закону. – Москва: Юрлитинформ, 2020. – 280 с.
10. Бастрыкин А. И. Раскрытие преступлений прошлых лет как одно из приоритетных направлений деятельности Следственного комитета Российской Федерации / Раскрытие и расследование преступлений серийных и прошлых лет : материалы Международной научно-практической конференции / под общей редакцией А. И. Бастрыкина. – Москва: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. – С. 8–18.

References

1. *Sholokhov S. V., Vasyukov V. F.* Otdel'nyye voprosy organizatsii raskrytiya i rassledovaniya prestupleniy proshlykh let / Raskrytiye i rassledovaniye prestupleniy seriynykh i proshlykh let : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, 16 marta 2017 goda) / pod obshch. red. A. I. Bastrykina. – Moskva: Moskovskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii, 2017. – S. 456–460.
2. *Antipov V. P.* Planirovaniye rassledovaniya neraskrytykh prestupleniy. – Moskva: Yurlitinform, 2002. – 144 s.
3. *Karakay A. P.* Analiz materialov neraskrytykh imushchestvennykh prestupleniy proshlykh let, dela o kotorykh priostanovleny / Raskrytiye i rassledovaniye prestupleniy seriynykh i proshlykh let : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, 16 marta 2017 goda) / pod obshch. red. A. I. Bastrykina. – Moskva: Moskovskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii, 2017. – S. 241–245.
4. *Khromov I. L., Kuz'min N. A., Zav'yalov I. A.* Perspektivnyye napravleniya ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v operativno-rozysknoy deyatel'nosti / Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v tsifrovom mire : sbornik nauchnykh trudov / pod red. V. S. Ovchinskogo. – Moskva: Infra-M, 2021. – S. 94–103.
5. *Gusev V. A., Lugovik V. F.* Yedinstvo operativno-rozysknykh i ugolovno-protsessual'nykh problem // Zakonodatel'stvo i praktika. – 2021. – № 1 (46). – S. 3–4.
6. *Lugovik V. F.* Fiksatsiya rezultatov operativno-rozysknoy deyatel'nosti s pomoshch'yu sledstvennykh deystviy // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2017. – № 1. – S. 161–169.
7. *Lavrov V. P.* Kriminalisticheskiye osnovy rassledovaniya neraskrytykh prestupleniy proshlykh let: monografiya. – Moskva: Moskovskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii imeni V. Ya. Kikotya, 2018. – 155 s.
8. *Bastrykin A. I., Bessonov A. A., Komarov I. M., San'kov V. I., Khmelova A. V., Tskhovrebova I. A.* Rassledovaniye prestupleniy proshlykh let : nauchno-prakticheskoye posobiye. – Moskva: Yurlitinform, 2021. – 184 s.
9. *Bastrykin A. I., Yegorshin V. M., Zakhartsev S. I., Ignashchenkov Yu. Yu., Kondrat I. N., Rivman D. V., Sal'nikov V. P., Khabibulin A. G., Shakhmatov A. V.* Operativno-rozysknaya deyatel'nost' : nauchno-prakticheskii kommentariy (postateynny) k Federal'nomu zakonu. – Moskva: Yurlitinform, 2020. – 280 s.
10. *Bastrykin A. I.* Raskrytiye prestupleniy proshlykh let kak odno iz prioritetykh napravleniy deyatel'nosti Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii / Raskrytiye i rassledovaniye prestupleniy seriynykh i proshlykh let : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / pod obshchey redaktsiyey A. I. Bastrykina. – Moskva: Moskovskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii, 2017. – S. 8–18.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 13.03.2022; одобрена после рецензирования 22.04.2022; принята к публикации 30.04.2022.

The article was submitted March 13, 2022; approved after reviewing April 22, 2022; accepted for publication April 30, 2022.

Научная статья
УДК 343.9
doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-149-157

Анна Леонидовна Лебедь
<https://orcid.org/0000-0002-6916-9176>, aleo.varlamova@gmail.com

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48*

Мониторинг показателей деятельности комиссий по соблюдению требований к служебному поведению гражданских служащих и урегулированию конфликта интересов (на материалах Ленинградской области)

Аннотация: В статье освещена работа комиссий по соблюдению требований к служебному поведению гражданских служащих и урегулированию конфликта интересов («конфликтных комиссий») в органах исполнительной власти Ленинградской области. Рассмотрение уведомлений гражданских служащих на заседаниях конфликтных комиссий также направлено на противодействие коррупции в органах исполнительной власти. Мониторинг показателей работы конфликтных комиссий обосновывает необходимость и эффективность их деятельности по противодействию коррупции. Анализ выявил вопросы, разрешаемые на заседаниях конфликтных комиссий, при этом наиболее распространённым является обеспечение соблюдения служащим требований к служебному поведению и (или) требований об урегулировании конфликта интересов (производство по соответствующему уведомлению гражданского служащего). Частым нарушением является несоблюдение гражданским служащим требований по представлению полных и достоверных сведений. При привлечении служащих к дисциплинарной ответственности за совершение коррупционных правонарушений конфликтными комиссиями применяются все виды наказаний, предусмотренных антикоррупционным законодательством. Наиболее распространёнными видами дисциплинарной ответственности являются замечание и выговор.

Методологическую основу работы составили всеобщий диалектический метод познания и комплекс общенаучных и частных методов, а именно: сравнительно-правовой, формально-логический и системно-структурный методы исследования, а также метод статистического анализа.

Ключевые слова: государственный гражданский служащий, служебное поведение, конфликт интересов, конфликтная комиссия, коррупционное правонарушение, дисциплинарная ответственность

Для цитирования: Лебедь А. Л. Мониторинг показателей деятельности комиссий по соблюдению требований к служебному поведению гражданских служащих и урегулированию конфликта интересов (на материалах Ленинградской области) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 149–157; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-149-157.

Anna L. Lebed
<https://orcid.org/0000-0001-6285-2696>, aleo.varlamova@gmail.com

*The Herzen State Pedagogical University of Russia
48, Moika Emb., St. Petersburg, 191186, Russian Federation*

Monitoring of performance indicators of commissions on compliance with the requirements for official conduct of civil servants and resolving conflicts of interest (on the materials of the Leningrad region)

Abstract: The article discusses the activities of commissions on compliance with the requirements for official conduct of civil servants and resolving conflicts of interest («conflict commissions») in the executive agencies of the Leningrad Region. Conflict commissions review the notifications from civil

servants at their meetings in order to combat corruption in the executive branch of power. Monitoring the performance of conflict commissions substantiates the necessity and effectiveness of their activities as one of the types of anti-corruption activities. The monitoring has identified issues resolved at meetings of conflict commissions. One of the most common issues is the compliance of civil servants with the requirements for official conduct and (or) requirements for the resolving the conflicts of interest (proceedings upon the appropriate notification of a civil servant). The most common violation is non-compliance with the requirements to provide complete and reliable information. When commissions bring the civil servants to disciplinary responsibility for committing corruption offenses, they apply all types of punishments provided for by anti-corruption legislation. The most common types of disciplinary responsibility are reprimand and admonition. The methodological basis of the work consists of the universal dialectical method of cognition and a complex of general scientific and special methods, namely, comparative legal, formal logical and systematic methods of research, as well as the method of statistical analysis.

Keywords: public civil servant, official conduct, conflict of interest, conflict commission, corruption offense, disciplinary liability

For citation: Lebed A. L. Monitoring of performance indicators of commissions on compliance with the requirements for official conduct of civil servants and resolving conflicts of interest (on the materials of the Leningrad region) // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – P. 149–157; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-149-157.

Введение

Коррупция (от лат. *corruptio* – «подкуп») – термин, обозначающий социально вредный феномен, охватывающий различные формы преднамеренного использования должностным лицом своего положения (служебных полномочий) из личной и (или) корыстной заинтересованности. В науке единый подход к определению термина «коррупция» отсутствует. Именуя коррупцию торговлей властью, В. А. Номоконов пишет, что коррупция – «это коммерциализация власти» [1]. М. В. Шедий утверждает: «Коррупция выступает как один из видов социальных отношений, связанный с использованием общественных ресурсов (в т. ч. и власти) для достижения индивидуальных целей»¹. Я. И. Гилинский подчёркивает: «Коррупция ... способ получить деньги ... иные ценности, пользуясь должностным положением» [2]. Считая коррупцию универсальной, Т. Я. Хабриева отмечает, что коррупция распространена «в государствах с неодинаковым уровнем социально-экономического развития» [3]. П. А. Скобликов формулирует следующее авторское определение исследуемого термина: «Коррупция ... участие в совершении деяний или подстрекательстве к совершению деяний, представляющих ... выполнение или невыполнение служебных обязанностей, в расчете на получение ... преимущества» [4].

Проблематика злоупотребления должностным положением, зародившаяся с момента появления государства и аппарата публичной власти, сегодня актуализируется. Россия предстаёт коррумпированным государством. Коррупция, проникшая во все основные сферы общественной жизни (политическую, экономическую, социальную, духовную, правовую, социокоммуникативную), носит системный и институциональный характер, становится угрозой национальной безопасности. Все государственные институты заражены коррупцией, как и органы государственной власти субъектов Российской Федерации.

Описание исследования

Легальное законодательное определение термина «коррупция» содержится в пп. а, б п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2021 г.) «О противодействии коррупции» (далее по тексту – ФЗ «О противодействии коррупции»): «злоупотребление служебным положением».

Требования к служебному поведению гражданских служащих и порядок предотвращения и урегулирования конфликта интересов как меры по противодействию коррупции предусмотрены ч. 1 ст. 10, 11, 12, 12.1, 12.2, 12.3 и 12.5 ФЗ «О противодействии коррупции».

Обязанности, ограничения и запреты гражданского служащего, а также порядок урегулирования конфликтов интересов на гражданской службе регламентируются ст. 15–20, 20.1 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2021 г.) «О государственной гражданской службе Российской Федерации». М. Ф. Гацко, акцентируя значимость, ценность статуса государственного служащего и предъявления к этой категории служащих повышенных требований, отмечает, что «приоритетом развития государственного управления ... является реализация требований по запретам и ограничениям, связанных с прохождением государственной гражданской службы в целях противодействия коррупции» [5]. С. Д. Хазанов, называя согласованность антикоррупционных обязанностей, ограничений и запретов с соответствующими положениями антикоррупционного законодательства, иного отраслевого законодательства (гражданского, трудового, административного) важнейшим условием их обоснованности, подчёркивает, что «антикоррупционные запреты, ограничения и обязанности ... призваны выступать ... важнейшим механизмом профилактики коррупционных правонарушений» [6]. Т. Я. Хабриева резюмирует, что «устранение причин и условий возникновения и существования коррупции должно носить системно организованный характер, охватывать не только законодательную деятельность, но и практическую повседневную деятельность ... служащих» [7].

¹ Шедий М. В. Коррупция как социальное явление: социологический анализ : автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.04 / Шедий Мария Владимировна. – Москва, 2014. – С. 11.

В соответствии с пп. 4 ст. 5 ФЗ «О противодействии коррупции» органы государственной власти субъектов РФ осуществляют противодействие коррупции в пределах своих полномочий. Нормативным правовым актом, закрепляющим антикоррупционные функции за органами субъектов РФ по противодействию коррупционным правонарушениям, является и Типовое положение о комиссии по координации работы по противодействию коррупции в субъекте РФ, утверждённое Указом Президента РФ от 15 июля 2015 г. № 364 (в ред. от 19 сентября 2017 г.) «О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции».

В 2019–2020 гг. на территории Ленинградской области в целях реализации единообразной государственной антикоррупционной политики мероприятия по противодействию коррупции проводились в соответствии с нормами федерального и регионального (областного) законодательства в сфере противодействия коррупции, Национальной стратегии противодействия коррупции, Национального плана противодействия коррупции на 2018–2020 годы, утверждённого Указом Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378, а также Планом противодействия коррупции в исследуемом регионе на 2018–2020 годы, утверждённым постановлением Правительства Ленинградской области от 7 ноября 2018 г. № 430.

В 2021 г. на территории Ленинградской области деятельность по противодействию коррупции проводилась согласно положениям Национального плана противодействия коррупции на 2021–2024 годы, утверждённого Указом Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478, Плана противодействия коррупции в Ленинградской области и планов противодействия коррупции в органах исполнительной власти, утверждённых постановлением Правительства Ленинградской области от 12 октября 2018 г. № 380 (в ред. от 17 ноября 2021 г.).

Работа по противодействию коррупции органов исполнительной власти проводилась и на основе ведомственных планов по противодействию коррупции. Именуя конфликтные комиссии специализированными органами по противодействию коррупции, П. А. Кабанов пишет, что их деятельность – «это регулярно осуществляемая названными органами целенаправленная системная деятельность по реализации и / или обеспечению реализации государственной политики противодействия коррупции в субъекте Российской Федерации» [8].

Предупреждение коррупции, осуществляемое в Ленинградской области по совокупности проводимых мероприятий, направлено на обеспечение исполнения законодательства, формирование нетерпимого отношения к коррупции, превенцию коррупционных проявлений, а также на устранение детерминирующего коррупционного комплекса. Предупреждение исследуемого негативного явления представляет собой

систему мер правового, организационного, экономического, информационного и кадрового характера, реализуемых органами исполнительной власти исследуемого региона, иными государственными органами.

Работа по профилактике злоупотреблений служебным положением и служебными полномочиями в органах исполнительной власти в исследуемом регионе осуществляется по следующим направлениям: 1) деятельность Комиссии по координации работы по противодействию коррупции в Ленинградской области; 2) декларационная компания; 3) проверка достоверности и полноты предоставленных сведений и соблюдения требований к должностному (служебному) поведению; 4) **деятельность комиссий по соблюдению требований к служебному поведению гражданских служащих и урегулированию конфликта интересов**; 5) работа в сфере противодействия коррупции в государственных учреждениях и организациях, подведомственных органам исполнительной власти; 6) реализация антикоррупционной политики в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд; 7) меры по противодействию коррупции в сфере предпринимательской деятельности; 8) меры по повышению результативности деятельности государственного органа по профилактике коррупционных правонарушений; 9) антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов исследуемого региона и их проектов; 10) меры в целях формирования у гражданских служащих отрицательного отношения к коррупции; 11) обучение и повышение квалификации гражданских служащих; 12) информирование общественности об осуществляемой работе по противодействию коррупции, в том числе направленной на повышение результативности антикоррупционного просвещения граждан и формирование у них отрицательного отношения к коррупции; 13) антикоррупционное просвещение в образовательных организациях, созданных Ленинградской областью; 14) взаимодействие по проблематике реализации антикоррупционной политики с органами местного самоуправления.

Важная роль при осуществлении работы в сфере противодействия коррупции отводится комиссиям по соблюдению требований к служебному поведению гражданских служащих и урегулированию конфликта интересов (на практике кратко именуемым «конфликтные комиссии»), образованным во всех органах исполнительной власти и аппаратах мировых судей Ленинградской области. Впервые создание указанных комиссий предусматривалось статьёй 19 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». При реализации своих полномочий их компетенция оказалась шире, чем только урегулирование конфликта интересов. В последующем компетенция расширялась. Исследуя правовое регулирование деятельности комиссий и их широкие полномочия, С. Н. Бра-

тановский указывает на несоответствие наименования конфликтных комиссий реальному, фактическому кругу разрешаемых вопросов. Учёный пишет, что соответствующее наименование рассматриваемого органа – «комиссии по противодействию коррупции в органах государственной власти» [9].

Деятельность конфликтных комиссий в исследуемом регионе регулируется постановлением Правительства Ленинградской области от 9 декабря 2010 г. № 334 (в ред. от 30 ноября 2020 г.) «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих Ленинградской области и урегулированию конфликта интересов в органах исполнительной власти Ленинградской области и аппаратах мировых судей Ленинградской области». Результаты мониторинга показателей работы конфликтных комиссий в органах исполнительной власти исследуемого региона за 2019–2021 годы представлены в таблице 1.

Анализ показателей работы конфликтных комиссий в органах исполнительной власти Ленинградской области в исследуемый период доказывает необходимость их деятельности как эффективной меры по противодействию коррупции. Динамика показателей работы конфликтных комиссий не демонстрирует высокого роста, однако снижения числа заседаний комиссий также не наблюдается, что свидетельствует о реализации плановой целенаправленной антикоррупционной политики в органах исполнительной власти исследуемого региона как в отношении служащих, длительно замещающих должности государственной гражданской службы, так и в отношении вновь поступивших. Количество служащих, привлечённых к дисциплинарной ответственности за совершение коррупционных правонарушений, свидетельствует о необходимости дальнейшего осуществления исследуемой антикоррупционной деятельности конфликтных комиссий.

В 2019 году в органах исполнительной власти Ленинградской области состоялось 86 заседаний комиссий² по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих Ленинградской области и урегулированию конфликта интересов, что составляет 3,7 % от общего числа служащих в 2019 году. Комиссиями выявлено 15 нарушений (0,6 % от общего числа служащих). Количество привлечённых к дисциплинарной ответственности служащих за совершение коррупционных правонарушений – 14 (0,6 % от общего числа служащих).

В 2020 году состоялось 56 заседаний конфликтных комиссий, что составляет 2,4 % от общего числа служащих в 2020 году. Комиссиями выявлено 10 нарушений (0,3 %). Количество служащих, привлечённых к дисциплинарной ответственности за совершение коррупционных правонарушений, – 9 (0,3 %).

В 2021 году в исследуемом регионе состоялось 77 заседаний конфликтных комиссий, что составляет 3,7 % от общего числа служащих в 2021 году. Комиссиями выявлено 16 нарушений (0,8 %). Количество привлечённых к дисциплинарной ответственности служащих за совершение коррупционных правонарушений – 17 (0,8 %).

Основанием для проведения заседаний конфликтных комиссий выступили: представление служащим неполных и (или) недостоверных сведений; несоблюдение служащим требований к служебному поведению и (или) требований об урегулировании конфликта интересов; дача согласия гражданину, замещавшему должность государственной гражданской службы Ленинградской области, на заключение трудового договора в иной организации (в том числе рассмотрение уведомлений коммерческих и некоммерческих организаций о заключении трудовых договоров с гражданами); невозможность служащим по объективным причинам представить сведения о доходах супруги (супруга) и несовершеннолетних детей; обеспечение соблюдения служащим требований к служебному поведению и (или) требований об урегулировании конфликта интересов (уведомление служащего); рассмотрение заявлений служащих о получении разрешения представителя нанимателя на участие на безвозмездной основе в управлении некоммерческими организациями; контроль за расходами.

Например, в 2021 году состоялось заседание комиссии в Комитете исследуемого региона. Основанием для заседания комиссии выступило уведомление гражданского служащего в связи с возможностью осуществления государственного контроля (надзора) в области долевого строительства в отношении организаций, с которыми у родственников гражданского служащего заключены договоры участия в долевом строительстве многоквартирных домов. В рассматриваемом случае конфликтная комиссия приняла решение, что при исполнении служащим должностных обязанностей личная заинтересованность приводит или может привести к конфликту интересов. В целях недопущения возникновения конфликта интересов необходимо: исключить любое служебное взаимодействие служащего и принятие им решений в отношении организаций, с которыми у родственников служащего заключены договоры участия в долевом строительстве многоквартирных домов, до момента прекращения правоотношений между его родственниками и указанными организациями по договорам участия в долевом строительстве, в том числе: 1) осуществление государственного контроля (надзора) в области долевого строительства в отношении организаций; 2) производство по делам об административных правонарушениях в отношении организаций; 3) рассмотрение обращений государственных органов, органов местного самоуправления, организаций и граждан в отношении деятельности организаций, а также обращений непосредственно организа-

² Одно заседание конфликтной комиссии проводится в отношении одного государственного гражданского служащего.

Мониторинг показателей работы комиссий по соблюдению требований к служебному поведению гражданских служащих и урегулированию конфликта интересов в органах исполнительной власти Ленинградской области (2019–2021 годы)

Наименование критерия	2019 год	2020 год	2021 год	
Количество гражданских служащих в исследуемом регионе	2 305	2 297	2 047	
Количество заседаний комиссий (проведённых)	86/3,7% ³	56/2,4%	77/3,7%	
а именно:				
представление гражданским служащим неполных и (или) недостоверных сведений	13	8	13	
несоблюдение гражданским служащим требований к служебному поведению и (или) требований об урегулировании конфликта интересов	6	2	3	
дача согласия гражданину, замещающему должность государственной гражданской службы Ленинградской области, на замещение должности в организации	16	10	8	
невозможность гражданским служащим по объективным причинам представить сведения о доходах супруги (супруга) и несовершеннолетних детей	1	2	5	
обеспечение соблюдения гражданским служащим требований к служебному поведению и (или) требований об урегулировании конфликта интересов (уведомление)	38	29	37	
рассмотрение уведомлений коммерческих и некоммерческих организаций о заключении с гражданами, замещающими должности гражданской службы, трудовых договоров	1	1	4	
рассмотрение заявлений гражданских служащих о получении разрешения на участие на безвозмездной основе в управлении некоммерческими организациями	11	4	2	
контроль за расходами	0	0	5	
Количество выявленных комиссиями нарушений	15/0,6 % ⁴	10/0,3 %	16/0,8 %	
из них:				
несоблюдение гражданским служащим требований по представлению полных и достоверных сведений	11	8	13	
несоблюдение гражданским служащим требований к служебному поведению	0	1	0	
несоблюдение гражданским служащим требований об урегулировании конфликта интересов	4	1	3	
Количество материалов комиссий, направленных в прокуратуру Ленинградской области для принятия мер прокурорского реагирования	0	0	2	
Количество служащих, привлечённых к дисциплинарной ответственности за совершение коррупционных правонарушений	14/0,6 % ⁵	9/0,3 %	17/0,8 %	
в виде:	замечания	8	6	7
	выговоры	4	3	9
	предупреждения о неполном должностном соответствии	1	0	1
	увольнения в связи с утратой доверия	1	0	0

³ Процентный показатель указывает процент гражданских служащих от общего числа гражданских служащих Ленинградской области в соответствующем году.

⁴ Процентный показатель указывает на процент выявленных нарушений от количества проведённых заседаний комиссий в соответствующем году.

⁵ Процентный показатель указывает количество служащих, привлечённых к дисциплинарной ответственности за совершение коррупционных правонарушений от общего числа гражданских служащих Ленинградской области в соответствующем году.

ций; 4) участие в работе комиссий и иных коллегиальных органов по оценке деятельности и рассмотрению вопросов в отношении организаций. Обязанность по дополнительному контролю за исполнением решения возложена на непосредственного руководителя служащего. Решение комиссии согласовано с представителем нанимателя.

В 2021 году состоялось заседание комиссии в аппарате мировых судей исследуемого региона. Основанием для заседания комиссии послужило заявление служащего о невозможности по объективным причинам представить сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своего супруга за 2020 год. Комиссия приняла решение о признании причины непредставления гражданским служащим сведений своего супруга за 2020 год объективной и уважительной. Представителем нанимателя решение комиссии согласовано.

В 2021 году проведено заседание комиссии в Ленинградском областном комитете. Основанием заседания комиссии послужило уведомление гражданского служащего в связи с тем, что исполнение обязанностей по замещаемой им должности предусматривает служебное взаимодействие и принятие решений в отношении учреждения, подведомственного Комитету, в котором он в 2021 году замещал должность главного специалиста. При принятии решения мнения членов комиссии разделились: три члена комиссии проголосовали за то, что при исполнении гражданским служащим должностных обязанностей конфликт интересов отсутствует; три члена комиссии проголосовали за то, что при исполнении гражданским служащим должностных обязанностей личная заинтересованность приводит или может привести к конфликту интересов. Представителем нанимателя принято решение об отсутствии при исполнении гражданским служащим своих должностных обязанностей конфликта интересов.

В 2021 году одним из оснований для заседаний комиссий выступило представление первого вице-губернатором Ленинградской области – руководителем Администрации Губернатора и Правительства Ленинградской области материалов проверок, доказывающих представление гражданскими служащими недостоверных и (или) неполных сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. В частности, комиссией установлено, что сведения о доходах, представленные гражданским служащим в своей справке за 2019 год, являются недостоверными и (или) неполными. Установлено, что сведения об объектах недвижимого имущества, а именно о наименовании документа, являющегося основанием государственной регистрации права на земельный участок, представленные гражданским служащим в своих справках за 2019–2020 годы, являются недостоверными и (или) неполными. Установлено, что сведения о счетах в банках, представленные служащим в справках супруга за 2019–2020 годы, являются недостоверными и (или) неполными.

Установлено, что сведения о срочных обязательствах финансового характера, представленные служащим в справке супруга за 2020 год, являются недостоверными и (или) неполными. Установлено, что сведения об объектах недвижимого имущества в части указания сведений о площади квартир, находящихся в долевой собственности служащего и ее супруга, представленные служащим в своих справках и справках супруга за 2019–2020 годы, являются недостоверными и (или) неполными. Установлено, что сведения об объектах недвижимого имущества, находящихся в пользовании несовершеннолетнего ребенка, в части указания сведений о площади квартиры, представленные гражданским служащим в справках несовершеннолетнего ребенка за 2019–2020 годы, являются недостоверными и (или) неполными. Представителю нанимателя рекомендовано применить к гражданскому служащему взыскание за правонарушение, предусмотренное п. 1 ст. 59.1 ФЗ №79-ФЗ, в виде замечания. Указанное решение комиссии согласовано представителем нанимателя.

Также в 2021 году одним из оснований для заседания комиссии выступило уведомление гражданского служащего в связи с возможностью осуществления служебного взаимодействия с родственником, замещающим должность в учреждении, подведомственном Комитету исследуемого региона (далее – учреждение). В рассматриваемом случае комиссия приняла решение, что при исполнении служащим должностных обязанностей личная заинтересованность приводит или может привести к конфликту интересов. В целях недопущения возникновения конфликта интересов необходимо исключить любое служебное взаимодействие служащего с учреждением, в котором работает его родственник, в том числе: участие в совместных мероприятиях; рассмотрение обращений граждан, объединений граждан и юридических лиц в отношении деятельности учреждения, а также обращений учреждения; участие в работе комиссий и иных коллегиальных органов по рассмотрению вопросов в отношении учреждения. Обязанность по контролю за исполнением решения возложена на непосредственного руководителя гражданского служащего. Решение комиссии согласовано представителем нанимателя.

Также в 2021 году одним из оснований заседаний комиссии выступило уведомление гражданского служащего в связи с: 1) осуществлением им ранее трудовой деятельности в организации, в отношении которой должностными обязанностями по замещаемой должности служащего предусмотрено принятие решений (далее – организация № 1); 2) осуществлением им ранее трудовой деятельности по совместительству в организации, в отношении которой должностными обязанностями по замещаемой должности служащего предусмотрено принятие решений (далее – организация № 2); 3) осуществлением его родственником трудовой деятельности в аппарате Законодательного собрания Ленинградской области (далее – Законодательное собрание); 4) осуществлением его

родственником трудовой деятельности в организации, в отношении которой должностными обязанностями по замещаемой должности служащего предусмотрено принятие решений (далее – организация № 3). В рассматриваемом случае комиссия приняла решение, что при исполнении служащим должностных обязанностей личная заинтересованность приводит или может привести к конфликту интересов в случае его служебного взаимодействия с организацией № 1, организацией № 2, организацией № 3. В целях недопущения возникновения конфликта интересов исключить любое служебное взаимодействие и принятие служащим решений в отношении: 1) организации № 1, организации № 3, в том числе: обеспечение заключения государственных контрактов; рассмотрение обращений государственных органов, органов местного самоуправления, организаций и граждан по вопросам деятельности организации № 1, организации № 3, а также обращений организации № 1, организации № 3; участие в работе комиссий и иных коллегиальных органов по оценке деятельности и рассмотрению вопросов в отношении организации № 1, организации № 3; 2) организации № 2, в том числе: организацию выплаты премий Правительства Ленинградской области в сфере журналистики; рассмотрение обращений государственных органов, органов местного самоуправления, организаций и граждан по вопросам деятельности организации № 2, а также обращений организации № 2; участие в работе комиссий и иных коллегиальных органов по оценке деятельности и рассмотрению вопросов в отношении организации № 2. Обязанность по контролю за исполнением решения возложена на непосредственного руководителя гражданского служащего. Комиссией признано, что при исполнении служащим своих должностных обязанностей конфликт интересов отсутствует в случае его служебного взаимодействия с Законодательным собранием. Решение комиссии согласовано представителем нанимателя.

Анализ антикоррупционных производств конфликтных комиссий исследуемого региона демонстрирует выявление совершения следующих нарушений гражданскими служащими: несоблюдение требований по представлению полных и достоверных сведений; несоблюдение требований к служебному поведению; несоблюдение требований об урегулировании конфликта интересов. Комиссиями применены все виды дисциплинарной ответственности за совершение коррупционных правонарушений: замечание, выговор, предупреждение о неполном должностном соответствии, увольнение в связи с утратой доверия.

В целях точного соблюдения гражданскими служащими норм и требований законодательства в сфере противодействия коррупции в Ленинградской области на постоянной основе ведется просветительская работа, а именно: проводятся семинары; направляются информационные письма; на постоянной основе про-

водятся индивидуальные консультации; размещается информация на стенде по вопросам противодействия коррупции, расположенном в здании Администрации Ленинградской области, а также на официальном интернет-портале Администрации Ленинградской области в информационно-телекоммуникационной сети интернет. Проведение обозначенной просветительской работы значительно повысило правовую грамотность, правосознательность и правовую культуру гражданских служащих по вопросам противодействия коррупции.

Заключение

Подводя итог, необходимо резюмировать, что деятельность конфликтных комиссий в органах исполнительной власти является деятельностью органов государственной власти по профилактике коррупции. Мониторинг показателей работы конфликтных комиссий доказывает необходимость и эффективность деятельности конфликтных комиссий как вида деятельности по противодействию коррупции. Мониторинг показателей работы названных комиссий выявил не только вопросы, традиционно рассматриваемые на заседаниях, но и не урегулированные антикоррупционным законодательством, нуждающиеся в их более детальном законодательством закреплении. Таким вопросом, в частности, является взаимодействие органов исполнительной власти с организациями при проверке представленных сведений о доходах гражданского служащего, супруга (супруги), несовершеннолетних детей, а также при осуществлении мероприятий по контролю за расходами. Итогом мониторинга показателей деятельности конфликтных комиссий является выявление наиболее распространенных требований к служебному поведению и (или) требований об урегулировании конфликтов интересов (уведомления). Например, наличие родственных связей, трудовая деятельность в подведомственных или профильных организациях. Наиболее распространенным нарушением, как показывает мониторинг, является несоблюдение служащим требований по представлению полных и достоверных сведений в справках о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Выявлено, что при привлечении к дисциплинарной ответственности за совершение коррупционных правонарушений конфликтными комиссиями применяются все виды наказаний, предусмотренных антикоррупционным законодательством, при этом наиболее распространенными видами дисциплинарной ответственности являются замечание и выговор. Предупреждение о неполном должностном соответствии и увольнении в связи с утратой доверия также применяются конфликтными комиссиями. Кроме указанного, мониторинг показателей выявил и материалы комиссий, направленных в прокуратуру Ленинградской области для принятия соответствующих мер прокурорского реагирования. Просветительская

работа, а именно семинары, информационные письма, информация на стендах и на официальном интернет-портале, а также индивидуальные консультации способствуют соблюдению гражданскими служащими требований зако-

нодательства в сфере противодействия коррупции. Просветительская работа оказывает значительное влияние на правовое сознание и правовую культуру гражданских служащих в вопросах противодействия коррупции.

Список литературы

1. Номоконов В. А. Коррупция в России: социальные последствия и особенности причин // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4. – С. 61–66.
2. Гилинский Я. И. Криминология постмодерна. Неокриминология. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2021. – 160 с.
3. Хабриева Т. Я. Коррупция: природа, проявления, противодействие : монография. – Москва: ИД «Юриспруденция», 2012. – 688 с.
4. Скобликов П. А. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и организованной преступностью в современной России : монография. – Москва: Норма: Инфра-М, 2021. – 272 с.
5. Гацко М. Ф. Ограничения, установленные для государственных гражданских служащих в целях противодействия коррупции // Символ науки. – 2016. – № 5. – Ч. 3. – С. 129–132.
6. Хазанов С. Д. Антикоррупционные запреты и ограничения в системе публичной службы как инструмент антикоррупционной политики: поиск оптимальной модели правового регулирования / Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики РФ в области противодействия коррупции : сборник трудов по итогам Третьей Всероссийской научной конференции с международным участием. – Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2019. – 768 с. – С. 142–149.
7. Хабриева Т. Я., Андриченко Л. В., Цирин А. М. Организационно-правовые механизмы противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации : монография. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; Инфра-М, 2021. – 224 с.
8. Кабанов П. А. Антикоррупционные функции органов по профилактике коррупционных и иных правонарушений субъектов Российской Федерации // Актуальные проблемы экономики и права. – 2016. – Т. 10. – № 3. – С. 187–206.
9. Братановский С. Н., Зеленев М. Ф., Косаренко Н. Н. Антикоррупция: правовые основы противодействия коррупции в РФ : монография. – Москва: Русайнс, 2020. – 278 с.
10. Братановский С. Н., Зеленев М. Ф. Необходимость системного подхода к противодействию коррупции на государственной и муниципальной службе // Государство и право. – 2017. – № 1. – С. 103–108.

References

1. Nomokonov V. A. Korruptsiya v Rossii: sotsial'nyye posledstviya i osobennosti prichin // Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava. – 2013. – № 4. – S. 61–66.
2. Gilinskiy Ya. I. Kriminologiya postmoderna. Neokriminologiya. – Sankt-Peterburg: Aleteyya. 2021. – 160 s.
3. Khabriyeva T. Ya. Korruptsiya: priroda, proyavleniya, protivodeystviye : monografiya. – Moskva: ID «Yurisprudentsiya», 2012. – 688 s.
4. Skoblikov P. A. Aktual'nyye problemy bor'by s korruptsiyey i organizovannoy prestupnost'yu v sovremennoy Rossii : monografiya. – Moskva: Norma: Infra-M, 2021. – 272 s.
5. Gatsko M. F. Ogranicheniya, ustanovlennyye dlya gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh v tselyakh protivodeystviya korruptsii // Simvol nauki. – 2016. – № 5. – Ch. 3. – S. 129–132.
6. Khazanov S. D. Antikorruptsionnyye zaprety i ogranicheniya v sisteme publichnoy sluzhby kak instrument antikorrupsionnoy politiki: poisk optimal'noy modeli pravovogo regulirovaniya / Aktual'nyye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki RF v oblasti protivodeystviya korruptsii : sbornik trudov po itogam Tre't'ey Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem. – Yekaterinburg: Institut filosofii i prava UrO RAN, 2019. – 768 s. – S. 142–149.
7. Khabriyeva T. Ya., Andrichenko L. V., Tsin A. M. Organizatsionno-pravovyye mekhanizmy protivodeystviya korruptsii v sub'yektakh Rossiyskoy Federatsii : monografiya. – Moskva: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF; Infra-M, 2021. – 224 s.

8. *Kabanov P. A.* Antikorrupsionnyye funktsii organov po profilaktike korrupsionnykh i inykh pravonarusheniy sub»yektov Rossiyskoy Federatsii // Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava. – 2016. – Т. 10. – № 3. – С. 187–206.

9. *Bratanovskiy S. N., Zelenov M. F., Kosarenko N. N.* Antikorrupsiya: pravovyye osnovy protivodeystviya korrupsii v RF : monografiya. – Moskva: Rusayns, 2020. – 278 s.

10. *Bratanovskiy S. N., Zelenov M. F.* Neobkhodimost' sistemnogo podkhoda k protivodeystviyu korrupsii na gosudarstvennoy i munitsipal'noy sluzhbe // Gosudarstvo i pravo. – 2017. – № 1. – С. 103–108.

Статья поступила в редакцию 01.03.2022; одобрена после рецензирования 25.03.2022; принята к публикации 31.03.2022.

The article was submitted March 01, 2022; approved after reviewing March 25, 2022; accepted for publication March 31, 2022.

Научная статья
УДК 343
doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-158-165

Сергей Владимирович Шашуро
<https://orcid.org/0000-0002-5922-3853>, shsh@list.ru

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина
Российская Федерация, 308024, Белгород, ул. Горького, д. 71

Правовые режимы юбилейных медалей СССР и Российской Федерации: уголовно-правовой аспект

Аннотация: В российском законодательстве, регулирующем сферу отечественного наградного дела, существуют пробелы и коллизии, которые негативно влияют на принятие решений правоприменителем. В приговорах судов отсутствует единообразие правоприменения по уголовным делам, по которым предметом преступления являются государственные награды СССР и Российской Федерации.

В статье рассматривается правовой режим юбилейных медалей СССР и Российской Федерации, первые из которых относятся к государственным наградам, а вторые исключены из этой категории. Соответственно гражданский оборот этих, фактически тождественных объектов, различается: если для юбилейных медалей Российской Федерации приобретение или сбыт не ограничены, то за аналогичные действия с юбилейными медалями СССР грозит уголовное наказание, предусмотренное статьей 324 Уголовного кодекса Российской Федерации. Автор находит такое положение не соответствующим принципам справедливости, гуманизма и равенства граждан перед законом.

На основе анализа законодательства и мнений юристов-исследователей автор делает вывод о необходимости внесения изменений в федеральное законодательство, регулирующее отношения в данной сфере, с целью установления единообразного подхода к определению правового режима юбилейных медалей СССР и Российской Федерации, устранения противоречивости правовых норм.

Ключевые слова: государственные награды, юбилейные медали, правовой режим, гражданский оборот наград, уголовная ответственность, статья 324 УК РФ

Для цитирования: Шашуро С. В. Правовые режимы юбилейных медалей СССР и Российской Федерации: уголовно-правовой аспект // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 158–165; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-158-165.

Sergey V. Shashuro
<https://orcid.org/0000-0002-5922-3853>, shsh@list.ru

Putilin Belgorod Law Institute of the MIA of Russia
71, Gorky str., Belgorod, 308024, Russian Federation

Legal regimes of anniversary medals of the USSR and the Russian Federation: criminal and legal aspects

Abstract: The Russian legislation regulating the sphere of state awards is fraught with gaps and conflicts that negatively affect the law enforcement decision-making. There is no uniformity in the sentences of the courts concerning the cases where the target of the crime are the state awards of the USSR and the Russian Federation.

The article examines the legal regime of the anniversary medals of the USSR and the Russian Federation, among which the former belong to the state awards, and the latter are excluded from this

category. Accordingly, the civil circulation of these virtually identical objects differs: the purchase or sale of anniversary medals of the Russian Federation is not restricted, but the similar transactions with USSR anniversary medals is a criminal offence according to the Article 324 of the Criminal Code of the Russian Federation.

The author finds this provision not corresponding to the principles of justice, humanism and equality of citizens before the law. Based on the analysis of the legislation and the opinions of legal researchers, the author concludes that it is necessary to amend the federal legislation regulating relations in this area. The purpose of such changes is to establish a uniform approach to determining the legal regime of the anniversary medals of the USSR and the Russian Federation, and to eliminate gaps and conflicts of laws.

Keywords: state awards, jubilee medals, legal regime, civil turnover of awards, criminal liability, Article 324 of the Criminal Code of the Russian Federation

For citation: Shashuro S. V. Legal regimes of anniversary medals of the USSR and the Russian Federation: criminal and legal aspects // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – P. 158–165; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-158-165.

Понятие «правовой режим» прочно вошло в юридический лексикон, часто встречается в юридической литературе, используется законодателем. Правовой режим определяется исследователями как особый порядок правового регулирования, который выражается в определённом сочетании юридических средств и создаёт желаемое социальное состояние и конкретную степень благоприятности или неблагоприятности для удовлетворения интересов субъектов права [1]. Как отмечает Г. С. Беляева, установление правового режима «необходимо для наступления определённого социального результата (эффекта или состояния), к которому стремится законодатель, путём подбора наиболее оптимальных способов и средств в качестве цели его достижения. В качестве такой цели регулирования нередко выступает развитие, закрепление, охрана или прекращение какого-либо правового состояния» [2, с. 23]. Правовой режим государственных наград включает особый, отличный от другого имущества, порядок их наследования; запрет их незаконных приобретения или сбыта, подделки, незаконного ношения, учреждения или изготовления схожих по названию или внешнему виду знаков. Рассматривая уголовно-правовой аспект правового режима государственных наград, Конституционный Суд отметил, что статья 324 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ) «включает в число объектов уголовно-правовой охраны порядок управления в наградной сфере, защищая его от посягательств, совершаемых посредством незаконных приобретений либо сбыта государственных наград»². Необходимо отметить, что согласно фабуле статьи 324 УК РФ этот запрет распространяется не только на государствен-

ные награды Российской Федерации, но и на государственные награды СССР и РСФСР. Отнесение той или иной награды к числу государственных наград является важным фактором, влияющим на принятие правоприменителем правильного решения по уголовному делу.

Анализ судебной практики свидетельствует об отсутствии единого подхода к принятию решений по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом орденов и медалей. Зачастую это связано с наличием существенных пробелов и противоречий в нормативных правовых актах, устанавливающих особый правовой режим государственных наград. Это же отмечают многие исследователи отечественной наградной системы [3–6]. Одним из таких противоречий, которое, к сожалению, в юридической литературе глубоко не исследовано, является дифференциация запрета на гражданский оборот юбилейных медалей СССР и Российской Федерации.

В системе российского законодательства отсутствует чёткое определение понятия «юбилейная медаль», хотя сам термин употребляется в основополагающем для современной российской наградной системы Указе Президента Российской Федерации от 7 сентября 2010 г. № 1099 «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации»³ (далее – Указ). Данным Указом утверждено действующее в настоящее время Положение о государственных наградах Российской Федерации (далее – Положение о государственных наградах, Положение). Исследователи отечественного наградного дела, классифицируя награды по наличию конкретно-исторического повода и основания для награждения, делят их на две группы⁴ [7]:

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 27 октября 2020 г.) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 16.12.2020).

² См., напр.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2020 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Демьшиной» [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 10.03.2021).

³ О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 7 сентября 2010 г. № 1099 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 04.03.2021).

⁴ Трофимов Е. В. Правовое регулирование государственных наград в Российской Федерации : автореф дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Трофимов Егор Викторович. – Москва, 2006. – 28 с.

1) индивидуально-определённые награды, устанавливаемые за особые достижения и заслуги в деятельности, считающейся несомненным благом для государства, или определённой сферы деятельности. Награждение ими происходит путём издания индивидуального по отношению к конкретному человеку акта;

2) индивидуально-неопределённые награды, которые устанавливаются для определённой категории лиц ввиду их участия в общественно-полезной деятельности в определённое время. Как правило, награждение ими производится по спискам, включению в которые подлежат категории граждан, прямо указанные в статуте награды или в положении о ней.

К последней группе относятся юбилейные медали. По мнению Е. В. Толоконниковой, награды единовременного массового награждения, учреждённые в связи с событиями, имеющими большое значение для государства и общества, «занимают менее почётное место среди наград аналогичной формы, поскольку заслуги награждённых лиц, за которые они отмечаются такими наградами, либо явно незначительны (в масштабном коллективном деянии), либо ранее уже были отмечены» [8, с. 11]. Соглашаясь с этим мнением, мы полагаем, что именно низкий по сравнению с государственными наградами статус юбилейных медалей обусловил их исключение из числа государственных наград Российской Федерации. Статьей 3 Указа установлено, что юбилейные медали Российской Федерации наряду с наградами, учреждаемыми федеральными органами государственной власти и иными федеральными государственными органами, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, общественными и религиозными объединениями, не являются государственными наградами Российской Федерации. Таким образом, на юбилейные медали Российской Федерации («50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «300 лет Российскому флоту», «В память 850-летия Москвы», «100 лет Транссибирской магистрали», «В память 300-летия Санкт-Петербурга», «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «В память 1000-летия Казани», «65 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «70 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «75 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.») не распространяется запрет на приобретение или сбыт государственных наград, установленный ст. 324 УК РФ.

Иначе обстоит дело с юбилейными медалями СССР. Общее положение об орденах, медалях и почётных званиях СССР, утверждённое Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 июля 1979 г. «Об утверждении Общего положения об орденах, медалях и почётных званиях СССР»⁵ (далее – Общее положение), в статье 17

содержит перечень медалей СССР для награждения в связи с важными юбилейными датами в истории советского народа. К этим юбилейным медалям отнесены медали «За доблестный труд (За воинскую доблесть)». В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «XX лет РККА», «30 лет Советской Армии и Флота», «40 лет Вооружённых Сил СССР», «50 лет Вооружённых Сил СССР», «60 лет Вооружённых Сил СССР», «70 лет Вооружённых Сил СССР», «50 лет советской милиции», «В память 800-летия Москвы», «В память 250-летия Ленинграда», «В память 1500-летия Киева». В силу статьи 1 Общего положения указанные юбилейные медали являются государственными наградами СССР, и на них распространяется уголовный запрет незаконного приобретения или сбыта, закреплённый в УК РФ.

Ряд исследователей на основе установлений п. 14 Положения о том, что на граждан Российской Федерации, удостоенных государственных наград СССР, распространяются правила, предусмотренные российским законодательством и самим Положением, делают вывод, что правовые режимы государственных наград России и СССР являются аналогичными. Так, толкуя норму, сформулированную в п. 14 Положения, в системе с правилом, содержащимся в ст. 3 Указа, А. Т. Боннер делает вывод: «Юбилейные медали СССР, награды, учреждавшиеся союзными и республиканскими министерствами и ведомствами, общественными и религиозными объединениями, не являются государственными наградами СССР» [9]. На наш взгляд, такой вывод в части юбилейных медалей СССР нельзя признать обоснованным. Пункт 14 Положения распространяет правила, предусмотренные законодательством Российской Федерации и Положением, на граждан Российской Федерации, удостоенных государственных наград СССР. Мы солидарны с мнением В. А. Винокурова, считающего, что правила, о которых идёт речь в п. 14 Положения, касаются «вопросов установления льгот и преимуществ, передачи государственных наград СССР наследникам, выдачи дубликатов государственных наград СССР и документов к ним, передачи государственных наград СССР в государственные музеи, вывоза государственных наград СССР за границу, восстановления в правах на государственные награды СССР» [10, с. 74–75]. Наличие одинакового статуса у российских граждан, удостоенных государственных наград СССР, и лиц, удостоенных государственных наград Российской Федерации, отнюдь не означает, что правовой режим юбилейных медалей СССР и юбилейных медалей Российской Федерации тождествен.

Отмеченное различие правовых режимов юбилейных медалей СССР и Российской

⁵ Об утверждении Общего Положения об орденах, медалях и почётных званиях СССР : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 июля 1979 г. (в ред. от 22 августа 1988 г.) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.03.2021).

Федерации зачастую влечёт принятие судами, рассматривающими дела о преступлениях, предусмотренных статьёй 324 УК РФ, противоположных решений. В подавляющем большинстве случаев осуждения по ст. 324 УК РФ суды совершенно правильно исключают из обвинения в незаконном приобретении или сбыте наград юбилейные медали Российской Федерации как не относящиеся к государственным наградам. Однако имеют место случаи, когда судами при вынесении приговоров допускается необоснованное отнесение юбилейных медалей Российской Федерации к числу государственных наград. Так, согласно приговору Ставропольского краевого суда от 2 августа 2016 г., О. в составе вооруженной преступной группы (банды) совершил незаконное приобретение государственных наград СССР и Российской Федерации. Среди похищенного – государственные награды СССР: медали «Медаль материнства», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Суд необоснованно отнёс к государственным наградам Российской Федерации юбилейные медали «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «65 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «70 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и квалифицировал действия О. по ст. 324 УК РФ как незаконное приобретение государственных наград СССР и Российской Федерации⁶. Аналогичный подход можно видеть в приговоре Бабаевского районного суда Вологодской области от 22 декабря 2017 г. Согласно приговору С. «похитил 4 государственные награды: медаль «Ветеран труда», являющуюся государственной наградой СССР, медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне», являющуюся государственной наградой Российской Федерации, медаль «За трудовую доблесть», являющуюся государственной наградой СССР, медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», являющуюся государственной наградой СССР, тем самым приобрел их». Действия С. по эпизоду незаконного приобретения государственных наград квалифицированы по ст. 324 УК РФ, т. к. он, по мнению суда, совершил незаконное приобретение государственных наград Российской Федерации и СССР⁷.

Подход правоприменителя различается и при рассмотрении уголовных дел указанной категории, по которым предметом преступления являются юбилейные медали СССР. Так, П. признан виновным в совершении преступле-

ний, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 158, ст. 324 УК РФ. Из материалов дела следует, что он приобрёл путём хищения подлинные государственные награды – медали СССР «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Ветеран труда», «60 лет Вооруженных Сил СССР», «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне», «70 лет Вооруженных Сил СССР», «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»⁸. За аналогичное преступление В. осуждён по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ за тайное хищение чужого имущества, в том числе ордена Трудового Красного Знамени с орденой книжкой к нему, медалей «За трудовое отличие», «Ветеран труда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд (За воинскую доблесть). В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина», «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» с удостоверениями к ним. При этом ст. 324 УК РФ не вменялась⁹.

Нам представляется, что причинами различия правоприменительных подходов являются несистемность правового регулирования отношений в сфере наградного дела, множественность нормативных правовых актов, разрозненность правовых норм. Так исторически сложилось, что практически весь комплекс вопросов в сфере наградного дела регламентируется указами Президента Российской Федерации. И хотя согласно Конституции государственные награды и почётные звания Российской Федерации отнесены к ведению Российской Федерации, федеральный закон о государственных наградах до настоящего времени не принят. Как отмечает О. В. Романовская, «отсутствие федерального законодательного акта о государственных наградах способствует различиям в толковании правового режима наград, их свойствам и значениям» [11].

Нами проанализированы Положение о юбилейной медали «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»¹⁰

⁸ Приговор Лодейнопольского городского суда Ленинградской области от 23 января 2018 г. по делу № 1-12/2018 [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-lodeinopolskii-gorodskoi-sud-leningradskaja-oblast/?page=20> (дата обращения: 16.03.2021).

⁹ Приговор Орджоникидзевского районного суда Магнитогорска Челябинской области от 14 февраля 2017 г. по делу № 1-110/17 [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-ordzhonikidzevskii-raionnyi-sud-g-magnitogorska-cheliabinskaia-oblast/?page=20> (дата обращения: 16.03.2021).

¹⁰ Об учреждении юбилейной медали «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1985 г. № 2205-XI [Электронный ресурс] // Сайт «Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик». – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_12647.htm (дата обращения: 12.03.2021).

⁶ Приговор Ставропольского краевого суда от 2 августа 2016 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://bsr.sudrf.ru/> (дата обращения: 16.03.2021).

⁷ Приговор Бабаевского районного суда Вологодской области от 22 декабря 2017 г. по делу № 1-130/2017 [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QuevAeTCEviZ8/> (дата обращения: 10.03.2021).

и Положение о юбилейной медали «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»¹¹, содержащие перечень кате-

горий лиц, награждаемых этими медалями (таблица 1).

Таблица 1

Сравнение категорий лиц, награждаемых юбилейными медалями «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Юбилейная медаль «Сорок лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»	Юбилейная медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
военнослужащие и лица вольнонаёмного состава, принимавшие в рядах Вооружённых Сил СССР участие в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны	военнослужащие и лица вольнонаёмного состава, принимавшие в рядах Вооружённых Сил СССР участие в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны
партизаны Великой Отечественной войны	партизаны Великой Отечественной войны
участники подполья	участники подполья
	военнослужащие и лица вольнонаёмного состава, служившие в период Великой Отечественной войны в Вооружённых Силах СССР
лица, награждённые медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» или «За победу над Японией»	лица, награждённые медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией»
	лица, имеющие удостоверение к медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» либо удостоверение участника войны
труженики тыла, награждённые за самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны орденами СССР, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», другими медалями СССР либо награждённые медалями «За оборону Ленинграда», «За оборону Москвы», «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя», «За оборону Сталинграда», «За оборону Киева», «За оборону Кавказа», «За оборону Советского Заполярья»	труженики тыла, награждённые за самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны орденами СССР, медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие», «За оборону Ленинграда», «За оборону Москвы», «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя», «За оборону Сталинграда», «За оборону Киева», «За оборону Кавказа», «За оборону Советского Заполярья»
	лица, имеющие знак «Жителю блокадного Ленинграда» либо удостоверение к медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»
	бывшие несовершеннолетние узники концлагерей, гетто и других мест принудительного содержания, созданных фашистами и их союзниками в период второй мировой войны
	граждане, проработавшие не менее шести месяцев в период с 22 июня 1941 года по 9 мая 1945 года, исключая время работы в районах, временно оккупированных неприятелем

¹¹ Об учреждении юбилейной медали «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» : Закон Российской Федерации от 7 июля 1993 г. № 5336-1 [Электронный ресурс] // Сайт «Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации». – URL: <https://legalacts.ru/doc/zakon-rf-ot-07071993-n-5336-1-ob/> (дата обращения: 12.03.2021).

Данные медали близки по времени учреждения, имеют массовый тираж (первой произведено более 11 млн наградений¹², второй – более 17 млн [12]), но разнятся учредившими их субъектами (СССР и Российская Федерация соответственно) и, следовательно, имеют различный правовой режим. Как видно из таблицы, отличия по награждаемым этими медалями минимальны: в число лиц, которым вручалась юбилейная медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», добавлены отдельные категории граждан. Это не отрицает того факта, что обе эти юбилейные медали, по сути, предназначены для награждения людей, внёсших вклад в приближение Великой Победы, и по логике эти медали должны иметь одинаковый правовой статус. Однако де-юре первая из медалей является государственной наградой СССР, а вторая государственной наградой Российской Федерации не является. Аналогична ситуация и с другими юбилейными медалями, учреждёнными для награждения ветеранов Великой Отечественной войны и иных лиц в соответствии с положениями об этих медалях.

Подобным образом обстоит дело с советской медалью «В память 800-летия Москвы» и её российским аналогом – медалью «В память 850-летия Москвы», первой из которых награждались лица, «отличившиеся в проведении работ по реконструкции столицы и обеспечившие своим трудом развитие её промышленности, транспорта городского хозяйства, научных и культурно-просветительных учреждений»¹³, а второй – «граждане, внесшие значительный вклад в развитие Москвы»¹⁴. По сути, этими медалями награждались лица, имеющие определённый, закреплённый в положениях об этих медалях статус, за подобные, если не сказать одинаковые, заслуги. Тем не менее, уголовно-правовые режимы этих медалей существенно отличаются друг от друга.

Сложилось странное, труднообъяснимое положение, когда приобретение или сбыт юбилейных медалей несуществующего государства, Союза Советских Социалистических Республик, запрещены под страхом уголовного преследования, а юбилейные медали Российской Федерации из-под этого запрета выведены.

Конституционный Суд Российской Федерации утверждает, что «хотя государственные награды СССР не входят в состав современной государственной наградной системы, правовые

режимы государственных наград Российской Федерации и государственных наград СССР аналогичны, поскольку на последние распространяются правила, предусмотренные законодательством Российской Федерации и Положением о государственных наградах»¹⁵. По мнению суда, тем самым обеспечивается единство правового регулирования в этой сфере, отражающее статус России как правопреемника Союза ССР, граждане которого были удостоены соответствующих наград. На наш взгляд, пример различия правовых режимов юбилейных медалей СССР и Российской Федерации свидетельствует как раз об обратном: единство правового регулирования гражданского оборота наград со сходными основаниями для награждения отсутствует.

По нашему мнению, сложившаяся ситуация с дифференциацией ответственности за гражданский оборот тождественных объектов не может быть признана нормальной. Как указывает Конституционный Суд Российской Федерации, «применение одинаковых мер уголовной ответственности за различные по степени общественной опасности преступления без надлежащего учёта характеризующих обвиняемого обстоятельств, имеющих объективное и разумное обоснование, противоречит конституционному запрету дискриминации и выраженным в Конституции Российской Федерации идеям справедливости и гуманизма»¹⁶. Из этого следует, что применение различных мер уголовной ответственности за одинаковые по степени общественной опасности преступления (в рассматриваемом случае – приобретение или сбыт юбилейных медалей СССР и Российской Федерации) также не соответствует принципам справедливости, гуманизма и равенства граждан перед законом.

Представляется, что федеральному законодателю следует обратить внимание на необходимость единообразного подхода к законодательному закреплению правового режима юбилейных медалей СССР и Российской Федерации. При этом недостаточно будет внести изменения в ст. 3 Указа, включив юбилейные медали СССР в число наград, не являющихся государственными наградами Российской Федерации (юбилейные медали СССР и без того к ним не относятся). Учитывая, что данная проблема является не единственной в ряду коллизий и пробелов современного наградного законодательства, о чем мы ранее уже писали¹⁷,

¹² Ордена и медали СССР: интернет-портал [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mondvor.narod.ru/MPobeda40.html> (дата обращения: 17.03.2021).

¹³ Об учреждении медалей «В память 800-летия Москвы»: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 сентября 1947 г. [Электронный ресурс] // Сайт «Законодательство СССР. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик». – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4663.htm (дата обращения: 01.11.2021).

¹⁴ О медали «В память 850-летия Москвы»: Указ Президента Российской Федерации от 26 февраля 1997 г. № 132 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/10587> (дата обращения: 01.11.2021).

¹⁵ По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н. М. Деменьшиной: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2020 г. № 10-П [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.03.2021).

¹⁶ По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина: Постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.03.2021).

¹⁷ См., напр.: Шашуро С. В. Наследование государственных наград СССР: проблемные аспекты правового

потребуется системное совершенствование правового регулирования в сфере наградного дела Российской Федерации, последовательное устранение противоречий законодательства о государственных наградах. Этому, по нашему мнению, могло бы способствовать:

1. Принятие Федерального закона о государственных наградах, при подготовке которого должен быть учтён опыт «указного права» в сфере наградного дела. О том, что отсутствие закона о государственных наградах носит временный характер, говорилось ещё в Указе Президиума Верховного Совета Российской Федерации «О государственных наградах Российской Федерации»¹⁸, который постановил «до принятия Закона Российской Федерации о государственных наградах... считать возможным использовать в Российской Федерации для награждения... ордена и медали бывшего Союза ССР». Кроме того, Комитету Верховного Совета Российской Федерации по законодательству совместно с Комиссией по государственным наградам при Президенте Российской Федерации было поручено разработать с участием заинтересованных министерств и ведомств проект закона Российской Федерации о государственных наградах и представить его в установленном порядке на рассмотрение Верховного Совета Российской Федерации в третьем квартале 1992 года.

В законе Российской Федерации о государственных наградах должен быть чётко определён перечень государственных наград, уточнены статуты орденов и положения о знаках отличия, медалях и почётных званиях, отражены порядок учреждения и изготовления наград, процедура представления к государственным наградам и награждения ими, отмены награждений, лишения наград, восстановления в правах на награды, порядок ношения и хранения государственных наград, порядок оборота государственных наград, в том числе определено место орденов, медалей и почетных званий СССР и РСФСР, наград Российской империи в современной наградной системе.

2. Внесение изменений в УК РФ путём исключения государственных наград СССР и РСФСР и документов к ним из числа предусмотренных ст. 324 предметов преступления либо полная декриминализация предусматриваемых данной статьей деяний с одновременным введением уголовной ответственности за хищение государственных наград. По нашему мнению, именно в таком смысле следует понимать посыл Конституционного Суда Российской Федерации, который не исключил «...внесение

федеральным законодателем изменений в правовое регулирование, направленных на дальнейшую дифференциацию публично-правовой ответственности за правонарушения в наградной сфере, с учётом того что уголовное законодательство является по своей природе крайним (исключительным) средством, с помощью которого государство реагирует на противоправное поведение, если охрана соответствующих общественных отношений не может быть обеспечена должным образом с помощью правовых норм иной отраслевой принадлежности, а уголовная ответственность может считаться законно установленной лишь при условии, что она соразмерна характеру и степени общественной опасности криминализируемого деяния»¹⁹.

3. Внесение изменений в отраслевые кодифицированные нормативные акты, корреспондирующие с законодательством о государственных наградах Российской Федерации (например, Гражданский кодекс Российской Федерации, ст. 1185 которого ставит порядок наследования государственных наград в зависимость от того, распространяется на них законодательство о государственных наградах Российской Федерации или нет; Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, ст. 17.11 которого предусматривает ответственность за ношение ордена, медали, нагрудного знака к почетному званию, знака отличия Российской Федерации, РСФСР, СССР, орденов или лент медалей на планках лицом, не имеющим на то права, и учреждение или изготовление знаков, имеющих схожее название или внешнее сходство с государственными наградами; УК РФ, ст. 327 которого предусматривает ответственность за изготовление или сбыт поддельных государственных наград Российской Федерации, РСФСР, СССР), а также в законы Российской Федерации, прямо или косвенно связанные с наградным законодательством (например, Федеральный закон от 19 апреля 1995 года № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» устанавливает, что государственные награды и другие знаки отличия, связанные с событиями Великой Отечественной войны, не могут быть объектами отчуждения, за исключением случаев, предусмотренных законодательством Российской Федерации; Закон Российской Федерации от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» определяет порядок передачи документов и наград погибших, найденных при проведении поисковой работы), иные нормативные правовые акты, регулирующие отношения в сфере государственных наград.

Проведённое исследование позволяет нам констатировать:

регулирования // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2021. – № 1. – С. 11–21; Шашуров С. В. Об уголовной ответственности за приобретение или сбыт государственных наград СССР и РСФСР // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. – 2021. – № 2. – С. 17–24.

¹⁸ О государственных наградах Российской Федерации : Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 марта 1992 г. № 2424-1 [Электронный ресурс] // Сайт «Государственные награды России». – URL: <http://award.adm.gov.ru/doc/u2424.htm> (дата обращения: 04.11.2021).

¹⁹ По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н. М. Демьшиной : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2020 г. № 10-П [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 16.12.2020).

1. Уголовно-правовые режимы тождественных по сути объектов – юбилейных медалей СССР и Российской Федерации – отличаются, правовое регулирование их гражданского оборота лишено единства.

2. Отсутствие должной нормативной определённости правового регулирования в сфере государственных наград влечёт пробле-

мы обеспечения единства правоприменительной практики.

3. Требуются значительные усилия федерального законодателя, направленные на комплексное устранение противоречий правового регулирования правоотношений в сфере государственных наград на основе системного анализа действующего законодательства и правоприменительной практики.

Список литературы

1. Малько А. В., Родионов О. С. Правовые режимы в российском законодательстве // Журнал российского права. – 2001. – № 9 (57). – С. 19–26.
2. Беляева Г. С. К вопросу о разграничении правового режима и иных смежных юридических категорий // Государственный советник. – 2013. – № 4. – С. 22–25.
3. Павликов А. А. Награда – лицо государственной власти // Кавалеръ. – 2005. – № 12. – С. 157–165.
4. Смыслов О. С. Награды Великой Победы. – Москва: Вече, 2010. – 352 с.
5. Смыслов О. С. Загадки советских наград. 1918–1991 годы. – Москва: Вече, 2005. – 352 с. (Военные тайны XX века).
6. Винокуров В. А. Отдельные особенности правового регулирования наград современного Российского государства // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 3. – С. 34–42.
7. Матейкович М. С., Горбунов В. А. Законный интерес в конституционном праве Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 5. – С. 2–6.
8. Толоконникова Е. В. Понятие и правовое значение государственных наград // Studium. – 2015. – № 3–4 (36–37). – С. 11.
9. Боннер А. Т. Эхо войны. Споры о наградах // Закон. – 2014. – № 5. – С. 122–139.
10. Винокуров В. А. Комментарий к Положению о государственных наградах Российской Федерации 2010 года. – Санкт-Петербург: Экслибрис-Норд, 2012. – 415 с.
11. Романовская О. В. Правовой режим наград в Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. – 2019. – Т. 7. – № 1 (25). – С. 17–22.
12. Музалевский М. В. Ордена и медали Российской Федерации. – Москва: РИЦ «Кавалеръ», 2005. – 300 с.

References

1. Mal'ko A. V., Rodionov O. S. Pravovyye rezhimy v rossiyskom zakonodatel'stve // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2001. – № 9 (57). – S. 19–26.
2. Belyayeva G. S. K voprosu o razgranichenii pravovogo rezhima i inykh smezhnykh yuridicheskikh kategoriy // Gosudarstvennyy sovetnik. – 2013. № 4. – S. 22–25.
3. Pavlikov A. A. Nagrada – litso gosudarstvennoy vlasti // Kavalеръ. – 2005. – № 12. – S. 157–165.
4. Smyslov O. S. Nagrady Velikoy Pobedy. – Moskva: Veche, 2010. – 352 s.
5. Smyslov O. S. Zagadki sovetskikh nagrad. 1918–1991 gody. – Moskva: Veche, 2005. – 352 s. (Voyennyye tayny XX veka).
6. Vinokurov V. A. Otdel'nyye osobennosti pravovogo regulirovaniya nagrad sovremennogo Rossiyskogo gosudarstva // Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo. – 2011. – № 3. – S. 34–42.
7. Mateykovich M. S., Gorbunov V. A. Zakonnyy interes v konstitutsionnom prave Rossiyskoy Federatsii // Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo. – 2006. – № 5. – S. 2–6.
8. Tolokonnikova Ye. V. Ponyatiye i pravovoye znacheniye gosudarstvennykh nagrad // Studium. – 2015. – № 3–4 (36–37). – S. 11.
9. Bonner A. T. Ekho voyny. Spory o nagradakh // Zakon. – 2014. – № 5. – S. 122–139.
10. Vinokurov V. A. Kommentariy k Polozheniyu o gosudarstvennykh nagradakh Rossiyskoy Federatsii 2010 goda. – Sankt-Peterburg: Ekslibris-Nord, 2012. – 415 s.
11. Romanovskaya O. V. Pravovoy rezhim nagrad v Rossiyskoy Federatsii // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. – 2019. – Т. 7. – № 1 (25). – S. 17–22.
12. Muzalevskiy M. V. Ordena i medali Rossiyskoy Federatsii. – Moskva: RITs «Kavalеръ», 2005. – 300 s.

Статья поступила в редакцию 28.12.2021; одобрена после рецензирования 25.03.2022; принята к публикации 20.04.2022.

The article was submitted December 28, 2021; approved after reviewing March 25, 2022; accepted for publication April 20, 2022.

Общая педагогика, история педагогики и образования

Научная статья

УДК 37.013

doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-166-171

Анатолий Викторович Мудрик

доктор педагогических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0003-0410-9487>, a.mudrik@yandex.ru

Московский педагогический государственный университет

Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1

Екатерина Александровна Никитская

кандидат педагогических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0003-3187-6534>, katamax@yandex.ru

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

Российская Федерация, 117997, Москва, ул. Академика Волгина, д.12

Сообщество микросоциумов как социально-педагогический феномен: предварительные результаты исследования

Аннотация: В современной России произошли существенные изменения в процессе социализации подрастающих поколений. В частности, выросло количество и многообразие микрофакторов социализации, их взаимосвязи, и взаимовлияния с мезо- и макрофакторами социализации также претерпели существенные изменения. Это в том числе привело к тому, что специалисты социальной сферы испытывают трудности в своей работе, направленной на придание позитивного характера влиянию факторов социализации на становление детей, подростков, юношей, девушек. В частности, особые трудности связаны с созданием условий для позитивной социализации в сообществе микросоциумов. Эти трудности во многом определяются недостаточной эмпирической исследованностью и теоретической проработанностью проблемы сообщества микросоциумов как микрофактора социализации подрастающих поколений. Недостаточная изученность и практическая востребованность определяют актуальность предлагаемой статьи, целью которой является постановка проблемы изучения сообщества микросоциума как социально-педагогического феномена.

Сообщества микросоциумов имеют общие, особенные и единичные характеристики, соотношение которых в каждом конкретном случае во многом определяют характер и интенсивность их позитивного и негативного влияния на социализацию детей, подростков, юношей и девушек. Представленные в статье материалы внесут определённый вклад в теории социализации и социального воспитания, расширят предметное и понятийное поле социальной педагогики, позволят уточнить ряд положений социальной психологии воспитания.

Ключевые слова: сообщество, микросоциум, физическая среда, локализация, социальные отношения

Для цитирования: Мудрик А. В., Никитская Е. А. Сообщество микросоциумов как социально-педагогический феномен: предварительные результаты исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 166–171; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-166-171.

Anatoly V. Mudrik

Dr. Sci. (Ped.), Professor

<https://orcid.org/0000-0003-0410-9487>, a.mudrik@yandex.ru

Moscow Pedagogical State University

1, p. 1, Malaya Pirogovskaya str., Moscow, 119991, Russian Federation

Ekaterina A. Nikitskaya

Cand. Sci. (Ped.), Docent

<https://orcid.org/0000-0003-3187-6534>, katamax@yandex.ru

Kikot Moscow University of the MIA of Russia

12, Akademika Volgina str., 117997, Moscow, Russian Federation

The community of microsociums as a socio-pedagogical phenomenon: preliminary results of the study

Abstract: Significant changes in the process of socialization of the younger generations have occurred in modern Russia. In particular, the number and diversity of micro-factors of socialization have increased, their interrelation and mutual influence with meso- and macro-factors of socialization have also undergone significant changes. This, among other things, has led to the fact that specialists in the social sphere struggle with making positive influence on the socialization factors on the formation of children, adolescents, young men and women. In particular, special difficulties are associated with the creation of conditions for positive socialization in the microsocial community. These difficulties are largely determined by the lack of empirical research and theoretical development of the problem of microsocial community as a micro factor in the socialization of the younger generations. Insufficient study and practical relevance determine the relevance of the proposed article, which aims to raise the problem of studying the microsocial community as a socio-pedagogical phenomenon.

Communities of microsociety have common, special and singular characteristics, the ratio of which in each case largely determine the nature and intensity of their positive and negative impact on the socialization of children, adolescents, young men and women. The materials presented in the article will make a certain contribution to the theories of socialization and social education, will expand the subject and conceptual fields of social pedagogy, will clarify a number of provisions of social psychology of education.

Keywords: community, microsociety, physical environment, localization, social relations

For citation: Mudrik A. V., Nikitskaya E. A. The community of microsociums as a socio-pedagogical phenomenon: preliminary results of the study // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – P. 166–171; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-166-171.

Введение

Аналитический обзор литературы по проблеме исследования позволил определить методологические подходы, которые легли в его основу: системный, интегративный, амбивалентный. В русле этих подходов применялись следующие исследовательские методы: теоретический анализ литературы, интернет-источников, эмпирического материала; экспертные оценки различных видов сообщества микросоциумов, фокус-группы, включённое наблюдение деятельности сообществ микросоциумов.

Анализ показал, что понимание сообщества имеет существенные различия в рамках той или иной научной дисциплины (социологии, социальной психологии, урбанистики и др.), конкретных научных парадигм и школы, в зависимости

от этноконфессиональных традиций и иных обстоятельств. Однако почти все различия не касаются нескольких пунктов, которые наличествуют во всех проанализированных теориях, в которых в той или иной степени тематизируется сообщество, а именно: отношения сообщества к физическому пространству, тот или иной вариант локализации, тип членов сообщества и их количество, принцип и способ образования сообщества, критерии принадлежности индивида к тому или иному сообществу, факторы, обеспечивающие идентичность членов сообщества. Стало очевидно, что понятие сообщества микросоциума относится к разряду трудноуловимых, а поэтому не имеющих общепризнанных дефиниций. В русле социально-педагогического знания сообщество микросоциума может рассматриваться как один из микрофакторов социализации подрастающих поколений.

Аналитический обзор литературы и интернет-ресурсов по рассматриваемой проблеме по-

зволит дать характеристику состояния и степени ее разработанности*.

Сообщество (community) как объект исследования принадлежит к классическим в рамках социогуманитарного знания и в то же время, по мнению многих авторов, к наиболее трудно уловимым в чётких и общепризнанных понятиях. Соответственно, имеется немалая сложность в том, чтобы дать сжатое и вместе с тем репрезентативное описание современного состояния дел в этой области (Хиллари Г. А., Элиас Н. К. и др.) [9; 10].

Описание исследования

Представления о том, как понимать сообщество, сильно разнятся в зависимости от дисциплины, школы или парадигмы, традиции и языка. Тем не менее можно выделить несколько ключевых пунктов, которые не в состоянии обойти, не определив своей позиции, ни одна из теорий, тематизирующих сообщество. Эти пункты таковы: отношение к физическому пространству, количеству и тип членов сообщества, принцип и способ образования сообщества, критерии принадлежности к нему, что обеспечивает устойчивость сообщества и определяет его идентичность. Дж. Гасфилд усматривал два основных способа концептуализации сообществ. Один отсылал к физическому месту, некоторой территории или зоне, другой – к характеру социальных отношений. А. Бурк идентифицирует четыре подхода. Первый – трактующий сообщество как множество социальных отношений, локализованных в определённых пространственно-географических границах. Для второго – сообщества суть эффекты определённого рода социальных взаимодействий между индивидами и между социальными группами. Третий рассматривает сообщество как специфический тип отношений между индивидом и обществом, основанный на потребности в признании и чувстве принадлежности. Наконец, четвертый подход акцентирует роль современных цифровых технологий в формировании не имеющих пространственных границ сообществ – виртуальных. Данный перечень не исчерпывает всех существующих способов концептуализации сообществ [8].

Сообщество есть основа до-модерной формы человеческого сосуществования и именно в этом смысле оно реально – вот чуть ли не единственный тезис, в котором, пожалуй, могли бы сойтись классики и современники из разных школ и дисциплин. От этого утверждения исследовательские траектории расходятся, ветвятся и ретроспективно могут быть объединены с некоторой долей условности в два кластера. Один, включая теории города и соответствующее образа жизни, – это прежде всего социологические теории и полидисциплинарный комплекс, существующий под обобщающим названием

городских исследований (урбанистики). Другие сосредоточиваются именно на традиционных до-модерных сообществах – речь идет о социальной антропологии, этнологии и т.д. Однако во второй половине – конце прошлого века происходит своего рода частичный синтез социологических и антропологических подходов. Возникают такие синтетические направления, как, например, этнография города.

Классические теории сообществ исходили из того, что модерн разрушает привычный уклад жизни, стабильный социальный и моральный порядок, и наиболее заметным это становится в современном городе – социальной лаборатории (по определению Чикагской школы). Сообщества – это, некоторым образом, остаточная форма досовременного состояния внутри современности, таков отправной пункт. Отсюда базовые первичные различия, определившие теоретическую оптику на много десятилетий – модерн / до-современность, город / не-город, рациональность / традиция, избирательность / эссенциализм, индивидуализм / коллективизм и т.д. (К.Белл, Х. Ньюби и др.) [7].

Работа Б. Андерсена «Воображаемые сообщества» послужила точкой отсчёта для формирования нового видения всего поля исследований. Произошло это благодаря тезису, согласно которому все сообщества, превосходящие по размеру примитивную первобытную деревню (а может быть, даже и она) являются в определённой степени воображаемыми. Эта идея дополнила и частично трансформировала устоявшееся представление о том, что исследования сообществ должны учитывать три константы – место, сети социальных отношений, разделяемое чувство принадлежности. К ним добавилось воображение, распространяющееся благодаря «печатному капитализму» на большие пространства и временные периоды, размывающее требование локального единства для возникновения чувства общности.

Современные подходы, при всем их многообразии и несходстве, имеют некоторые общие черты. Прежде всего в них убывает значимость территориально-пространственной привязки сообществ, интенсивность аффективных связей перестаёт быть неременным условием их устойчивости и основой для солидарности так же, как и постоянство и длительность «членства». Хорошим примером данных тенденций могут служить рассуждения З. Баумана, который в русле своей концепции текучей современности говорит о текучих же сообществах, более подобных сетям с переменным членством, чем прочным единствам. Под несколько иным углом зрения сообщества предстают в дискуссиях по поводу их позитивной / негативной роли в контексте организации публичной сферы.

Таким образом, начиная с исследований Чикагской школы, в социологии и социальной психологии сложилось несколько общих подходов в исследовании человеческих сообществ. Первый представляет сообщество как множественное разнообразие социальных отноше-

*Один из участников исследования Евгений Борисович Гуревич любезно дал согласие на использование в настоящей статье некоторых материалов проделанного им аналитического обзора зарубежной литературы по проблеме, который полностью будет представлен в готовящейся им к публикации статье.

ний в рамках пространственно-географических локализаций. Второй акцентирует внимание на значимости социальных отношений на индивидуальном и социально-групповом уровне. Третий выявляет и апологизирует сообщество в качестве специфического типа отношений между индивидом и обществом, признавая в качестве базовой потребность в чувстве принадлежности. Четвёртый подход актуализирует относительно новый аспект в формировании сообществ, не связанных с пространственными ограничениями – виртуальный.

Учитывая состояние исследованности проблемы, разработка предлагаемых концептуальных положений стала возможной благодаря использованию ряда взаимодополняющих методологических подходов.

Системный подход позволил описать систему сообществ микросоциумов, социализирующие подрастающие поколения. Интегративный подход позволил выявить и систематизировать траектории исследуемого феномена в различных отраслях социогуманитарного знания (педагогике, социологии, антропологии, социальной психологии, этнологии, урбанистике). Амбивалентный подход позволил дать содержательную характеристику позитивным и негативным потенциалам и эффектам социализации под влиянием сообществ микросоциумов различного вида.

В русле заявленных подходов использовался ряд методов исследования.

Теоретические: анализ исследований по заявленной проблеме в социальной педагогике и в других отраслях социогуманитарного знания, а также интернет-ресурсов.

Эмпирические: экспертная оценка, фокус-группы, включённое наблюдение.

Как и любое научное исследование, излагаемое ниже, потребовало определения основных понятий – микросоциум, сообщество, сообщество микросоциума. Анализ литературы, главным образом социологической и социально-педагогической, а также материалов проведённых эмпирических исследований позволил выявить как минимум два вида микросоциумов (что дало возможность дать общее для них определение микросоциума). С одной стороны, микросоциумы можно выделять по их локализации (на основании исследований малого города, посёлка, сельских поселений). С другой, микросоциумами могут рассматриваться с точки зрения социальной педагогики воспитательные организации различного вида (этот вывод основан на анализе исследований православной воскресной школы, общеобразовательной школы, малочисленного детского дома, военизированных учебных заведений, учреждений дополнительного образования, детского круглогодичного санатория) [1–6].

Заключение

В итоге к признакам микросоциума можно отнести: отношение определенной локации к физическому пространству, принцип и способ образования, определённую устойчивость существования и функционирования в социальной среде.

Используя принцип дополнительности, можно предложить следующее определение сообщества микросоциума: это функционирующая на определённой территории общность людей, включающая в себя семьи, группы сверстников, различные соседские связи и неформальные группы, более или менее многообразные общественные, государственные, религиозные, частные, воспитательные, культурные организации (образующие сообщества микросоциума люди и группы имеют определённое отношение к своей локации и ту или иную меру идентификации с ней).

Сообщество микросоциума интересует социальную педагогику, поскольку оно может рассматриваться как один из микрофакторов социализации подрастающих поколений и других возрастных групп. Естественно, необходимой предпосылкой рассмотрения сообщества микросоциума как микрофактора социализации является выявление и характеристика его взаимосвязи с мезофакторами и макрофакторами социализации. Мезо- и макрофакторы в необходимой для этого мере выявлены, изучены и охарактеризованы в результате полидисциплинарного синтеза социологических, этнологических, социально-психологических, криминологических данных [4].

В целом в исследовании сообщества микросоциумов существенную роль играло выявление характеристик того общего, особенного и единичного, которые, с одной стороны, позволяют рассматривать сообщества различного вида, условно говоря, как некий целостный феномен, а с другой – выявлять их «лица необщее выражень». И то, и другое необходимо для разработки социально-педагогических «протоколов» работы с сообществами микросоциумов, учитывая их как общие, так и особенные характеристики. Когда же дело доходит до разработки конкретных проектов работы с воспитательными и иными организациями социальной сферы, необходимо учитывать и единичные характеристики конкретного сообщества микросоциума.

Можно констатировать, что в постсоветской России произошли существенные изменения во взаимосвязи микро-, мезо- и макрофакторов, обусловленные изменением социально-экономических и социально-культурных реалий. Влияние мезо- и макрофакторов на социализирующий потенциал сообщества микросоциума увеличилось, к сожалению, зачастую в негативную сторону. Это оказывает серьёзное влияние на соотношение позитивных и негативных потенциалов в жизнедеятельности сообществ микросоциумов, их содержательное наполнение и эффективность.

Особой проблемой можно считать актуализацию и модернизацию подготовки кадров социальной сферы к работе с сообществами микросоциумов различного вида. Решение её видится как минимум в трёх аспектах. Во-первых, необходимо выявить инвариантные и вариативные характеристики путей, содержания и способов профессиональной подготовки будущих специалистов социальной сферы к работе с сообществами микросоциумов различного вида. Во-вторых, выя-

вить возможности вуза для преодоления разрыва значений и смыслов между субъектами профессиональной социализации в процессе обучения. В-третьих, найти пути минимизации дихотомической трактовки основных профессиональных ценностей – фундаментализма и практикоориентированности профессиональной социализации будущих работников социальной сферы.

Научная новизна, теоретическая и практическая значимость изложенных положений

определяются тем, что впервые дана социально-педагогическая интерпретация сообщества микросоциумов, социализирующих подрастающее поколение. Это стало реальным в результате синтеза социологических, антропологических, этнологических и урбанистических трактовок микросоциума и сообщества, что позволяет в рамках этой интерпретации преодолеть противоречие между фундаментальными и практико-ориентированными теориями.

Список литературы

1. Гейжан Н. Ф., Витольник Г. А. Технология проектирования воспитательной среды в образовательных организациях МВД России // Проблемы современного педагогического образования. – 2016. – № 50-3. – С. 32–40.
2. Душкин А. С. Факторы, влияющие на социально-психологический климат в служебных коллективах органов внутренних дел / Морально-психологическое обеспечение оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел: состояние, проблемы и пути совершенствования : материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 16 декабря 2015 года / Краснодарский университет МВД России. – Краснодар: Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. – С. 47–49.
3. Илакавичус М. Р., Селин П. В. Теоретические основы развития сообщества воспитателей в непрерывном профессиональном образовании сотрудников и педагогических работников суворовских военных училищ МВД России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2021. – № 3 (93). – С. 151–159.
4. Мудрик А. В. Социально-педагогические проблемы социализации : монография. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2016. – 256 с.
5. Никитский М. В. Междисциплинарный анализ и социально-педагогический контекст понятия «городской образ жизни» // Педагогическое образование и наука – 2016. – № 4. – С. 22–26.
6. Никитский М. В., Никитская Е. А. Сообщество микросоциума как социально-педагогический феномен: постановка проблемы // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: Психолого-педагогические науки. – 2020. – № 2 (52). – С. 33–37.
7. Bell C. & Newby H. (1971). Community Studies: An Introduction to the Sociology of the Local Community. 262 p. <https://doi.org/10.4324/9781003213765>
8. Bourke A. Y. Community // Encyclopedia of Urban Studies / Ed. by Ray Hutchinson. Z., NV. Sage, 2010.
9. Elias, N. (1974), Foreword: Towards a Theory of Communities, in C. Bell, H. Newby (editors), The Sociology of Community, London: Frank Cass, pp. IX–XLI.
10. Hillery G. A. Jr. Definitions of Community: Areas of Agreement // Rural Sociology, 1955, vol. 20, № 2, pp.111–123.

References

1. Geizhan N. F., Vitol'nik G. A. Tekhnologiya proektirovaniya vospitatel'noi sredy v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2016. – № 50–3. – S. 32–40.
2. Dushkin, A. S. Faktory, vliyayushchie na sotsial'no-psikhologicheskii klimat v sluzhebnykh kolektivakh organov vnutrennikh del / Mora'l'no-psikhologicheskoe obespechenie operativno-sluzhebnoi deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennikh del: sostoyanie, problemy i puti sovershenstvovaniya : materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Krasnodar, 16 dekabrya 2015 goda / Krasnodarskii universitet MVD Rossii. – Krasnodar: Krasnodarskii universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, 2016. – S. 47–49.
3. Ilakavichus M. R., Selin P. V. Teoreticheskie osnovy razvitiya soobshchestva vospitatelei v nepreryvnom professional'nom obrazovanii sotrudnikov i pedagogicheskikh rabotnikov suvorovskikh voennykh uchilishch MVD Rossii // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2021. – № 3 (93). – S. 151–159.
4. Mudrik A. V. Sotsial'no-pedagogicheskie problemy sotsializatsii: monografiya. – Moskva: Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet, 2016. – 256 s. – ISBN 978-5-4263-0461-1.
5. Nikitskii M. V. Mezhdistsiplinarnyi analiz i sotsial'no-pedagogicheskii kontekst ponyatiya «gorodskoi obraz zhizni» // Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka – 2016. – № 4. – S. 22–26.
6. Nikitskii M. V., Nikitskaya E. A. Soobshchestvo mikrosotsiuma kak sotsial'no-pedagogicheskii fenomen: postanovka problemy // Izvestiya Baltiiskoi gosudarstvennoi akademii rybopromysloвого flota: psikhologo-pedagogicheskie nauki. – 2020. – № 2 (52). – S. 33–37.
7. Bell C. & Newby H. (1971). Community Studies: An Introduction to the Sociology of the Local Community. 262 p. <https://doi.org/10.4324/9781003213765>
8. Bourke A. Y. Community // Encyclopedia of Urban Studies / Ed. by Ray Hutchinson. Z., NV. Sage, 2010.

9. *Elias N.* (1974), Foreword: Towards a Theory of Communities, in C. Bell, H. Newby (editors), *The Sociology of Community*, London: Frank Cass, pp. IX–XLI.

10. *Hillery G.A. Jr.* Definitions of Community: Areas of Agreement // *Rural Sociology*, 1955, vol. 20, № 2, pp. 111–123.

Статья поступила в редакцию 03.03.2022; одобрена после рецензирования 26.05.2022; принята к публикации 03.06.2022.

The article was submitted March 03, 2022; approved after reviewing May 26, 2022; accepted for publication June 03, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Методология и технология профессионального образования

Научная статья
УДК 069.12
doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-172-183

Алла Васильевна Вашкевич
кандидат педагогических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0003-0727-9254>, All281@yandex.ru

Игорь Борисович Бантюков
кандидат юридических наук
<https://orcid.org/0000-0002-3708-8961>, bantig2021@mail.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Музейные пространства МВД как форма воспитания и образования сотрудников органов внутренних дел

Аннотация: В социокультурном пространстве Министерства внутренних дел Российской Федерации особую роль играют ведомственные музеи. Их основная миссия заключается в сохранении накопленного опыта, передаче его будущим поколениям правоохранителей, в образовании и воспитании сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, а также в создании положительного имиджа органов внутренних дел, организации взаимодействия с институтами гражданского общества. Существующие сегодня в системе МВД России музеи истории Госавтоинспекции являются музейными подразделениями ведомственного уровня, выполняют просветительные, образовательные и научные функции, ведут музейно-педагогическую (образовательную, воспитательную, методическую) работу с действующими сотрудниками ГИБДД, обучающимися образовательных организаций системы МВД и другими категориями посетителей. Статья посвящена существующему опыту музейно-просветительской деятельности подразделений органов внутренних дел и перспективам развития ведомственных музеев.

Авторы делают вывод, что музейная работа в органах внутренних дел – это неотъемлемая часть патриотического воспитания не только сотрудников, но и гражданского населения. Освещение работы в интернете сегодня является важной частью работы музеев, так как интернет – это коммуникативное пространство, без которого современный человек не может обойтись. Сегодня в организации музейной работы должны применяться передовые технологии и методики.

В статье использованы возможности визуализации материала (QR-кодирование).

Ключевые слова: ведомственный музей, музейные экспозиции, образовательные возможности музея, музейная педагогика, воспитание, просвещение, патриотизм, преемственность, профессиональная ориентация, пропаганда

Для цитирования: Вашкевич А. В., Бантюков И. Б. Музейные пространства МВД как форма воспитания и образования сотрудников органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 172–183; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-172-183.

Alla V. Vashkevich

Cand. Sci. (Ped.), Docent

<https://orcid.org/0000-0003-0727-9254>, All281@yandex.ru

Igor B. Bantyukov

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0002-3708-8961>, bantig2021@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Museum spaces of the Ministry of Internal Affairs as a form of training and education of police officers

Annotation: Departmental museums play a special role in the socio-cultural reach of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Their main mission is to preserve the accumulated experience, pass it to future generations of law enforcement officers, in the training and education of the police officers, as well as in creating a positive image of the police agencies, and organizing the interaction with civil society institutions. History museums of the State road safety inspection are the units of the agency-level that carry out educational, training and scientific functions, and pedagogical (educational, tutorial, methodological) work with the active traffic police, students of educational institutions of Ministry of internal affairs and other categories of visitors.

The article is dedicated to the actual experience of museum and educational activities of the police departments and the prospects for the development of departmental museums.

The authors conclude that museum work in the law enforcement agencies is an integral part of the patriotic education not only of employees, but also of the general public. The presentation of the museum activities in the Internet today is an important part of the museum work, since the Internet is a communicative space that a person cannot avoid. Currently, the organization of museum events should include the use of advanced technologies and methods responding to the demands society.

The article uses modern possibilities of the content visualization (QR-coding).

Keywords: departmental museum, museum expositions, educational opportunities of the museum, museum pedagogy, education, tutoring, patriotism, continuity, professional orientation, propaganda

For citation: Vashkevich A. V., Bantyukov I. B. Museum spaces of the Ministry of Internal Affairs as a form of training and education of police officers // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – P. 172–183; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-172-183.

Министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции Российской Федерации В. А. Колокольцев в своём приветственном обращении к личному составу и ветеранам ОВД в связи с празднованием 300-летия российской полиции отметил: «Мы возрождаем добрую память о тех, чьи имена несправедливо преданы забвению независимо от эпохи, в которую им выпала честь служить своей стране и её народу. Уважительное отношение к прошлому, анализ достижений предшественников позволяют на-

ходить оптимальные пути решения возложенных на нас задач. На этом прочном фундаменте будут воспитываться и молодые полицейские, которым предстоит вписать новые достойные страницы в историю ведомства»¹.

¹ Текст приветственного обращения министра внутренних дел генерала полиции Российской Федерации В. А. Колокольцева к личному составу и ветеранам органов внутренних дел в связи с празднованием 300-летия российской полиции. – Москва, 2018.

Ведомственные музеи способствуют созданию условий для повышения гражданской ответственности за судьбу страны, консолидации общества для решения задач обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации, укрепления чувства сопричастности граждан к великой истории и культуре России, обеспечения преемственности поколений россиян, воспитания гражданина, любящего свою Родину и семью, имеющего активную жизненную позицию². К задачам пропаганды безопасности дорожного движения относится и формирование положительного имиджа полиции, в том числе Госавтоинспекции МВД России, и укрепление доверия населения к её деятельности, а также привлечение внимания населения к проблемам обеспечения безопасности дорожного движения, выработка наиболее эффективных форм пропаганды безопасности дорожного движения и организация их применения. Именно организация музейной работы помогает успешно решать эти задачи и способствует реализации принципа научности в деле пропаганды безопасности дорожного движения³.

Работа музеев Госавтоинспекции способствует повышению у участников дорожного движения уровня правосознания и правовой культуры в этой области, позволяет проводить работу по пропаганде безопасности на дорогах комплексно, на новом организационном уровне. Это в свою очередь способствует достижению результатов федерального проекта «Безопасность дорожного движения»⁴.

Ведомственные музеи – музеи различного профиля, которые подчиняются министерствам и ведомствам, отвечают задачам представления и содействия развитию какого-либо отраслевого ведомства: силовых ведомств (обороны, внутренних дел и т.д.); научных (например, Академии наук) и общественных организаций (профсоюзов, партий)⁵. В СССР ведомственные музеи организовывались на крупных промышленных предприятиях страны и становились хранителями истории этих предприятий.

Процесс создания ведомственных музеев не обошел и Министерство внутренних дел. «Ещё в 1900 году в Санкт-Петербурге по инициативе градоначальника Н. В. Клейгельса⁶ при

полицейском Резерве был создан Музей Санкт-Петербургской полиции, ставший первым в России музеем такого рода. Нужно отметить, что этот музей стал не просто собранием экспонатов, а “учебной площадкой” для недавно поступивших на работу полицейских. В то время Москва таким “учебным классом” похвастаться не могла.

Интересно, что один из первых ведомственных музеев советских органов внутренних дел – созданный в апреле 1925 года Музей Московского уголовного розыска (МУРа), также совмещал функции сохранения памяти о прошлом с учёбой оперативных работников⁷.

Ещё один известный ведомственный московский музей – Центральный музей МВД России – был открыт для посещения 4 ноября 1981 года в старинном особняке на Селезневской улице в центре Москвы. Экспозиция музея рассказывает об истории создания и развития органов внутренних дел нашей страны, служб и подразделений, входивших ранее и работающих ныне в структуре МВД России.

Богатая история и у Музея Краснознаменной ленинградской милиции, который был открыт 10 ноября 1977 года в старинном здании бывшей зерновой Калашниковской биржи 1906 года постройки. С 1997 года постоянно действующая экспозиция вошла в состав Культурного центра ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. «В залах Музея отражена деятельность Главного управления органов внутренних дел Санкт-Петербурга и Ленинградской области, направленная на выполнение постановлений Правительства Российской Федерации, директив и указаний МВД Российской Федерации по укреплению правопорядка и законности; героические и самоотверженные действия личного состава в борьбе с преступностью, в охране общественного порядка, в выполнении особых задач в “горячих точках” страны, в осуществлении широкой правовой пропаганды среди населения»⁸.

Музей Государственной автомобильной инспекции (ОРУД–ГАИ–ГИБДД) располагается в здании Центра специального назначения в области обеспечения безопасности дорожного движения МВД России (ЦСН БДД МВД России). Музейная экспозиция, посвященная истории образования, становления и развития Госавтоинспекции, разместилась в зале площадью 650 кв. м. Интересен опыт создания этого музея. Его созданию предшествовал четырехлетний период работы по сбору музейных предметов, проектированию, изготовлению экспозиционного оборудования и его монтажу. Откры-

² О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы»: Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 1493 (в ред. от 13 октября 2017 г.).

³ Об утверждении Наставления по организации деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации по пропаганде безопасности дорожного движения: приказ МВД России от 29 декабря 2018 г. № 903.

⁴ Ведомственные музеи [Электронный ресурс] // Сайт «Российская музейная энциклопедия». – URL: http://www.museum.ru/rme/sci_ved.asp (дата обращения: 01.12.2017).

⁵ Там же.

⁶ Николай Васильевич Клейгельс – русский военный и государственный деятель, генерал-адъютант, генерал от кавалерии. В период с 1895 по 1903 гг. – петербургский градоначальник.

⁷ Музей истории Московского уголовного розыска [Электронный ресурс] // Сайт «MoscowWalk.ru – Прогулки по Москве / Музеи». – URL: <http://moscowwalk.ru/cao/tverskoi/museum/mur.html> (дата обращения: 20.06.2017).

⁸ Смородина В. А., Вашкевич А. В. Организационно-педагогические условия укрепления дорожно-транспортной дисциплины в органах внутренних дел: учебное пособие. – Санкт-Петербург: Феникс, 2017. – 224 с. – С. 84.

тие музея в июне 2011 года было приурочено к 75-летию образования службы Госавтоинспекции МВД России.

Рис. 1. Музейные экспозиции при Управлении Госавтоинспекции ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области⁹.

Музей Государственной автомобильной инспекции в Санкт-Петербурге был создан в мае 1998 года. Благодаря тому, что в создании и становлении музея принимали участие специалисты всемирно известных Эрмитажа, Русского музея, Государственного музея истории Санкт-Петербурга, здесь можно встретить уникальные экспонаты и фотографии. Оформление экспозиции отличается оригинальным дизайном; музей оснащен современной техникой и средствами мультимедиа. Особенностью этого музея является то, что он работает не только как выставочное пространство, но и как учебно-пропагандистский класс для обучающихся Санкт-Петербургского университета МВД России, полицейского колледжа, Санкт-Петербургского суворовского училища МВД России, школьных кадетских классов.

Процесс образования ведомственных музеев системы МВД России корнями уходит во времена существования Российской Империи. Изначально музеи открывались непосредственно в самих подразделениях и действовали исключительно как научные и образовательные организации, которые должны были способствовать эффективности служебной деятельности сотрудников. В первую очередь ведомственные музеи и комнаты истории создавались в крупнейших центрах нашей страны – Санкт-Петербурге и Москве, где существуют и по сей день. К сотрудничеству с этими музеями привлекаются специалисты – историки, этнографы, краеведы и т.д. Это не только повышает уровень музея как научно-культурного учреждения, но и даёт возможность наполнить жизнь своих сотрудников, работников и ветеранов новыми яркими впечатлениями. Также нужно отметить, что современные ведомственные музеи сохра-

няют давние традиции – выступают в качестве учебных и методических центров, пропагандистских площадок.

Среди мероприятий по реализации Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы»¹⁰ указано и на необходимость развития музейной педагогики.

Музейная педагогика, как и педагогика в целом, направлена на воспитание и развитие личности. Музейно-педагогический процесс¹¹ представляет собой единую динамичную систему компонентов, определяемых педагогическими категориями (воспитание, развитие, образование, обучение). Музейная педагогика использует те же понятия и категории и подчиняется тем же законам, что и общая педагогика. Поэтому, рассматривая формы, методы, принципы и средства музейной педагогики, можно выделить и технологии музейной педагогики. Сама музейная педагогика может быть рассмотрена как инновационная педагогическая технология уже потому, что в современной педагогике нет однозначного понимания понятия «педагогическая технология». Сегодня существует более 300 определений педагогических технологий различных авторов. Так, М. В. Кларин и В. М. Моныхов понимают педагогическую технологию как совокупность установок, определяющих формы, методы и способы достижения педагогической цели. С. М. Вишнякова, Е. В. Ширшов считают, что педагогическая технология предстает как некий набор технологических процедур, обеспечивающих воспроизводимость и гарантированность результата. Любая технология обучения, по мнению этих авторов, «должна удовлетворять главным методологическим требованиям, таким как: концептуальность, системность, управляемость, эффективность, воспроизводимость» [1].

Современная музейная педагогика использует различные формы, методы и технологии: экскурсия, лекция, консультация, научные чтения (конференции, сессии, заседания), клуб (кружок, студия), конкурс (олимпиада, викторина), встреча с интересным человеком, концерт (литературный вечер, театрализованное представление, киносеанс), праздник, историческая игра¹².

Одной из самых востребованных инновационных технологий является музейно-педа-

¹⁰ О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы»: Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 1493 (в ред. от 13 октября 2017 г.).

¹¹ Музейно-педагогический процесс – это системно организованное и четко направленное взаимодействие музейного педагога и учащегося, обеспечивающее единство развития, воспитания и обучения в условиях музейной среды на основе целостности и общности всех элементов его структуры (музейный педагог, музейный предмет и музейный зритель).

¹² Юхневич М. Ю. Я поведу тебя в музей: учебное пособие по музейной педагогике. – Москва: Министерство культуры РФ; Российский институт культурологии, 2001. – С. 16.

⁹ QR-код – это двухмерный штрих-код, хранящий в себе информацию для быстрого распознавания объекта и получения дополнительной информации по предлагаемой теме. Его можно отсканировать с помощью смартфона или планшета, используя бесплатное приложение для распознавания QR-кодов.

гогическая программа, которая, объединяя два блока – «школа (образовательная организация) в образовательном пространстве музея» и «музейная педагогика в школе (образовательной организации)», – одновременно является также моделью реализации инновационной образовательной практики музея.

Музейно-педагогическая программа, предполагающая творческое взаимодействие музея и педагогов образовательных организаций, позволяет обогатить новым содержанием такие традиционные формы образовательной деятельности, как лекции, экскурсии, дидактические выставки, семинары, включить в образовательный процесс современные видео- и мультимедийные технологии. Обеспечивая поэтапное и последовательное развитие личности, музейно-педагогические программы являются основой моделирования системы взаимодействия музея и системы образования. При этом разработка программы определяется: целью её создания и задачами; адресом (на какую аудиторию она рассчитана); содержанием; формами, средствами и методическими приемами, предлагаемыми для реализации программы; сроками осуществления; результативностью и оценкой эффективности.

Как пример инновационной технологии музейной педагогики можно привести программу музея ОРУД–ГАИ–ГИБДД Санкт-Петербурга, направленную на профилактику детского дорожно-транспортного травматизма. Цель программы – становление правового самосознания учащихся и их готовности к равноправному диалогу о безопасности дорожного движения, что предполагает овладение культурным наследием службы дорожной инспекции. Реализация программы осуществляется образовательными организациями Санкт-Петербурга совместно с музеем ОРУД–ГАИ–ГИБДД, Управлением Госавтоинспекции по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Санкт-Петербургским университетом МВД России, Санкт-Петербургским суворовским военным училищем МВД России. Все перечисленные субъекты участвуют в разработке и обеспечении проекта учебно-методического комплекса образовательных организаций (программы по основам безопасного поведения детей на дорогах и методические рекомендации к ним, слайд-пособия, видеопрограммы) и системой методического анализа хода эксперимента с последующей ежегодной итоговой конференцией учителей-экспериментаторов по обмену опытом¹³.

В рамках программы сложилась последовательность преемственных звеньев диалога: музей – образовательная организация – музей. Реализация программы связана с применением наиболее современных информационных и аудиовизуальных технологий.

Рис. 2. Образовательные функции музея ОРУД–ГАИ–ГИБДД Управления Госавтоинспекции по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области

Психолого-педагогическое сопровождение пребывания юных посетителей в музее ОРУД–ГАИ–ГИБДД предоставляет возможность освоения правил поведения на дороге как реальностей, в которых существует современный человек, и специфических способов общения с сотрудниками Госавтоинспекции, ветеранами, участниками Великой Отечественной войны, обеспечивавшими работу «Дороги жизни» в дни блокады Ленинграда.

Главная миссия музейной педагогики состоит в психолого-педагогическом обеспечении процесса освоения информации, представленной в экспозициях музея, оказании педагогической поддержки в раскрытии историко-культурных смыслов и ценностных значений предметных реалий экспозиций.

Образовательные функции музея ОРУД–ГАИ–ГИБДД реализуются через предоставление юным посетителям таких возможностей, как:

- понять место того или иного экспоната в истории развития дорожного движения в России, становлении службы Госавтоинспекции;
- почувствовать время событий, представленных в экспозиции, через личное эмоционально-художественное восприятие;
- развить интерес к технике и людям, создававшим и обеспечивавшим систему безопасности дорожного движения в России.

Для детей дошкольного и младшего школьного возраста музей предлагает короткие видеосюжеты, тесты на знание правил дорожного движения на компьютере; младшие играют в интерактивных зонах экспозиции, поочередно примеряя роли всех участников движения.

В работе музея используются интерактивные формы работы с различными целевыми аудиториями, постоянно расширяется круг образовательных услуг, предлагаемых посетителям музея. Активно используются выездные формы работы в рамках проводимых публичных профилактических мероприятий, устраиваются передвижные мини-выставки.

Востребованность музейно-образовательных программ, предлагаемых музеем, определяется наличием следующих факторов:

- фонд подлинных материалов;

¹³ Вашкевич А. В., Босоногова Л. В., Смородина В. А. Организационно-правовые и педагогические основы пропаганды безопасности дорожного движения : учебное пособие. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – 164 с.

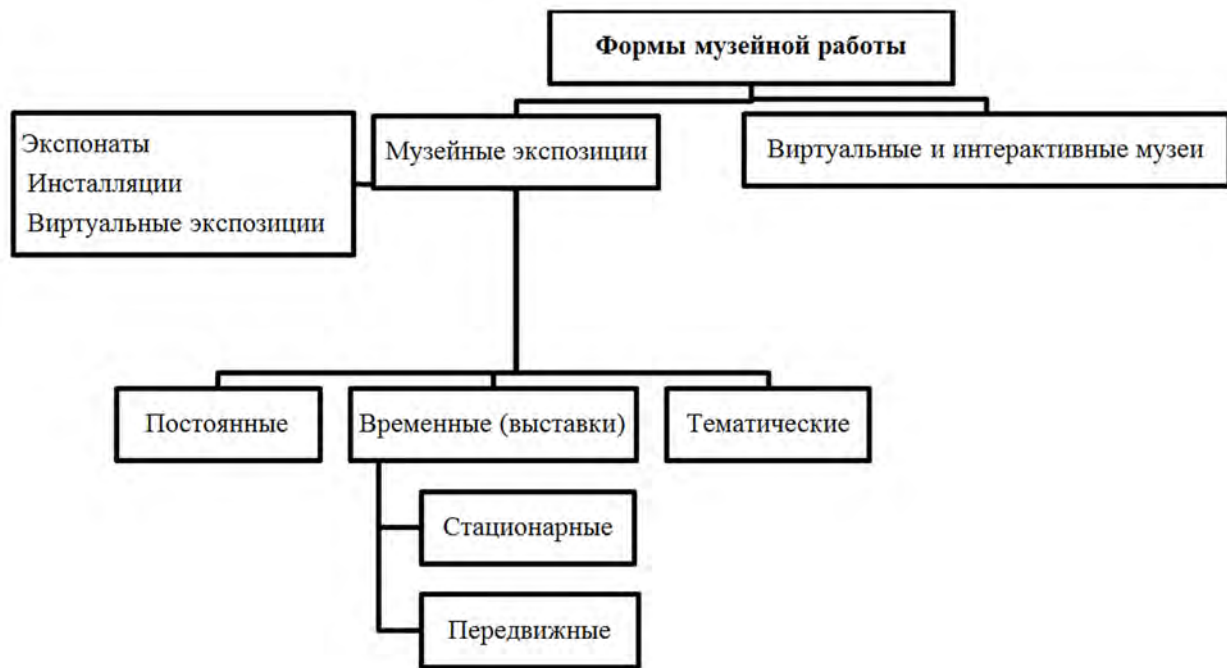

Рис. 3. Формы музейной работы

- библиотека и электронная тематическая подборка видеоматериалов Госфильмофонда;
- сменные тематические экспозиции;
- оборудованное место для углубленной работы посетителей по изучению заинтересовавших их экспонатов;
- партнерство с вузами и музеями Санкт-Петербурга.

Несомненно, ведомственный музей ОРУД–ГАИ–ГИБДД Управления ГИБДД ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области призван стать эффективным инструментом в работе любого грамотного сотрудника отдела пропаганды и профилактики детского дорожно-транспортного травматизма на самых разнообразных мероприятиях, направленных на обеспечение безопасности детей на дороге¹⁴.

Исходя из сложившейся практики музейной работы в МВД России и опыта деятельности различных образовательных организаций, можно рассматривать следующие новые формы музейной работы в органах внутренних дел.

Музейную экспозицию можно определить, как совокупность музейных предметов, подобранных по определенной системе для обозрения. По времени существования музейные экспозиции могут быть *постоянными (ПМЭ)* и *временными*. Временные экспозиции называются *выставками*. Они могут быть стационарными и передвижными – рассчитанными на демонстрацию в различных местах.

В настоящее время выставочная работа в системе органов внутренних дел является важной и актуальной, особенно для образователь-

ных организаций МВД России. Ярким примером взаимодействия кафедры истории права и государства Санкт-Петербургского университета МВД России с Российским государственным историческим архивом, Санкт-Петербургским институтом истории РАН, различными историческими музеями Санкт-Петербурга (Музей обороны и блокады Ленинграда и др.) является опыт организации временных выставок различной тематики, связанных с историей ОВД России, на площадках университета.

Проведение выставок является частью музейной работы. Выставки повышают доступность и общественную значимость музейных фондов, способствуют совершенствованию культурно-образовательной работы музеев, расширяют географию их деятельности.

Рис. 4. Музейная экспозиция в Санкт-Петербургском университете МВД России

В современном музее присутствуют также *виртуальные экспозиции* – показ компьютерных изображений музейных предметов.

¹⁴ Там же.

Одно из ведущих положений среди музейных подразделений в системе МВД России в настоящее время занимает *постоянная музейная экспозиция* (далее – ПМЭ), которая отражает принадлежность к ведомственному уровню. ПМЭ является общедоступным просветительным, образовательным и научным центром.

Постоянная музейная экспозиция осуществляет музейно-педагогическую (образовательную, воспитательную, методическую, пропагандистскую) работу с действующими сотрудниками, курсантами образовательных организаций системы МВД и другими категориями посетителей, научно-исследовательскую, учётно-хранительскую и информационно-справочную деятельность, выполняет функции центра по оказанию методической помощи музейным работникам в системе МВД России.

Наличие ПМЭ и эффективность её деятельности рассматриваются как один из показателей при оценке деятельности подразделения.

Общее руководство деятельностью ПМЭ осуществляет начальник подразделения и его помощник (заместитель) по работе с личным составом или сотрудник подразделения пропаганды БДД. Помощь в организации работы, как правило, оказывают сотрудники подразделения, работающие на общественных началах (специалисты по пропаганде подразделения ГИБДД, инспекторы по делам несовершеннолетних, руководители и проч.), а также ветераны ОВД.

Непосредственное руководство ПМЭ осуществляет куратор, назначаемый (освобождаемый) приказом начальника подразделения.

ПМЭ обеспечивает физическую сохранность и безопасность музейных предметов и музейных коллекций; ведение и сохранность учётной документации, связанной с этими музейными предметами и музейными коллекциями; достоверность и объективность научного описания, использование музейных предметов и музейных коллекций в научных, культурных, образовательных, творческо-производственных целях.

Источниками финансирования ПМЭ являются:

- средства подразделения;
- средства фондов и различных общественных организаций;
- спонсорские взносы и благотворительные пожертвования, целевые поступления от организаций и частных лиц, оформленные соответствующим образом в соответствии с действующим законодательством.

Целями создания ПМЭ являются:

- 1) выявление и собирание предметов и коллекций музейного значения, научно-исторической и технической информации по профилю ПМЭ;
- 2) хранение музейных предметов и музейных коллекций;
- 3) изучение музейных предметов и музейных коллекций; научные исследования по профилю ПМЭ;

4) публикация музейных предметов и музейных коллекций, осуществление просветительной и образовательной деятельности;

5) участие в государственных образовательных и воспитательных программах; реализация Государственных программ (программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» и др.);

6) участие в правовом, профессиональном, нравственном, патриотическом воспитании личного состава органов внутренних дел, школьников и учащейся молодёжи;

7) реконструкция и реставрация исторических механизмов разного рода, связанных с деятельностью сотрудников МВД России, для экспонирования и использования в учебном процессе, пропаганды деятельности служб и подразделений;

8) профессиональная ориентация молодёжи на службу в органы внутренних дел и поступление в образовательные организации МВД России.

Основные задачи ПМЭ:

- изучение истории *органов внутренних дел Российской Федерации*;
- собирание и хранение экспонатов в соответствии с профилем ПМЭ;
- передача профессионального опыта прошлых поколений защитников правопорядка;
- сохранение памяти о героических подвигах сотрудников ОВД, мемориальная работа;
- развитие гражданской и профессиональной ответственности сотрудников;
- нравственно-патриотическое воспитание сотрудников и граждан;
- правовая пропаганда и правовое воспитание;
- обеспечение открытости и доступности деятельности ОВД;
- профессиональная ориентация школьников на службу в ОВД;
- гуманитарное совершенствование, участие в подготовке высококвалифицированных специалистов для органов внутренних дел;
- накопление, анализ и презентация через краткий исторический экскурс, функционального опыта служебной деятельности подразделений Российской полиции, а также полиции зарубежных стран.

В Санкт-Петербургском университете МВД России имеется опыт создания тематической музейной экспозиции в учебной аудитории. Так, кафедрой истории государства и права к 300-летию российской полиции оформлена выставка, посвященная истории органов внутренних дел России, для чего в аудитории по периметру оформлены витрины, стенды, выставлены манекены с образцами форменного обмундирования сотрудников ОВД различных эпох. «27 февраля 2019 г. в тематическом лекционном зале “История полиции Российской империи” начальник кафедры полковник полиции А. А. Удальцов провел встречу с обучающимися на факультете заочного обучения, в рамках которой он кратко рассказал об исто-

рии российской полиции (милиции) и представил гостям экспонаты выставки, образцы формы одежды, возможности мультимедийного оборудования, и перспективы использования возможностей тематического зала»¹⁵.

С развитием цифровых технологий в интернет-среде появились «виртуальные музеи», по своей сути являющиеся интернет-сайтами. По данным Википедии, *виртуальный музей* – тип веб-сайта, оптимизированный для экспозиции музейных материалов. Именно виртуальные музеи представляют собой удачный пример применения интернет-технологий для решения проблем хранения, безопасности и обеспечения широкого, быстрого и лёгкого доступа к экспонатам.

Для создания виртуального музея достаточно приобрести специальное техническое оборудование (компьютерная техника с выходом в интернет). Кроме того, для установки оборудования необходим профессионал – IT-специалист. Организация деятельности виртуального музея позволяет увеличить мотивацию участия молодого поколения в приобщении к изучению исторического и культурного наследия, социально-значимой, проектной, исследовательской деятельности. Виртуальные музеи выполняют коммуникативную, культурно-просветительскую, обучающую и мотивационную функции.

Содержать *виртуальный музей* проще и дешевле, чем реальную музейную экспозицию. Основные затраты по организации работы виртуального музея складываются из стоимости трафика сети интернет и затрат на создание виртуальных выставок с созданием в них интерактивных частей. Сами интерактивные части представляют собой дополнительную информацию в виде аудио-, видеоили текстовой информации, относящейся к объекту экспозиции [2].

Интерактивные музеи. Интерактивный («inter» – это взаимный, «act» – действовать) – означает взаимодействие, диалог с кем-либо. В средах массовой информации и в музейных кругах *интерактивным музеем* обычно называют технически и технологически оснащенный музей, работа которого в первую очередь направлена на диалог с публикой¹⁶. При создании интерактивного музея преследуется цель сделать тему экспозиции более доступной для изучения. Интерактивность – основной методологический приём в работе современного музея, когда он перестает быть только хранилищем, а становится живым организмом в процессе познания.

При создании интерактивной композиции возникает целый ряд проблем: это и место экспозиции, органично вписанное в пространство

подразделения, и отсутствие копий ценных экспонатов, подлинники которых нельзя выставить в интерактивное пространство, поскольку хранение – одна из основных функций музея.

Тем не менее применение этого метода диктуется общим процессом визуализации культуры, который проявляется в значительном увеличении объёма зрительной информации: то, что производило впечатление на старшее поколение, стало неинтересным современной молодёжи.

Часто в арсенале технологий такого музея представлены различные панорамные проекции, виртуальная реальность, аниматрониксы¹⁷ и многое другое. Однако интерактивность далеко не всегда связана с техническими средствами. Все более актуальными становятся интерактивные экскурсии, включающие диалоги с публикой, мастер-классы, викторины, концерты и другие проявления интерактивности, не требующие применения новых компьютерных технологий.

Современная музейная работа в ОВД направлена на то, чтобы стать действующим механизмом культурного пространства, формировать имидж МВД России не только через экспонаты, но и через деятельность. Рациональное сочетание традиционных и интерактивных форм подачи материала позволяет привлечь посетителей, пробудить интерес к музейной экспозиции и воспитать у сотрудников вкус восприятия музейных экспозиций.

Рис. 5. Интерактивная экскурсия в музее ОРУД–ГАИ–ГИБДД с привлечением театра

Музейные сайты также приобретают все более интерактивный характер. Они не только предлагают информацию, но и вовлекают зрителя в общение с музеями через анимированные планы и схемы, видеопанорамы, удобные поисковые системы, игры, чаты, онлайнную торговлю билетами, книгами, сувенирами и др.

¹⁵ Новости МВД [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – URL: https://mvd.ru/upload/site125/obrazovan/kafedra/8/IGP_UMD_10.03.2019.pdf (дата обращения 12.09.2019).

¹⁶ Смородина В. А., Вашкевич А. В. Указ. соч.

¹⁷ Аниматроника – методика, применяемая в кинематографии, мультипликации, компьютерном моделировании для создания спецэффектов подвижных искусственных частей тела человека или животного, когда необходимо создать сложный макет, покадровая съёмка которого невозможна.

Здесь нужно сказать о воплощении в жизнь таких принципов деятельности полиции, как открытость и доступность, а также применение современных достижений науки и техники: «Деятельность полиции является открытой для общества в той мере, в какой это не противоречит требованиям законодательства Российской Федерации, поэтому она нуждается в современных коммуникативных технологиях»¹⁸.

По данным сайта «Карта музеев МВД России»¹⁹, сегодня музейная сеть МВД России насчитывает более 80 официально оформленных и постоянно функционирующих музеев и комнат истории, то есть практически в каждом регионе Российской Федерации, в каждом подразделении и ведомстве ОВД ведется музейная работа.

На официальном сайте МВД России мы можем видеть ссылку на сайт того или иного подразделения, где работает музей. Анализ показывает, что далеко не все подразделения, в которых ведется музейная работа, освещают эту деятельность в интернете.

Стоит отметить, что у Центрального музея МВД России нет своего сайта. Информация об этом объекте размещена на страничке официального сайта МВД России. Там есть рассказ об истории образования музея, о коллекции, которая собрана. Указан режим работы и контактные данные руководства. Полагаем, что Центральный музей МВД России должен иметь отдельный сайт, так как является *головным* в сети музеев ведомства²⁰. Информация, содержащаяся на сайте МВД России, может не заинтересовать потенциальных посетителей, так как содержит в себе мало фотографий, не достаточно полно описывает коллекцию музея и его историю.

Информация о музее представлена на сайте Управления МВД по Курганской области в отдельной вкладке. Можно увидеть путеводитель по музею, где подробно рассказана история милиции субъекта, представлены фотографии личностей, которые, по мнению историков, внесли весомый вклад в развитие области, а также фотографии экспозиций. Особого внимания заслуживают женщины-милиционеры, которые в годы Великой Отечественной войны героически сражались за Родину. Отдельным документом на сайте представлена книга «Люди чести и долга», которая рассказывает о сотрудниках,

удостоенных высших государственных наград Советского Союза и Российской Федерации. Книга выпущена под редакцией Совета ветеранов Курганской области и хранится в музее.

Свою страницу в интернете имеет и Музей истории милиции Культурного центра ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. На сайте рассказывается об истории образования музея, приводится описание экспозиций четырёх залов. Там же представлены фотографии залов, исторически значимых личностей, можно увидеть схему музея, режим его работы и адрес.

Музей УМВД России по Калининградской области представлен на сайте подразделения лишь фотографиями сотрудников с посетителями. Однако ссылка направляет пользователя не сразу на страницу музея, а на сайт культурного центра. К сожалению, на сайте нет ни режима работы, ни адреса, ни истории создания.

Музей истории органов внутренних дел по Новгородской области можно увидеть на сайте УМВД по Новгородской области. В отдельной вкладке пользователь может ознакомиться с историей образования музея и его экспозицией. Здесь представлены интересное описание предметов, находящихся на выставке, их происхождение и история появления в музее, много фотографий.

Музей истории Министерства внутренних дел по Республике Дагестан функционирует с мая 2004 года. Его экспонаты (более 1300) рассказывают о богатой на события истории МВД Дагестана. На сайте рассказана только история образования музея и указаны контактные телефоны.

В отличие от других музейных образовательных системы МВД России, которые располагаются на сайтах своих подразделений, Музей ГУ МВД России по Нижегородской области имеет свой собственный сайт. При переходе по ссылке пользователю предлагается интерактивно перемещаться по территории ГУ МВД России по Нижегородской области и при помощи указателей попасть в сам музей. Зайдя на сайт, человек может в буквальном смысле посетить музей этого подразделения. Экспозиция рассказывает об истории развития милиции Нижегородской области, реформировании её на различных этапах развития нашего государства, а также о сотрудниках, удостоенных высших государственных наград. Интерактивный путеводитель показывает, куда повернуть, чтобы осмотреть все экспонаты, находящиеся в музее. Полагаем, что это наиболее рациональная форма презентации музея, так как пользователь ощущает, воспринимает всю информацию в режиме реального времени.

Важно отметить, что из восьмидесяти постоянно функционирующих музеев подразделений МВД России собственные сайты в интернете имеют лишь шесть.

В то же время нельзя забывать о различных видах средств массовой информации – как печатных, так и электронных (сетевых изданиях),

¹⁸ О полиции : Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ.

¹⁹ Карта музеев МВД России [Электронный ресурс] // Официальный сайт МВД России. – URL: <https://мвд.рф/history/карта-музеев-мвд-россии> (дата обращения 28.09.2019).

²⁰ Музей, являющийся научно-методическим центром по отношению к определённой группе музеев и комнат истории, оказывающий им консультационную помощь в вопросах экспозиционной, просветительной и фондовой работы, связанной с историей и современной деятельностью органов внутренних дел. См.: п. 10 Положения об организации деятельности музеев и комнат истории органов внутренних дел Российской Федерации, утверждённого приказом МВД России от 24 декабря 2008 г. № 1145.

деятельность которых направлена на информирование публики о текущих событиях в обществе. СМИ играют большую роль в популяризации и пробуждении интереса к ведомственным музеям у различных целевых аудиторий.

Таким образом, можно сделать вывод, что музейная работа в органах внутренних дел – это неотъемлемая часть патриотического воспитания не только сотрудников, но и гражданского

населения. Освещение работы в интернете сегодня является важной частью работы музеев, так как интернет – это коммуникативное пространство, без которого современный человек не может обойтись. *В современных условиях организация музейной работы должна использовать передовые технологии и методики в соответствии с запросами современного общества.*

Список литературы

1. Кетова Л. М. Музейная педагогика как инновационная педагогическая технология // Человек в мире культуры. – 2012. – № 4. – С. 76–81.
2. Милайкин Е. О. Виртуальные музеи: история и применяемые технологии // Студенческий : электронный научный журнал. – 2017. – № 19-1 (19). – С. 51–52 [Электронный ресурс] – URL: <https://sibac.info/journal/student/19/89660> (дата обращения: 06.10.2019).
3. Авдеев М. В. Российские виртуальные музеи: требования и способы реализации // Молодёжный вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2016. – № 2 (6). – С. 89–92.
4. Андреев А. Ю., Воеводин В. В., Никитенко Д. А. Технологии создания виртуального музея истории Московского университета // Тезисы докладов Всероссийской научной конференции «Научный сервис в сети Интернет». – Москва: Издательство Московского университета, 2001. – С. 21–22.
5. Бурлакова Ю. В., Быкова Н. С. Виртуальный музей: технология создания и реализации // NovaInfo. – 2016. – Т. 1. – № 48. – С. 202–209 [Электронный ресурс]. – URL: <https://novainfo.ru/article/7061> (дата обращения: 11.05.2022).
6. Василина Д. С. Виртуальный музей как феномен современной культуры // Международный журнал исследований культуры. – 2016. – № 3 (24). – С. 96–102.
7. Востряков Л. Е. Государственная культурная политика: понятия и модели : монография. – Санкт-Петербург: СЗИ РАХНиГС, 2011. – 168 с.
8. Гендина Н. И., Колкова Н. И., Алдохина О. И. Создание эффективного официального сайта объекта культуры: от эмпирики к разработке и реализации научно-обоснованной концепции // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2010. – № 12. – С. 87–104.
9. Генова Н. М. Культурная политика в системе инфраструктуры культуры региона : монография. – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2011. – 288 с.
10. Грязнова Е. В., Урсул А. Д. Информация и виртуальная реальность: концептуальные основания проблемы. – Нижний Новгород: ННГАСУ, 2012. – 159 с.
11. Дремайлов А. В., Костянян С. А., Пахомова Е. И. Музеи Московского Кремля: ожидания посетителей и информационные услуги // Обсерватория культуры. – 2010. – № 1 (январь–февраль). – С. 63–71.
12. Жидков В. С., Соколов К. Б. Культурная политика России: теория и история. – Москва: Издательский сервис, 2001. – 591 с.
13. Колесников Ю. Л., Шеламова Т. В., Щербакова И. Ю. Опыт создания виртуального музея университета и перспективы его использования в образовательной среде / Актуальные проблемы вузовских музеев. – Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. – С. 29–30.
14. Лебедев А. В. Виртуальные музеи и виртуализация музея // Мир музея. – 2010. – № 10. – С. 5–9.
15. Максимова Т. Е. Виртуальные музеи: анализ термина // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2014. – № 14 (136). – С. 163–169.
16. Максимова Т. Е. Виртуальные музеи: анализ понятия // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 2 (46). – С. 196–200.
17. Максимова Т. Е. Виртуальные музеи: подходы к типологии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 4 (48). – С. 186–190.
18. Максимова Т. Е. Виртуальные музеи: типология и функциональная специфика : монография. – Москва: Экон-Информ, 2014. – С. 160.
19. Наумова И. В. Виртуальный музей как один из методов обучения // Молодой учёный. – 2019. – № 46 (284). – С. 293–294. – URL: <https://moluch.ru/archive/284/64067/> (дата обращения: 11.05.2022)
20. Наумова И. В. Что такое виртуальный музей и зачем он современному обществу // Молодой учёный. – 2020. – № 8 (298). – С. 224–225. – URL: <https://moluch.ru/archive/298/67558/> (дата обращения: 11.05.2022).

21. *Несговорова Г. П.* Обзор виртуальных музеев в сети интернет // Методы конструирования и оптимизации программ : сборник статей. – Новосибирск: Институт систем информатики им. А. П. Ершова СО РАН, 2005. – С. 161–172.
22. *Нургалева Л. В.* Виртуальный музей: новая коммуникационная модель : монография. – Москва: Наука, 2013. – 220 с.
23. *Румянцев М. В., Степненко Л. Ю.* Феномен виртуального музея // Философия без окраин : сборник научных трудов. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2008. – С. 126–134.
24. *Смирнова Т.* Виртуальный музей в современном культурно-информационном пространстве // Музей. – 2010. – № 8. – С. 24–26.
25. *Смолян Г. Л., Цыгичко В. Н., Хан-Магомедов Д. Д.* Интернет в России: перспективы развития. – Москва: УРСС, 2004. – 199 с.

References

1. *Ketova L. M.* Muzeynaya pedagogika kak innovatsionnaya pedagogicheskaya tekhnologiya // Chelovek v mire kul'tury. – 2012. – № 4. – С. 76–81.
2. *Milaykin Ye. O.* Virtual'nyye muzei: istoriya i primenyayemye tekhnologii // Studencheskiy : elektronnyy nauchnyy zhurnal. – 2017. – № 19-1 (19). – С. 51–52 [Elektronnyy resurs] – URL: <https://sibac.info/journal/student/19/89660> (data obrashcheniya: 06.10.2019).
3. *Avdeyev M. V.* Rossiyskiye virtual'nyye muzei: trebovaniya i sposoby realizatsii // Molodozhnyy vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. – 2016. – № 2 (6). – С. 89–92.
4. *Andreyev A. Yu., Voyevodin V. V., Nikitenko D. A.* Tekhnologii sozdaniya virtual'nogo muzeya istorii Moskovskogo universiteta // Tezisy dokladov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii «Nauchnyy servis v seti Internet». – Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2001. – С. 21–22.
5. *Burlakova Yu. V., Bykova N. S.* Virtual'nyy muzey: tekhnologiya sozdaniya i realizatsii // NovaInfo, – 2016. – Т. 1. – № 48. – С. 202–209 [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://novainfo.ru/article/7061> (data obrashcheniya: 11.05.2022).
6. *Vasilina D. S.* Virtual'nyy muzey kak fenomen sovremennoy kul'tury // Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury. – 2016. – № 3 (24). – С. 96–102.
7. *Vostryakov L. Ye.* Gosudarstvennaya kul'turnaya politika: ponyatiya i modeli : monografiya. – Sankt-Peterburg: SZI RAKHNiGS, 2011. – 168 s.
8. *Gendina N. I., Kolkova N. I., Aldokhina O. I.* Sozdaniye effektivnogo ofitsial'nogo sayta ob»yekta kul'tury: ot empiriki k razrabotke i realizatsii nauchno-obosnovannoy kontseptsii // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. -- 2010. – № 12. – С. 87–104.
9. *Genova H. M.* Kul'turnaya politika v sisteme infrastruktury kul'tury regiona : monografiya. – Omsk: Omskiy gosudarstvennyy universitet im. F.M. Dostoyevskogo, 2011. – 288 s.
10. *Gryaznova Ye. V., Ursul A. D.* Informatsiya i virtual'naya real'nost': kontseptual'nyye osnovaniya problemy. – Nizhniy Novgorod: NNGASU, 2012. – 159 s.
11. *Dremaylov A. V., Kostanyan S. A., Pakhomova Ye. I.* Muzei Moskovskogo Kremlya: ozhidaniya posetiteley i informatsionnyye uslugi // Observatoriya kul'tury. – 2010. – № 1 (yanvar'–fevral'). – С. 63–71.
12. *Zhidkov B. C., Sokolov K. B.* Kul'turnaya politika Rossii: teoriya i istoriya. – Moskva: Izdatel'skiy servis, 2001. – 591 s.
13. *Kolesnikov Yu. L., Shelamova T. B., Shcherbakova I. Yu.* Opyt sozdaniya virtual'nogo muzeya universiteta i perspektivy yego ispol'zovaniya v obrazovatel'noy srede // Aktual'nyye problemy vuzovskikh muzeyev. – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo RGPU im. A. I. Gertsena, 2004. – С. 29–30.
14. *Lebedev A. V.* Virtual'nyye muzei i virtualizatsiya muzeya // Mir muzeya. 2010. – № 10. – С. 5–9.
15. *Maksimova T. Ye.* Virtual'nyye muzei: analiz termina // Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedeniye. – 2014. – № 14 (136). – С. 163–169.
16. *Maksimova T. Ye.* Virtual'nyye muzei: analiz ponyatiya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2012. – № 2 (46). – С. 196–200.
17. *Maksimova T. Ye.* Virtual'nyye muzei: podkhody k tipologii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2012. – № 4 (48). – С. 186–190.
18. *Maksimova T. Ye.* Virtual'nyye muzei: tipologiya i funktsional'naya spetsifika : monografiya. – Moskva: Ekon-Inform, 2014. – С. 160.
19. *Naumova I. V.* Virtual'nyy muzey kak odin iz metodov obucheniya // Molodoy uchonyy. – 2019. – № 46 (284). – С. 293–294. – URL: <https://moluch.ru/archive/284/64067/> (data obrashcheniya: 11.05.2022)
20. *Naumova I. V.* Chto takoye virtual'nyy muzey i zachem on sovremennomu obshchestvu // Molodoy uchonyy. – 2020. – № 8 (298). – С. 224–225. – URL: <https://moluch.ru/archive/298/67558/> (data obrashcheniya: 11.05.2022).

21. *Nesgovorova G. P.* Obzor virtual'nykh muzeyev v seti internet // *Metody konstruirovaniya i optimizatsii programm : sbornik statey.* – Novosibirsk: Institut sistem informatiki im. A. P. Yershova SO RAN, 2005. – S. 161–172.

22. *Nurgaleyeva L. V.* Virtual'nyy muzey: novaya kommunikatsionnaya model' : monografiya. – Moskva: Nauka, 2013. – 220 s.

23. *Rumyantsev M. V., Stepnenko L. Yu.* Fenomen virtual'nogo muzeya // *Filosofiya bez okrain : sbornik nauchnykh trudov.* – Krasnoyarsk: Sibirskiy federal'nyy universitet, 2008. – S. 126–134.

24. *Smirnova T.* Virtual'nyy muzey v sovremennom kul'turno-informatsionnom prostranstve // *Muzey.* – 2010. – № 8. – S. 24–26.

25. *Smolyan G. L., Tsygichko V. H., Khan-Magomedov D. D.* Internet v Rossii: perspektivy razvitiya. – Moskva: URSS, 2004. – 199 s.

Статья поступила в редакцию 16.03.2022; одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 12.05.2022.

The article was submitted March 16, 2022; approved after reviewing April 11, 2022; accepted for publication May 12, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 374.1
doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-184-190

Марина Римантасовна Илакавичус

доктор педагогических наук

<https://orcid.org/0000-0003-4706-2877>, marinaorlova_99@inbox.ru

Татьяна Анатольевна Самойлова

<https://orcid.org/0000-0002-5694-708X>, samoylova-tati@inbox.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Проблема выбора методологии в исследованиях иноязычной подготовки в организациях высшего образования МВД России

Аннотация. В статье осуществлён анализ научных исследований, посвящённых теории и практике обучения иностранному языку в неязыковых вузах на предмет выявления методологических подходов, оцененных специалистами как эффективные, освещён аспект их комбинации при использовании. Объединяющим авторов концептуальным положением является признание иноязычной компетентности элементом профессиональной компетентности, объединяющей общие и специальные компетенции, нацеленные на решение профессиональных задач. Проведённый анализ позволил выявить в качестве основного методологического подхода компетентностный. Отдельную группу составляют подходы, ориентированные на осмысление иных культур. Однако в рамках концепции непрерывного опережающего образования взрослых обоснована необходимость организации освоения широкого спектра знаний, необходимых не только для выполнения профессиональных обязанностей, но и для обучения способам построения индивидуальной траектории непрерывного образования, включения в разноформатные информационные среды. В образовательных организациях МВД России задача иноязычной подготовки может рассматриваться как восполнение гуманитарной компоненты. В данном контексте особое внимание уделяется созданию условий для формирования личностного смысла освоения иностранного языка не только для профессиональной деятельности, но и как инструмента постижения полифонии многокультурного мира, инструмента ознакомления с разными точками зрения на этот мир, заключёнными в культуре и обычаях других народов, то есть как способа личностного развития.

Ключевые слова: иноязычная подготовка; организации высшего образования МВД России; образование взрослых; методологические подходы; профессиональные компетенции; опережающее образование; сотрудник МВД

Для цитирования: Илакавичус М. Р., Самойлова Т. А. Проблема выбора методологии в исследованиях иноязычной подготовки в организациях высшего образования МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 184–190; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-184-190.

Marina R. Ilakavicius

Doctor Sci. (Ped.)

<https://orcid.org/0000-0003-4706-2877>, marinaorlova_99@inbox.ru

Tatyana A. Samoylova

<https://orcid.org/0000-0002-5694-708X>, samoylova-tati@inbox.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

The problem of choosing a methodology in research on foreign language training in higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Annotation. The article analyzes scientific research on the theory and practice on foreign language training in non-linguistic higher education institutions in order to identify methodological approaches evaluated by experts as effective, and highlights the aspect of their combination. The conception that unites the authors is the recognition of foreign language competence an element of professional competence, which combines general and special competencies aimed at solving professional problems. The analysis made it possible to identify the competence-based approach as the main methodological one.

A separate group of approaches is focused on the exploration of different cultures. However, within the framework of the concept of continuous advanced adult education, the need to organize the development of a wide range of knowledge is necessary not only for professional duties performance, but also for building an individual trajectory of life-long education, an involvement into diverse information environments.

In educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the task of foreign language training can be regarded as a replenishment of the humanitarian component. In educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the task of foreign language training can be regarded as a replenishment of the humanitarian component. In this context, special attention is paid to the conditions creating a personal meaning of learning a foreign language not only for professional activities, but also as a tool for comprehending the polyphony of multicultural world, a way to get acquainted with different perspectives, including foreign cultures and customs, as a way of personal development.

Keywords: foreign language training, higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia, adult education, methodological approaches, professional competencies, proactive training, officer of the Ministry of Internal Affairs

For citation: Ilakavicius M. R., Samoylova T. A. The problem of choosing a methodology in research on foreign language training in higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – P. 184–190; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-184-190.

Как указывают Я. И. Кузьминов и И. Д. Фрумин, высшее образование во многом определяет интеллектуальный потенциал страны, поэтому мы переживаем радикальную перестройку сети организаций, образовательных программ [1, с. 10]. Общество и государство обращается к высшему образованию с определённым запросом на новые образовательные результаты. Профессиональные компетенции не утратили своего значения, однако в контексте гуманистической идеи необходимости развития человеческого потенциала страны в целом и каждого гражданина в частности обучение «под рабочее место» не является достаточным. От выпускников любого вуза ждут сформированных так называемых универсальных компетенций, soft skills и т.п. Интерпретации содержания этого аспекта результатов образования разнятся, однако наиболее часто упоминаемыми являются умение выстраивать конструктивную коммуникацию, критически мыслить, иметь эмоциональный и социальный интеллект, креативность. В последнее пятилетие активно упоминается и медиаграмотность – владение информационными технологиями, понимание «социокультурных, общественно-политических

и межкультурных реалий поликультурного взаимодействия» [2, с. 64]. Организации высшего образования МВД России не являются исключением. Скорее, наоборот, для продуктивного выполнения служебных обязанностей сегодня как никогда именно эти результаты выходят на первое место в правоохранительной деятельности.

Развитие высшего образования во многом зависит от реализации принципов образования взрослых, теория которого не первое десятилетие указывает на необходимость перестройки образовательного процесса в ориентации на вызовы будущего. Так, научной школой Института образования взрослых РАО в начале 2000-х была разработана концепция опережающего образования взрослых. Суть заявленных в ней изменений состояла в «развитии образования в контексте прогнозируемых изменений в сфере технологии, экономики, политики, культуры, которые, в свою очередь, окажут прямое или косвенное влияние на содержание и структуру образовательных потребностей различных категорий населения» [3, с. 22]. Была обоснована необходимость организации освоения широкого спектра знаний, необходимых для выполнения профессиональных обязанностей, инди-

видуализации, обучения способам построения индивидуальной траектории непрерывного образования, включения в разноформатные информационные среды. Под содержанием опережающего обучения взрослых было предложено понимать «систему развития человека на основе приобретения и освоения фундаментального ядра знаний и опыта учебно-познавательной деятельности в процессе непрерывного образования, формирование потенциала интеллектуальной компетентности и самореализации в профессиональной, социокультурной и досуговой среде» [3, с. 27].

Еще одна стратегия развития образования взрослых – проактивное обучение. Понятие пришло в педагогику из психологии. «Проактивность отражает уровень самодетерминации поведения человека и выступает важнейшим ресурсом личности, который лежит в основе оптимального функционирования. Проактивность можно рассматривать в четырех аспектах: как теоретико-методологическое положение о природе человека..., согласно которому люди имеют свободу в выборе способов поведения в противоположность реактивности, при которой поведение определено исключительно внешними детерминантами; как черту личности...; как установку...; как процесс совладания с потенциальными трудными жизненными ситуациями» [4, с. 68]. Процесс обучения тогда проактивен, когда обучающийся осознанно вовлечён в образование, что позволяет ему как ставить самому, так и принимать предлагаемые специалистами развивающие, долгосрочные цели познания и наращивания опыта. «Применение проактивной стратегии обучения обеспечивает приобретение знаний вместе с технологией и искусством их производства. В таком понимании получаемое знание не является самооценностью, оно используется как технология для производства новых знаний» [5, с. 468]. Обозревая многочисленные идеальные модели результатов высшего образования, специалисты говорят о необходимости осознания масштабов этих результатов, их ценностных основ. «Нам нужны взрослые, умеющие взаимодействовать ради достижения общей цели, находить нестандартные решения в сложной ситуации, что основывается на умении работать с информацией, выстраивать коммуникацию, понимать социокультурный контекст конкретной ситуации» [1, с. 257]. А это неизбежно выходит на проблематику совмещения индивидуализации и обучения работе в команде.

Иноязычная подготовка в неязыковых вузах решает не только задачу формирования у выпускника компетенции общения с иностранными коллегами на профессиональные темы и с гражданами иных государств, но и оснащает его инструментом доступа ко всей полноте источников необходимой информации, её оценке и использованию в решении самых разных жизненных проблем. Педагогические исследования в этой области решают задачу проектирования образовательного процесса, отвечающего современным представлениям о взрослом чело-

веке как труженике-творце, субъекте культуры, развивающемся и включенном в развитие общества. Продуктивность предлагаемых наукой моделей иноязычной подготовки во многом зависит от методологии. Мы проанализировали имеющиеся научные результаты на предмет выявления подходов, оценённых специалистами как эффективные [6].

Материалом для анализа послужили тексты 31 автореферата диссертаций в указанной предметной области за последнее десятилетие. Они были посвящены не только организациям высшего образования МВД России, однако все авторы решали задачу совершенствования иноязычной подготовки в ориентации на современные реалии. Исследовались модели формирования иноязычной компетенции и проблемы отбора содержания учебного материала с учётом квалификационных требований по подготовке курсантов вузов МЧС (Н. Е. Аланичева), студентов направления подготовки «Нефтегазовое дело» (Н. В. Багрецова), морских специалистов (Л. Г. Ступина), будущих врачей (А. С. Сивцева, Е. О. Петрова), будущих химиков к профессиональной деятельности в условиях технопарков (О. В. Мишутина), специалистов-судоводителей (И. Д. Кожевникова), студентов направления подготовки «Технология производства и переработки сельскохозяйственной продукции» (Ю. В. Токмакова), бакалавров технического профиля (Ю. О. Тигина). Проблемы формирования различных аспектов иноязычной компетенции в профессиональной деятельности получили развитие в работах Л. А. Гаспарян, Т. П. Фроловой. Влияние различных технологий и средств обучения на развитие необходимых компетенций и профессионально важных качеств проведён в исследованиях А. З. Насихановой, А. В. Малаевой, М. В. Любиной, Т. В. Байдиковой, О. С. Жеребкиной, Г. М. Махутовой, А. Г. Ковалевой, А. Г. Обскова, А. О. Багатеевой. Формированию, активизации и интенсификации иноязычной подготовки как одному из важных компонентов вузовского образования посвящены исследования Л. Г. Рудометовой, Э. И. Назмиевой, А. А. Катекиной, Ж. С. Пустоваловой, О. С. Присмотровой.

Авторы исследуют процесс либо иноязычной подготовки, либо формирования иноязычной компетенции (оба термина можно расценивать в данном контексте как синонимичные). Так, А. З. Насиханова рассматривает иноязычную компетенцию студентов неязыковых профилей подготовки «как готовность и способность к выполнению коммуникативной деятельности на иностранном языке, позволяющую свободно ориентироваться в профессиональной ситуации и выстраивать поведение, основанное на стремлении к постоянному самосовершенствованию»¹. М. А. Исаева описывает

¹ Насиханова А. З. Формирование иноязычной компетенции студентов на основе междисциплинарного образовательного проекта : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Насиханова Астра Захаровна. – Махачкала, 2019. – 22 с.

Рейтинг методологических подходов, используемых в исследованиях иноязычной подготовки обучающихся неязыковых организаций высшего образования

№	Наименование методологического подхода	Количество исследований, основанных на данном подходе
1	Компетентностный	21
2	Личностно-ориентированный	14
3	Системный	12
4	Коммуникативный	10
5	Личностно-деятельностный	9
6	Контекстный	7
7	Системно-деятельностный	6
8	Деятельностный/деятельностно-ориентированный	6
9	Интегративный/междисциплинарный	6
10	Проблемный	3
11	Социокультурный	3
12	Культуро-компетентностный	3
13	Коммуникативно-деятельностный	3

иноязычную коммуникативную компетенцию как «способность и готовность ... к осуществлению иноязычной профессиональной и обиходной коммуникации, основанных на владении лингвистической, социокультурной, коммуникативной компетенциями, обеспечивающих эффективность профессиональной деятельности». Указанная готовность обуславливается специалистами, поликультурным обществом, межкультурной коммуникацией как его характеристика. Еще одним объединяющим авторов концептуальным положением является признание иноязычной компетентности элементом профессиональной компетентности, объединяющей общие и специальные компетенции, нацеленные на решение профессиональных задач. Проявление иноязычной компетенции / готовности заявляется авторами как «позитивная динамика развития у обучающихся ценностно-смысловой, общекультурной и профессиональных компетенций на уровне владения иностранным языком для осуществления конкретной профессиональной деятельности»². То есть выпускник должен быть в состоянии использовать языковые средства для использования информационно-коммуникационных технологий, анализировать и систематизировать административные, нормативно-правовые, финансовые документы на иностранном языке, осуществлять устную и письменную коммуникацию с зарубежными партнерами в совместных проектах, проводить деловые встречи, переговоры с учётом культурных особенностей; проводить самоанализ с целью планирования совершенствования своих профессионально-языковых навыков³ [9]. Все

перечисленное в полной мере можно отнести и к выпускникам организаций высшего образования МВД России.

Проведённый анализ позволил выявить в качестве основного методологического подхода компетентностный. Он лидирует, опережая личностно-ориентированный на 7 пунктов. (см. табл. 1).

Этот факт не вызывает удивления. Как отмечает Т. А. Слободчикова, «в связи с реформированием системы МВД в подведомственных её вузах произошли значительные системные изменения, которые обеспечили условия для интеграции в “знаниевую” и “деятельностную” педагогическую образовательную систему компетентностного подхода как основного компонента, необходимого для подготовки высокопрофессиональных специалистов, обладающих профессиональными знаниями, умениями и владениями» [7].

Однако годы использования данного подхода в теоретических исследованиях и в практической подготовке позволили выявить определённые риски. Так, С. С. Мирошников и А. С. Мирошников, обозревая соответствующую аналитику по образовательным организациям МВД России, пишут о проблемах определения соотношения общекультурных и профессиональных компетенций друг с другом, с учебными дисциплинами, отсутствия ясности в логике их формирования, взаимовлияния, «что ведёт к неоднозначному пониманию преподавателями и курсантами задач обучения отдельным учебным дисциплинам» [8, с. 39]. Авторы ссылаются и на мнение Е. А. Пушилиной, который видит проблему реализации данного подхода в образовательных организациях МВД России в «несогласованности вклада разных направлений учебно-воспитательного процесса в формирование профессиональной компетентности курсантов» [8, с. 39]. С. С. Мирошников и А. С. Мирошников указывают и на еще один риск – коммуникативный: «Совре-

² Рудомётова Л. Т. Формирование иноязычной компетентности будущих специалистов в процессе профессиональной подготовки в неязыковом вузе : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Рудомётова Лилия Тарасовна. – Кемерово, 2014. – 22 с.

³ Захарченко М. В. Формирование иноязычной компетенции бакалавров государственного и муниципального управления на основе системно-кластерного подхода : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Захарченко Марина Владимировна. – Орёл, 2020. – 23 с.

менные условия обучения на фоне существенной доли самостоятельной работы учащихся не вполне благоприятны для личностного и профессионального развития учащихся вузов (в частности, становления их коммуникативных навыков)» [8, с. 37–41].

Этими несогласованностями, отнюдь не способствующими гуманизации высшего образования, решающего задачу развития человеческого потенциала, на наш взгляд, объясняется актуальность личностно-ориентированного подхода, дополняемого личностно-деятельностным, которые обеспечивают «понимание смысла и значимости овладения иностранным языком как профессиональной ценности, позволяют свободно ориентироваться в профессиональной ситуации, направлены на формирование умений работать в команде, критически оценивать результаты профессиональной коммуникативной деятельности, поддерживать эффективные межличностные отношения»⁴. Подобная методологическая интеграция позволяет увидеть иностранный язык как предмет, «являющийся проводником специальных знаний в реализации профессиональной образовательной программы. В этой связи обучение профессионально-ориентированному иноязычному диалогическому говорению включает освоение студентами умений ролевого поведения в социально значимых с профессиональной точки зрения ситуациях иноязычного общения»⁵.

В рамках профессионального образования логичным выглядит использование контекстного и проблемного подхода. Первый обеспечивает «поэтапное вхождение обучающихся в профессиональную деятельность через прохождение ими учебной, квазипрофессиональной, учебно-профессиональной деятельности, где знания, умения, навыки сообщаются как средства решения задач профессиональной деятельности специалиста. Использование контекстного подхода в процессе формирования иноязычной коммуникативной компетентности ... эффективно тем, что в учебном процессе создаётся контекст предметного и социального содержания профессиональной коммуникативной деятельности»⁶. Проблемный подход «способствует реализации проблематизации в обучении иноязычному аудированию, обеспечивая формирование и развитие коммуникативных творческих умений иноязычного аудирования (восприятие информации, понимание информации, переработка информации), поисковых творческих умений студентов (видение проблемы, решение проблемы, контроль решения про-

блемы), профессиональных творческих умений студентов (видение профессиональной проблемы, решение профессиональной проблемы, контроль решения профессиональной проблемы)»⁷. Вызывает интерес заявленный всего в трёх работах коммуникативно-деятельностный подход, нацеленный на «развитие коммуникативных умений выполнять основные виды речевой деятельности, понимать связи между речевым намерением и лексико-грамматическими средствами его выражения в профессиональной деятельности»⁸, «на одновременную фокусировку обучения на содержательности, правильности, беглости и коммуникативной эффективности речи»⁹.

Отдельную группу составляют подходы, ориентированные на осмысление иных культур: социокультурный, лингвокультурологический, поликультурный; способствующий социализации студентов и обеспечивающий самореализацию личности в поликультурном мире, межкультурный, социально-развивающий (определяющий «направленность учебного процесса на приобретение обучающимися социально ценных качеств личности в рамках межкультурного профессионального и научного взаимодействия»¹⁰).

Интересен ракурс интегративности в организации иноязычной подготовки. Он описан в интегративно-развивающем подходе, заключающемся «в развитии у студентов вузов способностей к иноязычной коммуникации за счёт интеграции наиболее перспективных дидактических подходов к созданию в вузе иноязычной развивающей профессионально ориентированной образовательной среды»¹¹, а также в дифференциально-интегральном подходе, обосновывающем возможность «ввести в образовательный процесс информационно-дидактическую среду как системное дидактическое средство, включающее технологию применения сервисов Web 2.0, внеаудиторную самостоятельную работу обучающихся и самомониторинг полученного информационно-виртуального «продукта»»¹².

Не менее интересен аспект сочетаемости использованных методологических подходов.

⁷ Осипова Н. Н. Проблематизация в обучении иноязычному аудированию при подготовке студентов неязыкового вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Осипова Наталья Николаевна. – Москва, 2015. – 24 с. – С. 9.

⁸ Насиханова А. З. Указ. соч. – С. 6.

⁹ Багрецова Н. В. Формирование иноязычной лингвокультурной компетентности у студентов направления подготовки «Нефтегазовое дело» в профессионально ориентированном обучении английскому языку : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Багрецова Нина Викторовна. – Санкт-Петербург, 2017. – 24 с. – С. 7.

¹⁰ Присмотрова О. С. Формирование профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции магистрантов нелингвистического вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Присмотрова Оксана Сергеевна. – Н. Новгород, 2018. – 26 с. – С. 9.

¹¹ Звягинцева Е. П. Совершенствование иноязычной подготовки студентов на основе интегративно-развивающего подхода : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Звягинцева Елена Петровна. – Москва, 2014. – 23 с. – С. 9.

¹² Рудомётова Л. Т. Указ. соч. – С. 11.

⁴ Насиханова А. З. Указ. соч. – С. 13.

⁵ Фролова Т. П. Формирование умений иноязычной диалогической речевой деятельности будущих юристов : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Фролова Татьяна Петровна. – Пермь, 2014. – 23 с. – С. 8.

⁶ Ковалева А. Г. Обучение иностранному языку студентов радиотехнических направлений подготовки на основе мультимедийных трансформаций : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02 / Ковалева Александра Георгиевна. – Екатеринбург, 2016. – 23 с. – С. 7.

Рисунок 1. Сочетания методологических подходов в исследованиях иноязычной подготовки в неязыковых организациях высшего образования

Так, исследователи основывались на сочетаниях подходов, указанных на рис.1.

По инструментам решения задач иноязычной подготовки в неязыковых организациях высшего образования можно отследить проблемы, которые стремятся решить исследователи. Помимо оптимизации обучения, повышения его эффективности (несомненно, очень важных факторов), мы выделяем в качестве проблемного и воспитательный аспект. Это означает особое внимание к созданию условий для формирования личностного смысла освоения иностранного языка не только для профессиональной деятельности, но и как инструмента постижения полифонии многокультурного мира, инструмента ознакомления с разными точками зрения на этот мир, заключёнными в культуре и обычаях других народов, то есть как способа личностного развития. Именно поэтому диссертанты не довольствуются только компетентностным подходом, а подбирают иные комбинации для выхода на результаты более высокого уровня области развития человеческого потенциала.

В этом стремлении прочитывается движение исследований в сторону понимания взрослого не только как исполнителя определённой трудовой функции, а как творца, деятеля, а в случае с сотрудниками МВД России – охранителя пра-

ва, порядка, справедливости, защитника обиженных. Удержание высокого смысла профессии может видеться одним из условий реализации проактивности, опережающего образования, которое, безусловно, не сводится к операциональным навыкам будущего. В этой связи видится перспективным освоение в данной области исследований гуманитарно-антропологического методологического направления, в рамках которого иноязычная подготовка основывается на утверждении М. Хайдеггера «язык – дом бытия», на мысли М. М. Бахтина о необходимости Другого (человека иных взглядов, иной культуры) для осмысления себя как части родной культуры. Тогда актуализируется герменевтический педагогический подход, педагогика понимания Ю. В. Сенько [9], рассматривающие образование прежде всего как среду гуманитарно ориентированной жизнедеятельности и предлагающие сообразные этому способы организации профессиональной подготовки. В образовательных организациях МВД России сверхзадача иноязычной подготовки в этом смысле может рассматриваться как восполнение гуманитарной компоненты в образовании взрослых, которое должно создавать условия для развития личностных «механизмов понимания, взаимопонимания, общения, сотрудничества» [10].

Список литературы

1. Кузьминов Я. И., Фруммин И. Д. [ред.]. Университеты на перепутье: высшее образование в России : монография. – Москва: ИД ВШЭ, 2019. – 320 с.
2. Буробина С. В. Условия эффективности обучения иностранному языку в вузе // Высшее образование сегодня. – 2021. – № 11–12. – С. 64–67.
3. Подобед В. И., Марон А. Е. [ред.]. Практическая андрагогика. Книга 2. Опережающее образование взрослых : монография. – Санкт-Петербург: ИОВ РАО, 2009. – 403 с.
4. Ерзин А. И., Епанчинцева Г. А. Самоэффективность, проактивность и жизнестойкость в обучении (влияние на академические интересы и достижения студентов) // Современное образование. – 2016. – № 2. – С. 65–83.
5. Горькая Ж. В., Горький А. С. Некоторые аспекты применения проактивной стратегии обучения в вузе / Образование в современном мире: стратегические инициативы : сборник научных трудов Всероссийской научно-методической конференции с международным участием, посвящённой

75-летию Самарского исследовательского университета им С. П. Королева. – Самара: СНИУ, 2017. – С. 466–472.

6. *Перминова Л. М.* Методологический контур экспериментальной дидактики // Педагогика. – 2013. – № 1. – С. 17–24.

7. *Слободчикова Т. А.* Особенности педагогической образовательной системы вузов МВД России // Ученые записки университета Лесгафта. – 2018. – № 1 (155) [Электронный ресурс] // Сайт «Киберленинка». – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pedagogicheskoy-obrazovatelnoy-sistemy-vuzov-mvd-rossii> (дата обращения: 06.04.2022)

8. *Мирошникова С. С., Мирошников А. С.* Образовательные риски в подготовке обучающихся в системе вузов МВД // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – № 5 (128). – С. 37–42.

9. *Сенько Ю. В.* Образование в гуманитарной перспективе. – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2011. – 367 с.

10. *Бондаревская Е. В.* Гуманистическая парадигма личностно ориентированного образования // Педагогика. – 1997. – № 4. – С. 11–17.

References

1. *Kuz'minov Ya. I., Frumin I. D. [red.].* University na pereput'ye: vyssheye obrazovaniye v Rossii : monografiya. – Moskva: ID VShE, 2019. – 320 с.

2. *Burobina S. V.* Usloviya effektivnosti obucheniya inostrannomu yazyku v vuze // Vyssheye obrazovaniye segodnya. – 2021. – № 11–12. – С. 64–67.

3. *Podobed V. I., Maron A. Ye. [red.].* Prakticheskaya andragogika. Kniga 2. Operezhayushcheye obrazovaniye vzroslykh : monografiya. – Sankt-Peterburg: IOV RAO, 2009. – 403 s.

4. *Yerzin A. I., Yepanchintseva G. A.* Camoeffektivnost', proaktivnost' i zhiznestoykost' v obuchenii (vliyaniye na akademicheskiye interesy i dostizheniya studentov) // Sovremennoye obrazovaniye. – 2016. – № 2. – С. 65–83.

5. *Gor'kaya Zh. V., Gor'kiy A. S.* Nekotoryye aspekty primeneniya proaktivnoy strategii obucheniya v vuze / Obrazovaniye v sovremennom mire: strategicheskkiye initsiativy : sbornik nauchnykh trudov Vserossiyskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, posvyashchonnoy 75-letiyu Samarskogo issledovatel'skogo universiteta im S. P. Koroleva. – Samara: SNIU, 2017. – С. 466–472.

6. *Perminova L. M.* Metodologicheskyy kontur eksperimental'noy didaktiki // Pedagogika. – 2013. – № 1. – С. 17–24.

7. *Slobodchikova T. A.* Osobennosti pedagogicheskoy obrazovatel'noy sistemy vuzov MVD Rossii // Uchenyye zapiski universiteta Lesgafta. – 2018. – № 1 (155) [Elektronnyy resurs] // Sayt «Kiberleninka». – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pedagogicheskoy-obrazovatelnoy-sistemy-vuzov-mvd-rossii> (data obrashcheniya: 06.04.2022).

8. *Miroshnikova S. S., Miroshnikov A. S.* Obrazovatel'nyye riski v podgotovke obuchayushchikhsya v sisteme vuzov MVD // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2018. – № 5 (128). – С. 37–42.

9. *Sen'ko Yu. V.* Obrazovaniye v gumanitarnoy perspektive. – Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011. – 367 s.

10. *Bondarevskaya Ye. V.* Gumanisticheskaya paradigma lichnostno oriyentirovannogo obrazovaniya // Pedagogika. – 1997. – № 4. – С. 11–17.

Статья поступила в редакцию. 24.03.2022; одобрена после рецензирования 04.04.2022; принята к публикации 26.04.2022.

The article was submitted March 24, 2022; approved after reviewing April 04, 2022; accepted for publication April 26, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья

УДК 37.017.4

doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-191-198

Сергей Николаевич Кипреев

адъюнкт

<https://orcid.org/0000-0002-3948-8360>, kommisar.1917@mail.ru

Краснодарский университет МВД России

Российская Федерация, 350005, Краснодар, ул. Ярославская, д. 128

Формирование патриотизма у курсантов образовательных организаций МВД России в процессе повседневной деятельности

Аннотация: Предметом исследования является методика формирования патриотизма у курсантов в повседневной деятельности. Объектом исследования является процесс формирования этого качества у курсантов Краснодарского университета МВД России. Автор подробно рассматривает указанную проблему в системе профессиональной подготовки сотрудников полиции, даёт определение патриотизма, показывает актуальность процесса формирования любви к Родине для сотрудников полиции, раскрывает содержание основных направлений данной деятельности. Особое внимание уделяется описанию особенностей средств педагогического взаимодействия с курсантами МВД России. Автором раскрываются особенности патриотического воспитания в образовательной организации. Основными выводами проведённого исследования являются рекомендации автора по совершенствованию процесса формирования данного качества у курсантов. Особым вкладом автора в исследование указанной проблематики является освещение особенностей формирования патриотизма у курсантов в период повседневной деятельности, даются рекомендации, которые возможно применять для совершенствования этого процесса у сотрудников полиции. Новизна исследования заключается в рассмотрении автором новых направлений патриотической работы, осуществляемой в ходе повседневной деятельности курсантов, даётся её юридическое обоснование. На примере Краснодарского университета МВД России раскрывается практическая сторона патриотической работы в органах внутренних дел.

Ключевые слова: образование, государство, развитие личности, формирование чувства патриотизма, воспитание, МВД России, повседневная деятельность, педагогика, курсанты, мероприятия патриотической направленности

Для цитирования: Кипреев С. Н. Формирование патриотизма у курсантов образовательных организаций МВД России в процессе повседневной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 191–198; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-191-198.

Sergey N. Kipreev

Graduate

<https://orcid.org/0000-0002-3948-8360>, kommisar.1917@mail.ru

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

128, Yaroslavskaya str., Krasnodar, 350005, Russian Federation

Promotion of patriotism among cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia in their daily activities

Abstract. The subject of the study is the method of promotion of patriotism among cadets in everyday life. The object of the study is the process of patriotic upbringing among cadets of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The author examines in detail the system of professional training of

police officers, defines patriotism, shows the relevance of the patriotism promotion for police officers, reveals the content of the main directions of this activity. Special attention is paid to the pedagogical engagement with the cadets of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The author reveals the features of patriotic education in an educational facility. The main conclusions of the study are the author's recommendations on improving the process of promoting patriotism among cadets. Author contributes to the study of the problems of patriotism by covering the features of patriotic upbringing in the daily life of the cadets, and gives recommendations that can be applied to improve the process of promotion of patriotism among police officers. The novelty of the research lies in the author's consideration of new directions of patriotic activities carried out during the daily life of cadets, and the legal justification of patriotic education. On the example of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the author reveals the practical side of patriotic upbringing in police.

Keywords: education, the state, personal development, sense of patriotism, education, Ministry of Internal Affairs of Russia, daily life, pedagogy, cadets, patriotic activities

For citation: Kipreev S. N. Promotion of patriotism among cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia in their daily activities // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – P. 191–198; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-191-198.

Сегодня один из важнейших вопросов, приобретающий особую значимость для страны в целом и для органов внутренних дел в частности – это формирование патриотизма у представителей молодого поколения.

Актуальность исследования определяется важностью качественной профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов, необходимостью изучения и проектирования соответствующих педагогических условий, включая формирование патриотизма в повседневной деятельности.

Процесс формирования личности в повседневной деятельности изучался в исследованиях А. А. Савина, В. И. Стручкова, В. Г. Сенча, С. Н. Чечулиной. Научные работы этой направленности особенно востребованы в силовых структурах, деятельность которых сопряжена с повышенными нагрузками и нехваткой времени.

Автор впервые рассматривает формирование патриотизма как процесс, выходящий за традиционные временные рамки и длящийся непрерывно, в течение всего дня, в ходе повседневных мероприятий. В нашем исследовании понятие «формирование» означает процесс изменения структуры личности, осуществляемый с помощью воспитательного взаимодействия с человеком. Он направлен на достижение в процессе образовательного пути человека определённого государством и обществом социально-педагогического идеала – цели, поставленной перед образовательной системой, начиная со школы и заканчивая вузом.

Формирование личности сотрудника полиции происходит в ходе деятельности по приобретению личных и социально значимых качеств, одним из которых может рассматриваться патриотизм. Заставить осознать себя патриотом невозможно: необходимо включать человека в осознанную деятельность этой направленности.

Данная тема актуальна и потому, что в последнее время в российском обществе наметились определённые проблемы, навязываются

приоритеты чуждых интересов нашим нравственным и религиозным ценностям, а также патриотическим чувствам, осуществляются попытки подмены традиционных основ образования и воспитания» [7]. Необходимо подчеркнуть, что тематика формирования патриотизма в повседневной деятельности у курсантов МВД России ранее не разрабатывалась.

Целью нашей работы является анализ процесса формирования патриотизма у курсантов-полицейских и описание организации воспитания патриотизма в повседневной деятельности курсантов.

Патриотизм как системообразующее свойство личности сотрудника полиции

Патриотизм – это важное системообразующее свойство личности сотрудника полиции, которое опирается на её ценностно-смысловые характеристики: мировоззрение, мотивы, интересы, цели, жизненные ценности, желания и пр. [3].

«Патриотическое воспитание является составной частью общего воспитательного процесса, должно быть главным содержанием повседневной жизнедеятельности курсантов, направленной на формирование и развитие личности, обладающей важнейшими качествами защитника Отечества и способной в будущем успешно выполнять свои профессиональные обязанности»¹.

В системе МВД России тематика патриотизма изучалась в диссертационных исследованиях Л. Ф. Тороповой², Л. А. Магомадова, М. А. Мазур и рассматривалась в научных статьях А. С. От-

¹ Об утверждении Порядка организации службы органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50. – С. 164.

² Торопова Л. Ф. Формирование нравственно-профессиональной ориентации у курсантов в процессе обучения в вузе МВД России : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Торопова Ляйсан Фанилевна. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 88.

радной, Л. А. Мельниковой, В. Е. Шинкевич, Л. Я. Смирновой, Г. Р. Хуснетдинова и других исследователей.

В системе МВД России патриотизм определяется как «глубокое и возвышенное чувство любви к своему Отечеству, верность Присяге сотрудника органов внутренних дел и служебному долгу»³.

«В Краснодарском университете МВД России активно ведётся работа по выполнению государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2021–2025 годы», осуществляется развитие механизмов межведомственного взаимодействия по реализации направлений системы воспитания»⁴.

«Мероприятия по формированию патриотизма у курсантов МВД России осуществляются

по следующим направлениям: научно-исследовательское обеспечение процесса формирования патриотизма, его информационно-пропагандистское обеспечение; проведение занятий по патриотической тематике в системе морально-психологической подготовки курсантов; историческая и музейная работа; организация служебных ритуалов, торжественных церемоний и встреч, уроков мужества, дней открытых дверей; организация мероприятий, посвящённых дням воинской славы, памятным датам в истории России и органов внутренних дел, работа с ветеранами, культурно-массовая и спортивная работа; профориентационная и шефская работа; популяризация символики Российской Федерации. Все эти направления отражают содержательную сторону единого процесса формирования патриотизма, построенного на основе идей российского государственного патриотизма, верности служебному долгу и готовности защитить Родину»⁵.

³Об утверждении Кодекса этики и профессионально-го поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 26 июня 2020 г. № 460. – С. 4.

⁴Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2021-2025 годах Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 ноября 2020 г. № 2945-Р. – С. 110.

⁵Об утверждении Устава федерального государственного казённого образовательного учреждения высшего образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел МВД России» : приказ МВД России от 15 мая 2015 г. № 602. – С. 134–136.

Таблица 1

Выдержка из плана морально психологического обеспечения Краснодарского университета МВД России мероприятий патриотической работы

Наименование типовых мероприятий	Кол-во в год
Встреча курантов со священнослужителями	4
Лекции патриотической направленности	8
Уроки мужества	4
Праздничные дни патриотической направленности	6
День памяти погибших при исполнении служебных обязанностей сотрудников ОВД и военнослужащих внутренних войск	1
Встреча с курсантами, детьми сотрудников, погибших при исполнении служебного долга и детьми-сиротами	2
Концерты патриотической направленности	5
Конкурс на лучшее знание истории учебного заведения	1
Занятия в системе морально-психологической подготовки	8
Семинар по работе поисковой организации «Щит и меч»	1
Фестиваль по результатам проведения 1 этапа фестиваля «Щит и лира»	1
Урок истории «Великие империи мира»	1
Информирования на дни воинской славы России	13
Конференции патриотических организаций	2
Тематические музыкальные вечера	2
День национальных культур	1
Часы патриотизма	2
Литературно-музыкальные композиции	4
Конкурсы фоторабот	3
Участие курсантов в Екатерининском бале и исторической площадке	1
Поем гимн семье – игровая программа с участием библиотеки им. С.Я. Маршака	1
Участие в возложении венков и цветов к памятным мемориалам в городе Краснодаре	3
Патриотические акции	4
Общее количество мероприятий патриотической направленности	78

«В целях развития комплекса гражданских, нравственных, духовных и иных профессионально значимых качеств личности, формирования у сотрудников полиции государственно-патриотического мировоззрения, обусловленного требованиями государства и общества к гражданскому и профессионально-нравственному облику сотрудника органов внутренних дел, потребностями и особенностями оперативно-служебной деятельности, специальным подразделением осуществляется морально-психологическое обеспечение» [2].

«Подразделением морально-психологического обеспечения проводится работа по профессионально-нравственному и патриотическому воспитанию курсантов, изучению и пропаганде истории органов внутренних дел, сохранению и развитию служебных традиций и ритуалов, служебного коллектива, примеров героизма и мужества сотрудников полиции, образцового исполнения ими служебного долга»⁶.

В таблице 1 нами представлена выдержка мероприятий патриотической работы из плана морально-психологического обеспечения Краснодарского университета МВД России.

Комплекс таких мероприятий «формирует и развивает у курсантов-полицейских качества личности гражданина-патриота, которые делают его способным активно участвовать в укреплении основ общества, формировании высокого патриотического сознания граждан, готовности к выполнению задач, связанных с обеспечением общественного порядка, законности, защиты прав и законных интересов россиян. Он призван выработать и развить у курсантов комплекс морально-психологических качеств патриота, гражданина и профессионала службы в органах внутренних дел, культуры поведения сотрудника полиции в сочетании с высоким уровнем правового сознания»⁷.

Задачей формирования у подчиненных «комплекса гражданских, нравственных, духовных и иных профессионально важных качеств личности» [6], к которым относится и патриотизм, занимаются в Краснодарском университете МВД России командирский состав, сотрудники отдела воспитательной работы, преподаватели и патриотический актив курсантов, названные нами субъектами воспитательного процесса.

Согласно должностной инструкции, командиры курсантских подразделений обязаны организовывать и непосредственно осуществлять индивидуально-воспитательную работу во взводе и как составную часть данной работы – деятельность по формированию патриотизма у курсантов, в том числе и в повседневной деятельности.

⁶ Об организации морально-психологической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 10 августа 2012 г. № 777. – С. 12.

⁷ Мазур М. А. Программа патриотического воспитания сотрудников органов внутренних дел в профессиональной деятельности. – Ханты-Мансийск: Печатное дело, 2009. – С. 16.

«По данным исследований, опросов выпускников вузов, более 75 % курсантов берут в качестве примеров подражания командиров, организующих их повседневную жизнедеятельность. Именно командирский состав призван быть центральной фигурой процесса патриотического воспитания в повседневной жизнедеятельности» [4].

«Приоритетная роль командиров курсантских подразделений в патриотическом воспитании курсантов обусловлена рядом объективных обстоятельств: командиры – наиболее подготовленный и квалифицированный в воспитательном плане отряд офицеров, обладающий значительным жизненным и служебным опытом, являющихся в большинстве своем примером для подражания у курсантов; командирский состав отличается динамичностью и подвижностью в реализации воспитательных задач, именно им принадлежит стержневое место в практической реализации технологий воспитания патриотизма в повседневной жизнедеятельности»⁸.

Формирование патриотизма в ходе повседневной деятельности курсантов МВД России

«Главным звеном формирования патриотизма как свойства личности курсанта является создание системы воспитательного взаимодействия с ним во всём учебно-воспитательном процессе. Важнейшими звеньями такой системы выступают две подсистемы: формирование патриотизма курсанта и слушателя в ходе обучения и во внеучебное время – в процессе повседневной жизнедеятельности.

Анализ системы педагогического воздействия на курсанта в повседневной жизнедеятельности показывает, что к ее основным элементам относятся: взаимосвязь воспитательной программы учебного процесса с комплексным планом воспитательной работы вуза; воспитательная программа формирования и развития личности курсанта в процессе повседневной жизнедеятельности; непосредственная деятельность кафедр и командиров по реализации воспитательных возможностей; ежегодный анализ результативности системы воспитания курсантов во внеучебное время и ее корректирование в интересах повышения эффективности формирования патриотизма»⁹.

Для формирования чувства патриотизма в повседневной деятельности субъектами воспитания используются современная система воспитательных методов, включающая такие формы патриотического воспитания, как дистанционное общение, интерактивная игра, коммуникативно-диалоговый метод организации деятельности в полиэтническом коллективе, круглый стол, метод анализа проблемной ситуации, метод игровой имитации, метод комму-

⁸ Борисова С. Е. Педагогика в деятельности сотрудников органов внутренних дел : курс лекций. – Орёл: ОрЮИ МВД России, 2011. – С. 112.

⁹ Там же. – С. 113.

никативного моделирования, метод составления портфолио, мозговой штурм, презентация, систематический метод исследования проблем воспитания, сократический диалог и др.

Таковыми методами развиваются нестандартное мышление, способность к самоанализу и самокритике. Курсанты готовятся к включению полученного коллективного патриотического опыта в различные жизненные ситуации, им создаются условия для формирования компонентов и типов чувства патриотизма.

Задачи, решаемые в рамках проведения работы с личным составом и морально-психологического обеспечения, носят последовательный и системный характер, но на практике сталкиваются с рядом проблем.

1. Ограниченный и недостаточно полный охват временной сферы деятельности курсантов. Мероприятия воспитательного характера, в рамках которых стандартно осуществляется формирование патриотизма, проводятся согласно плану морально-психологического обеспечения в строго отведённое для этого время: в воскресенье и праздничные дни. Игнорируются или не учитываются воспитательные возможности периода повседневной деятельности.

2. Осуществление процесса формирования патриотизма как качества личности теми субъектами воспитания, которые не в полном объеме знают личный состав. Сотрудники отделов воспитательной работы, которые призваны осуществлять комплекс мероприятий по морально-психологическому обеспечению, в которые включено и воспитание патриотизма, оторваны от понимания повседневной деятельности курсантов, не имеют с ними эмоциональной связи, не имеют личного авторитета у воспитуемых.

3. Низкий уровень подготовки должностных лиц к проведению занятий со специфической тематикой. Базовое образование командиров взводов университета – основного звена в патриотическом воспитании курсантов в повседневной деятельности – является в подавляющем большинстве юридическим, у них отсутствуют

необходимые для проведения патриотического воспитания знания и навыки.

В Краснодарском университете МВД России сложилась система патриотического воспитания в период повседневной деятельности, в процессе выполнения распорядка дня. Краснодарский университет МВД России оснащен телевизорами и другими мультимедийными средствами, которые располагаются на кафедрах, в столовых, курсантских общежитиях и в иных служебных помещениях. Территория учебного заведения оснащена акустическими системами.

В таблице 2 представлен список тематики медиаинформации, используемой для формирования патриотизма в Краснодарском университете МВД России.

Влияние музыки на психоэмоциональное состояние людей изучено большим количеством исследователей по разным направлениям деятельности. Необходимо правильно выбирать из множества произведений музыкального искусства композиции, способные оптимизировать функциональное состояние человека, исходя из его психологических, индивидуально-типологических, культурно-мировоззренческих и физиологических особенностей.

«В предпочтении находятся современные актуальные музыкальные направления. Ритм, который принимает сейчас самые необычные формы и размеры, влияет на функции двигательных центров мозга, стимулирует определённые функции эндокринной системы, а также структуры головного мозга»¹⁰.

Правильное использование служебного времени позволяет увеличить эффективность работы по патриотическому воспитанию курсантов. При проведении мероприятий нужно учитывать особенности места и аудитории, на которую рассчитана медиаинформация.

¹⁰ Лутовинов В. И. Патриотическое воспитание молодежи: концепция, программа, организационно-методические основы. – Москва: АПКИПРО, 2001. – С. 168.

Таблица 2

Список тематики медиаинформации, используемой для формирования патриотизма в Краснодарском университете МВД России

Наименование типа медиаинформации	Количество демонстрируемого материала в год
Патриотические художественные и документальные фильмы	102
Видео о подвигах отечественных героев	134
Музыкальные клипы патриотического содержания	720
Мотивационные ролики	68
Культурно-просветительские видео	38
Социальные ролики	32
Духовно-нравственные видео	72
Альтернативные историко-патриотические ролики	18
Песни патриотического характера	624
Этническая музыка	54

Перспективный расчет времени, выделяемого на патриотическую работу, в расписании дня курсантов

№ п/п	Наименование мероприятий для курсантов и слушателей	Продолжительность	Количество времени в месяц (минут)	Вид медиавоздействия	Вид контроля
1.	Подъем и утренняя физическая зарядка	6.00 – 6.30	600	аудио	устный опрос
2.	Наведение порядка в расположении	6.30 – 7.00	600	аудио	беседа
3.	Завтрак	7.00 – 7.30	900	видео	наблюдение
4.	Развод на занятия	8.10 – 8.20	240	вербальный	наблюдение
5.	Подготовка к занятиям	8.20-8.30	240	видео	устный опрос
6.	Перерывы между учебными занятиями	10.15 – 10.30 11.45-12.00 15.30-15.45	900	видео	устный опрос
7.	Обед	13.30 – 14.30	900	видео	наблюдение
8.	Уборка аудиторий и территории	17.00 – 17.30	600	аудио	устный опрос
9.	Воспитательная, культурно-просветительная, спортивно-массовая работа, строевая подготовка	17.30 – 18.45	2100	вербальный или видео	беседа

Например, важно расположение личного состава в зале столовой. Оно должно быть удобным для просмотра видеороликов. Временная протяжённость ролика составляет в среднем от 3 до 6 минут, что позволяет показать за период приёма пищи 5–8 видеороликов. Эффект от просмотра заключается в новизне и актуальности представляемого курсантам материала.

Данное средство педагогического взаимодействия активно применяется в других силовых вузах Министерства обороны и Министерства внутренних дел [1] и всеми должностными лицами отмечается как перспективное и эффективное.

Средства медиавоздействия применяются в различных формах повседневной деятельности и пронизывают весь распорядок дня курсантов. Например, утренняя физическая зарядка – ежедневное спортивное мероприятие, которое проводится во всех подразделениях университета с целью приведения организма после сна в бодрое состояние. Она включает разминочные упражнения, проводимые на плацу, бег и занятия на спортивных тренажерах.

Во время зарядки на всей территории университета включаются акустические средства и проигрывается патриотическая музыка. Подборка музыки периодически обновляется сотрудниками отдела воспитательной работы так, чтобы быть актуальной для современных слушателей. То же самое происходит и в предвыходные и выходные дни. Общее время аудиовоздействия на личный состав в месяц составляет около 20 часов.

В субботу и предпраздничные дни в университете проводятся парково-хозяйственные дни, в ходе которых личный состав наводит по-

рядок на территории университета и в общежитиях. В это время также включается аудиосопровождение с целью увеличения продуктивности работы, но косвенной его целью является воспитание патриотизма.

Эффект от воздействия медиасредств в повседневной деятельности достигается благодаря информационному вакууму, что отличает курсантов ведомственных вузов от гражданских студентов. Согласно руководящим документам, курсантам запрещено пользование телефонами и другими средствами выхода в интернет, так как учебное заведение является режимной организацией, поэтому личный состав получает только ту информацию, которая разрешена руководством университета.

Взаимодействие с сотрудниками полиции осуществляется также с помощью видеосредств. Ставший традиционным в училищах и университетах воскресный просмотр патриотических фильмов, безусловно, является эффективным средством патриотического воспитания. Однако оно имеет ряд недостатков: в выходной день происходит неполный охват личного состава, привлекаемого на воспитательные мероприятия, причем для некоторых курсантов (не более 5 % личного состава) отсутствие на занятиях по различным причинам стало системой. Кроме того, нами отмечено, что просмотр медиainформации в большинстве случаев не имеет вербального сопровождения руководителя занятия, а после просмотра не всегда есть возможность обсудить усвоенный материал.

Данные недостатки устраняются при просмотре короткометражных видеороликов, ко-

торые за небольшое время доносят сжатый информационный материал до слушателя.

В таблице 3 нами представлен перспективный расчёт времени на патриотическую работу в распорядке дня курсантов.

Перспективный расчёт времени, выделяемого на патриотическое воспитание, производился нами с учётом полного охвата объектов воспитания и организационных возможностей ведения воспитательного процесса. Например, утренняя физическая зарядка проводится по будням, в среднем 20 раз в месяц по 30 минут.

Специфика распорядка дня курсантов-полицейских заключается в том, что курсанты-девушки проживают вне территории университета и не участвуют в выходные дни и в вечернее время в жизни подразделения. То же касается сотрудников отделов воспитательной работы, преподавателей и командиров подразделений. Регламент служебного времени определяет убытие их со службы после 18 часов 45 минут, однако на курсантов-юношей 1–4-го курсов этот регламент не распространяется. Среди них на педагогическое взаимодействие в ходе повседневной деятельности возможно использовать значительно большее количество времени.

Активные мероприятия, такие как утренняя физическая зарядка или уборка территории, позволяют организовать аудиовоздействие путём прослушивания патриотической музыки. По окончании мероприятия организатор психолого-педагогического взаимодействия проводит устный опрос о том, какой информационный материал лучше запомнился. Такой подход имеет обратную связь с объектами воспитания и позволяет диагностировать возникающие проблемы в ходе воспитательного взаимодействия.

Каждое мероприятие распорядка дня должно контролироваться должностными лицами, осуществляющими процесс формирования патриотизма, например, командирами подразделений или преподавателями. В ходе контроля могут применяться такие методы, как наблюдение, устный опрос и беседа, применяемые в соответствии с видами взаимодействия с личным составом. Например, в ходе проведения развода или строевой подготовки руководитель занятия входит в вербальное взаимодействие с подчинёнными, доводя информацию патриотического характера.

Используя вышеописанные методы контроля, мы произвели оценку эффективности воспитания патриотизма в повседневной деятельности. В ходе работы по воспитанию патриотизма в 2019–2021 гг. нами установлено, что увеличение интенсивности воспитательного взаимодействия положительно отражается на «уровне сформированности чувства патриотизма у курсантов образовательных организаций МВД России» [1]. Эффективность патриотического воспитания в повседневной деятельности не имеет возрастных или гендерных особенностей, но зависит от личности педагога. Нами выявлено, что преподаватель или командир подразделения, пользующийся высоким автори-

тетом, умеющий довести информацию эмоционально, ярко, повышает эффективность воспитательного взаимодействия от 20 % до 80 %.

Особое место занимает взаимодействие с курсантским активом. Например, в ходе наблюдения и проведения анкетирования нами выявлено, что после прослушивания музыки или просмотра видеороликов наиболее понравившиеся материалы курсанты копировали для личного пользования, а затем проводили их обсуждение в коллективе. После подключения к распространению патриотической информации курсантского актива уровень патриотизма подразделения в целом значительно повысился.

В ходе практической апробации результаты исследования обсуждались на служебных совещаниях и собраниях, были внедрены в практику патриотического воспитания учебной организации.

Заключение

Для повышения эффективности и результативности функционирования системы патриотического воспитания в вузе следует обеспечить определённые условия, которые должны учитываться в практической деятельности всеми субъектами процесса формирования патриотизма.

Необходимо чётко определить содержание процесса формирования патриотизма с учётом его специфики для ОВД; разработать фундаментальный комплекс учебных программ и методик по организации и проведению процесса формирования патриотизма у курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России; провести исследования результативности функционирования процесса формирования патриотизма, и использовать их результаты в практической деятельности.

Нами предлагаются рекомендации по совершенствованию процесса формирования патриотизма у курсантов образовательных организаций МВД России в процессе повседневной деятельности.

1. Внести дополнения в руководящие документы образовательной организации в соответствии с необходимостью совершенствования процесса формирования патриотизма в повседневной деятельности курсантов.

2. Производить системный охват личного состава педагогическим взаимодействием. При выявлении курсантов со слабым уровнем сформированности патриотизма проводить с ними индивидуальную воспитательную работу с обобщением и закреплением полученного педагогического опыта.

3. Организовать систему оценки и контроля результативности деятельности педагогов по патриотическому воспитанию. Для стимуляции субъектов педагогического взаимодействия организовать работу по рейтинговой системе.

4. Сформировать систему «обратной связи» с курсантами и подключать к работе по патриотическому воспитанию курсантский актив.

5. Усовершенствовать количественные и качественные показатели технических средств

воспитания и информационного материала. Ввести в практику воспитания патриотизма инновационные методы.

6. Разработать комплекс учебных программ и методик по подготовке должностных лиц к деятельности по формированию патриотизма.

Таким образом, эффективность формирования патриотизма в учебном заведении системы МВД России зависит в значитель-

ной степени от системного охвата всей деятельности курсантов воспитательным взаимодействием. Основным условием успеха процесса формирования патриотизма является правильная организация системы патриотического воспитания качественно подготовленными субъектами воспитания и наличием системы контроля и оценки его результативности.

Список литературы

1. Кондаков А. М. Духовно-нравственное воспитание в структуре Федеральных государственных стандартов общего образования // Педагогика. – 2008. – № 9. – С. 13–20.
2. Лесняк В. И. Методологические основы героико-патриотического воспитания. – Челябинск: Центр анализа и прогнозирования, 2006. – 26 с.
3. Назарова К. А., Чайнова Л. Д., Ковалев В. В. Влияние музыкальных стимулов на работоспособность и функциональное состояние человека // Акмеология. – 2012. – № 4 (44). – С. 78–82.
4. Никандров Н. Д. Духовные ценности и воспитание в современной России // Педагогика. – 2008. – № 9. – С. 3–12.
5. Рядовой А. Г. Патриотизм как системно-комплексное качество личности: Сущность и содержание // Омский научный вестник. – 2008. – № 3 (67). – С. 100–103.
6. Сафронова Л. В. Профессиональное образование и качество подготовки педагогических кадров // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2001. – № 2. – 77 с.
7. Шагимуратов А. Н. О патриотическом воспитании сотрудников органов внутренних дел // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2015. – № 3. – С. 79–85.
8. Гусев Ю. Г. Формирование и развитие патриотических ценностей у кадет // Обучение и воспитание: методика и практика. – 2014. – № 17. – С. 118–119.
9. Фомина Н. А. Современная модель культурно-патриотического воспитания и её место в общей структуре профессиональной подготовки учащихся колледжей милиции // Актуальные проблемы музыкального и художественного образования и культуры: история и современность : материалы Международной научно-практической конференции. – Москва: МГПУ, 2007. – С. 190–195.
10. Лесняк В. И. Героико-патриотическое воспитание личного состава органов внутренних дел России : монография. – Москва: МГУ, 2005. – 232 с.

References

1. Kondakov A. M. Dukhovno-nravstvennoye vospitaniye v strukture Federal'nykh gosudarstvennykh standartov obshchego obrazovaniya // Pedagogika. – 2008. – № 9. – S. 13–20.
2. Lesnyak V. I. Metodologicheskiye osnovy geroiko-patrioticheskogo vospitaniya. – Chelyabinsk: Tsentral'nyy tsentr analiza i prognozirovaniya, 2006. – 26 s.
3. Nazarova K. A., Chaynova L. D., Kovalev V. V. Vliyaniye muzykal'nykh stimulov na rabotosposobnost' i funktsional'noye sostoyaniye cheloveka // Akmeologiya. – 2012. – № 4 (44). – S. 78–82.
4. Nikandrov N. D. Dukhovnyye tsennosti i vospitaniye v sovremennoy Rossii // Pedagogika. – 2008. – № 9. – S. 3–12.
5. Ryadovoy A. G. Patriotizm kak sistemno-kompleksnoye kachestvo lichnosti: Sushchnost' i sodержaniye // Omskiy nauchnyy vestnik. – 2008. – № 3 (67). – S. 100–103.
6. Safronova L. V. Professional'noye obrazovaniye i kachestvo podgotovki pedagogicheskikh kadrov // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2001. – № 2. – 77 s.
7. Shagimuratov A. N. O patrioticheskom vospitanii sotrudnikov organov vnutrennikh del // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2015. – № 3. – S. 79–85.
8. Gusev Yu. G. Formirovaniye i razvitiye patrioticheskikh tsennostey u kadet // Obucheniye i vospitaniye: metodika i praktika. – 2014. – № 17. – S. 118–119.
9. Fomina N. A. Sovremennaya model' kul'turno-patrioticheskogo vospitaniya i yeye mesto v obshchey strukture professional'noy podgotovki uchashchikhsya kolledzhey militsii // Aktual'nyye problemy muzykal'nogo i khudozhestvennogo obrazovaniya i kul'tury: istoriya i sovremennost' : materialy Mezhdunar. nauchn.-prakt. konf. – Moskva: MGPU, 2007. – S. 190–195.
10. Lesnyak V. I. Geroiko-patrioticheskoye vospitaniye lichnogo sostava organov vnutrennikh del Rossii : monografiya. – Moskva: MGU, 2005. – 232 s.

Статья поступила в редакцию 07.03.2022; одобрена после рецензирования 28.04.2022; принята к публикации 30.05.2022.

The article was submitted March 07, 2021; approved after reviewing April 28, 2022; accepted for publication May 30, 2022.

Научная статья
УДК 796.89
doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-199-202

Рустам Борисович Хыбыртов
<https://orcid.org/0000-0002-9150-7952>, fppe@yandex.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России,
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д.1*

Педагогические технологии повышения эффективности обучения сотрудников полиции приёмам рукопашного боя

Аннотация: Автором данной статьи было проведено анкетирование сотрудников. Цель исследования – выяснить, какие приёмы нападения и самозащиты они чаще всего применяют при выполнении оперативно-служебных задач. Результаты опроса показали, что в процессе задержания преступников сотрудники предпочитают наносить удары рукой и ногой, применять болевые приёмы, такие как загиб руки за спину спереди, рычаг руки наружу, рычаг руки внутрь, загиб руки за спину сзади. Активно используются также задняя подножка, передняя подсечка и передняя подножка. Реже применялись бросок с захватом ног сзади, бросок через спину и бросок через голову.

В статье также изложены результаты исследования причин слабого владения сотрудниками приёмами рукопашного боя, рассмотрены пути совершенствования эффективности и качества проведения занятий с сотрудниками по данному разделу физической подготовки.

Тренировка сотрудников для выполнения оперативно-служебных задач по задержанию и (или) обезоруживанию преступника должна проводиться комплексно, с учётом межпредметных связей физической, огневой и тактико-специальной подготовки. Это требует внесения определённых корректив в организацию и методику проведения занятий по перечисленным учебным предметам.

Ключевые слова: оперативные сводки, анализ литературных источников, оперативно-служебная деятельность, экстремальные ситуации, анкетирование

Для цитирования: Хыбыртов Р. Б. Педагогические технологии повышения эффективности обучения сотрудников полиции приёмам рукопашного боя // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 199–202; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-199-202.

Rustam B. Khybyrtov
<https://orcid.org/0000-0002-9150-7952>, fppe@yandex.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Pedagogical technologies of increasing effectiveness training hand-to-hand combat skills to police officers

Abstract: The author of this article conducted a survey of police officers in order to identify attack and self-defense skills that they use most often in the process of performing operational tasks. The results of the survey showed that in the process of detaining criminals, preferences were given to hand and foot strikes, and locking techniques such as: hammerlocks, wristlocks, leg trips and leg reap. Less often, a throw with a leg grab from behind, hip-roll and an overhead throw were used.

The author also explored the reasons for the low hand-to-hand combat skills of employees and suggested ways to improve the effectiveness and quality of training the employees in this field.

Comprehensive training of employees to perform operational and service tasks including detaining and disarming a criminal should be carried out considering interdisciplinary connections between the physical

and tactical training, and range practice. This requires adjustments to the organization and methodology of conducting complex classes in the listed academic disciplines.

Keywords: Operations reports, analysis of literary sources, operational and service activities, extreme situations, questionnaires

For citation: Khybyrtov R. B. Pedagogical technologies of increasing effectiveness training hand-to-hand combat skills to police officers // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – P. 199–202; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-199-202.

Рукопашный бой – составная часть обучения и воспитания курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России и практических сотрудников органов внутренних дел.

Цель обучения рукопашному бою – овладение боевыми приёмами нападения и самозащиты¹ и обеспечение готовности сотрудников полиции к эффективному их использованию при решении служебных задач².

В рамках занятий по рукопашному бою решаются следующие задачи:

1) обучение технике приёмов рукопашного боя, тактике рукопашных схваток;

2) проведение этих приёмов в бронежилетах, а также надевание наручников и применение подручных средств;

3) совершенствование быстроты действий, ловкости, силовой выносливости, инициативности и находчивости;

4) формирование устойчивости организма к воздействию неблагоприятных факторов и готовности к действиям в реальных условиях;

5) воспитание умения применять сформировавшиеся навыки при ведении рукопашных схваток в сложных условиях³.

Исходя из поставленных задач и с учётом повышенных требований к сотрудникам ОВД по разделу физической подготовки «Рукопашный бой», на наш взгляд, следует пересмотреть учебные программы по рукопашному бою и методику обучения его приёмам. Практика показывает, что сотрудники слабо владеют приёмами рукопашного боя, в результате чего при задержании преступников те нередко уходят от сотрудников полиции.

Полагаем, что проверка и оценка подготовленности сотрудников в этой области требует пересмотра, так как сегодня она сводится к оцениванию действий сотрудника при выполнении приема на несопротивляющемся партнере. По-настоящему, что это не позволяет объективно оце-

нить умения сотрудника и определить степень его подготовленности к ведению рукопашной схватки в реальных условиях [1].

С целью пересмотра содержания рабочей программы по рукопашному бою целесообразно разработать обоснование тех приёмов, которые чаще всего применяются сотрудниками при обезоруживании и задержании нарушителей.

Нами была разработана специальная анкета по содержанию раздела «Рукопашный бой» учебной дисциплины «Физическая подготовка» и опрошены 2325 сотрудников. Обсуждались приёмы, которые входят в содержание учебных программ по физической подготовке и «Наставление по организации физической подготовки сотрудников органов внутренних дел»⁴.

Результаты анкетирования показали, что предпочтение отдавалось ударам рукой и ногой. На эти приёмы указали 90 % сотрудников. Эти данные свидетельствуют о том, что сотрудникам полиции необходимо в первую очередь изучать и совершенствовать технику ударных приёмов.

Болевым приёмам борьбы – таким, как рычаг руки наружу – было отдано предпочтение в 69,5 % случаев, загибу руки за спину спереди – в 63,9 % случаев, рычагу руки внутрь – 67,6 % случаев, уходам – 72,3 % случаев и 66,0 % случаев – уклонам для защиты от ударов. При необходимости применялись загиб руки за спину сзади и рычаг руки наружу, внутрь, в редких случаях – болевые приёмы борьбы в положении лёжа [2].

Так как болевые приёмы борьбы в положении лёжа являются малоэффективными, с нашей точки зрения, их целесообразно применять в спортивных видах единоборств.

Кроме перечисленных приёмов, применялись различные уходы и удержания преступника. Но поскольку они проводились в положении лёжа, сотрудники при этом испытывали некоторые трудности⁵.

Для задержания преступника применялась также задняя подножка. 331 сотрудник применил её при задержании более 15 раз, но сотруд-

¹ Об утверждении порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации (Зарегистрировано в Минюсте России 27.06.2018 № 51459): приказ МВД России от 05.05.2018 г. № 275 (ред. от 14.01.2020).

² Тарасенко, А. А., Войнов П. Н. Рукопашный бой в условиях ограниченного пространства : учебное пособие. – Москва: Инфра-М, 2021. – 178 с.

³ Кудин В. А., Торопов В. А., Ушенин А. И., Куликов М. Л. [и др.]. Физическая подготовка: учебник. – Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. – 300 с.

⁴ Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 1 июля 2017 г. № 450 (в ред. от 27 июля 2020 г.).

⁵ Бобрищев А. А., Новиков А. В. Развитие координационных способностей у бойцов рукопашного боя : учебное пособие. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС России, 2020. – 156 с.

ники всё же предпочитали применять переднюю подсечку и переднюю подножку.

В ходе задержания правонарушителей редко применялись такие приёмы, как: бросок через голову, бросок через спину, бросок с захватом ног сзади. Причина – эти приёмы носят спортивный характер и в основном применяются на соревнованиях. К этой же группе можно отнести приёмы по освобождению от различных захватов и обхватов.

Анализ протоколов задержания нарушителей и результатов контрольных проверок подготовленности сотрудников показал, что у полицейских низкий уровень владения боевыми приёмами борьбы.

Статистические данные о ранениях и гибели сотрудников ясно показывают, что основная причина этого – их слабая подготовленность. Напрашивается вывод, что у сотрудников силовых структур необходимо формировать комплексную готовность к профессиональной деятельности в процессе занятий всеми видами физической подготовки. В результате сотрудники не только обретут уверенность в превосходстве над преступником, но и смогут провести быстрое и эффективное его обезоруживание и задержание.

Как правило, в ходе учебных занятий по боевым приёмам борьбы ситуации, характерные для задержания и обезвреживания преступников, не моделируются. Сотрудники слабо знают правовые основы применения приёмов рукопашного боя и табельного оружия, отчего страдает и психологическая их подготовленность к действиям в экстремальных ситуациях в реальных условиях.

Действующая нормативно-правовая база, регламентирующая организацию и проведение

занятий по рукопашному бою, и учебная документация по вопросам обучения и совершенствования этих приемов не всегда способны обеспечить качественную подготовленность сотрудников по данному разделу физической подготовки до уровня навыка.

Содержательный компонент учебной рабочей программы по физической подготовке изобилует боевыми приемами борьбы, которые не способствуют выполнению оперативно-служебных задач, о чём свидетельствуют результаты анкетирования. Не разработана методика обучения этим приёмам в бронежилетах [3]⁶.

Подготовка сотрудников к выполнению оперативно-служебных задач (конкретнее – к задержанию и обезоруживанию преступника) должна проводиться комплексно, с учётом межпредметных связей физической, огневой и тактико-специальной подготовки. Это требует внесения определённых корректив в организацию и методику проведения занятий по перечисленным учебным предметам.

Таким образом, совершенствование подготовки сотрудников органов внутренних дел к выполнению приёмов рукопашного боя должно сводиться к обоснованию формирования комплексной готовности к успешному выполнению служебно-боевых задач в опасных ситуациях в реальных условиях.

Подводя итог, можно заключить, что для повышения уровня подготовленности сотрудников полиции к применению приёмов рукопашного боя необходимо:

- провести научное обоснование содержания учебного материала;
- разработать методику последовательного, поэтапного прохождения учебной программы;
- разработать и обосновать эффективную методику обучения технике приёмов рукопашного боя с последовательным усложнением условий их выполнения (одним из таких условий является выполнение приёмов в средствах индивидуальной бронезащиты).

⁶Хыбыртов Р. Б., Куликов М. Л. Методика построения тренировочного процесса и режим дня спортсменов-рукопашников // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 2(90). – С. 189–193.

Список литературы

1. Торопов В. А., Куликов М. Л., Науменко С. В., Ушенин А. И., Хыбыртов Р. Б. Исследования процесса эффективного обучения сотрудников полиции приёмам рукопашного боя : монография. – Санкт-Петербург: Р-Копи, 2018. – 112 с.
2. Лигута В. Ф., Серебрянников В. А., Кшеввин В. С. Изучение практики применения бросковой техники сотрудниками полиции в ситуациях оперативно-служебной деятельности // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – 2020. – № 2. – С. 214–219.
3. Хыбыртов Р. Б., Торопов В. А., Дутчак П. Р. Дидактические основы и методика обучения приемам рукопашного боя в средствах индивидуальной бронезащиты сотрудников МВД России // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. – 2021. – № 2. – С. 125–129.
4. Губанов Э. В. Единоборства как метод развития психологической устойчивости в экстремальных ситуациях у сотрудников МВД России // Совершенствование физической подготовки сотрудников правоохранительных органов : сборник статей. – Орел : ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова, 2016. – С. 72–74.
5. Гуралев В. М., Евтушенко А. А. О значимости ударной и защитной техники сотрудников органов внутренних дел // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXI Международной научно-практической конференции (5-6 апреля 2018 г.): в 2 ч. / отв.ред. Н. Н. Цуканов; СибЮИ МВД России. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. – Ч. 2. – С. 255–259.

6. Кан Л. В. О необходимости систематизации приёмов задержания, выбора стратегии обучения и совершенствования технико-тактической подготовки сотрудников полиции // Физическое воспитание и спорт: актуальные вопросы теории и практики : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ростов: РЮИ МВД России, 2016. – С. 62–70.

7. Медведев И. В., Семёнов В. В. Совершенствование методики боевых приёмов борьбы как критерия профессиональной компетенции слушателей образовательных организаций МВД России // Проблемы современного педагогического образования– 2017. – № 54 (6). – С. 187–193.

8. Ципинов Х. Б. Актуальные проблемы обучения боевым приёмам борьбы сотрудников полиции, проходящих профессиональное обучение // Вестник экономической безопасности. – 2017. – № 1. – С. 207–211.

9. Осипов А. Ю., Гуралев В. М., Евтушенко А. А. Совершенствование методической базы обучения боевым приёмам борьбы сотрудников МВД России // Проблемы современного педагогического образования. – 2017. – № 54-7. – С. 76–83.

10. Макаров В. М., Журавлев А. А. Самозащита и боевые приёмы борьбы в деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Полицейская и следственная деятельность. – 2015. – № 3. – С. 45–213.

References

1. Toropov V. A., Kulikov M. L., Naumenko S. V., Ushenin A. I., Khybyrtov R. B. Issledovaniya protsessa effektivnogo obucheniya sotrudnikov politsii priyomam rukopashnogo boya : monografiya. – Sankt-Peterburg: R-Kopi, 2018. – 112 s.

2. Liguta V. F., Serebryannikov V. A., Kshevin V. S. Izucheniye praktiki primeneniya broskovoy tekhniki sotrudnikami politsii v situatsiyakh operativno-sluzhebnoy deyatel'nosti // Uchenyye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta. – 2020. – № 2. – S. 214–219.

3. Khybyrtov R. B., Toropov V. A., Dutchak P. R. Didakticheskiye osnovy i metodika obucheniya priyemam rukopashnogo boya v sredstvakh individual'noy bronezashchity sotrudnikov MVD Rossii // Aktual'nyye problemy fizicheskoy i spetsial'noy podgotovki silovykh struktur. – 2021. – № 2. – S. 125–129.

4. Gubanov E. V. Yedinoborstva kak metod razvitiya psikhologicheskoy ustoychivosti v ekstremal'nykh situatsiyakh u sotrudnikov MVD Rossii // Sovershenstvovaniye fizicheskoy podgotovki sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov: sb. st. – Orel :OrYuI MVD Rossii im. V.V. Luk'yanova, 2016. – S. 72–74.

5. Guralev V. M., Yevtushenko A. A. O znachimosti udarnoy i zashchitnoy tekhniki sotrudnikov organov vnutrennikh del // Aktual'nyye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki : materialy XXI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (5-6 aprelya 2018 g.): v 2 ch. / otv.red. N.N. Tsukanov; SibYuI MVD Rossii. – Krasnoyarsk: SibYuI MVD Rossii, 2018. – Ch. 2. – S. 255–259.

6. Кан Л. В. О необходимости систематизации приёмов задержания, выбора стратегии обучения и совершенствования технико-тактической подготовки сотрудников полиции // Физическое воспитание и спорт: актуальные вопросы теории и практики : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ростов: РЮИ МВД России, 2016. – С. 62–70.

7. Медведев И. В., Семёнов В. В. Совершенствование методики боевых приёмов борьбы как критерия профессиональной компетенции слушателей образовательных организаций МВД России // Проблемы современного педагогического образования– 2017. – № 54 (6). – С. 187–193.

8. Ципинов Х. Б. Актуальные проблемы обучения боевым приёмам борьбы сотрудников полиции, проходящих профессиональное обучение // Вестник экономической безопасности. – 2017. – № 1. – С. 207–211.

9. Осипов А. Ю., Гуралев В. М., Евтушенко А. А. Совершенствование методической базы обучения боевым приёмам борьбы сотрудников МВД России // Проблемы современного педагогического образования. – 2017. – № 54-7. – С. 76–83.

10. Макаров В. М., Журавлев А. А. Самозащита и боевые приёмы борьбы в деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Политическая и следственная деятельность. – 2015. – № 3. – С. 45–213.

Статья поступила в редакцию 24.02.2022; одобрена после рецензирования 31.05.2022; принята к публикации 02.06.2022.

The article was submitted February 24, 2022; approved after reviewing May 31, 2022; accepted for publication June 02, 2022.

Психология труда и инженерная психология, когнитивная эргономика

Научная статья

УДК 159.99

doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-203-209

Игорь Вячеславович Гайдамашко

доктор психологических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0001-5146-0064>, gajdamashko@mirea.ru

Игорь Витальевич Бабичев

кандидат психологических наук

<https://orcid.org/0000-0002-6299-2565>, 4377760@mail.ru

Сочинский государственный университет

Российская Федерация, 354003, Сочи, ул. Пластунская, 94

Модель психологического сопровождения подготовки юных спортсменов

Аннотация. Актуальность темы настоящего исследования обусловлена недостаточной разработанностью проблемы психологического сопровождения в детско-юношеском спорте в современной науке.

Цель исследования – разработать модель комплексного психологического сопровождения подготовки спортсменов в системе детско-юношеского спорта. Методы исследования – теоретический анализ, психологическое моделирование.

Предполагается, что моделирование системы психологического сопровождения в детско-юношеском спорте позволит наиболее наглядно, в первую очередь с практической точки зрения, представить данную систему, включая все её элементы: задачи, функции, средства (инструменты), объекты-субъекты, а также, выявить взаимосвязи между этими элементами и условия эффективного функционирования системы.

В результате проведённого исследования были определены основные задачи, функции, средства модели психологического сопровождения подготовки юных спортсменов.

Основными задачами психологического сопровождения являются:

- повышение уровня психологической подготовленности спортсменов в контексте реализации задач тренировочного процесса и соревновательной деятельности;
- личностное развитие спортсменов, что особенно актуально применительно к детскому и юношескому возрасту;
- сохранение психического здоровья юных спортсменов и поддержание высокого уровня их психологического благополучия.

Выделены следующие функции психологического сопровождения: образовательная, оценивающая, развивающая, помогающая и профилактическая.

К основным средствам психологического сопровождения отнесены: психодиагностика; психологическое консультирование; психологические тренинги, семинары и мастер-классы; специальные тренировки и методические рекомендации.

Важным условием реализации предложенной модели психологического сопровождения является использование синергетического подхода, который проявляется в первую очередь в отказе от излишней формализации педагогического процесса, значительной автономности его участников, а также многовариантности вектора психологической подготовки спортсменов – наличии альтернативных способов и методов, наиболее эффективных в определённых ситуациях и текущих условиях.

Ключевые слова: психологическое сопровождение, детско-юношеский спорт, юные спортсмены, процесс подготовки, психологическая подготовка, уровень психологической подготовленности

Для цитирования: Гайдамашко И. В., Бабичев И. В. Модель психологического сопровождения подготовки юных спортсменов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 203–209; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-203-209.

Igor V. Gaidamashko

Dr. Sci. (Psy.), Professor

<https://orcid.org/0000-0001-5146-0064>, gajdamashko@mirea.ru.

Igor V. Babichev

Cand. Sci. (Psy.)

<https://orcid.org/0000-0002-6299-2565>, e-mail: 4377760@mail.ru.

Sochi State University

94, Plastunskaya str, Sochi, 354003, Russian Federation

Model of psychological support for the training of young athletes

Abstract: Insufficient development of the problem of psychological support in youth sports in modern science validates the relevance of the following study.

The purpose of the research is to develop a model of comprehensive psychological support for the training of athletes in the system of youth sports. The author used theoretical analysis, and the method of psychological modeling. It is assumed that the modeling of the system of psychological support in children's and youth sports allows to present this system in a most clear and practical way, including all its elements: tasks, functions, means (tools), objects and subjects, as well as to identify the relationship between these elements and the conditions for the effective functioning of the system. As a result of the conducted research, the main tasks, functions, and tools of the model of psychological support for the training of young athletes were identified.

The main tasks of psychological support are:

- increasing the level of psychological preparedness of athletes in the context of the implementation of the tasks of the training process and competitive activity;
- personal development of athletes, which is especially relevant for children and youth;
- maintaining the mental health of young athletes and a high level of their psychological well-being.

The following functions of psychological support are highlighted: education, evaluation, development, support and prevention. The main tools of psychological support include psychological assessment; psychological counseling; psychological trainings, workshops and discussion groups; special trainings and methodological recommendations.

An important condition for the implementation of the proposed model of psychological support is the use of a synergetic approach, which manifests itself, first of all, in the rejection of excessive formalization of the pedagogical process, significant autonomy of its participants, as well as the multivariance of the vector of psychological training of athletes – the availability of alternative methods and methods that are most effective in certain situations and current conditions.

Keywords: psychological support, youth sports, young athletes, the preparation process, psychological preparation, the level of psychological preparedness.

For citation: Gaidamashko I. V., Babichev I. V. Model of psychological support for the training of young athletes // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – P. 203–209; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-203-209.

В настоящее время проблема психологической подготовленности спортсменов, в том числе и в спорте высших достижений, не теряет своей актуальности, несмотря на серьёзные достижения психологии спорта с точки зрения разработки и внедрения новых методик и психологических технологий в процесс подготовки спортсменов.

Многими специалистами подчёркивается необходимость всесторонней психологической подготовки спортсменов, начиная с детского возраста, одновременно с началом их серьёзной спортивной деятельности, включающей соревновательную практику.

Реализация этой задачи возможна в рамках комплексной системы психологического сопровождения в детско-юношеских спортивных школах, клубах, сборных командах и т. п.

Несмотря на то, что определённые исследования проблемы построения системы психологического сопровождения в детско-юношеском спорте осуществлялись различными специалистами, по нашему мнению, в настоящее время она разработана недостаточно, что и обуславливает актуальность настоящего исследования.

Цель исследования – разработать модель комплексного психологического сопровождения подготовки спортсменов в системе детско-юношеского спорта.

Методы исследования – теоретический анализ, психологическое моделирование.

В целом в современной науке под моделью понимается мысленно представленная или материально реализованная система, отображающая или воспроизводящая комплекс существенных свойств и способная замещать объект в процессе познания¹ [11].

Одними из основных особенностей метода моделирования в психологии являются: во-первых, наличие наглядной основы (демонстрационность); во-вторых, возможность получения новых знаний о системе путём вывода по аналогии [7].

Таким образом, мы предполагаем, что моделирование системы психологического сопровождения в детско-юношеском спорте позволит наиболее наглядно, в первую очередь, с практической точки зрения, представить данную систему, включая все ее элементы: задачи, функции, средства (инструменты), объекты-субъекты, а также, выявить взаимосвязи между этими элементами и условия эффективного функционирования системы.

По нашему мнению, одним из ключевых вопросов применительно к задаче построения любой системы, решающей практические задачи, является конкретизация этих задач.

Исходя из утверждения, что психологическое сопровождение в спорте в целом подразумевает содействие в достижении максимальных для конкретного спортсмена результатов и создании благоприятных условий для его профес-

сионального и личностного развития, на разных этапах карьеры [10], основными задачами психологического сопровождения являются:

- повышение уровня психологической подготовленности спортсменов в контексте реализации задач тренировочного процесса и соревновательной деятельности;

- личностное развитие спортсменов, что особенно актуально применительно к детскому и юношескому возрасту;

- сохранение психического здоровья юных спортсменов и поддержание высокого уровня их психологического благополучия.

Несмотря на то, что различные исследователи обозначают более широкий круг задач, решаемых спортивными психологами² [10; 11], все они либо суммируются и обобщаются предложенным выше перечнем задач, либо в большей степени относятся к функциональным компонентам психологического сопровождения, о которых мы будем говорить ниже.

Отдельно стоит отметить, что в настоящий момент вызывает определённые сомнения практическое решение такой задачи психологического сопровождения, как психологический отбор спортсменов, обозначенной некоторыми авторами³ [8].

Высокий уровень коммерциализации современного спорта, в том числе и детско-юношеского, в достаточной степени затрудняет отбор спортсменов в целом. В реальных условиях тренерам зачастую приходится работать с юными спортсменами, чьи родители могут нести существенные финансовые издержки, связанные с тренировочным процессом, что особенно характерно для наиболее популярных видов спорта (теннис, фигурное катание, футбол, хоккей и пр.). Кроме того, достаточно сложно представить на практике, что физически одарённого ребёнка, несмотря на мнение тренера той или иной спортивной организации, «забракует» спортивный психолог.

Вместе с тем в условиях реального конкурсного отбора, в первую очередь в сборные команды, мнение психолога о перспективах того или иного спортсмена с точки зрения его психологической подготовленности, несомненно, должно учитываться наряду с мнением других специалистов.

Возвращаясь к перечню задач психологического сопровождения в детско-юношеском спорте, обозначенных нами выше, необходимо отметить и существующие между ними взаимосвязи.

Так, эффективное личностное развитие, включающее формирование важных для спорта качеств (саморегуляция, волевые качества и т. п.), во многом определяет уровень психологической подготовленности юного спортсмена. В свою очередь, достаточный уровень психо-

¹ Никандров В.В. Метод моделирования в психологии : учебное пособие. – Санкт-Петербург: Речь, 2003. – 55 с.

² Багадирова С. К. Материалы к курсу «Спортивная психология» : учебное пособие. – Майкоп: Магарин О. Г., 2014. – 243 с.

³ Там же.

логической подготовленности, позволяющий противостоять стрессовым воздействиям спортивной деятельности, способствует сохранению психического здоровья и психологического благополучия индивида.

Для реализации своих основных задач система комплексного психологического сопровождения должна реализовывать определенные функции, под которыми также можно понимать основные направления деятельности спортивных психологов.

По мнению С. К. Багадировой, основными функциями психолога в рамках осуществления психологического сопровождения в спорте являются просветительская (реализуется в работе с тренерами, спортсменами, родителями и со спортивной общественностью), обучающая (реализуется в ходе обучения спортсменов навыкам психорегуляции и методам формирования психической устойчивости), прогностическая (заключается в предвидении ближайших и пролонгированных результатов личностного развития и достижений спортсмена)⁴.

В качестве основных направлений работы в рамках психологического сопровождения в современной психологии спорта также отмечают развитие необходимых спортсмену качеств личности (спортивно значимых качеств), психологическую профилактику, мониторинг психологической подготовленности и актуального психического состояния, психологическую помощь и т.п.⁵ [8].

Обобщая взгляды учёных на составляющие психологического сопровождения спортивной деятельности, мы выделяем следующие его функции:

- образовательная функция, включающая психологическое просвещение, направленное на повышение психологической компетентности спортсменов, тренеров, родителей юных спортсменов [1; 3], а также обучение различным методам психологической подготовки, в первую очередь, навыкам психической саморегуляции⁶;

- оценивающая функция, реализуемая с помощью различных методов психодиагностики, которая включает прежде всего определение индивидуальных особенностей спортсменов и постоянный мониторинг актуального уровня их психологической подготовленности, позволяющий в определённой мере прогнозировать эффективность соревновательной деятельности на ближайших стартах (прогностическая функция), что в свою очередь может способствовать оптимизации соревновательного графика, а также оценивать эффективность всей системы психологического сопровождения (функция обратной связи);

- помогающая функция – психологическая помощь спортсменам, их родителям и тренерам,

включающая ситуации, напрямую не связанные со спортивной деятельностью;

- профилактическая функция, заключающаяся прежде всего в обеспечении наиболее благоприятных условий спортивной деятельности и минимизации влияния её негативных (стрессующих) факторов;

- развивающая функция, направленная на активное развитие спортивно значимых качеств юниоров.

Необходимо отметить, что функции системы психологического сопровождения тесно взаимосвязаны между собой.

Так, реализация образовательной функции в части, касающейся психологического просвещения спортсменов, их тренеров и родителей, позволяет в наибольшей мере реализовывать другие функции психологического сопровождения, так как повышение психологической компетентности тренеров и родителей делает их полноценными субъектами процесса личностного развития спортсменов, способствует обеспечению наиболее благоприятных условий и наибольшей индивидуализации тренировочного процесса и т. д.

В свою очередь, с помощью оценивающей функции могут вноситься необходимые коррективы и дополнения в другие элементы психологического сопровождения, например, те или иные методы психологической подготовки юных спортсменов могут заменяться на более эффективные.

Кроме того, помогающая функция (психологическая помощь) осуществляется прежде всего на основе постоянного мониторинга актуального психического состояния спортсменов, направленного в том числе и на выявление возможных психологических проблем. При этом, естественно, не исключается инициативное обращение спортсменов, их тренеров и родителей по тем или иным актуальным проблемам.

Для осуществления своих основных функций система психологического сопровождения в детско-юношеском спорте использует определённые средства [11], включающие в себя различные методы психологической подготовки, развивающие психотехнологии, разнообразные формы психолого-педагогической деятельности.

К таким средствам психологического сопровождения мы относим:

- мало и строго формализованные методы психологической диагностики, а также их аппаратное и программное обеспечение;

- различные развивающие психологические тренинги (индивидуальные и групповые), в том числе с использованием специальной аппаратуры – например, аппараты биологической обратной связи (БОС), аудио- и видеостимуляции и пр.;

- семинары и мастер-классы для спортсменов, тренеров и родителей, направленные на повышение, как общей психологической грамотности (например, в области психологии индивидуальных различий), так и уровня знаний, необходимых для решения конкретных задач психологической подготовки юных спортсменов;

⁴ Багадирова С. К. Указ. соч.

⁵ Там же.

⁶ Бабичев И. В., Жихарева О. И. Психологическая подготовка теннисистов: учебно-методическое пособие. – Казань: Олитех, 2017. – 88 с.

– психологическое консультирование, которое может использоваться не только для оказания необходимой психологической помощи, но и как инструмент психологического просвещения по различным вопросам спортивной деятельности, а также для внесения необходимых корректив в систему родительского воспитания [2];

– подготовка методических рекомендаций для родителей, содержащих наиболее актуальную информацию по вопросам воспитания и психологической подготовки юных спортсменов, изложенную в доступной форме.

Структурно модель психологического сопровождения процесса подготовки юных спортсменов может быть представлена следующим образом (см. рис. 1). Она включает задачи, функ-

ции, инструменты (средства) психологического сопровождения (ПС), а также его внутренние субъектно-объектные связи.

Одной из важных особенностей предлагаемой модели психологического сопровождения является то, что и тренеры, и родители юных спортсменов одновременно являются и объектами и субъектами сопровождения.

Психолог осуществляет в отношении них сопровождение, направленное в первую очередь на повышение их психологической компетенции, которое позволяет в дальнейшем рассматривать их как полноценных субъектов психологического сопровождения, участвующих в процессе психологической подготовки юных спортсменов.

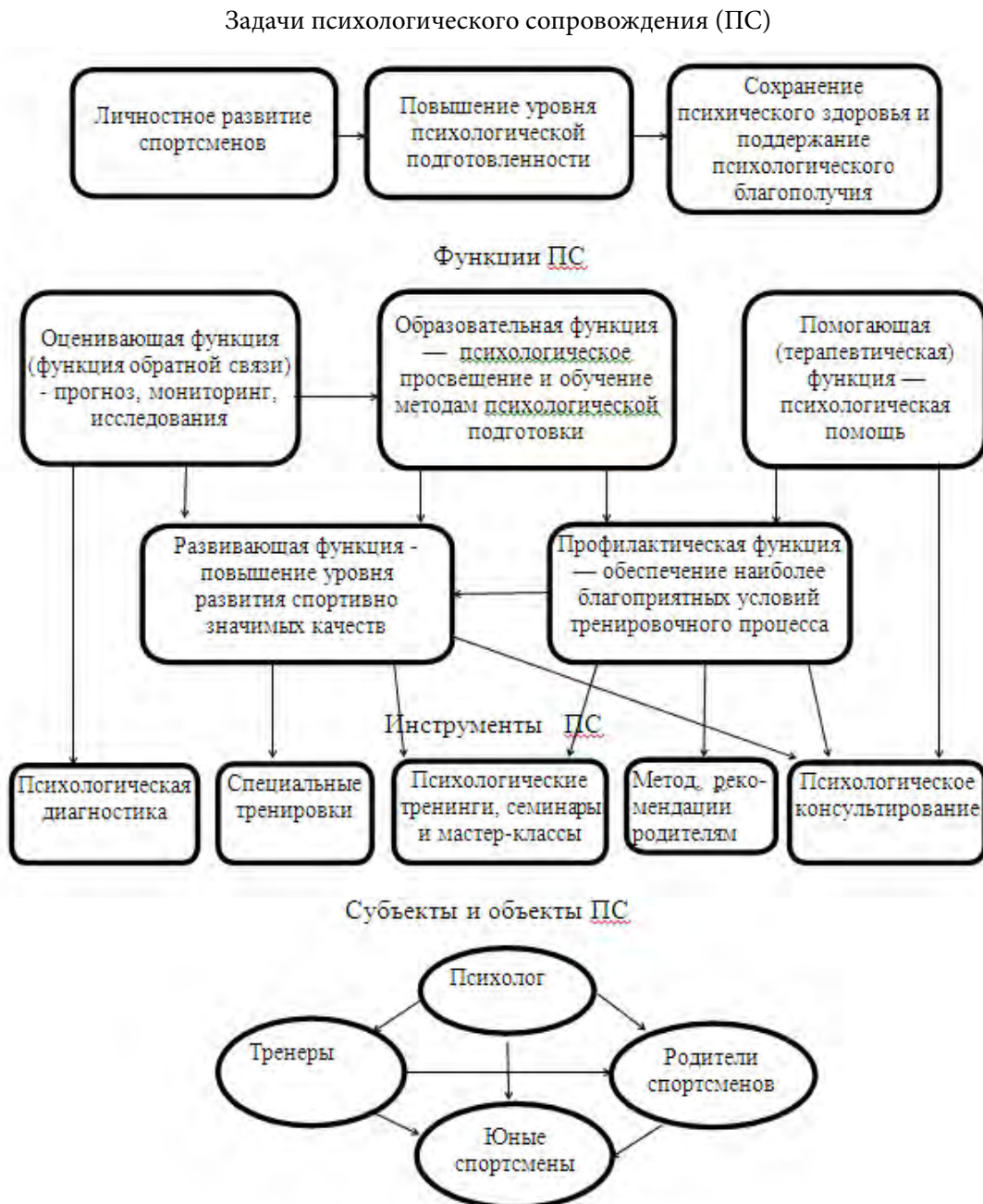

Рис. 1. Структурная модель психологического сопровождения процесса подготовки в детско-юношеском спорте

Необходимо отметить, что реализация этой задачи во многом зависит от профессионализма и личных качеств психолога, осуществляющего психологическое сопровождение в спортивной организации. Это условие можно рассматривать как ключевое с точки зрения эффективности предлагаемой модели.

От профессиональной компетенции, коммуникативных возможностей и педагогических навыков специалиста-психолога, его авторитета, нацеленности на постоянное профессиональное развитие в конечном итоге зависит полноценное вовлечение тренерского состава и родителей в процесс повышения психологической подготовленности юниоров.

Стоит отметить, что роль родителей, их положительное или негативное влияние на юных спортсменов подчёркивается многими специалистами в области детско-юношеского спорта, в том числе и за рубежом [1; 9].

Таким образом, образовательная функция (психологическое просвещение) может рассматриваться как наиболее приоритетное направление работы на начальном этапе реализации модели психологического сопровождения в детско-юношеском спорте, успех которого во многом позволяет прогнозировать эффективность других его компонентов.

По нашему мнению, наиболее эффективным шагом на начальном этапе реализации модели психологического сопровождения в спортивной организации является полноценный курс повышения квалификации для тренерского состава, содержание которого определяется исходя из требований к психологической компетенции спортивного тренера [4; 5; 12].

Необходимо отметить, что повышение психологической компетентности тренеров и родителей является не только важной функцией модели психологического сопровождения, но одновременно и условием её полноценной реализации.

Другим важным условием эффективности психологического сопровождения в спортивной организации является соответствующее материально-техническое обеспечение, включающее в первую очередь:

– наличие возможности использовать отдельное помещение, удовлетворяющее требованиям для проведения психодиагностических исследований, специальных тренингов, психологического консультирования и т.п.;

– аппаратуру и программное обеспечение для проведения комплексной психологической диагностики и развивающих тренингов (например, с использованием БОС-технологий).

Кроме того, не исключаются ситуации, требующие дополнительных затрат, когда для решения задач психологической подготовки могут периодически привлекаться сторонние специалисты, так как психолог, осуществляющий сопровождение, не всегда в полной мере может обладать возможностями для проведения мероприятий, подразумевающих достаточно узкую специализацию, например, дыхательных и медитативных практик для спортсменов определённого возраста [1].

Здесь стоит отметить следующее: несмотря на то, что предлагаемая модель психологического сопровождения подразумевает крайне высокий уровень профессионализма психолога, её реализующего, мы исходим из того, что в настоящий момент таких специалистов недостаточно. Соответственно, главным требованием к психологу в такой ситуации является в первую очередь наличие выраженной мотивации на повышение своей профессиональной компетенции. В этом смысле сам психолог выступает в качестве объекта непрерывного развития.

Важным условием реализации предложенной модели психологического сопровождения, по нашему мнению, является использование синергетического подхода, который проявляется в первую очередь в отказе от излишней формализации педагогического процесса, значительной автономности его участников, а также многовариантности вектора психологической подготовки спортсменов – наличия альтернативных способов и методов, наиболее эффективных в определённых ситуациях и текущих условиях.

Таким образом, в результате проведённого исследования были определены основные задачи, функции, инструменты (средства) модели психологического сопровождения в детско-юношеском спорте, а также наиболее значимые условия её эффективной реализации и взаимосвязи между её элементами.

Реализация предложенной модели на практике, по нашему мнению, позволит не только решать непосредственные задачи психологического сопровождения в спорте, но и в целом способствовать развитию подрастающего поколения, например, в аспекте формирования его функциональной грамотности [6].

Список литературы

1. Бабичев И. В. Психологическая подготовка юных теннисистов : книга для тренеров и родителей теннисистов. – Москва: Перо, 2018. – 123 с.
2. Бабичев И. В., Латин А. Ю., Поляев Б. А., Жихарева О. И. Особенности психологического консультирования в спорте // Лечебная физкультура и спортивная медицина. – 2017. – № 4 (142). – С. 49–53.
3. Гайдамашко И. В., Бабичев И. В. Особенности психологического просвещения в системе детско-юношеского спорта // Вестник спортивной науки. – 2022. – № 1. – С. 36–41.
4. Гайдамашко И. В., Бабичев И. В. Организационно-педагогические условия применения психодиагностики в работе тренеров в детско-юношеском спорте // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. – 2021. – № 2. – С. 60–65.

5. *Гайдамашко И. В., Бабичев И. В.* Содержание психологической компетентности тренера в детско-юношеском спорте в аспекте психологической подготовки спортсменов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. – 2021. – № 4. – С. 33–41.

6. *Гайдамашко И. В., Бабичев И. В., Вечерина А. Н.* Условия и механизмы формирования функциональной грамотности в подростковом и юношеском возрасте // Человеческий капитал. – 2022. – № 1 (157). – С. 190–195.

7. *Дмитриева Ю. А., Грязева-Добшинская В. Г.* Метод моделирования в социальной психологии // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. – 2013. – Т. 6. – № 1. – С. 18–25.

8. *Ильин Е. П.* Психология спорта. – Москва [и др.]: Питер, 2008. – 351 с.

9. *Лоер Дж., Кан Е.* Книга для родителей, чьи дети играют в теннис. – Санкт-Петербург: Сэнтэ, 2008. – 63 с.

10. *Смирнова В. В.* Соотношение компонентов психологического сопровождения спортивной деятельности // Учёные записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2009. – № 10 (56). – С. 89–93.

11. *Солдатова Г. В., Смирнова Н. В.* К проблеме психологического сопровождения спортсменов // Теория и практика физической культуры. – 2016. – № 1. – С. 56–58

12. *Gaidamashko I., Babichev I., Zhikhareva O.* The main conditions for the development of the teacher's professionalism in modern conditions / E3S Web of Conferences. 14. – Rostov-on-Don, 2021.

References

1. *Babichev I. V.* Psikhologicheskaya podgotovka yunyx tennisistov : kniga dlya trenerov i roditeley tennisistov. – Moskva: Pero. 2018. – 123 s.

2. *Babichev I. V., Lapin A. Yu., Polyayev B. A., Zhikhareva O. I.* Osobennosti psikhologicheskogo konsul'tirovaniya v sporte // Lechebnaya fizkul'tura i sportivnaya meditsina. – 2017. – № 4 (142). – С. 49–53.

3. *Gaydamashko I. V., Babichev I. V.* Osobennosti psikhologicheskogo prosveshcheniya v sisteme detsko-yunosheskogo sporta // Vestnik sportivnoy nauki. – 2022. – № 1. – С. 36–41.

4. *Gaydamashko I. V., Babichev I. V.* Organizatsionno-pedagogicheskiye usloviya primeneniya psikhodiagnostiki v rabote trenerov v detsko-yunosheskom sporte // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya. – 2021. – № 2. – С. 60–65.

6. *Gaydamashko I. V., Babichev I. V.* Soderzhaniye psikhologicheskoy kompetentnosti trenera v detsko-yunosheskom sporte v aspekte psikhologicheskoy podgotovki sportsmenov // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pedagogika i psikhologiya». – 2021. – № 4. – С. 33–41.

6. *Gaydamashko I. V., Babichev I. V., Vecherina A. N.* Usloviya i mekhanizmy formirovaniya funktsional'noy gramotnosti v podrostkovom i yunosheskom vozraste // Chelovecheskiy kapital. – 2022. – № 1 (157). – С. 190–195.

7. *Dmitriyeva Yu. A., Gryazeva-Dobshinskaya V. G.* Metod modelirovaniya v sotsial'noy psikhologii // Vestnik YuUrGU. Seriya: Psikhologiya. – 2013. – Т. 6. – № 1. – С. 18–25.

8. *Il'in Ye. P.* Psikhologiya sporta. – Moskva [i dr.]: Piter, 2008. – 351 s.

9. *Loyer Dzh., Kan Ye.* Kniga dlya roditeley, ch'i deti igraut v tennis. – SSente, 2008. – 63 s.

10. *Smirnova V. V.* Sootnosheniye komponentov psikhologicheskogo soprovozhdeniya sportivnoy deyatel'nosti // Uchonyye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta. – 2009. – № 10 (56). – С. 89–93.

11. *Soldatova G. V., Smirnova N. V.* K probleme psikhologicheskogo soprovozhdeniya sportsmenov // Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury. – 2016. – № 1. – С. 56–58.

12. *Gaidamashko I., Babichev I., Zhikhareva O.* The main conditions for the development of the teacher's professionalism in modern conditions / E3S Web of Conferences. 14. – Rostov-on-Don, 2021.

Статья поступила в редакцию 20.03.2022; одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 28.04.2022.

The article was submitted March 20, 2022; approved after reviewing April 11, 2022; accepted for publication April 28, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 796.92
doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-210-214

Михаил Львович Куликов

кандидат педагогических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0001-7871-3711>, fppe@yandex.ru

Станислав Васильевич Науменко

кандидат педагогических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0002-1353-2407>, fppe@yandex.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Особенности психологической подготовки лыжника-гонщика

Аннотация: Высокий уровень конкуренции в современном спорте предъявляет повышенные требования ко всем аспектам спортивной подготовки. Психологическая подготовка спортсмена наряду с другими видами подготовки является важнейшим фактором тренировочного процесса, и ей необходимо уделять пристальное внимание, включая в план годового цикла тренировок. Специфика лыжных гонок накладывает свой отпечаток на психологическую составляющую тренировочного процесса. Спортсмену приходится преодолевать трудности как объективного характера, связанные в основном с условиями внешней среды, в которых протекают соревнования, так и с субъективными трудностями, обусловленными индивидуальными особенностями. Особое значение это имеет в период соревновательной деятельности и на этапе, непосредственно предшествующем соревнованиям. Процесс психологической подготовки должен быть специально организован и направлен на обеспечение адаптации к соревновательной деятельности. Оптимальный уровень нервного и эмоционального возбуждения, характеризующийся как состояние боевой готовности, напрямую влияет на результат лыжника-гонщика, показанный в соревнованиях. Моделирование условий соревнований во время тренировочного процесса позволяет достигать состояния оптимальной психологической готовности спортсмена. В статье проводится разделение на общую и специальную психологическую подготовку, рассматриваются задачи и условия их реализации, выделяются этапы специальной подготовки.

Ключевые слова: психологическая подготовка, соревновательная деятельность, психическая готовность, лыжник, тренировки

Для цитирования: Куликов М. Л., Науменко С. В. Особенности психологической подготовки лыжника-гонщика // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 210–214; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-210-214.

Mikhail L. Kulikov

Cand. Sci. (Ped.), Docent
<https://orcid.org/0000-0001-7871-3711>, fppe@yandex.ru

Stanislav V. Naumenko

Cand. Sci. (Ped.), Docent
<https://orcid.org/0000-0002-1353-2407>, fppe@yandex.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Features of psychological training of a ski racer

Abstract: Modern sport is a competitive environment where the bar for the athletes in every aspect of the training is set very high. Psychological preparation of an athlete, along with other types of training, is one of the most important factors in the training process that demands a close attention and should be included in the annual training plan. Ski racing specifics influence the psychological part of the training process in its own way. The athlete prepares to cope not only with the objective obstacles mostly depending on the

weather conditions during the competitions, but with the challenges of a subjective nature due to a human factor. The latter is particularly important during the period of competitions and at the stage immediately preceding the competition. The process of psychological training should be aimed at the adaptation to the process of competitions. The optimal level of arousal and emotional agitation – mental readiness – directly affects the ski racing sport results. Modeling the competitive situation during a training process is a method of reaching that optimal state. The author explores the general and special psychological training methods, discusses the tasks and conditions for their implementation, and highlights the stages of special training.

Keywords: psychological preparation, competitive activity, mental readiness, skier, training

For citation: Kulikov M. L., Naumenko S. V. Features of psychological training of a ski racer // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – P. 210–214; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-210-214.

Введение

В современном спорте уровень спортивных результатов и конкуренция между соперниками настолько высоки, что зачастую побеждает спортсмен, который лучше подготовлен не только в физическом плане, но и в психологическом¹. Всё большее значение приобретает психологическая подготовка к соревнованиям, которая становится такой же важной составляющей частью тренировочного процесса, как физическая, техническая и тактическая подготовки [1; 2]. Понимание содержания спортивной деятельности, специфики конкретного вида спорта является существенным моментом в выстраивании психологической работы со спортсменами.

Описание исследования

Специфика лыжных гонок предполагает воздействие объективных факторов внешней среды, таких как ветер, снег, температура воздуха, особенности рельефа с трудными подъёмами и спусками, скольжение и т. п. Помимо этого спортсмену приходится преодолевать трудности субъективного характера, в том числе обусловленные его индивидуальными особенностями, такими как страх падений с получением травм, беспокойство за инвентарь (поломка или повреждение на дистанции), волнение по поводу длины и сложности трассы, неуверенность в своих силах, сомнения в качестве инвентаря и «попадания в смазку», скорость адаптации к непривычной обстановке, смущение из-за участия сильных соперников, излишний перфекционизм в стремлении попасть в победители и призёры, чрезмерно сильное переживание неудач, сумма всех субъективных переживаний в ходе спортивных состязаний, восприятие хода спортивной борьбы, информации о действиях соперников и др. Всё это может вызывать нежелательные изменения в психическом состоянии и сказываться на результате. Особенно подчеркнем трудности, связанные с длительными нагрузками на фоне нарастающего утомления, которые неблагоприятно влияют на сознательное

управление спортсменом своей деятельностью во время прохождения дистанции.

В процессе спортивной подготовки вырабатываются определенные адаптационные механизмы деятельности. Здесь можно выделить врождённую (генотипическую) адаптацию как особенности наследственности морфофункциональных свойств и приобретенную адаптацию как механизм приспособления к избранной спортивной деятельности. Адаптация в процессе соревновательной деятельности имеет этапный характер. До начала соревнований необходимо сформировать общий настрой на предстоящие соревнования. Это так называемая предсоревновательная готовность или установочная адаптация [3]. На этом этапе происходит подготовка инвентаря и экипировки, апробация смазок, идет общение с соперниками, тренерами, смазчиками и т.п., психика спортсмена адаптируется к окружающей среде, происходит настрой на предстоящую деятельность. Во время разминки, выполнения специальных упражнений, мысленного прокручивания тактических вариантов гонки происходит настроечная адаптация, когда включаются секреторные, двигательные и другие физиологические механизмы, обеспечивающие предстоящий старт. В зависимости от складывающейся обстановки могут вноситься те или иные коррективы (ситуационная адаптация). После старта, в процессе прохождения дистанции происходит исполнительная адаптация как приспособление к условиям протекания гонки (особенности рельефа, погодные условия, техника лыжных ходов, смена темпа, ритма и т.п.).

Специфические условия соревновательной деятельности лыжника-гонщика, сложность и вариативность борьбы, предельное напряжение физических и психических сил предъявляют повышенные требования к ориентирующей и регулирующей функциям его сознания. Это вызвано условиями окружающей среды, в которых протекает гонка, а также взаимодействием между соперниками на дистанции. Иногда говорят, что основным соперником лыжника является пространство и время, так как функции сознания спортсмена связаны с направленностью на преодоление соревновательной дистанции в наименьший отрезок времени, а также

¹ Сопов В. Ф. Теория и методика психологической подготовки в современном спорте : методическое пособие. – Москва: 6. и., 2010. – 116 с.

управлением собственным состоянием на фоне нарастающего утомления. Определённые влияния оказывают и особенности взаимодействия участников во время преодоления дистанции.

Достижение хорошей спортивной формы предполагает наряду с хорошими физическими кондициями состояние психической готовности к предстоящим соревнованиям. Любому психическому состоянию присущ ряд признаков. В основном выделяют три формы предстартовых состояний: **предстартовая апатия** (вялость, подавленность, плохое настроение, пассивность, неуверенность в своих силах); **предстартовая лихорадка** (чрезмерное эмоциональное возбуждение, неустойчивое настроение, рассеянность, беспричинная суетливость, неадекватные реакции, волнение и т. п.); **боевая готовность** (оптимальный уровень нервного и эмоционального возбуждения, подъём сил при мысли о предстоящем старте, «спортивная злость»). Существует прямая зависимость между различными формами предстартовых состояний и показанными в соревнованиях результатами² [3; 4; 5]. Особенности соревновательной деятельности лыжника-гонщика накладывают отпечаток на его оптимальную психическую готовность, предполагающую высокую резистентность в процессе соревнования к различным неблагоприятным факторам, способность осознавать свои чувства и действия и управлять ими, устойчивость психики и стабильность поведения лыжника к различного рода помехам, связанным с условиями проводимых соревнований.

Психологическая подготовка должна строиться с учетом периодизации спортивной деятельности. В самом общем виде можно выделить подготовительный и соревновательный периоды. В подготовительном периоде достижение состояния психической готовности обеспечивается всем процессом спортивной подготовки, в ходе которой условия тренировок во многом моделируют условия соревнований. В результате этого формируются необходимые психические и физические качества, усиливается адаптация к условиям соревновательной деятельности. Такая подготовка может рассматриваться в качестве общей психологической подготовки подготовительного периода³ [6]. К задачам общей психологической подготовки относятся: формирование стремления к постоянному улучшению своих спортивных результатов; развитие и совершенствование свойств личности, волевых качеств, специализированных восприятий, функций психики, необходимых для успешного выступления в соревнованиях; адаптация к соревновательной обстановке. Стремление улучшать свои спортивные результаты является основной движущей силой спортсмена, мотивирующей его переносить большие нагрузки в процессе тре-

нировок и соревнований. Весь процесс подготовки лыжника к соревнованиям способствует формированию этого стремления⁴ [7].

Важнейшей задачей общей психологической подготовки лыжника является развитие волевых качеств. Для решения этой задачи условия проведения тренировок подбираются таким образом, чтобы быть максимально приближенными к условиям предстоящих соревнований. Так, в частности, тренировки в условиях сложного рельефа местности, при неблагоприятных метеорологических условиях развивают не только физические качества спортсмена, но и способствуют развитию психических качеств. Сам характер деятельности лыжника, продолжительные объёмные тренировки, направленные на развитие выносливости, силовых и скоростных качеств, способствуют формированию волевых качеств. Групповые тренировки повышают эмоциональный фон, воспитывают выдержку и самообладание. Сама соревновательная обстановка предполагает действие неблагоприятных факторов, отвлекающих внимание спортсмена, мешающих ему настроиться на борьбу, сосредоточиться на соревновательной деятельности. В связи с этим на подготовительном этапе встает задача научить лыжника умению распределять внимание, «видеть» окружающую обстановку на высоких соревновательных скоростях, сосредоточиваться на главном и быстро принимать решения. Это, в частности, достигается усложнением обстановки, использованием соревновательных элементов в тренировочном процессе, проведением контрольных прикидок, групповых занятий в скоростных тренировках.

Важным компонентом психологической подготовки лыжника к соревнованиям является формирование умений самостоятельной регуляции психических состояний перед стартом [8]. Лыжнику-гонщику необходимо овладеть умением контролировать внешние проявления эмоциональных состояний и регулировать их через расслабление, усиление или успокоение дыхания. Важной частью психологической подготовки лыжника является также и обучение приемам словесного самовнушения, направленным на быстрое переключение, успокоение или повышение активности, нивелирование неблагоприятных факторов окружающей обстановки [9]. Разминка перед соревнованиями также способствует успокоению и позволяет лучше подготовиться к старту. Особенно благоприятно сочетание разминки с аутогенной тренировкой.

В отличие от общей, специальная психологическая подготовка направлена на формирование психической готовности спортсмена к конкретному соревнованию. Основной задачей психологической подготовки здесь является достижение оптимальной психической готовности спортсмена с учётом специфики соревнований в лыжных гонках. Специфика же заключается в том, что участие в одних соревнованиях предполагает старты на нескольких дистанциях,

² Там же.

³ Малкин В. Р., Рогалева Л. Н. Психотехнологии в спорте : учебное пособие. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2013. – 96 с.

⁴ Сопов В. Ф. Указ. соч.

и важно сохранять психическую свежесть и боевой настрой на протяжении всех дней соревнований. Содержанием специальной подготовки будет: 1) принятие решения готовиться к соревнованию; 2) формирование настроения на соревнование и уверенности в своей подготовленности; 3) совершенствование умений и навыков управления своими действиями, поведением, необходимым в предстоящем соревновании; 4) формирование уровня эмоционального возбуждения и помехоустойчивости в ходе соревнования.

Специальная подготовка включает этапы предварительной, основной и непосредственной подготовки.

На предварительном этапе подготовки собирается информация о предстоящем соревновании: условия проведения, сроки и место, масштаб соревнований, количество дистанций, возможное участие соперников, рельеф трассы и т. п. Сопоставляя сроки проведения соревнований и его условия со своими планами, спортсмен и тренер оценивают свои силы, целесообразность участия, имеющиеся возможности и принимают решение о подготовке и участии в соревновании.

Во время основного этапа подготовки решаются задачи совершенствования приобретенных умений и навыков регуляции своих действий и состояний, формирование уверенности в своих силах, а также постановки целей участия, разработки планов тренировок, контрольных прикидок. На этом этапе важная роль отводится тренеру, который должен на основе имеющегося опыта предусмотреть различные варианты возможных осложнений в подготовке и определить пути их устранения.

И, наконец, этап непосредственной подготовки к предстоящему соревнованию начинается с момента прибытия к месту его проведения. Задача этого этапа – достижение лыжником состояния оптимальной психической готовности к предстоящему выступлению. Для этого необходимо осознать условия проведения соревнований, оценить свои силы, возможности и поставить реальные, достижимые задачи,

спрогнозировать свою деятельность на всём протяжении соревнований, использовать методы психологического регулирования своей деятельности для снятия излишнего напряжения или активизации, мобилизации внутренних ресурсов. Задача тренера на этом этапе – сформировать у спортсменов активную установку на предстоящую борьбу, на решение поставленных перед спортсменом и командой задач. Уровень соревнований и личная значимость их для спортсмена могут оказывать значительное влияние на его психическое состояние. Чтобы избежать или уменьшить влияние этих негативных факторов, применяют методы и приёмы специальной психологической подготовки, в частности, аутогенную тренировку. Тренировки непосредственно перед соревнованиями строятся с учётом психического состояния спортсмена. При слишком высоком возбуждении проводятся продолжительные тренировки с умеренной интенсивностью и равномерным распределением нагрузки. Соответственно, при вялом, апатичном состоянии используются тренировочные средства высокой интенсивности. Важно подбирать характер и интенсивность тренировок с учётом индивидуальных особенностей лыжников, позволяющих им выйти на оптимальный уровень спортивной формы перед предстоящим стартом.

Заключение

Таким образом, сложность и многогранность процесса спортивной подготовки лыжника-гонщика к соревнованиям наряду с физической, технической и тактической подготовкой требует включения и психологической (общей и специальной) подготовки [10]. Необходимо уделять самое пристальное внимание различным аспектам психологической подготовки лыжника-гонщика, находя индивидуальные подходы к каждому конкретному спортсмену, используя разнообразные методы и приёмы психологической подготовки с учётом уровня спортивной подготовленности и развития личностных качеств.

Список литературы

1. Гилев Г. А., Гладков В. Н., Владыкина В. В. Психологическая подготовка спортсмена // Учёные записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2018. – № 1 (155). – С. 291–294.
2. Красникова А. А., Коробейникова Е. И. Психологическая подготовка спортсменов как необходимое условие успешной соревновательной деятельности // Наука-2020. – 2019. – № 11 (36). – С. 38–43.
3. Ильин Е. П. Психология спорта. – Санкт-Петербург: Питер, 2011. – 351 с.
4. Коробейникова Е. И., Даянова М. А. Характеристика психологической подготовки спортсменов // Наука-2020. – 2019. – № 11 (36). – С. 51–60.
5. Садовничий В. А. [ред.]. Психология спорта : монография. – Москва: Издательство МГУ, 2011. – 423 с.
6. Платонова З. Н., Саввинова С. Ю. Исследование взаимосвязи между применением средств и методов психорегуляции и стрессоустойчивостью спортсменов // Спортивный психолог. – 2020. – № 2 (57). – С. 18–20.
7. Берилова Е. И., Босенко Ю. М., Распопова А. С. Мотивация спортивной деятельности как регулятор копинг-стратегий у спортсменов // Учёные записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2021. – № 8 (198). – С. 413–416.

8. Мельхер Д. А., Мельник Е. В., Боровская Н. И., Сивицкий В. Г. Мониторинг эффективности мероприятий психологической подготовки спортсменов // Спортивный психолог. – 2020. – № 1 (56). – С. 4–13.
9. Романова Л. П., Лисицына Н. Ю., Шавелов М. Г. Организация и проведение восстановительных психологических мероприятий со спортсменами в послесоревновательный период // Наука-2020. – 2019. – № 11 (36) – С. 24–28.
10. Бабушкин Г. Д. Психологическое обеспечение подготовки спортсменов в системе многолетней спортивной тренировки // Спортивный психолог. – 2018. – № 3 (50). – С. 28–31.
11. Бабушкин Г. Д., Рыбин Р. Е. Психологическое обеспечение подготовки спортсменов высокой квалификации к соревнованию // Ресурсы конкурентоспособности спортсменов: теория и практика реализации. – 2017. – № 7. – С. 16–21.
12. Калинин Е. В., Гумеров Р. Р. Психологические методики в системе подготовки спортсменов к соревнованиям // Евразийское научное объединение. – 2021. – № 3–4 (73). – С. 365–367.

References

1. Gilev G. A., Gladkov V. N., Vladykina V. V. Psikhologicheskaya podgotovka sportsmena // Uchonyye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta. – 2018. – № 1 (155). – S. 291–294.
2. Krasnikova A. A., Korobeynikova Ye. I. Psikhologicheskaya podgotovka sportsmenov kak neobkhodimoye usloviye uspehnoy sorevnovatel'noy deyatel'nosti // Nauka-2020. – 2019. – № 11 (36). – S. 38–43.
3. Il'in Ye. P. Psikhologiya sporta. – Sankt-Peterburg: Piter, 2011. – 351 s.
4. Korobeynikova Ye. I., Dayanova M. A. Kharakteristika psikhologicheskoy podgotovki sportsmenov // Nauka-2020. – 2019. – № 11 (36). – S. 51–60.
5. Sadovnichiy V. A. [red.]. Psikhologiya sporta : monografiya. – Moskva: Izdatel'stvo MGU, 2011. – 423 s.
6. Platonova Z. N., Savvinova S. Yu. Issledovaniye vzaimosvyazi mezhdu primeneniym sredstv i metodov psikhoregulyatsii i stressoustoychivost'yu sportsmenov // Sportivnyy psikholog. – 2020. – № 2 (57). – S. 18–20.
7. Berilova Ye. I., Bosenko Yu. M., Raspopova A. S. Motivatsiya sportivnoy deyatel'nosti kak regul'yator koping-strategiy u sportsmenov // Uchonyye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta. – 2021. – № 8 (198). – S. 413–416.
8. Mel'kher D. A., Mel'nik Ye. V., Borovskaya N. I., Sivitskiy V. G. Monitoring effektivnosti meropriyatiy psikhologicheskoy podgotovki sportsmenov // Sportivnyy psikholog. – 2020. – № 1 (56). – S. 4–13.
9. Romanova L. P., Lisitsyna N. Yu., Shavelov M. G. Organizatsiya i provedeniye vosstanovitel'nykh psikhologicheskikh meropriyatiy so sportsmenami v poslesorevnovatel'nyy period // Nauka-2020. – 2019. – № 11 (36) – S. 24–28.
10. Babushkin G. D. Psikhologicheskoye obespecheniye podgotovki sportsmenov v sisteme mnogoletney sportivnoy trenirovki // Sportivnyy psikholog. – 2018. – № 3 (50). – S. 28–31.
11. Babushkin G. D., Rybin R. Ye. Psikhologicheskoye obespecheniye podgotovki sportsmenov vysokoy kvalifikatsii k sorevnovaniyu // Resursy konkurentosposobnosti sportsmenov: teoriya i praktika realizatsii. – 2017. – № 7. – S. 16–21.
12. Kalinkina Ye. V., Gumerov R. R. Psikhologicheskiye metodiki v sisteme podgotovki sportsmenov k sorevnovaniyam // Yevraziyskoye nauchnoye ob'yedineniye. – 2021. – № 3–4 (73). – S. 365–367.

Статья поступила в редакцию. 12.03.2022; одобрена после рецензирования 14.04.2022; принята к публикации 20.05.2022.

The article was submitted March 12, 2022; approved after reviewing April 14, 2022; accepted for publication May 20, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Юридическая психология и психология безопасности

Научная статья
УДК 159.9
doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-215-224

Оксана Валентиновна Арефьева

адъюнкт

<https://orcid.org/0000-0002-8307-0463>, oksanalow@rambler.ru

Академия управления МВД России

Российская Федерация, 125171, Москва, улица Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

Теоретические подходы к определению лжи в контексте специального психофизиологического исследования с применением полиграфа кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации

Аннотация. В статье рассматривается понятие лжи с позиций исследователей различных областей науки. Такой интерес учёных обусловлен необходимостью всестороннего понимания сущности феномена лжи для эффективной его диагностики.

Несмотря на различие авторов в определении понятия лжи, всё же практически все считают ложь сознательным действием, целенаправленным искажением, намеренной попыткой, сказанной с желанием, преднамеренным утверждением, осознанным продуктом. Все эти характеристики имеют схожий смысл. Кроме того, многие сходятся во мнении, что ложь реализуется без предупреждения принимающего информацию. Данный факт является главенствующим в контексте изучения нашей темы.

В изучении этого феномена, на наш взгляд, требуют особенного внимания его формулировка, виды, признаки, внутренние и внешние оценочные критерии для более качественной диагностики при проведении специального психофизиологического исследования с применением полиграфа в рамках отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации. В этой связи возникает потребность анализа данного понятия в научной литературе для формирования и конкретизации определения лжи, что, несомненно, приведёт к более профессиональному и эффективному подходу для её распознавания. В данной работе проведена дифференциальная диагностика определений лжи, сформулировано авторское понятие изучаемого феномена, определены аспекты ложного взаимодействия, которые необходимо учитывать в процессе проведения специального психофизиологического исследования с применением полиграфа при отборе кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: ложь, обман, заблуждение, неправда, феномен лжи, виды лжи, природа лжи, специальное психофизиологическое исследование с применением полиграфа

Для цитирования: Арефьева О. В. Теоретические подходы к определению лжи в контексте специального психофизиологического исследования с применением полиграфа кандидатов на службу в органы внутренних дел Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 215–224; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-215-224.

Oksana V. Arefieva

Graduate

<https://orcid.org/0000-0002-8307-0463>, oksanalow@rambler.ru

*Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
8, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh Street, Moscow, 125171, Russian Federation*

Theoretical approaches to the definition of lies in the context of a special psychophysiological study using a polygraph of candidates for service in the internal affairs bodies of the Russian Federation

Abstract: The article examines the concept of lying from the standpoint of researchers in various fields of science. This interest of scientists is due to the need for a comprehensive understanding of the essence of the phenomenon of lies for its effective diagnosis.

Despite numerous approaches to the study of this phenomenon, in our opinion, its formulation, types, signs, internal and external evaluation criteria require special attention for a better diagnosis when conducting a special psychophysiological study using a polygraph as part of the selection of candidates for service in the internal affairs bodies of the Russian Federation. In this regard, there is a need to analyze this concept in the scientific literature to form and concretize the definition of a lie, which will undoubtedly lead to a more professional and effective approach to its recognition.

In this work, a differential diagnosis of the definitions of lies is carried out, the author's concept of the phenomenon under study is formulated, aspects of false interaction are identified that must be taken into account in the process of conducting a special psychophysiological study using a polygraph when selecting candidates for service in the internal affairs bodies of the Russian Federation.

Keywords: lie, deception, delusion, untruth, the phenomenon of lies, types of lies, the nature of lies, special psychophysiological examination using a polygraph.

For citation: Arefieva O. V. Theoretical approaches to the definition of lies in the context of a special psychophysiological study using a polygraph of candidates for service in the internal affairs bodies of the Russian Federation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – P. 215–224; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-215-224.

В научном познании феномен лжи определяется неоднозначно, его понимание зависит от различных подходов исследователей и формирования в связи с этим многообразия взглядов. Изучением лжи занимались как древние мыслители, так и современники различных областей науки: философы, лингвисты, педагоги, социологи, юристы, психологи. Учёные классифицировали ложь по различным основаниям и критериям, что оказывало влияние на формулировку определения, её признаки, отношение к ней с точки зрения нравственности и морали. Несомненно, такие разноплановые взгляды формируют наиболее полное понимание феномена лжи. Однако в настоящее время всё актуальнее становится проблема её диагностики, особенно в рамках процессуальной деятельности и отбора кандидатов на службу в органы внутренних

дел Российской Федерации. В связи с этим активно разрабатываются новые методы, способы распознавания скрываемой информации, в том числе с использованием искусственного интеллекта, не всегда имеющие высокую достоверность результатов. Для того, чтобы грамотно, эффективно и максимально достоверно диагностировать ложь, прежде всего необходимо четкое понимание этого феномена.

В разных словарях можно встретить различные определения лжи. В частности, в Словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой «ложь – это намеренное искажение истины, неправда, обман»¹. В Философском энциклопедическом

¹ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – Москва: Азбуковник, 1999. – 944 с. – С. 331.

дическом словаре ложь определяется как «заявление, рассчитанное на обман, когда говорящий умалчивает или искажает то, что он знает о рассматриваемом положении вещей, либо, когда он знает нечто другое, чем то, что он говорит»². Педагогический терминологический словарь определяет ложь как сознательное искажение действительности, уклонение от истины³. Ложь, в отличие от заблуждения и ошибки, обозначает «сознательное и потому нравственно предосудительное противоречие истине», – гласит Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона⁴. В Академическом словаре русского языка ложь интерпретируется как «неправда, намеренное искажение истины; обман»⁵. В Словаре психолога можно увидеть другое определение: «Ложь – феномен общения, состоящий в намеренном искажении действительного положения вещей; чаще всего выражается в содержании речевых сообщений, немедленная проверка коих затруднительна или невозможна. Представляет собой осознанный продукт речевой деятельности, имеющий своей целью ввести реципиентов (слушателей) в заблуждение»⁶. В словаре В. И. Даля указывается, что «лгать – врать, говорить неправду, противное истине»⁷. В Словаре современного русского литературного языка определено, что «ложь – намеренное искажение истины; обман, неправда»⁸.

Христианский мыслитель и богослов Аврелий Августин вывел собственное понятие лжи, которое стало весьма распространенным: «Ложь – это сказанное с желанием сказать ложь» [9, с. 11]. Изучая отношение церкви ко лжи в V веке, можно однозначно утверждать, что, по мнению её представителя, ложь является грехом и не может быть оправдана ни при каких обстоятельствах. В своих трактатах «О лжи» и «Против лжи» известный мыслитель обстоятельно рассуждал о том, допустима ли ложь, результатом которой может быть большее благо. И его ответ был однозначно отрицателен. Он считал, что недопустимо совершать меньший грех, чтобы предотвратить больший, утверждал, что лгущий даже при таких обстоятельствах будет расплачиваться за свою ложь вечно. В том

же трактате «О лжи» епископ классифицировал ложь по степени её тяжести по отношению к другим людям. Так, например, если ложь не наносит вреда окружающим, она считается менее тяжелой. Самая тяжелая – та, которая причиняет вред другим людям путем введения их в заблуждение⁹. Однако, как уже было указано выше, Аврелий Августин считал ложь недопустимой ни при каких обстоятельствах.

Великий психолог и философ В. Штерн определял ложь «как сознательное, неверное показание, служащее для того, чтобы посредством обмана достичь определённых целей» [11, с. 79]. По его мнению, признаками лжи являются: осознанная ложность предоставляемой информации, намерение информатора обмануть собеседника и наличие мотивов и целей для обмана. В контексте изучения верности воспоминаний автор выделяет ложь грубо небрежную и патологическую. Он отмечает, что высокой степени субъективной уверенности соответствует высокая степень объективной неправды, то есть лжи. В. Штерн убежден, что какая-то часть неправды кроется в обмане воспоминаний, их погрешности и патологических изъянах памяти. Он разделил обман воспоминаний на нормальный и патологический. Нормальный обман воспоминаний необходимо учитывать воспринимающему информацию. Его причинами могут служить: неразвитая наблюдательность, бурная фантазия, чрезмерная эмоциональность, самовнушение или внушение извне. Для определения такого обманного воспоминания автор предложил сравнить воспоминание, которое может быть закреплено в памяти с действительностью, например, текст из книги или картину [25].

Немецкий психолог, ученик Штерна О. Липман в своей психологической теории определил ложь как волевое действие, направленное на результат. По мнению автора, в сознании человека перед совершением действия происходит борьба между комплексами ложных и истинных представлений. Так как ложь изначально имеет желаемый результат, то и побеждает, после чего происходит действие человека, выражающееся во лжи. О. Липман, изучая ложь, приводит примеры нравственной лжи, которые по психологическим признакам ложью не являются. Так, например, если коммуникатор четко представляет правду, но постоянно произносит ложь, то вырабатываются так называемые штампы поведения, благодаря которым правда постепенно стирается из сознания. Другим примером является фантазирование с целью передачи окружающим своих субъективных переживаний. В указанных примерах отсутствуют психологические признаки лжи, которые определены автором, то есть нет признаков внутренней борьбы, поэтому такая информация не считается ложной.

К. Мелитан разделяет ложь на полную и неполную. Полная ложь – это замещение прав-

² Губский Е. Ф. Философский энциклопедический словарь. – Москва: Инфра-М, 2004. – 576 с. – С. 247.

³ Педагогический терминологический словарь. – Санкт-Петербург: Российская национальная библиотека, 2006 [Электронный ресурс], URL: [www.https://rus-pedagogical-dict.slovaronline.com](http://rus-pedagogical-dict.slovaronline.com) (дата обращения: 05.02.2022).

⁴ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. – Санкт-Петербург: Семеновская Типолиитография (И. А. Ефрона), 1896. – 922 с. – С. 911.

⁵ Крысин Л. П. Академический толковый словарь русского языка. – Том 1: А–Вилья. – Москва: Издательский дом ЯСК, 2016. – 672 с.

⁶ Головин С. Ю. Словарь практического психолога. – Харвест; Минск, 1998. – 554 с. – С. 185.

⁷ Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – Москва: Эксмо, 2008. – 736 с. – С. 363.

⁸ Коротаяева Э. И., Омелянович-Павленко Л. В. Словарь современного русского литературного языка : В 17-ти т. – Т. 6. М–Л. – Москва; Ленинград: АН СССР. Институт русского языка, 1957. – 1460 с.

⁹ De mendacio et Contra mendacium. Критическое издание текста. – См.: Oeuvres de Saint Augustin. Problemes Moraux II / Ed. G. Combes. – Paris, 1948.

дивой информации вымыслом, неполная – искажение правдивой информации. Полная ложь встречается достаточно редко, так как в ситуации уточнения информации лжец не сможет воспроизвести дословно вымышленную информацию, что влечет его разоблачение. Неполная ложь реализуется, по мнению автора, тремя способами: первый – опущение, то есть неполное изложение информации, второй – преувеличение, включающее создание специальных эффектов в повествовании, третий способ – приукрашивание, когда исключаются неприглядные факты и добавляются более привлекательные [16].

Ж. Дюпра трактует ложь как «психосоциологический словесный, или нет, акт внушения, при помощи которого стараются, более или менее умышленно, поселить в уме другого какое-либо положительное или отрицательное верование, которое сам внушающий считает противным истине» [6, с. 97]. Ж. Дюпра определяет две главные формы лжи в виде способов внушения. Первый способ выражается в положительном внушении, включающем различные выдумки. Второй способ представлен автором как отрицательное внушение, то есть умалчивание, утайка, отрицание. Ж. Дюпра, так же как и другие исследователи, утверждал, что ложь в качестве внушающего воздействия может реализовываться как вербально, так и невербально [7].

Если рассматривать ложь без учёта субъективного отношения к этому феномену, исключив её морально-нравственную составляющую, а принимая во внимание только сам факт, можно согласиться с определением русского логика С. Поварнина: «Истина будет оставаться истиною, хотя бы её произносили преступнейшие уста в мире; и правильное доказательство останется правильным доказательством, хотя бы его построил сам отец лжи» [17, с. 73]. На наш взгляд, данное определение освобождает оценивающего ложь от стереотипов, но, с другой стороны, всё же при оценке ложности информации необходимо учитывать личность говорящего и контекст ситуации.

Советский психолог А. Р. Лурия, занимаясь изучением лжи, пришел к выводу, что ложью является особое мышление, имеющее свои формы, правила и приёмы. Человек, декларирующий ложь, мыслит по-особенному, руководствуясь определенными правилами, не применимыми к изложению достоверной информации. А. Р. Лурия в своих многочисленных научных публикациях исследовал мышление лгущего человека и первым предложил все внутренние процессы, происходящие во время изложения ложной информации, соотносить с поддающимися наблюдению реакциями и записывать их. Таким образом, А. Р. Лурия внёс большой вклад в создание психофизиологических методов диагностики лжи [5].

Л. Адам, изучавший ложь в показаниях свидетелей, считает, что если человек о чем-то умалчал, скрыл какие-либо достоверные факты, то это не будет расцениваться как ложь: «Не всё, что есть правда, должно быть сказано, но всё, что сказано, должно быть правдой» [15, с. 26].

Автор тем самым констатирует, что сокрытие и умолчание информации при расследовании уголовных дел не входят в категорию лжи.

Немалый интерес представляют и рассуждения о лжи И. Канта. Автор, во-первых, дал определение понятию «ложь», а во-вторых, отчётливо выразил неприемлемость лжи как окружающим, так и самому себе. Ложь в отношении самого лгущего И. Кант разделил на внешнюю, которая вызывает презрение к лгущему человеку, то есть к самому себе, и внутреннюю, унижающую и уничтожающую достоинство человека к себе. Величайший мыслитель эпохи Просвещения считал, что человек, который умышленно говорит неправду, то есть произносит противоположность тому, о чем думает, не способен целесообразно выражать свои мысли, а, следовательно, отказывается тем самым от своей личности. Таким образом, внутренняя ложь, по мнению автора, – самая разрушительная, уничтожающая личность и вызывающая презрение к самому себе. Философ считал неприемлемой ложь даже с благими намерениями, приводя поясняющие примеры в своей работе «О мнимом праве лгать из человеколюбия». Какими бы добрыми ни были намерения, человеку непременно придётся отвечать перед судом за все последствия лжи, потому что правдивость является священной заповедью разума, которая не может быть ограничена никакими внешними требованиями и исключениями. Он определяет ложь следующим образом: «Умышленно неверное показание против другого человека» [12].

Х. Вайнрих в своей работе «Лингвистика лжи» перевел определение лжи, указанное в псалме, следующим образом: «Человек есть существо, способное лгать» [2, с. 44]. Это определение, по мнению автора, имеет такую же точность, как и то, что человек способен думать, говорить и смеяться. Несмотря на изучение автором лжи с точки зрения коммуникативной модели, всё же можно проследить его отношение к этому феномену. Рассуждая о лжи во многих жизненных сферах, он утверждает, что невозможно разделить информацию на правдивую и ложную, так же как невозможно однозначно разделить чёрное и белое. Существует огромное количество цветовых оттенков, и так же имеет место существование различных мелких отклонений от истины, которые очень трудны для распознавания и этим очень опасны.

Т. В. Сахнова дает определение обману с процессуальной точки зрения: «Обман – сознательное создание ложного представления о тех или иных обстоятельствах действительности в сознании другого субъекта»¹⁰.

Российский психолог В. В. Знаков в фундаментальных исследованиях феномена лжи использовал такие определения, как «обман», «полуправда», «ложь», и их антиподы – «исти-

¹⁰ Сахнова Т. В. Зачем суду психолог?: (О психологической экспертизе в гражданском процессе) : пособие для слушателей народных университетов. – Москва: Знание, 1990. – 95 с. – С. 80.

на» и «правда», которым дал достаточно чёткие определения и разграничил их понятия. Так, по мнению автора, обманом будет являться полуправда, на основании которой принимающая информация сторона сделает ошибочные выводы. Полуправдой автор считает незначительные подлинные факты в контексте всей информации и не договоренные важные факты, необходимые для понимания целого. Не любая полуправда считается обманом, их различие зависит от цели сообщающего информацию. Неправдой автор считает информацию, основанную на заблуждении или недостаточном владении информацией. Он разграничил логическое понятие истины и психологическое понятие правды, считая второе более ёмким. Правда относится непосредственно к межличностным контактам и реализуется в них, а истиной может быть часть правды в контексте межличностного контакта. В части правды может быть полностью выражена истина. В. Знаков рассматривает отношение ко лжи с двух позиций. С логической позиции любая информация, содержащая искаженные факты, по мнению автора, является ложью, то есть принимается во внимание сам факт лжи независимо от волеизъявления говорящего. С психологической позиции это утверждение не совсем правильно, неточно, неполно. Так, например, говорящий, сказавший правду с целью ввести в заблуждение оппонента, будет считаться лжецом. Поэтому В. Знаков, как и В. Соловьёв, считает необходимым проводить целостную оценку ситуации с целью определения её ложности. Для этого является необходимым и достаточным наличие сознательного искажения фактов или наличие уверенности в том, что произносимая информация ложна. То есть даже если говорящий произносит правду, но думает, что лжёт, его сообщение будет расцениваться как ложное. В своих работах В. Знаков упоминал о ситуациях, в которых людям просто необходимо лгать, приводя в пример психологов, ставящих эксперименты. Отсутствие лжи приводит к невозможности проведения эксперимента. Соответственно решение солгать зависит не только от личности, но и еще от ситуации. Саму ложь В. Знаков определяет, как: «сознательное искажение знаемой субъектом истины» [8].

Русский философ И.А. Ильин, так же как и А. Августин, и И. Кант, рассматривает проблему лжи с нравственной точки зрения. Однако в его рассуждениях прослеживаются значимые отличия от мнения А. Августина. Так, по мнению автора, ложь, во имя спасения жизни, с целью сострадания или любви не может быть названа ложью. Автор книги «О лжи и предательстве» разграничивает понятия «ложь» и «неправда». Он считает, что добросовестно ошибающийся человек говорит неправду, а не лжёт. И. А. Ильин, как и А. Августин, считает, что истинной природой лжи является сам человек. Ложь рождается в духовно-религиозном центре личности и не обязательно должна быть озвучена. Её внутренняя разновидность имеет ядовитейшую сущность, а слово – это

всего лишь последствия молчаливой лжи, отражающейся в нём [10, с. 404–424].

Доктор философских наук Б. С. Шалютин в своей статье «Человек лгущий» не только раскрывает понятие лжи, но и пытается дать объяснение негативной нравственной природе этого феномена. С точки зрения Б. С. Шалютина, ложью является оказываемое на оппонента характерное воздействие через процесс коммуникации. Источником возникновения лжи, по мнению автора, является природная раздвоенность человека. Так, любой индивид одновременно и личность с индивидуальными особенностями, и просто человек разумный. Правила поведения, принятые в обществе, существующая внутренняя и внешняя цензура не дают возможности проявиться всем истинным желаниям индивида, а сокрытие и утаивание информации имеет, как определяют многие учёные, прямое отношение ко лжи. Тело человека также может лжесвидетельствовать, когда его мысли не соответствуют ситуации, в которой находится его тело. Философ в своих рассуждениях затронул и самообман, как атрибут бытия индивида. По мнению автора, истоки самообмана также кроются в двойственной природе человека, в необходимости, например, играть различные социальные роли [24].

А. Р. Ратинов, занимаясь вопросами изучения лжи в свидетельских показаниях, в первых, дал определение этому понятию в самом общем смысле, во-вторых, разделил это понятие на две разновидности – заведомая ложь и добросовестное заблуждение. С точки зрения этической и правовой не всякое суждение, которое противоположно истине, будет ложью: оно лишь намеренное неверное утверждение, вводящее адресата лжи в заблуждение для извлечения собственной выгоды. А. Р. Ратинов обращает внимание на недостаточную точность понятий «ложность» и «искренность», «истинность» и «заблуждение» и считает, что этот факт значительно затрудняет выявление действительности произошедшего события. По мнению автора, согласно общему представлению, «ложь – это несоответствие между тем, что субъект (информатор, коммуникатор, корреспондент) сообщил, высказал, заявил, показал, и тем, что он действительно знает, думает, считает или чувствует» [18].

В юридической практике добросовестное заблуждение является очень большой помехой в выявлении истины расследуемого события и достаточно трудно поддается распознаванию. Так, в ситуации расследования уголовных дел, например, добросовестно заблуждающейся человек, явившейся с повинной, может быть осуждён и привлечён к ответственности без квалифицированной диагностики самообмана, коей, по нашему мнению, является в том числе и проведение специального психофизиологического исследования с применением полиграфа. «Особенность... в подобных ситуациях заключается не только в проверке достоверности показаний (в данном случае – при-

знание вины в совершённом преступлении), но и в проверке различных обстоятельств совершённого преступления... а также источника информации о совершённом преступлении» [1], что может послужить отправной точкой иного направления расследования. В практике профессионального психологического отбора кандидатов на службу добросовестное заблуждение без осуществления уточняющей диагностики может сыграть определённую роль при принятии кадрового решения. В подобной ситуации сам субъект оказывается обманутым по причинам как особенностей протекания собственных познавательных процессов, так и навязанному мнению извне.

Г. Грачев и И. Мельник считают наиболее применимым термин «неискренность» во всех случаях, когда происходит целенаправленное искажение информации человеком. Они убеждены, что смыслообразующий компонент, цель субъекта лжи, его полученный результат необходимо оценивать с позиций существующего в реальности социума. Примером является положительная социальная оценка лжи субъектов определённых профессий, в которых ложь является неотъемлемой составляющей их профессиональной деятельности и имеет целью, в отличие от преступников, выполнение социального заказа, а не с целью получения личной выгоды [4].

Краусс впервые обратил внимание на обязательный компонент в определении обмана, коим является преднамеренность сообщения ложной информации. При отсутствии этой составляющей, по мнению Краусса, человек не является лжецом, он ошибается. В своих рассуждениях он не разграничивал понятия лжи и обмана, выдавая их за синонимы. Основными признаками обмана он считал: формирование у обманываемого лица убеждения, осведомлённость обманывающего об ошибочности этого убеждения, умышленность совершения обмана. Автор уделил внимание и видам обмана, обозначив невербальный обман, и пассивный, то есть умалчивание. Сарказм Краусс не относил ко лжи. Таким образом, обман – «успешная или безуспешная намеренная попытка, совершаемая без предупреждения, сформировать у другого человека убеждение, которое коммуникатор считает неверным» [21, с. 6].

Р. Митчелл предлагает достаточно общее определение обмана: «Ложная коммуникация, предположительно приносящая пользу коммуникатору»¹¹.

Автор книги «Ложь. Три способа выявления. Как читать мысли лжеца, как обмануть детектор лжи» О. Фрай провел анализ понятий лжи, высказанных разными авторами, уточнил и конкретизировал понятия лжи Р. Митчелла и П. Экмана. По мнению О. Фрая, существуют некоторые ситуации, когда неправдивую информацию нельзя назвать ложью. Например,

человек, ошибочно не сообщаящий истину, на самом деле не лжёт, а ошибается, так как действительно сам верит в то, что произносит. Кроме того, саркастические замечания в адрес собеседника также не будут являться ложью потому, что коммуникатор не имеет намерения обмануть своего партнера по общению. Описывая истинную ложь, О. Фрай считает, что этот феномен может быть и бессловесным. Так, притворяющийся человек, демонстрирующий свое состояние невербальным способом, является, по мнению психолога, лжецом. Неудачные попытки лжи должны быть квалифицированы как ложь, несмотря на то, что ввести в заблуждение человека не удалось. В своём научном бестселлере О. Фрай рассуждал и о самообмане, как об одной из разновидностей лжи, с помощью которой человек пытается «самооправдаться». Он сформулировал собственное определение: «Ложь – это успешная или безуспешная намеренная попытка, совершаемая без предупреждения, сформировать у другого человека убеждение, которое коммуникатор считает неверным» [22, с. 16–18].

Ж. Мазип определил ложь следующим образом: «Обман (или ложь) – намеренная попытка (успешная или нет), скрыть и/или сфабриковать (манипулировать) фактическую или / и эмоциональную информацию, устными или / и невербальными средствами, чтобы создать или поддержать в другом или в других веру, которую сам коммуникатор считает ложной» [19].

Профессор В. В. Васильев в своих рассуждениях не согласился с И. Кантом о неприемлемости лжи во благо других людей. Так как, по мнению автора статьи «Маргиналии к работе Канта о мнимом праве на ложь», одним из основных принципов теории Канта является принцип содействия счастью людей, следовательно, ложь, которая не причиняет вред обществу, вполне может быть дозволена и оправдана [3].

Н. В. Крогиус в своей работе «Правда о лжи. Проблема рефлексии» также затрагивает моральный аспект этого феномена. Он определил ложь как социальное явление, существующее только при межличностном взаимодействии, в отличие, например, от древних философов, утверждавших, что природой лжи является внутренняя составляющая, необязательно выражающаяся вовне. Кроме того, она отлична от заблуждений и ошибок и является порождением логики, то есть, можно сказать, умышленным актом. В своей работе он не соглашается с мнением других учёных, что ложь можно разделить на праведную и неправедную, и считает, что никакая ложь не может быть оправдана и что необходимо с ней бороться. Н. В. Крогиус затронул и психологические аспекты лжи в виде её зависимости от личности лгущего, от сложившейся ситуации лжи, от характера ситуации, от соотношения правды и лжи в высказываниях. Автор предположил разделить всех людей на две категории: первая категория людей считает, что ложь является необходимым инструментом цивилизованного общения, вторая придерживает-

¹¹ Кавецкий И. Т., Беляев С. А. Социальная психология :спект лекций / 2-е издание, переработанное. – Минск: МИУ, 2010. – 28 с. – С. 20.

ся общечеловеческого морального императива. Он даёт следующее определение: «Ложь – преднамеренное неверное утверждение, с помощью которого человек вводит других в заблуждение, стремясь достичь осуществления каких-либо собственных целей» [14].

Русский философ В. Соловьев изучал понятие лжи в контексте конкретного примера – вопроса убийцы, разыскивающего свою жертву. Мыслитель в своих рассуждениях о нравственности пришел к выводу, что люди, которые лгут ради собственного тщеславия, материальной выгоды, а также с целью обиды ближних, однозначно подлежат нравственному осуждению. Он разделил понятия ложного и лживого. Показанный автором пример ложного ответа, выражающийся в сокрытии жертвы от преступника, ни в коей мере не может подлежать нравственному осуждению, а вот лживость, по мнению русского философа, подлежит осуждению по причине безнравственного намерения. В. Соловьев считает, что каждую ситуацию необходимо рассматривать в целостности и внутреннем смысле, не отделяя факт лжи от сложившейся обстановки и человека. Автор дал формальное определение лжи: «Противоречие между чьим-то высказыванием о факте и действительным существованием факта» [20, с. 42–44].

Один из ведущих ученых XX века, изучающих феномен лжи, П. Экман, не разделял понятия «ложь», «обман», «неправда», как это делали другие философы и исследователи, а считал их синонимами. В своей книге «Психология лжи. Обмани меня, если сможешь» он четко определяет, что в ситуации лжи необходимо принимать во внимание не только лгущего человека и осознающего это, но и того, кому адресована эта ложь. То есть ложью признается та ситуация, когда лгущий человек без уведомления оказывает определенное воздействие на своего оппонента в виде сообщения ложной информации. Автор считает, что не все ситуации обмана могут быть таковыми. Так, например, актёры, демонстрирующие различные роли, неудачные советчики чего-либо, самообманщики не будут, по мнению П. Экмана, лжецами. В отличие от древних мыслителей, в своих рассуждениях великий психолог констатировал, что ложь может быть как оправданной, так и неоправданной. Он разделил обман на два вида: умолчание и искажение. Ссылаясь на Майкла А. Хандела, автор соглашается с ним в определении лжи, коей является «действие, которым один человек вводит в заблуждение другого, делая это умышленно, без предварительного уведомления о своих целях и без отчетливо выраженной со стороны жертвы просьбы не раскрывать правды» [26, с. 12–22]. Однако большую часть своих исследований П. Экман посвятил распознаванию лжи.

В контексте изучения темы исследования считаем необходимым проанализировать понимание лжи и современными отечественными полиграфологами.

Отечественный психолог и полиграфолог Ю. И. Холодный определил различия между

обманщиком и лжецом, делая акцент именно на коммуникаторах, а не самих определениях. Ю. И. Холодный считает, что психологически более комфортно чувствует себя обманщик, лжец же оказывается в менее комфортных условиях. Так, прежде всего обманщик ничего не выдумывает, и поэтому ему не нужно запоминать вымышленное при повторном изложении. Вторых, у обманщика нет необходимости детализировать излагаемую информацию, и поэтому при ряде уточняющих вопросов он не ошибается. В-третьих, обманщик всегда может сослаться на плохую память, например, чтобы не быть изобличённым, как злостный лжец. В-четвёртых, с моральной точки зрения обманщик не совершает ничего предосудительного, особенно если говорит полуправду. Рассуждая об отношении к феномену лжи, Ю. И. Холодный считает, что ложь настолько вжилась в бытность людей, что стала неотъемлемой её частью. Полную искренность автор предлагает считать патологией. В связи с этим он обозначил, что грань между правдой и ложью очень тонка и при их диагностике в обязательном порядке необходимо оценивать ситуацию в целом. Ложь, по его мнению, «представляет собой осознанный продукт речевой деятельности субъекта, имеющий своей целью ввести в заблуждение» [23] партнёра по общению.

Российские полиграфологи, авторы академического курса по проведению специального психофизиологического исследования с применением полиграфа, С. И. Оглоблин и А. Ю. Молчанов указывают, что ложь включает в себя два компонента: информационный и коммуникативный. Первый компонент определяет ложь, как продукт, искажающий действительность, вербальной или невербальной деятельности, осуществляемый осознанно и имеющий своей целью ввести в заблуждение реципиента. Второй компонент интерпретирует ложь как сознательную деятельность говорящего по доведению сведений, не соответствующих действительности, до принимающего информацию, и делающего это с целью создания неверного представления о подлинных обстоятельствах. Авторы уточняют сущность понятия «ложь», реализуемого посредством правды, указывая, что изложение правдивой информации с целью обмануть оппонента, является целым искусством, требующим от лжеца актёрских способностей, высокого самообладания¹² и, на наш взгляд, эмоционального интеллекта. Ведь необходимо так изложить правдивую информацию, чтобы принимающая информация сторона сделала ошибочные выводы. Данная разновидность лжи может иметь место и при проведении специального психофизиологического исследования с применением полиграфа в рамках приёма кандидатов на службу.

Российский полиграфолог, директор Школы детекции лжи В. В. Корвин, исследуя фе-

¹² Оглоблин С. И., Молчанов А. Ю. Инструментальная «детекция лжи»: академический курс. – Ярославль: Ньюанс, 2004. – 464 с. – С. 13–23.

номен лжи, подверг сравнению мимирию, то есть структурную ложь, а также обманное поведение у животных, и ложь человеческую в виде сокрытия и фальсификации. Он считает ложь сложным психологическим феноменом, который является природным механизмом защиты, встроенным буквально во все процессы межличностной коммуникации. Автор назвал лжецом такого человека, который делает это осознанно, то есть четко понимает, что говорит ложь, а не правду. Это понятие он определил в контексте изучения следствия этого действия, то есть психофизиологических и других признаков неискренности. Именно в этом случае, считает В. Коровин, термины «ложь», «неискренность», «обман» можно назвать идентичными. Однако он разделяет ложь на сокрытие и фальсификацию. Сокрытие труднее в распознавании потому, как требует от лжеца гораздо меньше напряжения и интеллектуальных усилий, чем фальсификация. Кроме того, автор разделяет ложь подготовленную и неподготовленную. Подготовленная ложь по тем же причинам, что и сокрытие, труднее диагностируется. Также В. Коровин в зависимости от каналов воспроизведения информации различает ложь вербальную и невербальную, которые выявляются различными способами [13].

Таким образом, одни мыслители не разграничивают понятия «ложь», «обман», «неискренность», «неправда», считая их синонимами, другие видят в этих определениях принципиальную разницу, считая, что не каждый обман или неправда являются ложью. Следует отметить, что, с одной стороны, данное разделение не играет первостепенной роли в профессиональном психологическом отборе кандидатов на службу в органы внутренних дел, в частности, при проведении специального психофизиологического исследования с применением полиграфа, так как в процессе осуществления вышеуказанного мероприятия выявляются все ситуации, имеющие место в памяти человека и являющиеся значимыми для него, и неважно, как он эти ситуации будет озвучивать, посредством лжи или обмана. Но с другой стороны, учитывая мнение И. А. Ильина, что человек, добросовестно ошибающийся, говорит неправду, а не лжет, произносимая неправда может оказать негативное воздействие на принятие решения о приеме кандидата на службу. Так, например, в практике автора имела место ситуация добросовестного заблуждения, по мнению И. А. Ильина, неправды, когда кандидат, будучи уверенным в том, что употреблял наркотик в виде сигареты, полученной от незнакомого человека, ощутил необычное состояние сознания и поэтому решил, что это был наркотик. Соответственно, все реакции организма на этот стимул были очевидны.

Некоторые исследователи считают зерном зарождения лжи внутреннюю составляющую человека, формирующуюся в его сознании и не всегда транслируемую вовне, другие полагают, что ложь является непосредственно коммуникативным актом, социальным явлением, прояв-

ляющимся в вербальном или невербальном взаимодействии людей. В рамках изучения нашей темы можно констатировать, что ложь нам интересна как коммуникативный процесс, выражающийся в межличностном взаимодействии. Одни авторы любые проявления лжи, независимо от цели, считают нравственно наказуемыми и недопустимыми, другие авторы выделяют ложь, которая всё же допустима в целях выполнения социального заказа в процессе реализации профессиональной деятельности, или, к примеру, с целью предотвращения преступления. Мы считаем, что в рамках проведения профессионального психологического отбора кандидатов на службу ложь со стороны кандидата недопустима при обсуждении вопросов, касающихся факторов риска, определённых постановлением Правительства Российской Федерации от 6 декабря 2012 г. № 1259 «Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). Однако кандидат, невзирая на нравственную составляющую, может формулировать свой ответ посредством лжи, неправды, неискренности, обмана. Задачей специалиста в такой ситуации является выявление непосредственного или опосредованного отношения кандидата к изучаемым факторам риска.

На основании рассмотрения и анализа подходов к определению понятия лжи различных исследователей, в рамках данной работы в контексте проведения специального психофизиологического исследования с применением полиграфа при отборе кандидатов на службу под ложью мы понимаем акт межличностной коммуникации, выражающийся в сознательном сокрытии обследуемым лицом информации, хранящейся в памяти, с целью получения личной выгоды в виде приёма на службу. «Хранящейся в памяти» – потому, что специалист изучает именно хранящуюся в памяти человека информацию, а не имевшую место действительность, так как действительность может не соответствовать имеющейся в памяти информации по причине, например, добросовестного заблуждения или, как определял В. Штерн, нормального обмана воспоминаний. «Сокрытие» – потому, что на этапе тестирования в процессе проведения специального психофизиологического исследования с применением полиграфа все ответы обследуемого лица должны быть либо «да», либо «нет». Следовательно, произнося «нет», а думая «да», лицо скрывает информацию, и происходит это сознательно. Несмотря на утверждение Л. Адам о том, что сокрытие свидетелем информации не является ложью, всё же, на наш взгляд, в рамках проведения специального психофизиологического исследования с применением полиграфа сокрытие информации следует признать ложью.

Несмотря на различия авторских определений понятия лжи, практически все считают ложь сознательным действием, целенаправленным искажением, намеренной попыткой, сказанной с желанием, преднамеренным утверждением,

осознанным продуктом. Все эти характеристики имеют схожий смысл. Кроме того, многие сходятся во мнении, что ложь реализуется без предупреждения принимающего информацию. Данный факт является главенствующим в контексте изучения нашей темы.

Анализируя работы многих исследователей, можно констатировать, что в современном обществе ложь – весьма распространенный феномен, который является неизбежным спутником жизнедеятельности человека. Так, например, Ю. И. Холодный полную искренность предлагает считать патологией. А. М. Петров и С. Г. Мягких находят попытки исключить из жизни ложь утопичными, психологически неверными и бесперспективными. Б. Де Пауло своим экспериментом доказала, что ложь широко распространена в социальной жизни людей и включает в себя многочисленное количество способов её реализации вовне. Так, по её мнению, каждый человек ежедневно прибегает ко

лжи немалое количество раз [27]. А. Н. Тарасов, ссылаясь на мнение П. Экмана о допустимости лжи глав государств при выполнении своих обязанностей, определил, что ложь конвенциональна, то есть соответствует принятым в конкретном обществе традициям, обычаям, правилам и нормам поведения.

Соглашаясь с мнением Н. В. Крогиуса, возможно допустить разделение людей на две категории. На наш взгляд, те, которые придерживаются общечеловеческого морального императива, будут чувствовать себя в ситуации лжи психологически менее комфортно, чем те, для которых ложь является необходимым инструментом цивилизованного общения, а следовательно, психофизиологические реакции организма у первой категории людей, вероятно, будут более выраженными. Данный факт необходимо учитывать при проведении специального психофизиологического исследования с применением полиграфа.

Список литературы

1. Арефьева О. В., Соловьева Н. А. Психофизиологическое исследование с использованием полиграфа как средство профилактики следственных ошибок // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2018. – № 2 (45). – С. 70–78.
2. Вайнрих Х. Лингвистика лжи / Язык и моделирование социального взаимодействия : сборник статей. – Москва: Прогресс, 1987. – С. 44–87.
3. Васильев В. В. Маргиналии к работе Канта о мнимом праве на ложь // Логос. – 2008. – № 5 (68). – С. 144–150.
4. Грачев Г., Мельник И. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. – Москва: ИФРАН, 1999. – 230 с.
5. Доклад, прочитанный на заседании семинария при Лаборатории экспериментальной психологии Московской Губпрокуратуры и в Секции уголовного права Института советского права. – См.: Лурия А. Р. Экспериментальная психология в судебно-следственном деле // Советское право. – 1927. – № 2 (26). – С. 84–100.
6. Дюпра Ж. Ложь. – Саратов: Новь. П. С. Феокритова, 1905. – 114 с.
7. Дюпра Ж. Почему люди врут? [Звукозапись] : психосоциология лжи / Ж. Дюпра ; пер. с фр. Дм. И. Соловьева ; читает С. Федосов. – Электрон. изд. и прогр. – Москва: Ардис, 2009. – 1 эл. опт. диск (CD-DA) : зв., диск : (274 мин.).
8. Знаков В. В. Классификация психологических признаков истинных и неистинных сообщений в коммуникативных ситуациях // Психологический журнал. – 1999. – № 2. – С. 54–55.
9. Знаков В. В. Неправда, ложь и обман как проблемы психологии понимания // Вопросы психологии. – 1993. – № 2. – С. 9–16.
10. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. – Москва: Русская книга, 2002. – 587 с.
11. Иовчук М. Т., Ойзерман Т. И., Щипанов И. Я. Краткий очерк истории философии. 4-е изд. – Москва: Мысль, 1981. – 927 с.
12. Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Трактаты и письма. – Москва: Наука, 1980. – С. 292–297.
13. Коровин В. В. Как распознать лжеца и ложь. – Москва: Перо, 2021. – 234 с.
14. Крогиус Н. В. Правда о лжи: проблема рефлексии // Известия Саратовского университета. – 2009. – Т. 9. – № 3. – С. 105–110.
15. Липманн О., Адам Л. Ложь в праве. – Харьков: Юридическое издательство Украины, 1929. – 47 с.
16. Мелитан К. Психология лжи. – Москва: А. Сомов, 1903. – 30 с.
17. Поварнин С. Спор. О теории и практике спора. – Петроград: О. Богданова, 1918. – 110 с.
18. Ратинов А. Р., Ефремова Г. Х. Юридическая психология: сб. науч. тр. – Москва: НИИ пробл. укрепления законности и правопорядка, 1998. – 124 с.
19. Служаева В. Ю. Гендерная мотивация психологии лжи в подростковом и юношеском возрасте // Вестник магистратуры. – 2014. – № 3 (30). – Т. 1. – С. 105–110.
20. Соловьев В. Оправдание добра. – Москва: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. – 656 с. – С. 42–44.
21. Фрай О. Детекция лжи и обмана. – Санкт-Петербург: Прайм Еврозонак, 2005. – 106 с.

22. Фрай О. Ложь. Три способа выявления. Как читать мысли лжеца, как обмануть детектор лжи. – Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2006. – 284 с.
23. Холодный Ю. И. Полиграфы («детекторы лжи») и безопасность: справочная информация и рекомендации. – Москва: Издательский дом «Мир безопасности», 1998. – 95 с.
24. Шалютин Б. С. Человек лгущий // Человек. – 1996. – № 5. – С. 151–159.
25. Штерн В. Психология свидетельских показаний. Экспериментальные исследования верности воспоминания // Вестник права. – 1902. – № 2. – С. 107–133; – № 3. – С. 120–149.
26. Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. – Санкт-Петербург: Питер, 2010. – 196 с. – С. 12–22.
27. DePaulo B. M., Kashy D. A., Kirkendol S. E., Wyer M. M., & Epstein J. A. Lying in everyday life // Journal of Personality and Social Psychology. – 1996. – № 70. – P. 979–995.

References

1. Aref'yeva O. V., Solov'yeva N. A. Psikhofiziologicheskoye issledovaniye s ispol'zovaniyem poligrafa kak sredstvo profilaktiki sledstvennykh oshibok // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. – 2018. – № 2 (45). – S. 70–78.
2. Vaynrikh Kh. Lingvistika lzhi / Yazyk i modelirovaniye sotsial'nogo vzaimodeystviya : sbornik statey. – Moskva: Progress, 1987. – S. 44–87.
3. Vasil'yev V. V. Marginalii k rabote Kanta o mnimom prave na lozh' // Logos. – 2008. – № 5 (68). – S. 144–150.
4. Grachev G., Mel'nik I. Manipulirovaniye lichnost'yu: organizatsiya, sposoby i tekhnologii informatsionno-psikhologicheskogo vozdeystviya. – Moskva: IFRAN, 1999. – 230 s.
5. Doklad, pročitanny na zasedanii seminariya pri Laboratorii eksperimental'noy psikhologii Moskovskoy Gubprokuratury i v Sektzii ugolovnogo prava Instituta sovetskogo prava. – Sm.: Luriya A. R. Eksperimental'naya psikhologiya v sudebno-sledstvennom dele // Sovetskoye pravo. – 1927. – № 2 (26). – S. 84–100.
6. Dyupra Zh. Lozh'. – Saratov: Nov. P. S. Feokritova, 1905. – 114 s.
7. Dyupra Zh. Pochemu lyudi vrut? [Zvukozapis] : psikhosotsiologiya lzhi / Zh. Dyupra ; per. s fr. Dm. I. Solov'yeva ; chitayet S. Fedosov. – Elektron. izd. i progr. – Moskva: Ardis, 2009. - 1 el. opt. disk (CD-DA) : zv., disk : (274 min.).
8. Znakov V. V. Klassifikatsiya psikhologicheskikh priznakov istinnykh i neistinnykh soobshcheniy v kommunikativnykh situatsiyakh // Psikhologicheskii zhurnal. – 1999. – № 2. – S. 54–55.
9. Znakov V. V. Nepravda, lozh' i obman kak problemy psikhologii ponimaniya // Voprosy psikhologii. – 1993. – № 2. – S. 9–16.
10. Il'in I. A. Aksiomy religioznogo opyta. – Moskva: Russkaya kniga, 2002. – 587 s.
11. Iovchuk M. T., Oyzerman T. I., Shchipanov I. Ya. Kratkiy ocherk istorii filosofii. 4-ye izd. – Moskva: Mysl', 1981. – 927 s.
12. Kant I. O mnimom prave l'gat' iz chelovekolyubiya // Traktaty i pis'ma. – Moskva: Nauka, 1980. – S. 292–297.
13. Korovin V. V. Kak raspoznat' lzhetsa i lozh'. – Moskva: Pero, 2021. – 234 s.
14. Krogius N. V. Pravda o lzhi: problema refleksii // Izvestiya Saratovskogo universiteta. – 2009. – T. 9. – № 3. – С. 105–110.
15. Lipmann O., Adam L. Lozh' v prave. – Khar'kov: Yuridicheskoye izdatel'stvo Ukrainy, 1929. – 47 s.
16. Melitan K. Psikhologiya lzhi. – Moskva: A. Somov, 1903. – 30 s.
17. Povarnin S. Spor. O teorii i praktike spora. – Petrograd: O. Bogdanova, 1918. – 110 s.
18. Rat'nov A. R., Yefremova G. Kh. Yuridicheskaya psikhologiya: sb. nauch. tr. – Moskva: NII probl. ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka, 1998. – 124 c.
19. Sluzhayeva V. Yu. Gendernaya motivatsiya psikhologii lzhi v podrostkovom i yunosheskom vozraste // Vestnik magistratury. – 2014. – № 3 (30). – T. 1. – S. 105–110.
20. Solov'yev V. Opravdaniye dobra. – Moskva: Institut russkoy tsivilizatsii, Algoritm, 2012. – 656 s.
21. Fray O. Detektsiya lzhi i obmana. – Sankt-Peterburg: Praym Yevroznak, 2005. – 106 s.
22. Fray O. Lozh'. Tri sposoba vyyavleniya. Kak chitat' mysli lzhetsa, kak obmanut' detektor lzhi. – Sankt-Peterburg: Praym-Yevroznak, 2006. – 284 s.
23. Kholodnyy Yu. I. Poligrafy («detektory lzhi») i bezopasnost': spravochnaya informatsiya i rekomendatsii. – Moskva: Izdatel'skiy dom «Mir bezopasnosti», 1998. – 95 s.
24. Shalyutin B. S. Chelovek lgushchiy // Chelovek. – 1996. – № 5. – S. 151–159.
25. Shtern V. Psikhologiya svidetel'skikh pokazaniy. Eksperimental'nyye issledovaniya vernosti vospominaniya // Vestnik prava. – 1902. – № 2. – S. 107–133; – № 3. – S. 120–149.
26. Ekman P. Psikhologiya lzhi. Obmani menya, yesli smozhesh'. – Sankt-Peterburg: Piter, 2010. – 196 s.
27. DePaulo B. M., Kashy D. A., Kirkendol S. E., Wyer M. M., & Epstein J. A. Lying in everyday life. // Journal of Personality and Social Psychology. – 1996. – № 70. – P. 979–995.

Статья поступила в редакцию 28.03.2022; одобрена после рецензирования 13.04.2022; принята к публикации 21.04.2022.

The article was submitted March 28, 2022; approved after reviewing April 13, 2022; accepted for publication April 21, 2022.

Научная статья
УДК 343.953
doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-225-232

Кирилл Витальевич Злоказов

кандидат психологических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, zkirvit@yandex.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилутова, д. 1*

Влияние уголовного наказания на взаимодействие преступника с социальным окружением

Аннотация. В статье рассматриваются социальные и личностные аспекты влияния уголовного наказания на взаимодействие преступников с социальным окружением. Показано, что социальное взаимодействие является важным фактором формирования криминальной направленности и ключевым условием ресоциализации преступников. Отмечается, что криминальная направленность формируется и проявляется в социальном взаимодействии. Прямое и опосредованное влияние на её усиление и ослабление оказывает ближайшее социальное окружение, включающее членов семьи, родственников и друзей.

Констатируется, что уголовное наказание влияет на социальные и личностные аспекты социального взаимодействия лиц, привлечённых к уголовной ответственности. Социальные последствия определяются отношением общества к преступлению и преступнику. Социальные представления устанавливают отношения, стереотипы и установки во взаимодействии с преступниками, при этом социальные представления имеют противоречивый характер, поскольку преступники принадлежат к разным социальным слоям, сообществам и социальным группам общества. К личностным последствиям влияния уголовного наказания на взаимодействие с социальным окружением относятся изменения в самооотношении и самооценке, а также состоянии потребностно-мотивационной сферы. Характеризуются их психологические последствия. Делается вывод о том, что самооотношение и самооценка преступников обладают дефектами формирования, влияющими на восприятие социального отношения к преступлению, затрудняющими переживание вины за его совершение. Показано, что привлечение к уголовной ответственности усиливает противоречия в самооотношении и регуляции потребностно-мотивационной сферы личности.

Специфика самооотношения вызвана противоречием между поддержанием положительного представления о себе (положительного «образа-Я» и высокой самооценки) и избеганием принятия ответственности за совершенное преступление в сочетании с негативными социальными представлениями о преступлении и преступнике.

Делается вывод о перспективах исследования социального взаимодействия лиц, подвергшихся уголовному преследованию, как ресурсе профилактики их повторной криминализации.

Ключевые слова: психология преступника, социальное взаимодействие, ресоциализация осуждённых, профилактика преступлений, влияние уголовного наказания

Для цитирования: Злоказов К. В. Влияние уголовного наказания на взаимодействие преступника с социальным окружением // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 225–232; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-225-232.

Kirill V. Zlokazov

Cand. Sci. (Psy.), Docent
<https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, zkirvit@yandex.ru

*Saint-Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint-Petersburg, 198206, Russian Federation*

The impact of criminal punishment on interaction of an offender with social environment

Abstract. The article deals with social and personal aspects of the impact of criminal punishment on the interaction of criminals with the social environment. It is shown that social interaction is an important factor in the formation of criminal orientation and a key condition for resocialization of criminals. It is noted that criminal orientation is formed and manifests itself in social interaction. Key importance for its strengthening and weakening has the nearest social environment, including family members, relatives and friends.

It is stated that criminal punishment has an impact on social and personal aspects of social interaction of persons brought to criminal responsibility. Social consequences are determined by the attitude of society to the crime and the offender. Social perceptions establish attitudes, stereotypes and attitudes in the interaction with criminals. At the same time, social perceptions are contradictory, because they belong to different social strata, communities and social groups of society. The personal consequences of the impact of criminal punishment on the interaction with the social environment include changes in self-concept and self-esteem, as well as the state of the needs-motivational sphere. Their psychological consequences are characterized. The conclusion is made that the self-perception and self-esteem of criminals has formation defects that affect the perception of the social attitude to the crime, hindering the experience of guilt for its commission. It is shown that criminal prosecution strengthens the contradictions in the self-perception and regulation of the needs-motivational spheres of personality.

The specificity of self-attitude is caused by the contradiction between the maintenance of positive self-image (positive «I-image» and high self-esteem) and avoidance of taking responsibility for the committed crime in combination with negative social ideas about the crime and the offender.

The conclusion is made about the prospects of research of social interaction of persons who have been subjected to criminal prosecution as a resource of prevention of their re-criminalization.

Keywords: psychology of the criminal, social space, social interaction, crime prevention, social relations

For citation: Zlokazov K. V. The impact of criminal punishment on interaction of an offender with social environment // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – P. 225–232; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-225-232.

Актуальность исследования

Необходимость обращения к социальному взаимодействию лиц, подвергшихся уголовному наказанию, обусловлена, во-первых, целями профилактики преступлений и правонарушений, совершаемых после отбывания уголовного наказания; во-вторых, недостаточными и противоречивыми представлениями о роли социального окружения в формировании вторичной криминализации преступников. Данная проблематика рассматривается через призму возникновения и угасания криминальной направленности.

Криминальная направленность характеризует склонность субъекта к совершению преступлений и правонарушений. Предполагается, что она определяется особенностями личности, организованными в специфический симптомокомплекс. Он представлен в виде разноуровневых характеристик, обуславливающих преступное поведение, и охватывает все уровни организации личности. В него включают индивидуальные свойства (конституциональные, нейро- и психодинамические) и психологические качества (личностные, нравственные)¹. При этом

индивидуальные детерминанты не являются единственным условием, необходимым и достаточным для совершения преступления.

По мнению А. Н. Пастушени, криминальная направленность опосредована внешними условиями, подразделяемыми на стимулирующие и вынуждающие, нейтральные, сдерживающие и антикриминальные². Кроме того, реализация криминальной направленности зависит от установок, ценностей и представлений, которые непосредственно влияют на выбор преступной цели либо преступного способа её достижения. Особое внимание в формировании криминальной направленности обращается на взаимодействие индивида с социальным окружением. В научной литературе социальное окружение рассматривается в числе факторов, влияющих на совершение преступлений. Как правило, близких родственников, друзей и знакомых относят к лицам, побуждающим индивида к преступлению либо соучаствующим в нём.

: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / Кургузкина Елена Борисовна. – Москва, 2003. – 423 с.

² Пастушеня А. Н. Криминогенная сущность личности преступника (психологический аспект) : дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.06 / Пастушеня Александр Николаевич. – Москва, 2000. – 551 с.

¹ Кургузкина Е. Б. Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений

Учитывая значимость социального окружения для формирования криминальной направленности личности, целесообразно рассмотреть влияние, которое на неё оказывает уголовное наказание. Выявление его роли позволяет уточнить представление о социально-психологических последствиях его переживания и возможную детерминацию криминальной направленности.

Цель исследования – выявление влияния уголовного наказания на взаимодействие преступника с социальным окружением.

Гипотеза исследования заключается в предположении о наличии психологического влияния последствий уголовного наказания на взаимодействие преступника с социальным окружением.

Предполагается, что субъективные представления преступника о самом себе, преступлении и наказании порождаются социальными представлениями групп и сообществ, участником которых он является. В то же время его представления, вызванные уголовным наказанием, а также оценкой этого факта со стороны социального окружения, могут по-разному влиять на жизнедеятельность.

Структура статьи организована в соответствии с гипотезой. Вначале описываются представления о влиянии социального окружения и взаимодействия с ним на криминализацию преступника, затем оценивается влияние последствий уголовного наказания на взаимодействие преступника с социальным окружением.

Влияние социального окружения на криминальную направленность лиц, подвергшихся уголовному наказанию

Современные научные представления описывают несколько видов влияния социального окружения преступников, привлечённых к уголовной ответственности, на криминализацию. Обобщённо можно выделить прямое и опосредованное влияние.

Прямое влияние предполагает, что социальное окружение побуждает субъекта к совершению преступления, формируя представление о цели преступления (либо способе его совершения). Лица из числа близкого окружения организуют преступление либо принимают участие в его осуществлении.

Опосредованное влияние предполагает, что социальное окружение создаёт условия для формирования криминальной направленности, побуждая её либо потворствуя её усилению. Социальное окружение формирует убеждения, представления и ценности субъекта, допускающие возможность преступного деяния. Таким образом, существующие научные представления предписывают социальному окружению роль детерминанты преступления. Помимо этого, социальное окружение выполняет роль регулятора целевого и операционального этапов преступной деятельности. Отмечается, что референтные для преступника лица участвуют в обсуждении замысла преступления. Их мнени-

е используется субъектом при планировании преступления, в частности, при принятии решения о его осуществлении, выборе способа совершения, моделировании условий и своего поведения, вплоть до сокрытия следов и противодействия расследованию. Таким образом, в научной литературе неоднократно описывалось мотивационное и операциональное влияние лиц на преступника.

Вместе с тем, развивая уже изложенные соображения, значение социального окружения целесообразно рассмотреть, представив его в качестве самостоятельного компонента регуляции преступного поведения. Связи и отношения преступника с другими людьми могут быть объединены на основании их релевантности одному субъекту в целостное интраперсональное образование, регулирующее преступное поведение.

Отдельные его составляющие – отношения в семье, с друзьями и сверстниками, участниками преступной группы, иных групп и сообществ неоднократно подвергались психологическому и криминологическому анализу. Однако комплексно отношение преступника к своему социальному окружению не изучалось. Это не позволяло учитывать разнонаправленное влияние окружающих лиц на формирование криминальной направленности и, наряду с этим, выявлять субъективное отношение к преступной деятельности. Кроме того, изучение отношений с социальным окружением позволяет обращаться не к отдельным видам социального взаимодействия преступника, а изучать преступный образ жизни субъекта, социальные условия его поддержания и прекращения.

Эмпирические исследования зарубежных криминальных психологов демонстрируют, что формирование криминальной направленности в условиях взаимодействия с социальным окружением является неоднородным и сложным процессом.

В концепции, предложенной G. M. Sykes, утверждалось, что преступники склонны переходить от социального поведения к асоциальному в непосредственном взаимодействии с криминальным сообществом [25]. Так, в совместной деятельности с преступниками они ведут себя в соответствии с нормами, установленными для этой группы, однако за пределами преступной группы могут демонстрировать законопослушное поведение.

В ходе изучения молодёжных банд С. Strocka также отмечает, что жестокость становится атрибутом социального поведения, соответствующим роли преступника в банде, при этом в других социальных ролях (семейных, профессиональных) она не воспроизводится. Например, члены банд соблюдают правила социального поведения, когда они идентифицируют себя с такими социальными ролями, как отец, муж или рабочий [24].

Вне криминального окружения асоциальное поведение может трансформироваться в законопослушное. Так, A. Dawes установлено,

что нравственное поведение преступника изменяется под влиянием условий социального окружения [22]. В кругу семьи, в присутствии друзей не из числа криминальной группы такие субъекты не склонны проявлять криминальную направленность. Сопоставление семейной и криминальной социальной идентичности осуждённых показало, что преобладание ориентации преступников на выполнение социальной роли «отец», «муж» снижает вероятность возобновления криминальной карьеры [23]. Можно заключить, что криминальная направленность реализуется тогда, когда преступник воспринимает себя таковым, а также получает подтверждения этому в социальном окружении.

Безусловно, в этом процессе имеет значение психологическая близость и идентификация с преступниками из числа своего социального окружения. Так, Е. К. Asencio и Р. J. Burke выявили роль социального окружения в процессах поддержания криминализации осуждённых [20]. Полученные ими результаты показали, что мнение социального окружения оказывает дифференцированное влияние на криминализацию осуждённых. В её формировании участвуют оценки и мнения ближайшего социального окружения (членов семьи и родственников), а также лиц, совместно с ними отбывающих уголовное наказание. Персонал исправительного учреждения не оказывает значимого влияния на криминализацию или ресоциализацию осуждённых.

Исследователями также установлено, что осуждённые, обладающие криминальной направленностью, не склонны прислушиваться к мнению семьи или окружающих. Ресоциализирующийся тип осуждённых воспринимает и осмысливает оценки со стороны социального окружения. Кроме того, криминализирующийся тип осуждённых фокусируется на внешней стороне, а ресоциализирующийся, наоборот, на внутренней, осмысленной.

Итак, анализ отечественных и зарубежных исследований показывает, что социальное окружение оказывает существенное влияние на формирование и поддержание криминальной направленности. Установлено, что влияние оказывает ближайшее социальное окружение, обладающее высокой субъективной значимостью для преступников. С учётом важности социального взаимодействия для криминализации и ресоциализации преступников целесообразно рассмотреть его изменения, обусловленные уголовным наказанием.

Влияние последствий уголовного наказания на социальное взаимодействие преступника

Рассмотрение последствий проводится путём их разделения на социальные и личностные с описанием психологической специфики каждого из них. Вне внимания остаются правовые последствия, заключающиеся в ограничении отдельных избирательных прав, возможности замещать должности государственных гражданских служащих и военнослужащих,

а также иных ограничений в правах, основанных на решении суда.

Необходимость рассмотрения социальных последствий обусловлена тем, что их эффект является противоречивым, поскольку лишь отчасти связан с фактом привлечения к уголовной ответственности. В большей мере социальные последствия связаны с нормами, ценностями, представлениями и установками социальных сообществ, участником которых является преступник. В глобальном смысле социальные последствия определяются отношением общества к преступлению и преступнику.

Воплощаясь в виде социальных представлений, они формируют социальное отношение, стереотипы и установки во взаимодействии с преступниками. Следует отметить, что данные представления не являются однородными, поскольку у отдельных социальных слоёв, сообществ и социальных групп мнение о преступниках может быть противоположным. Ряд из них отрицают преступление и осуждают преступников, склонны ограничивать взаимодействие с преступником, вытесняя либо вовсе исключая его из системы отношений. Ряд сообществ в силу обычаев и традиций может считать допустимым осуществление отдельных видов преступлений [7]. Наконец, в асоциальных сообществах преступление может восприниматься нейтрально либо даже положительно, если оно соответствует установленным в нём ценностям и нормам. Статус и авторитет участников подобных сообществ может прямо зависеть от общественной опасности их действий [12], противоправных представлений [17].

Таким образом, социальные представления присущие разным сообществам и группам, по-разному оценивают факт привлечения к уголовной ответственности – от прекращения взаимодействия и разрыва отношений до присвоения более высокого статуса. Несмотря на многообразие оценок, наиболее частыми социальными последствиями привлечения к уголовной ответственности для индивида выступают: потеря источника дохода вследствие прекращения трудовых отношений и разрыва связей с определённой частью социального окружения [4], деструкция неформальных социальных связей, в том числе с членами семьи [5], родственниками и друзьями [13].

К личностным последствиям уголовного наказания, влияющим на взаимодействие с социальным окружением, можно отнести изменения самооценки и состояние потребностно-мотивационной сферы. Они изучаются в контексте социальных последствий привлечения к уголовной ответственности и гипотетически связываются с субъективным переживанием социального давления, вызванного стигматизацией преступлений и преступников.

Психологическая специфика самооценки преступников неоднократно подвергалась анализу отечественными исследователями. В частности, в работах А. В. Вэтра [3], М. В. Кроз и Н. А. Ратиновой [9], Ю. В. Новиковой [14],

Е. В. Чернышевой³ представлены эмпирические сведения об уровне и состоянии самоотношения преступников, показывающие, с одной стороны, противоречия в самоотношении и неадекватность самооценки, с другой, отсутствие потребности в её регуляции, в том числе приведение в соответствие вслед за мнением окружающих людей.

Объяснение данным феноменам даётся с позиции дефектов механизмов, регулирующих самоотношение [15], действия психологических защит [16], влияния криминализованного социального окружения [6]. Обобщение современных представлений позволяет заключить, что самоотношение преступника по сравнению с законопослушным лицом может иметь отклонения, обусловленные акцентуированными чертами характера, сниженной потребностью в социальных источниках формирования самооценки, дефектами перцепции социальной информации, низкой социальной компетентностью. Отметим, что в ходе уголовного преследования преступники находятся в ситуации, требующей публичного признания вины, что существенно влияет на их самоотношение и самооценку. Вместе с тем, как показывают криминологические исследования, раскаяние в содеянном преступлении чаще всего носит формальный характер, происходит в целях избежания наказания [19].

Изучение психологических особенностей лиц, осуждённых за совершение преступлений, позволяет заключить, что их социальная некомпетентность ведёт, как правило, к снижению самооценки, а та, в свою очередь, способствует развитию агрессивно-насильственной и в целом криминальной направленности осуждённого. Конечно, социальное отчуждение не имеет однозначной связи с выбором преступного действия. Однако известно, что человек стремится восстановить самооценку теми средствами и в тех условиях, которые ему доступны. Поэтому преступники, имеющие проблемы с самооценкой, считают, что успешные, но противоправные действия являются для них единственной возможностью повлиять на свой социальный статус в группе [21].

Можно заключить, что самоотношение и самооценка преступников обладает дефектами формирования, влияющими на восприятие социального отношения к преступлению, затрудняющими переживание вины за его совершение. Как следствие, взаимодействие с социальным окружением ориентировано на формирование идеального «образа-Я», включающего раскаяние за антиобщественный поступок, сочетающееся с самооправданием, позитивно-завышенную самооценку, эгоцентрическую и суверенную позицию во взаимодействии с окружающими людьми [18].

Состояние потребностно-мотивационной сферы также влияет на социальное взаимодей-

ствие преступников с окружающими. Поскольку психологической предпосылкой большинства преступлений выступает актуальная потребность, то её вид, а также мотив, цель и способ её достижения являются ведущими основаниями для совершения противоправных действий⁴. При этом уголовное наказание не влияет на уровень притязаний и характер потребностей лица, затрагивая лишь мотивационно-целевую и операциональную сторону деятельности.

Рассматривая их в рамках модели регуляции преступной деятельности, предложенной В. Н. Кудрявцевым, можно отметить, что криминальная направленность проявляется на личностном и мотивационном этапах регуляции, а не целевом и операциональном [10]. Соответственно, решение о возможности совершения преступления предполагает приемлемость криминального деяния личностными ценностями, убеждениями, представлениями и пр. Другие этапы регуляции преступного поведения, как показывает исследование О. В. Кузнецовой, влияют на процессуальную сторону преступного действия, его планирование и реализацию [11].

В результате привлечения к уголовной ответственности субъект сталкивается с трудностью либо невозможностью выполнения определённой деятельности и, как следствие, удовлетворения потребности. Эта ситуация, с одной стороны, сопровождается переживанием стресса и фрустрации, с другой – требует перестройки деятельности и взаимодействия с окружающими. В то же время субъект, подвергшись уголовному наказанию, сталкивается с необходимостью изменить (скорректировать) своё поведение, но может не изменять мотив поступка, его цель и средства достижения.

В результате содержание деятельности субъекта, подвергшегося судимости, остаётся неизменным, в то время как внешняя сторона, социальное поведение и взаимодействие с окружающими затруднены последствиями уголовного наказания и психологической реакцией на последствия привлечения к уголовной ответственности. Этим, как нам представляется, отчасти обусловлена проблематика трудоустройства лиц, осуждённых к уголовному наказанию [8]. Как показывают исследования осуждённых, им свойственно переживать тревогу перед будущим [1], вызванную в том числе отсутствием социальных навыков, необходимых для обеспечения желаемого образа жизни [2].

Таким образом, привлечение к уголовной ответственности усиливает противоречия в самоотношении и регуляции потребностно-мотивационной сфер личности. Специфика самоотношения преступников вызвана противоречием между поддержанием положительного представления о себе (положительного «образа-Я» и высокой самооценки) и избеганием принятия

³ Чернышева Е. В. Особенности Я-концепции личности осуждённых : дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Чернышева Елена Викторовна. – Екатеринбург, 2005. – 175 с.

⁴ Гульдман В. В. Мотивация противоправных действий у психопатических личностей : дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.04 / Гульдман Виктор Викторович. – Москва, 1985. – 521 с.

ответственности за совершенное преступление в сочетании с негативными социальными представлениями о преступлении и преступнике.

Специфика потребностно-мотивационной сферы характеризуется противоречием между сохранением уровня притязаний и регуляции потребностно-мотивационной сферы преступника и социальными условиями их удовлетворения. Данное противоречие может быть решено путём перестройки притязаний и изменения потребностей либо путём интенсификации взаимодействия с окружающими, привлечения ресурсов и помощи окружающих.

Поскольку социальные возможности и условия жизнедеятельности лиц, подвергшихся уголовному наказанию, ухудшаются, то психологическим переживанием, связанным с искажённым самоотношением и трудностью удовлетворения потребности, выступают стресс и фрустрация. Их проявление вызвано субъективно воспринимаемой невозможностью удовлетворения потребности либо наличием существенных препятствий.

Подводя итоги выполненного анализа, целесообразно обобщить социально-психологические особенности отношений лиц, подвергшихся уголовному наказанию, с социальным окружением.

К социально обусловленным последствиям следует отнести социальную стигматизацию, вызванную привлечением к уголовной ответственности, приводящую к ограничению социальных возможностей, нарушений в совместной деятельности, ухудшению межличностных отношений.

Следствием дефектов социального взаимодействия выступают снижение объективного и субъективного качества жизни, психологические переживания стресса и фрустрации, вызванные трудностями удовлетворения потребностей.

Субъективные последствия обусловлены совокупным влиянием представлений преступника о себе и содержанием потребностно-мотивационной сферы. К данным представлениям относятся:

- в части самоотношения: искажённое самоотношение и неадекватная самооценка, сопряжённая с представлением о себе как преступнике;

- в сфере потребностно-мотивационных компонент деятельности: завышенный уровень притязаний, искажения мотивационно-целевой составляющей внутреннего плана деятельности,

неадекватный стиль взаимодействия с социальным окружением.

Следствием описанных особенностей выступает специфический стиль взаимодействия с окружающими, ориентированный на поддержание благоприятного образа-Я и самооценки, сочетающийся со стремлением к удовлетворению потребностей и соответствия уровню притязаний в условиях отказа от сотрудничества, предоставления помощи и поддержки.

Выводы

В статье рассматривалось влияние последствий уголовного наказания на социальное взаимодействие преступника. Проведённый анализ показал, что привлечение к уголовной ответственности оказывает влияние на социальные возможности удовлетворения потребностей, самоотношение и потребностно-мотивационную сферу преступника. Данное влияние обусловлено социальными представлениями о преступлении и преступнике, влияющими на их оценку и формирующими установку на взаимодействие с лицом, подвергшимся уголовному наказанию.

Установлено, что конструктивное переживание уголовного наказания выражается в установлении отношений помощи и поддержки с социальным окружением, признании вины и построении целостного и непротиворечивого самоотношения. Деструктивное переживание уголовного наказания выражается в социальном пессимизме, сниженной самооценке, противоречивом «образе-Я» и низком уровне социального взаимодействия.

Полученные результаты уточняют и конкретизируют научное представление о психологических аспектах восприятия уголовного наказания, его влияние на социальное взаимодействие и образ жизни преступника.

Практическое применение результатов видится, во-первых, в дальнейшей разработке проблем социального влияния на индивидуальные представления лиц, подвергшихся уголовному преследованию; во-вторых, в совершенствовании программ профилактики повторных преступлений, в том числе и рецидивной преступности путём формирования психологических условий признания вины и раскаяния за совершенные преступления; в-третьих, в программе предупреждения преступлений путём психолого-педагогического воздействия на представления несовершеннолетних преступников и правонарушителей.

Список литературы

1. Акоюян Л. С. Тревожность и страхи женщин в местах лишения свободы // Вестник Самарского юридического института. – 2015. – № 2 (16). – С. 115–119.
2. Бусыгин Н. И., Вербина Г. Г. Социально-психологические аспекты адаптации осуждённых после освобождения из мест лишения свободы // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2017. – № 2–10. – С. 35–38.
3. Вэтра А. В. Теоретико-методологический анализ самосознания подозреваемых и обвиняемых за насильственные преступления / Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. – С. 360–366.

4. Горбань Д. В., Ефремова О. С. Концептуальная теоретическая модель уголовно-исполнительной характеристики личности осужденного к лишению свободы // Право и политика. – 2019. – № 3. – С. 21–32. DOI: 10.7256/2454-0706.2019.3.22937.
5. Данилин Е., Наумов С. Ресоциализация осуждённых в колониях-поселениях в процессе совместного проживания с семьёй // Ведомости УИС. – 2003. – № 7. – С. 30–33.
6. Злоказов К. В. Конструирование идентичности и криминализация личности : монография. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2017. – 142 с.
7. Зюков А. М. Антиобщественные традиции, обычаи и привычки различных этнических групп // Современное право. – 2010. – № 5. – С. 124–127.
8. Кохман Д. В., Добров Д. А. Некоторые особенности трудоустройства осуждённых к наказанию в виде исправительных работ: опыт России и стран СНГ // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2021. – № 1. – С. 172–179.
9. Кроз М. В., Ратинова Н. А. Особенности самооценки коррупционных преступников // Прикладная юридическая психология. – 2018. – № 4 (45). – С. 23–31.
10. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. – Москва: Наука, 1982. – 287 с.
11. Кузнецова О. В. Структура деятельности делинквентной личности (на примере лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений) // Педагогическое образование на Алтае. – 2014. – № 2. – С. 464–465.
12. Кулакова В. А. Организованная преступность и деяние, предусмотренное статьёй 2101 уголовного кодекса Российской Федерации / Правовая система России: история, современность, тенденции развития : сборник материалов VIII заочной Всероссийской научно-практической конференции. – Благовещенск: Амурский государственный университет, 2021. – С. 80–92. – DOI 10.22250/LSR.2021.10.
13. Латышева Л. А. Особенности ресоциализации женщин, осуждённых к лишению свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2014. – № 2 (26). – С. 94–98.
14. Новикова Ю. В. Типологические схемы личности преступника в структуре криминологической характеристики преступности (преступлений) // Общество и право. – 2021. – № 2 (76). – С. 32–37.
15. Ситковская О. Д., Коньшева Л. П. Психологическая экспертиза несовершеннолетних в уголовном процессе : научно-методическое пособие. – Москва: Издательство Университета прокуратуры, 2001. – 72 с.
16. Сочивко Д. В., Сочивко О. И. К вопросу о психологических особенностях осуждённых / Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. – Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. – С. 139–141.
17. Сучкова Е. Л. Представления о правовой действительности условно осуждённых // Прикладная юридическая психология. – 2012. – № 3. – С. 153–161.
18. Чернышева Е. В. Криминологические и психологические показатели личности осуждённого // Пасхи: научный психологический журнал / Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург), – 2005. – № 2 (12). – С. 191–209.
19. Шкарлет Н. А. Теория и практика учёта судом личности подсудимого при условном осуждении // Российское правосудие. – 2019. – № 10. – С. 101–105. – DOI 10.17238/issn2072-909X.2019.10.101-105. – EDN SNTZDJ.
20. Asencio E. K. & Burke P. J. Does incarceration change the criminal identity? A synthesis of labeling and identity theory perspectives on identity change // Sociological Perspectives. – 2011. – № 54. – P. 163–182.
21. Boduszek D., Hyland P. The Theoretical Model of Criminal Social Identity: Psycho-social perspective // International Journal of Criminology and Sociological Theory. – 2011. – № 4. – P. 604–615.
22. Dawes A. (1992). Political and moral learning in contexts of political conflict. Paper presented at the Course on Mental health of children exposed to violent environments, Refugee Studies Programme, University of Oxford, 6th -10th January.
23. LeBel T. P., Burnett R., Maruna S. & Bushway S. D. The “chicken and egg” of subjective and social factors in desistance from crime // European Journal of Criminology. – 2008. – № 5. – P. 131–159.
24. Strocka C. (2008). In Search of Identity. – Germany: VDM Verlag.
25. Sykes G. M., Matza D. Techniques of neutralization: a theory of delinquency // American Sociological Review. – 1957. – № 22. – P. 664–670.

References

1. Akopyan L. S. Trevozhnost' i strakhi zhenshchin v mestakh lisheniya svobody // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2015. – № 2 (16). – S. 115–119.
2. Busygin N. I., Verbina G. G. Sotsial'no-psikhologicheskiye aspekty adaptatsii osuzhdonnykh posle osvobozhdeniya iz mest lisheniya svobody // Sovremennyye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologiy. – 2017. – № 2–10. – S. 35–38.
3. Vetra A. V. Teoretiko-metodologicheskii analiz samosoznaniya podozrevayemykh i obvinyayemykh za nasil'stvennyye prestupleniya / Psikhologiya XXI veka: vyzovy, poiski, vektory razvitiya. – Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2019. – S. 360–366.

4. Gorban' D. V., Yefremova O. S. Kontseptual'naya teoreticheskaya model' ugolovno-ispolnitel'noy kharakteristiki lichnosti osuzhdenного k lisheniyu svobody // Pravo i politika. – 2019. – № 3. – S. 21–32. DOI: 10.7256/2454-0706.2019.3.22937.
5. Danilin Ye., Naumov S. Resotsializatsiya osuzhdonnykh v koloniyakh-poseleniyakh v protsesse sovmejnogo prozhivaniya s sem'oy // Vedomosti UIS. – 2003. – № 7. – S. 30–33.
6. Zlokazov, K. V. Konstruirovaniye identichnosti i kriminalizatsiya lichnosti : monografiya. – Yekaterinburg: Ural'skiy yuridicheskiy institut MVD Rossii, 2017. – 142 s.
7. Zyukov A. M. Antiobshchestvennyye traditsii, obychai i privychki razlichnykh etnicheskikh grupp // Sovremennoye pravo. – 2010. – № 5. – S. 124–127.
8. Kokhman D. V., Dobrov D. A. Nekotoryye osobennosti trudoustroystva osuzhdonnykh k nakazaniyu v vide ispravitel'nykh rabot: opyt Rossii i stran SNG // Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii. – 2021. – № 1. – S. 172–179.
9. Kroz M. V., Ratinova N. A. Osobennosti samootsenki korrupsionnykh prestupnikov // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. – 2018. – № 4 (45). – S. 23–31.
10. Kudryavtsev V. N. Pravovoye povedeniye: norma i patologiya. – Moskva: Nauka, 1982. – 287 s.
11. Kuznetsova O. V. Struktura deyatelnosti delinkventnoy lichnosti (na primere lits, obvinayemykh v sovershenii osobo tyazhki prestupleniy) // Pedagogicheskoye obrazovaniye na Altaye. – 2014. – № 2. – S. 464–465.
12. Kulakova V. A. Organizovannaya prestupnost' i deyaniye, predusmotrennoye stat'oy 2101 ugolovnoy kodeksa Rossiyskoy Federatsii / Pravovaya sistema Rossii: istoriya, sovremennost', tendentsii razvitiya : sbornik materialov VIII zaочноy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Blagoveshchensk: Amurskiy gosudarstvennyy universitet, 2021. – S. 80–92. – DOI 10.22250/LSR.2021.10.
13. Latysheva L. A. Osobennosti resotsializatsii zhenshchin, osuzhdonnykh k lisheniyu svobody // Vestnik instituta: prestupleniye, nakazaniye, ispravleniye. – 2014. – № 2 (26). – S. 94–98.
14. Novikova Yu. V. Tipologicheskiye skhemy lichnosti prestupnika v strukture kriminologicheskoy kharakteristiki prestupnosti (prestupleniy) // Obshchestvo i pravo. – 2021. – № 2 (76). – S. 32–37.
15. Sitkovskaya O. D., Konyshcheva L. P. Psikhologicheskaya ekspertiza nesovershennoletnikh v ugolovnom protsesse : nauchno-metodicheskoye posobiye. – Moskva: Izdatel'stvo Universiteta prokuratury, 2001. – 72 s.
16. Sochivko D. V., Sochivko O. I. K voprosu o psikhologicheskikh osobennostyakh osuzhdonnykh / Ugolovno-ispolnitel'naya sistema segodnya: vzaimodeystviye nauki i praktiki. – Novokuznetsk: Kuzbasskiy institut Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2021. – S. 139–141.
17. Suchkova Ye. L. Predstavleniya o pravovoy deystvitel'nosti uslovno osuzhdonnykh // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. – 2012. – № 3. – S. 153–161.
18. Chernysheva Ye. V. Kriminologicheskiye i psikhologicheskiye pokazateli lichnosti osuzhdonного // Paskhi: nauchnyy psikhologicheskii zhurnal / Ural. gos. ped. un-t. Yekaterinburg, – 2005. – № 2 (12). – S. 191–209.
19. Shkarlet N. A. Teoriya i praktika uchota sdom lichnosti podsudimogo pri uslovnom osuzhdenii // Rossiyskoye pravosudiye. – 2019. – № 10. – S. 101–105. – DOI 10.17238/issn2072-909X.2019.10.101-105. – EDN SNTZDJ.
20. Asencio E. K. & Burke P. J. Does incarceration change the criminal identity? A synthesis of labeling and identity theory perspectives on identity change // Sociological Perspectives. – 2011. – № 54. – P. 163–182.
21. Boduszek D., Hyland P. The Theoretical Model of Criminal Social Identity: Psycho-social perspective // International Journal of Criminology and Sociological Theory. – 2011. – № 4. – P. 604–615.
22. Dawes A. (1992). Political and moral learning in contexts of political conflict. Paper presented at the Course on Mental health of children exposed to violent environments, Refugee Studies Programme, University of Oxford, 6th -10th January.
23. LeBel T. P., Burnett R., Maruna S. & Bushway S. D. The “chicken and egg” of subjective and social factors in desistance from crime // European Journal of Criminology. – 2008. – № 5. – P. 131–159.
24. Strocka C. (2008). In Search of Identity. – Germany: VDM Verlag.
25. Sykes G. M., Matza D. Techniques of neutralization: a theory of delinquency // American Sociological Review. – 1957. – № 22. – P. 664–670.

Статья поступила в редакцию 23.03.2022; одобрена после рецензирования 22.04.2022; принята к публикации 17.05.2022.

The article was submitted March 23, 2022; approved after reviewing April 22, 2022; accepted for publication May 17, 2022.

Научная статья
УДК 159.9.07
doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-233-240

Евгения Геннадьевна Зуева
кандидат психологических наук
<https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, zueva.eg@yandex.ru

Марина Геннадьевна Барина
кандидат психологических наук
<https://orcid.org/0000-0003-1890-0368>, barinova195297@gmail.com

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Индивидуально-психологические особенности сотрудников правоохранительных органов, влияющие на психологическую готовность к действиям в экстремальных условиях

Аннотация: В данной статье рассматриваются индивидуально-психологические особенности, определяющие психологическую готовность к действиям в экстремальных условиях. Определяются понятия «психологическая готовность» и «экстремальные ситуации», а также особенности экстремальных ситуаций. Цель исследования – выявление индивидуально-психологических особенностей сотрудников правоохранительных органов, влияющих на психологическую готовность к действиям в экстремальных условиях, а также их зависимость от длительности службы. Практическая значимость заключается в выявлении психологических особенностей, влияющих на психологическую готовность к деятельности при угрозе жизни и здоровью и, таким образом, расширении знаний в области психологии безопасности и поведения человека в экстремальных и чрезвычайных ситуациях. Выборку исследования составили сотрудники правоохранительных органов, которые в профессиональной деятельности сталкиваются с ситуациями угрозы жизни и здоровью. Выявлены индивидуально-психологические особенности сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих деятельность в экстремальных условиях. По результатам проведённого исследования было выявлено, что показатели длительности службы взаимосвязаны со следующими индивидуально-психологическими особенностями: дружелюбие, коммуникативность, осторожность, активность, демонстративность, агрессивность.

Выявленные особенности рекомендуется учитывать при профессиональном психологическом отборе сотрудников правоохранительных органов, а также в процессе психологического сопровождения сотрудников правоохранительных органов различных служб.

Ключевые слова: психологическая готовность, экстремальные условия, длительность службы, сотрудники правоохранительных органов, Hand-test, опросник структуры личности и темперамента Р. Клонингера

Для цитирования: Зуева Е. Г., Барина М. Г. Индивидуально-психологические особенности сотрудников правоохранительных органов, влияющие на психологическую готовность к действиям в экстремальных условиях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 233–240; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-233-240.

Evgeniya G. Zueva
Cand. Sci. (Psy.)
<https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, zueva.eg@yandex.ru

Marina G. Barinova
Cand. Sci. (Psy.)
<https://orcid.org/0000-0003-1890-0368>, barinova195297@gmail.com

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

Individual psychological characteristics of law enforcement officers affecting the psychological readiness for action in extreme conditions

Abstract: The article discusses individual psychological characteristics that determine the psychological readiness for action in extreme conditions. The authors define the concepts of «psychological readiness» and «extreme situations», as well as the features of extreme situations. The purpose of the study is to identify the individual psychological characteristics of law enforcement officers that affect the psychological readiness for action in extreme conditions, as well as their dependence on the duration of service. The practical significance of the study lies in the identification of psychological characteristics that affect the psychological readiness for activities in the event of a threat to life and health and, thus, the expansion of knowledge in the field of psychology of safety and human behavior in extreme and emergency situations. The study sample consisted of law enforcement officers who, in their professional activities, face situations of threat to life and health.

The work reveals individual psychological characteristics of law enforcement officers operating in extreme conditions. According to the results of the study, it has been revealed that the duration of service is interconnected with the following individual psychological characteristics: friendliness, communicativeness, caution, activity level, demonstrativeness, aggressiveness.

Keywords: psychological readiness, extreme conditions, duration of service, law enforcement officers, Hand-test, R. Kloninger Personality structure and temperament questionnaire

For citation: Zueva E. G., Barinova M. G. Individual psychological characteristics of law enforcement officers affecting the psychological readiness for action in extreme conditions // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – P. 233–240; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-233-240.

Введение

Проблема готовности к деятельности в экстремальных условиях в последнее время становится все более востребованной для сотрудников правоохранительных органов. Известно, что такие ситуации требуют быстрого и точного выполнения профессиональных обязанностей [1, с. 7].

Согласно проводимым исследованиям, в первую очередь именно психологические и психофизиологические факторы определяют способность человека сохранять в экстремальных ситуациях профессиональную работоспособность и интегрированное поведение [2, с. 79].

В современном мире большинство профессий предъявляют высокие требования к личностным особенностям. Такие качества, как выдержка, устойчивость, возможность поддерживать работоспособность на протяжении длительного времени, оказывают влияние на готовность действовать в экстремальных условиях и при ограничении времени требуют значительных усилий.

Известен ряд профессий, представители которых не имеют «права на ошибку» и осуществляют свои должностные обязанности вне зависимости от внешних факторов, чаще даже в экстремальных условиях. К таким направлениям деятельности относятся и работа сотрудников правоохранительных органов, ко-

торые, несмотря на ежедневные угрозы жизни и здоровью, осуществляют профессиональные действия в соответствии с требованиями законодательства. Можно отметить, что к психологическим и психофизиологическим особенностям сотрудников правоохранительных органов предъявляются особые требования, которые выражаются в проведении профессионального психологического отбора.

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 декабря 2012 г. № 1259 «Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации»¹ определение категорий профессиональной пригодности осуществляется путём проведения психологических и психофизиологических исследований. Для исследования психофизиологических параметров при проведении профессионального психологического отбора необходимо применять научно обоснованные методы и методики для оценки психологической готовности будущих сотрудников правоохранительных органов к экстремальным ситуациям профессиональной деятельности.

¹ Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 6 декабря 2012 г. № 1259 // СЗ РФ. – 2012. – № 50 (ч. 6). – Ст. 7075.

Рассмотрим более подробно понятие «готовность», которое в словаре С. И. Ожегова определяется как состояние, при котором всё готово для чего-либо. Используется также специальный термин «боевая готовность», определяемый как «способность войск начать и вести боевые действия»².

Другие авторы под термином «готовность» понимают состояние, определяемое способностью к успешному выполнению какой-либо деятельности и связанное с сознательной направленностью на эту деятельность (Никифоров А. М., Рыбников В. Ю., Вавилов М. В., 2002)³. Речь идёт об особом функциональном состоянии профессионала, у которого можно обнаружить адекватный эмоциональный уровень и мотивацию, а также стремление к достижению поставленной цели.

Как психологическое понятие готовность можно определить в терминах сформированности психологических свойств с целью успешного овладения определённой деятельностью. В научной литературе в зависимости от содержания приводятся различные толкования понятия «психологическая готовность».

Так, в контексте понятия «психологическая готовность к экстремальным условиям» авторы выделяют длительную (продолжительную) готовность, учитывающую систему сформированных качеств, свойств и состояний⁴ и временное состояние готовности⁵ [3].

Временная (ситуативная) готовность представляет собой динамическое, целостное состояние личности, внутреннюю настроенность на определённое поведение, мобилизацию всех сил на активные и целенаправленные действия.

Продолжительная готовность к деятельности отражает структуру, в которую входят отношение к деятельности, личностные особенности, включающие темперамент, характер, мотивацию, а также необходимые знания, навыки, умения.

А. Ю. Бордачев отмечает, что психологической подготовке сотрудников полиции к действиям в экстремальных условиях необходимо уделять больше внимания. Низкий уровень психологической готовности обуславливает сильное воздействие эмоций на мыслительные процессы, что может привести к непредсказуемым результатам. Причинами выживания в насильственных конфликтах подготовленные сотрудники по-

лиции называют психологическую готовность (75 %), стрелковые навыки (15 %), физические качества (5 %) и везение (5 %) [4, с. 540].

В данной статье мы рассматриваем индивидуально-психологические особенности сотрудников правоохранительных органов, влияющие на психологическую готовность к действиям в экстремальных условиях. Мы рассмотрели определения психологической готовности, теперь рассмотрим понятие и особенности экстремальных ситуаций.

Люди определяют различные среды как экстремальные из-за их предполагаемых индивидуальных способностей действовать в них, поэтому любую среду, которая выталкивает человека за пределы его зоны комфорта, можно считать экстремальной [5].

Таким образом, экстремальные условия определяются как условия, в которых проявляются исключительные физические, психологические и межличностные особенности, требующие значительной адаптации человека для выживания и производительности [6]. Экстремальные условия очень сложны и характеризуются рядом интенсивных раздражителей, на которые люди реагируют по-разному. Примерами стрессоров в экстремальных условиях являются изоляция, опасность, риск, усталость, сенсорная и социальная депривация, неопределённость. Их можно считать сложными. Сложность в экстремальных условиях контртеррористических операций была исследована N. Smith, E. C. Barrett [7].

Таким образом, в привычную систему «человек-деятельность» добавляется такой коррелят, как объективно сложные условия, предметом которых является проблемно-экстремальная задача. Для решения данной задачи человек, не сталкивающийся с подобными условиями, должен активизироваться и выработать в максимально короткий срок несколько вариантов решения, из которых выбрать оптимальный. Это и является объективной сложностью условий.

Структура психологической готовности к любой деятельности (мы рассматриваем экстремальную), по мнению В. И. Месникова, включает в себя ряд взаимосвязанных компонентов: мотивационно-ценностный, когнитивный, эмоционально-волевой⁶.

Более широко психологическую готовность к действиям в экстремальных условиях ряд авторов рассматривает не только с позиции личностных особенностей, но и с учётом психофизиологических возможностей. Например, Л. М. Королев в структуру психологической готовности к экстремальной деятельности включает следующие компоненты [8, с. 394]: мотивационные, волевые, познавательные, психомоторные и эмоциональные.

Следует отметить, что далеко не все сотрудники правоохранительных органов в силу

² Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс] – URL: <http://www.ozhegov.org/words/12876.shtml> (дата обращения: 18.03.2022)..

³ Никифоров А. М., Рыбников В. Ю., Вавилов М. В. Теория и практика оперативного психологического контроля специалистов экстремального профиля: учебно-методическое пособие. – Санкт-Петербург: Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины МЧС России, 2002. – 53 с.

⁴ Поздняков В. М. Психологические аспекты повышения готовности слушателей и курсантов учебных заведений МВД СССР к службе в исправительно-трудовых учреждениях: дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 1989. – 23 с.

⁵ Прикладная юридическая психология: учебное пособие для вузов / под ред. А. М. Столяренко. – М: Юнити, 2001. – 655 с.

⁶ Месников В. И. Повышение эффективности процесса морально-психологической подготовки молодых воинов внутренних войск к служебно-боевой деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Месников Валерий Иванович. – Санкт-Петербург, 1996. – 18 с.

своих индивидуально-психологических и психофизиологических особенностей способны устойчиво и продуктивно работать в условиях, сопряженных с постоянной угрозой здоровью и жизни. Именно поэтому в профессиональном психологическом отборе на службу в органы внутренних дел Российской Федерации выделены категории профессиональной пригодности.

Кроме того, экстремальные ситуации в деятельности зачастую требуют от сотрудников правоохранительных органов незамедлительных действий, связанных с применением оружия или физической силы. Исследователи отмечают, что сотрудники, отмеченные высокой психологической готовностью к применению оружия, легко адаптируются к новым условиям деятельности, адекватно ориентируются в ситуации, быстро вырабатывают стратегию поведения [9, с. 50]. Их отличают высокая нервно-психическая устойчивость и поведенческая регуляция, адекватная самооценка и реальное восприятие действительности; высокий уровень развития коммуникативных способностей, способность к активной социальной жизни, желание взаимодействовать с другими людьми. Также им присущи развитые способности к планированию, моделированию, программированию, оценке результатов, гибкость и высокий общий уровень саморегуляции. Они инициативны, в разрешении сложной ситуации предпочитают полагаться на себя [10, с. 46].

Замечено, что экстремальные ситуации при осознании их человеком вызывают тревожное состояние и даже страх. Такое ощущение опасности способствует своевременному реагированию и экстренной мобилизации энергетических ресурсов организма. Известно, что поведение людей в экстремальных условиях меняется, выполнение профессиональных обязанностей в таких ситуациях зависит от способности контролировать свое состояние, объективно определять актуальные условия и адекватно решать возникшие проблемы. Становление данных способностей зависит от уровня нервно-психической устойчивости и психологической подготовленности к деятельности в экстремальных условиях. Психологическая устойчивость – это способность использовать личностные качества для противостояния давлению, состоящему во взаимодействии между личностью и окружающей средой во времени. Это важно при работе в экстремальных условиях, которые обычно характеризуются сложной комбинацией факторов стресса с повышенными элементами риска и неблагоприятных условий [11]. В свою очередь, уровень нервно-психической устойчивости зависит от психофизиологических характеристик индивида. Чем он выше, тем более постоянны психические процессы, тем дольше сохраняется адекватное поведение в экстремальных ситуациях.

Описание исследования

Исследование проводилось на базе Санкт-Петербургского университета МВД России. В исследовании принимали участие сотрудни-

ки правоохранительных органов по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области в количестве 206 человек. По результатам эмпирического исследования выяснено, что 59 из них в своей деятельности сталкивались с ситуациями, связанными с реальными угрозами жизни и здоровью и благополучно с ними справились. В данном исследовании мы ставили задачей выявление психологических особенностей сотрудников правоохранительных органов, влияющих на психологическую готовность к действиям в экстремальных условиях. Для этого мы провели сравнительный анализ психологических особенностей сотрудников, которые, по нашему мнению и своим профессиональным обязанностям, всегда психологически готовы осуществлять профессиональные действия: специального отряда быстрого реагирования, отряда мобильного особого назначения, Федеральной службы охраны Российской Федерации.

Исследование индивидуально-психологических особенностей сотрудников правоохранительных органов в зависимости от уровня витальных угроз в профессиональной деятельности проводилось с помощью психодиагностического инструментария: опросника структуры личности и темперамента Р. Клонингера и Hand-test Вагнера.

Гипотезой исследования явилось предположение о том, что психологическая готовность к действиям в экстремальных условиях при выполнении определённых видов деятельности зависит от стажа службы.

Результаты исследования

Для решения поставленных задач был произведён сравнительный и корреляционный анализ данных эмпирического исследования. Индивидуально-психологические особенности сотрудников в зависимости от длительности службы находятся в прямой зависимости от возраста, однако и сама деятельность также влияет на эти особенности. Вызывает интерес исследование личностно-типологических параметров в зависимости от продолжительности жизни сотрудников правоохранительных органов, поскольку с возрастом у человека закономерно наступают изменения как на личностном уровне, так и на биологическом.

Для выявления индивидуально-психологических особенностей, связанных с возрастом, мы воспользовались методом корреляционного анализа по критерию r -Пирсона (распределение является нормальным). Полученные результаты представлены в виде корреляционных плеяд, корреляционные связи статистически значимы на уровне $p \leq 0,05$ и $p \leq 0,01$ (рис. 1).

По результатам корреляционного анализа индивидуально-психологических особенностей сотрудников правоохранительных органов, сталкивающихся с ситуациями угроз жизни и здоровью в процессе выполнения служебных задач, было обнаружено, что показатели возраста коррелируют с личностными особенностями сотрудников по показателю «любопытность»

Примечание:

----- отрицательная корреляция при $p \leq 0,05$;

————— положительная корреляция при $p \leq 0,01$.

ПН1 – Любознательность vs. Ригидность, субшкала опросника Клонингера;

ИО2 – Страх неопределенности vs. Уверенность, субшкала опросника Клонингера;

Agg – агрессия, шкала Hand-test;

Ex – эксгибиционизм (демонстративность), шкала Hand-test;

Dir – директивность, шкала Hand-test.

Рисунок 1. Корреляционная связь показателя стажа службы с индивидуально-личностными особенностями сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих деятельность в экстремальных условиях

vs. ригидность», также положительная корреляция выявлена по шкале опросника Р. Клонингера «страх неопределенности vs. уверенность» с показателями возраста и стажа сотрудников. Это показывает, что с течением времени и увеличением стажа службы сотрудники в меньшей степени нуждаются в новых впечатлениях, не стремятся к разнообразию в жизни. С увеличением возраста и длительности службы сотрудники становятся более осторожными и предусмотрительными, предпочитают не проявлять чрезмерной активности, особенно в ситуациях неопределенности. Полученные данные можно объяснить влиянием отрицательных факторов деятельности на сотрудников, старших по возрасту, которые способствуют выработке стереотипов поведения при осуществлении профессиональной деятельности, и снижением стремления к достижению высоких результатов в работе.

Выявлено, что показатели агрессивности, полученные с помощью Hand-test Вагнера, не зависят от возраста. Однако обнаружены значимые взаимосвязи стажа службы сотрудников правоохранительных органов, выполняющих служебные задачи в условиях, связанных с риском для жизни и здоровья, с показателями данной методики. Так, с увеличением стажа службы у сотрудников правоохранительных органов уменьшаются показатели агрессии (Agg), активности (Act) и увеличивается показатель демонстративности (Ex). Это означает, что длительность службы напрямую влияет на агрессивное поведение сотрудников, их активность и демонстративность. Это может быть связано с тем, что на начальном этапе службы сотрудники правоохранительных органов на агрессивные проявления со стороны других лиц проявляют ответную агрессию как защитную реакцию. Кроме того, преобладает эмоциональный компонент в восприятии угрожающих ситуаций. При увеличении стажа службы восприятие угрожающих ситуаций осуществляется на менее эмоциональном, более осознанном, когнитивном уровне. Уменьшение активности может быть связано со сложившимся в процессе службы

пониманием особенностей деятельности и вероятных последствий, уверенной ориентацией в различных ситуациях профессиональной деятельности, связанной с опытом. Повышение показателя демонстративности можно объяснить осознанным воздействием «человека в форме как представителя власти» на поведение возможных правонарушителей.

Далее был проведен сравнительный анализ личностных особенностей сотрудников, действующих в экстремальных условиях и сталкивающихся с ситуациями угрозы жизни и здоровья, и сотрудников, не сталкивающихся с ситуациями витальной угрозы (табл. 1).

По шкале опросника Р. Клонингера «кооперативность» показатели достоверно значимо различаются между сотрудниками, которые сталкивались с ситуацией угрозы жизни и здоровью, и теми сотрудниками, которые не сталкивались с таковыми ($p \leq 0,05$). Данные свидетельствуют о том, что сотрудники правоохранительных органов, не сталкивавшиеся с ситуациями угрозы в профессиональной деятельности, в большей степени стремятся к сотрудничеству и кооперации. Можно сделать вывод, что сотрудники, сталкивавшиеся с ситуациями витальной угрозы в профессиональной деятельности, с точки зрения личной безопасности в большей степени ориентированы на индивидуальное принятие решения, нежели на поддержку группы. Также показатели различаются по шкале «трансперсонализм–индивидуализм» (СТ2) ($p \leq 0,05$). У сотрудников, сталкивающихся с ситуациями угроз, наиболее выражены идеализм, ощущение сопричастности и ответственности за происходящее вокруг, что свидетельствует о большей поглощенности деятельностью, чем это демонстрируется у сотрудников, не сталкивающихся с витальными угрозами.

По шкале «согласительство–негативизм» (СН) у сотрудников с ситуациями угроз преобладает чувство негативизма по сравнению с сотрудниками, не сталкивающимися с таковыми, что подтверждается уровнем значимости показателя ($p \leq 0,05$).

**Сравнительный анализ личностных особенностей
сотрудников правоохранительных органов в зависимости от ситуаций угроз в деятельности**

№ п/п	Методика	Показатели	Не сталкивались с ситуацией витальной угрозы	Сталкивались с ситуацией витальной угрозы
1.	Опросник Р. Клонингера	К (Кооперативность)*	13,23±,146	12,71±,218
2.		К4 (Сострадание vs. Мстительность)*	6,61±,108	6,14±0,168
3.		С (самостоятельность)*	30,02±,308	28,76±,433
4.		С1 (Ответственность - Обвинение других)**	7,22±,114	6,68±,167
№ п/п	Методика	Показатели	Не сталкивались с ситуацией витальной угрозы	Сталкивались с ситуацией витальной угрозы
5.		С4 (Самопринятие vs. Инфантильные фантазии)*	7,19±,202	6,46±,292
6.		СТ2 (Трансперсонализм vs. Индивидуализм)*	2,27±,142	2,76±,186
7.		СН (Соглашательство – Негативизм)*	54,78±,921	58,58±1,401
8.	Hand-test Варнера	А (Уровень общей агрессивности) *	34,74±,660	37,54±1,218
9.		І (Склонность к открытой агрессии)*	-4,53±,597	-2,76±,638
10.		Aff (Эмоциональность) *	9,64±1,156	5,69±,757
11.		Dep (Зависимость) **	7,59±,822	5,07±,822

* – $p \leq 0,05$ ** $p \leq 0,01$

Сотрудники правоохранительных органов, которые чаще сталкиваются с витальными угрозами, считают себя ответственными за происходящее, более негативно относятся к окружающему миру.

В соответствии с полученными результатами у сотрудников, сталкивающихся с ситуациями угроз, обнаруживаются более высокие показатели по уровню общей агрессивности (А, $p \leq 0,05$) и склонности к открытой агрессии (І, $p \leq 0,05$). У группы сотрудников, ранее сталкивавшихся с ситуациями угроз, по сравнению с остальными отчетливее выражен уровень общей агрессивности и склонности к открытому агрессивному поведению. По шкалам «эмоциональность» (Aff, $p \leq 0,05$) и «зависимость» (Dep, $p \leq 0,05$) показатели двух групп также значимо различаются. У сотрудников, сталкивающихся с ситуациями угроз жизни и здоровью, в меньшей степени выражена эмоциональность и зависимость от окружающих людей.

Заключение

Результатом эмпирического исследования индивидуально-психологических особенностей сотрудников правоохранительных органов, влияющих на психологическую готовность к действиям в экстремальных условиях, явилось определение взаимосвязей показателей возраста и стажа службы с личностными особенностями и особенностями поведения, а также анализ личностных особенностей и особенностей агрессивного поведения сотрудников правоохранитель-

ных органов, выполняющих профессиональную деятельность в экстремальных ситуациях. Было выявлено, что сотрудники, встречающиеся с ситуациями витальных угроз в своей деятельности, в меньшей степени стремятся к сотрудничеству и кооперации, считают себя ответственными за происходящее вокруг, при этом у них отмечаются негативизм, более высокий уровень агрессивности, меньшая эмоциональность и зависимость от окружающих.

С увеличением длительности службы сотрудники правоохранительных органов становятся более осторожными и предусмотрительными, при этом у них снижаются показатели агрессии, активности и увеличивается показатель демонстративности.

Таким образом, сотрудники правоохранительных органов, демонстрирующие психологическую готовность к действиям в экстремальных условиях, считают, что они отвечают за то, что происходит вокруг, при выполнении служебных задач предпочитают действовать в одиночку и отвечать за это, окружающие на них практически не воздействуют, но если что-то мешает выполнению поставленных задач, они склонны проявлять агрессивность.

Выявленные особенности рекомендуем учитывать при профессиональном психологическом отборе сотрудников правоохранительных органов, а также в процессе психологического сопровождения сотрудников правоохранительных органов различных служб.

Список литературы

1. *Барина М. Г., Зуева Е. Г.* Психофизиологическая готовность сотрудников правоохранительных органов к деятельности в экстремальных ситуациях: монография. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России, 2019. – 164 с.
2. *Котовская С. В.* Психофизиологические факторы профессиональной жизнеспособности специалистов экстремального профиля с позиции эмергентно-синергетического подхода // Психология. Психофизиология. – 2020. – № 1. – С. 79–87.
3. *Петровский А. В., Ярошевский М. Г. [ред.]*. Психология. Словарь. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Политиздат, 1990. – 494 с.
4. *Бордачев А. Ю.* Совершенствование психологической готовности сотрудника полиции к экстремальным ситуациям // E-Scio. – 2021. – № 5 (56). – С. 539–544.
5. *Galli N., Vealey R. S.* Bouncing Back from Adversity: Athletes' Experiences of Resilience // Sport Psychol. – 2008. – № 22. – P. 316–335. DOI:10.1123/TSP.22.3.316.
6. *Leach J.* Psychological factors in exceptional, extreme and torturous environments // Extrem. Physiol. Med. – 2016. – № 5, 7. DOI:10.1186/s13728-016-0048-y.
7. *Smith N.; Barrett E. C.* Psychology, extreme environments, and counter-terrorism operations. // Behav. Sci. Terror. Politi. Aggress. – 2018. – № 11. – P. 48–72. DOI:10.1080/19434472.2018.1551916
8. *Королев Л. М.* Психологические основы боеготовности личного состава авиации ВС // Ежегодник Российского психологического общества : материалы 3-го Всероссийского съезда психологов, 25–28 июня 2003 г.: В 8 т. Т. 4. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003. – С. 394-401.
9. *Кобленков А. Ю.* Детерминанты неудовлетворительного уровня психологической готовности сотрудников полиции к применению огнестрельного оружия // Концепт. – 2017. – № 11. – С. 45–50.
10. *Коноплева И. Н., Богданович Н. В.* Детерминанты психологической готовности к применению оружия сотрудниками правоохранительных органов // Психологическая наука и образование. – 2010. – № 2 – С. 37–47.
11. *Harrison D., Sarkar M., Seward C., Sunderland C.* Exploration of Psychological Resilience during a 25-Day Endurance Challenge in an Extreme Environment // Int. J. Environ. Res. Public Health. – 2021. – № 18. – 12707 DOI:10.3390/ijerph182312707.

References

1. *Barinova M. G., Zuyeva Ye. G.* Psikhofiziologicheskaya gotovnost' sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov k deyatelnosti v ekstremal'nykh situatsiyakh: monografiya. – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, 2019. – 164 s.
2. *Kotovskaya S. V.* Psikhofiziologicheskiye faktory professional'noy zhiznesposobnosti spetsialistov ekstremalnogo profilya s pozitsii emergentno-sinergeticheskogo podkhoda // Psikhologiya. Psikhofiziologiya. – 2020. – № 1. – S. 79–87.
3. *Petrovskiy A. V., Yaroshevskiy M. G. [red.]*. Psikhologiya. Slovar'. – 2-ye izd., ispr. i dop. – Moskva: Politizdat, 1990. – 494 s.
4. *Bordachev A. Yu.* Sovershenstvovaniye psikhologicheskoy gotovnosti sotrudnika politsii k ekstremal'nym situatsiyam // E-Scio. – 2021. – № 5 (56). – S. 539–544.
5. *Galli N., Vealey R. S.* Bouncing Back from Adversity: Athletes' Experiences of Resilience // Sport Psychol. – 2008. – № 22. – P. 316–335. DOI:10.1123/TSP.22.3.316.
6. *Leach J.* Psychological factors in exceptional, extreme and torturous environments // Extrem. Physiol. Med. – 2016. – № 5, 7. DOI:10.1186/s13728-016-0048-y
7. *Smith N., Barrett E. C.* Psychology, extreme environments, and counter-terrorism operations. // Behav. Sci. Terror. Politi. Aggress. – 2018. – № 11. – R. 48–72. DOI:10.1080/19434472.2018.1551916
8. *Korolev L. M.* Psikhologicheskiye osnovy boyegotovnosti lichnogo sostava aviatsii VS // Yezhegodnik Rossiyskogo psikhologicheskogo obshchestva : materialy 3-go Vserossiyskogo s'yezda psikhologov, 25–28 iyunya 2003 g.: V 8 t. T. 4. – Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2003. – S. 394-401.
9. *Koblenkov A. Yu.* Determinanty neudovletvoritel'nogo urovnya psikhologicheskoy gotovnosti sotrudnikov politsii k primeneniyu ognestrel'nogo oruzhiya // Kontsept. – 2017. – № 11. – S. 45–50.

10. *Konopleva I. N., Bogdanovich N. V.* Determinanty psikhologicheskoy gotovnosti k primeneniyu oruzhiya sotrudnikami pravookhranitel'nykh organov // *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye*. – 2010. – № 2 – S. 37–47.

11. *Harrison D., Sarkar M., Seward C., Sunderland C.* Exploration of Psychological Resilience during a 25-Day Endurance Challenge in an Extreme Environment // *Int. J. Environ. Res. Public Health*. – 2021. – № 18. – 12707 DOI:10.3390/ijerph182312707.

Статья поступила в редакцию 24.02.2022; одобрена после рецензирования 16.03.2022; принята к публикации 19.04.2022.

The article was submitted Februar 24, 2022; approved after reviewing March 16, 2022; accepted for publication April 19, 2022.

Личный вклад авторов в публикацию статьи:

Зуева Е. Г. разработала концепцию, гипотезы исследования, осуществляла сбор данных и интерпретировала результаты.

Барина М. Г. участвовала в организации эмпирического исследования, осуществляла статистическую обработку полученных данных, описала результаты исследования.

Personal contribution of the authors to the publication of the article:

Zueva E. G. developed the concept, research hypotheses, collected data and interpreted the results.

Barinova M. G. participated in the organization of the empirical study, carried out statistical processing of the data obtained, described the results of the study.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.